

Зима-2010 в Сибирском федеральном округе оказалась богатой не только морозами, но и архитектурными встречами и просмотрами. ЗОЛОТАЯ КАПИТЕЛЬ (стр. 4) в Новосибирске сменялась очередным НОН-СТОПом в Красноярске, затем эстафету принял Байкальский зимний университет – международная тусовка необстрелянной молодежи и просвещенных экспертов.

Сквозная тема этого номера – ДЕРЕВО. Образ Мирового древа, соединяющего миры в единое целое, – один из древнейших в человеческой культуре. Мировое дерево соединяет Навь, мир темный, ночной, подземный, Явь – привычную нам сегодняшнюю реальность – и Правь, мир вышний, идеальный, светлый. Дерево, древесина всегда были не просто строительным и подпочным материалом, а и основой образа жизни наших предков и соседних народов.

Очередной поворот политической конъюнктуры внушает очередные надежды. У иркутской деревянной застройки похоже появился шанс на будущее. Чтобы использовать дерево как основу иркутской идентичности были и есть все предпосылки – уникальные массивы деревянной застройки, большие деньги, крутящиеся в строительной отрасли города. Много лет отношения между ними были напряженно-враждебными. Чтобы начать им сотрудничать не хватало «малости» – политической воли. И вот, лед тронулся (стр. 39).

В Сибири два основных центра исторической деревянной массовой застройки – Иркутск и Томск. В Томске властное движение «сверху», навстречу инициативе обществу (почему это власть у нас по определению располагается именно сверху?) началось несколько раньше, и результаты уже налицо (стр. 59).

Опыт реконструкции исторических кварталов в других географических точках страны и мира может быть полезен и практикующим архитекторам, и тем, кто занимается теорией, преподает и учится жить в согласии с историей (стр. 77).

ЗИМНИК* – светлая и прекрасная в своей чистоте дорога к будущему – уже в одиннадцатый раз собрал студентов и архмолодежь из разных стран в Иркутске. Цели, поставленные организаторами, может быть, и не вполне достигнуты, важен сам путь, потому и ЗИМНИК. Работы интернациональных команд и рефлексия экспертов в поисках истины (стр. 112).

Выходит завершающая статья цикла «Философия стоицизма в дизайне жилого интерьера». ИНТЕРЬЕР СТОИКА (стр. 132) – цикл, посвященный выражению в дизайне философии порядка и совести, закона и справедливости. Может быть, это и есть тот стержень, который соединит нас с нашим прошлым и будущим.

Елена Григорьева

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

23

дерево-2 / wood-2

Winter 2010 in the Siberian Federal District proved to be rich not only in frosts, but also in architectural meetings and reviews. GOLDEN CAPITAL / p 4/ in Novosibirsk was followed by the next NON-STOP in Krasnoyarsk, then it was the turn of Baikal Winter University, an international get-together of green and young people and learned experts.

The cross-cutting topic of this issue is WOOD. The image of the World Tree integrating different worlds is one of the oldest in the human culture. The World Tree unites Nav' (the dark, night, underground world), and Jav' (our habitual current reality), and Prav' (the upper, ideal, bright world). The tree and wood have always been not only building and fabricating material, but also the basis for living of our predecessors and neighboring nations.

The new turn in politics gives new hopes. It seems that Irkutsk wooden housing has got a chance for the future. In order to use wood as the basis for Irkutsk identity, all the necessary prerequisites have always been available: unique blocks of wooden houses, professional restorers, big money circulating in the construction industry of the city. For many years the relations between them have been tense and hostile. To initiate their cooperation only a little thing was needed – it was political will. And now "the ice has started breaking up". /p 39/

There are two main centers of historical large-scale development: Irkutsk and Tomsk. In Tomsk an authoritative movement from "above" toward public initiative (why do the authorities by definition occupy the above place?) started a little earlier, and the results are already evident. /p 59/

Experience of reconstruction of historical areas in other geographical places of the country and the world may be useful for practicing architects, as well as for theoreticians, who teach and who learn how to live in harmony with history. /p 77/

WINTER UNIVERSITY, or ZIMNIK (winter road), a bright and wonderfully clean way to the future, has gathered in Irkutsk students and architectural youth from different countries for the eleventh time. Even if the goals set by the organizers have not been completely reached, it is the way that is important, that is why it is called ZIMNIK. International teams presented their works and experts reflected in search of truth. /p 112/

The final article of the series "Stoic Philosophy in the Living Interior Design" is coming out. STOIC INTERIOR / p 132/ is a series concerned with philosophy of order and conscience, law and fairness expressed in design. Maybe it is the necessary core to connect us with our past and future.

Elena Grigorieva

Золотая медаль
«Интерарх-2009»
в номинации
«Периодические издания».

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

23 дерево-2 / wood-2

события	Марина Ткачева	«Золотая капитель»: никаких проблем, кроме финансовых.....	4
	Марина Ткачева	«Ордер воплощения – 2010»	6
	Марина Ткачева	Национальное объединение СРО проектировщиков: попытка самоопределения.....	7
		Резолюция Национального объединения проектировщиков, принятая на расширенном заседании Совета по проекту федерального закона «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации»	9
	Александр Раппапорт	Архитектура и общество	10
трибуна		Тезисы выступления директора Института США и Канады Российской академии наук, члена-корреспондента РАН С.М. Рогова	17
		1 день из жизни города.....	19
		БухАрт – В ОТРЫВ	23
	Владилен Красильников	Суровые будни российского зодчества	29
Дерево-2/wood-2	Михаил Мильчик	Деревянное зодчество России на грани исчезновения.....	32
	Константин Лидин	Жуки, ракушки и культурное наследие	35
		дайджест-дерево.....	38
Иркутск	Елена Григорьева	Регенерация исторического квартала в границах улиц 3-го Июля, Седова, Кожова в Иркутске. Проект планировки.....	41
	Сергей Муллаяров		
Томск	Наталья Торшина	130-й квартал: история застройки.....	52
	Наталья Лисовская	Архитектурные методы моделирования пространственной структуры зон деревянного зодчества Томска	60
	Наталья Лисовская	Новые принципы управления в деле сохранения объектов деревянного зодчества Томска	66
В других городах	Наталья Лисовская	Придание историческому центру Томска рекреационных функций.....	72
	Михаил Мильчик	О концепции создания этнопарка под Петербургом (территория усадьбы «Богословка», Невский лесопарк)	78
	Александр Клевакин	Обновление города	83
	Сергей Малахов	«Острова идентичности» в исторической застройке центральной части города Самары	87
В других странах	Евгения Репина		
	Светлана Растебина		
	Артем Лисицин		
	Атанас Ковачев	Сохранение и реабилитация исторической городской среды: болгарская практика в развитии деревянной архитектуры	90

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала главному редактору журнала проекту россия Алексею Муратову и издателю Барту Голдхоорну, издательству А-Фонд

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.10.2007.

руководитель проекта Елена Григорьева
выпускающий редактор, корректор Инесса Бражникова
литературный редактор и редактор раздела «События» Марина Ткачева

редактор раздела «Дайджест» Лариса Крылова

арт-директор Жанна Измайлова
печать «Репроцентр А1», Тираж 3000 экз. Подписано в печать 30.03.10

периодичность 4 раза в год

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения

редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов

адрес редакции г. Иркутск, пер. Черемховский, 1а тел.: 3 952 33-28-39 3952 33-28-40 e-mail: sar@irk.ru

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

23

дерево-2 / wood-2

	Барбара Энгель	Городское развитие в историческом контексте района Нойштадт в Дрездене.....	92
	Кристоф Бель	Сохранение или «переориентация» исторического наследия в Париже.....	94
	Патрис де Рендинжер	Новые старые города.....	96
	Риичи Мияке	Перемещение и редизайн деревянных домов как локального ресурса.....	98
	Жаэ Ук Шонг	Проект восстановления Бакчона – традиционной корейской деревни.....	100
		Интервью с Жаэ Ук Шонгом.....	101
	Андрей Иванов	Деревянные ландшафты Швейцарии.....	102
	Екатерина Антипина	Деревянная гостиница на острове Пасхи.....	108
Зимник-XI	Анастасия Нестерова	Зимник-XI.....	112
	Марк Меерович	О целях и задачах XI сессии.....	114
	Сергей Сена	Уроки Иркутска.....	114
		Команды.....	116
	Марк Меерович	Итоги XI сессии.....	126
	Анастасия Потапова		
	Евгения Репина	Впечатления от XI сессии Международного Байкальского зимнего градостроительного университета.....	128
квартирный вопрос	Константин Лидин	дайджест-дерево.....	131
	Марк Меерович	Султан и рыцарь в бане.....	132
новостройки	Ирина Гришкевич	Иркутск – город многоконфессиональный.....	136
	Ирина Гришкевич	Армянская церковь Святого Креста.....	138
		Православный храм Святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.....	139
	Людмила Козлова	Пространство в диалоге цвета и света: здание библиотеки в Коттбусе.....	140
		Многофункциональный торгово-выставочный центр BMW в Мюнхене, Германия / BMW delivery center.....	143
	Артем Ольшевич	Музей Порше в Штутгарте.....	149
градостроительство	Светлана Середёнкина	Исторические корни современных проблем российского градостроительства.....	153
	Марк Меерович	Преодолеть себя: проблемы государственной организации градостроительной деятельности на современном этапе развития России.....	155
	Марк Меерович	Проверка зрения на фоне Байкала.....	158
выставка регион	Александр Левинтов	Конец БЦБК?.....	160
	Анна Григорьева	Summary.....	165
		authors.....	168

«Золотая капитель»: никаких проблем, кроме финансовых

Реконструкция здания под размещение филиалов ОАО «Банк ВТБ» и ЗАО «ВТБ 24». Авторы В.Ю. Горбенко, А.Г. Нечаев. Проектная организация ЗАО «ПИИ ГорПроект». Заказчик ЗАО «ВТБ 24».

Первая очередь строительства жилого комплекса «Озерный» (п. Южный, Иркутск). Авторы В.Б. Стегайло, И.В. Козак, Т.Б. Фетисова, О.Г. Филиппова, В.В. Войтович. Проектная организация ООО «Архитектурное бюро «Перспектива».

В конце января 2010 года в Новосибирске прошел XIV открытый фестиваль-конкурс «Золотая капитель». Тема фестиваля – «Структуры». С 1996 года ЗК эволюционировала: из регионального смотра-конкурса она выросла в фактически всероссийский фестиваль. ЗК проводится дважды в год: зимняя – с ориентацией по преимуществу на архитектурные проекты; летняя – на дизайнерские разработки и малую архитектуру. В 2010 году на смотр-конкурс было представлено 125 работ. Основные мероприятия проходили в Новосибирской архитектурно-художественной академии. Масштаб экспозиций фестиваля увеличился: они полностью заняли два этажа академии. Из-за этого пришлось несколько сдвинуть сроки фестиваля и приурочить сроки его проведения ко времени студенческих каникул. Задача ЗК, учитывая, что конкурс «перетек» в фестивальный формат, заключалась в том, чтобы насытить время его проведения значимыми событиями: мастер-классы, киносеансы и т.п.

Фестивальный формат ЗК предполагает расширение его рамок: он должен показать перспективу, некие реперные точки будущего развития архитектуры, способ проектировать из «сегодня» в «завтра». Решению этой задачи и способствует осуществление кураторских проектов и выставок. Мероприятия фестиваля, кроме смотра, включали в себя несколько направлений: «бумажный» конкурс в формате «Архитектура никогда: город как песня» (новосибирская экспозиция); Евразия-сити (проект парковой зоны и малого города, рассчитанного на 20 тысяч жителей).

В спецпроекте «Модернизация панельных зданий. Опыт Германии» его авторами предложены меры по внесению изменений в структуры панельных зданий, суть которых и состоит в том, что внесение любых изменений в них не представляется возможным.

Совместный проект студентов УралГАХА и НГАХА в сконструированном ими большом макете обновленного города продемонстрировал отношение молодых архитекторов к Новосибирску. Во время фестиваля представлены результаты студенческого ворк-шопа «Влюбленный Новосибирск» на примере переосмысления одной из новосибирских улиц (был сделан большой макет ее нового облика). Гость фестиваля Алексей Козырь провел мастер-

класс; интерес вызвали креативные завтраки (круглые столы).

Но все же – «первым среди равных» – главным событием фестиваля явился смотр-конкурс. Смотр-конкурс – это, по большому счету, мониторинг существующей ситуации, своеобразный обзор-ревизия того, что уже делается в современной российской архитектуре. Около пяти лет назад появилась новая номинация – «Концепции», которая дополнила традиционное разделение на проекты и постройки. И именно многофункциональный проект «Термитник» (здания общественного назначения), представленный московским архитектором Я.Ю. Усовым в этой номинации, получил «Гран-при». Такой характер присуждения Гран-при, возможно, связан с определенными трудностями, неблагоприятными условиями, в которых работают архитекторы. Номинация «Концепции» дает возможность определенной свободы, независимости от заказчика, возможность высказаться архитектору. Вероятно, как сказал Председатель оргкомитета фестиваля, главный редактор журнала «Проект Сибирь» А. Ложкин, на следующей ЗК правило присуждения Гран-при будет изменено: он будет присуждаться только постройкам. Но это пока еще только предположение.

Судейство проходило в два этапа. На первом этапе жюри состояло из дипломантов ЗК прошлых лет (если они не участвуют в конкурсе

нынешнего года). Они формировали шорт-лист по группам номинаций; вошедшие в него автоматически становились дипломантами конкурса. На втором этапе жюри состояло из лауреатов ЗК прошлых лет; они называли лидеров каждого из разделов. Лауреатами стали проекты, набравшие более семи баллов. «Гран-при» присуждается по совокупности баллов, полученных в первом и втором туре из группы построек, проектов и концепций. Оргкомитет стремился к гласности работы жюри: на сайте ЗК выкладывались все результаты голосования. Жюри работало в дистантном режиме, хотя, возможно, это и не самый оптимальный вариант. Куратор фестиваля персональным решением вправе номинировать на дипломы тех участников, которые не вошли в шорт-лист (но не более 12).

По словам А. Ложкина, если сравнивать нынешний конкурс с предыдущими, то следует отметить из года в год набирающее силу направление «Архмолодежь». К сожалению, по другим номинациям прогресс менее очевиден. А. Ложкин выразил надежду, что в будущем году для участия в фестивале будут представлены интересные постройки, которые не были закончены или не были подготовлены к презентации в текущем году (по крайней мере, если вести речь о новосибирских участниках). К достижениям следует отнести и расширение географии, и увеличение количества участников: стали участниками конкурса нижегородцы, конкурсом заинтересовались архитекторы Казахстана и Украины; работа волгоградских архитекторов А.В. Чуйкова, Р.И. Усмановой, А.Е. Ханова стала лауреатом ЗК.

В фестивале мало участников из Красноярска (возможно, это связано с проведением практически

в эти же сроки «Ордера воплощения»), с Алтая, и даже Новосибирск представлен недостаточно полно: Омск уже «наступает на пятки». По количеству участников лидерами являются новосибирцы, омичи и иркутяне. И, конечно, награды стимулируют участие в следующих фестивалях.

Конкурс проводится без какой-либо государственной поддержки, в условиях дефицита ресурсов. Поэтому главное – сохранить те элементы, которые уже наработаны. Но даже если финансирование сократится, то смотр-конкурс будет проходить обязательно. Очень перспективным представляется формат ворк-шопов, практику проведения которых организаторы предполагают продолжить. Кроме того, большой общественный интерес и резонанс вызвала привезенная из Германии выставка «Модернизация панельных зданий. Опыт Германии»: оказалось, что реструктуризация и осовременивание районов массовой застройки актуальны и для российских городов; она требует внимания и конструктивных решений. А. Ложкин обратил внимание на то, что в разных городах, где ему доводилось бывать, существует проблема связи качественной архитектуры и – одновременно – деградации городской среды. К сожалению, повышение профессионализма архитектуры не означает повышения качества городской застройки. Ему представляется также, что становится достаточно явным отставание отечественной архитектуры от уровня международных проектов: российские архитекторы уделяют очень мало внимания вопросам экологии, ландшафтному дизайну. Но это преодолимо.

Иркутск из года в год представляет интересные работы, а иркутс-

кая школа является весьма профессиональной. Это неоспоримый факт. Как уже упоминалось, корпус проектов иркутских архитекторов был одним из самых многочисленных. Дипломы ЗК получили Е.А. Третьяков, И.Е. Сивушкова, Н.А. Григорьев, А.В. Петухов за деловой центр «Олимп» (ул. Киевская, Иркутск); В.Ю. Горбенко, А.Г. Нечаев за реконструкцию здания под размещение филиалов ОАО «Банк ВТБ» и ЗАО «ВТБ 24»; И.В. Козак, С.В. Сере-дёнкина, Е.С. Повонский за жилой комплекс «Палаццо» (ул. К. Цеткин, Иркутск); В.Б. Стегайло, И.В. Козак, Т.Б. Фетисова, О.Г. Филиппова, В.В. Войтович за первую очередь строительства жилого комплекса «Озёрный» (п. Южный в Иркутске).

По словам председателя Иркутской региональной организации Союза архитекторов России И. Козака, не все нововведения в формат ЗК жизнеспособны и оправданы: в нынешнем смотре-конкурсе ЗК оказалась размыта фундаментальная для архитектурных конкурсов дифференциация на проекты и постройки. Работа интернет-жюри также может быть усовершенствована: как показывает опыт наблюдений в течение нескольких лет, интернет-голосование зачастую не дает объективной картины оценок; оно обязательно (а не факультативно) должно дополняться живым обсуждением претендентов на награды. Ведь если даже члены жюри субъективно честны, то все же остается весьма реальной возможностью продвигать «свои» проекты. В целом же результаты участия иркутских архитекторов можно назвать достаточно эффективным, а фестиваль весьма интересным.

Марина Ткачева

Жилой комплекс «Палаццо» (ул. К.Цеткин, Иркутск). Авторы И.В. Козак, С.В. Середенкина, Е.С. Повонский. Проектная организация ООО «Архитектурное бюро «Перспектива». Заказчик ООО «Автострой Сибирь».

Деловой центр «Олимп» (ул. Киевская, Иркутск). Авторы Е.А. Третьяков, И.Е. Сивушкова, Н.А. Григорьев, А.В. Петухов. Проектная организация ООО «Архитектурное бюро «Арт-Консалт».

«Ордер воплощения – 2010»

В рамках XVIII выставки «Строительство и архитектура» 19–22 января 2010 года в Красноярске прошел V ежегодный конкурс архитектурных проектов «Ордер воплощения». Были представлены и свежие архитектурные идеи, и уже реализованные проекты. Традиционно большая часть экспозиции отдается студенческим проектам: из 88 работ, представленных на конкурс, 74 – студенческих. Их отличает свежесть решений и довольно высокий уровень проработки. Для самих студентов участие в «Ордере» – возможность увидеть себя, свои работы в ряду работ сокурсников и специалистов. Жюри конкурса возглавлял председатель Союза архитекторов Красноярского края Борис Шаталов.

Отчетливо видна эволюция смотра. Конкурс из краевого мало-помалу превращается в региональный: в нынешнем году в нем впервые принимали участие архитекторы из Томска, сразу получив одну из наград. Кстати, они активно про-являют себя и на других смотрах: на «Золотой капители – 2010» в Новосибирске проект томских архитекторов О. Лещинера и Е. Курочкина удостоился премии «Золотая капитель». Симптомом эффективного развития является оживленное обсуждение методов обновления «Ордера воплощения» на одном из форумов Красноярской региональной организации САР. Свидетельством того, что конкурс перерос формат краевого, является и предложение о возможности организации совместного проекта иркутских и красноярских архитекторов, которое было поддержано участниками форума.

Интересным событием, вызвавшим оживленное обсуждение, стал третий архитектурный NON STOP – презентация проектов, на которой любой желающий мог принять участие в обсуждении представленных работ. На ветке форума КРОСАР эта акция была очень точно названа «кухня». Действительно, ничто не может с такой наглядностью продемонстрировать процесс рождения и реализации творческого замысла, как интерактивное обсуждение. Беспрецедентной была не только популярность акции, но и количество участников: на обсуждение представлены 20 проектов и объектов разной степени готовности. Среди представленных материалов можно особо выделить видеофильм о музее сотворения мира в Красноярске (мастерская «А2»), удостоенный

диплома на Международном фестивале «Зодчество-2009». Стоит отметить, что большинство проектов – это объекты общественного назначения, культуры и науки: «Центр театральных искусств» в Красноярске (Т. Бандура, Е. Зыков, А. Шишкин, мастерская «Тектоника»); гостиница в исторической части города (С. Бальцер, компания «Махаон»); проект института нефти и газа СФУ (Н. Петрова, институт «Горпроект»); грузовой терминал аэропорта (Е. Кашарин); реализующийся проект пешеходного перехода (Л. Макарова, компания «Капитель»). О. Смирнова (компания «Сады Семирамиды») посвятила свой проект и его презентацию ландшафтной архитектуре, а А. Мякота (компания «АДМ») показал проект для природного парка «Ергаки». Приемы архитектурной аттракции в историческом контексте продемонстрировал А. Пилипенко (проектная группа «Первая линия»); мастерская «А2» «обкатала» проекты, разработанные для международных конкурсов. Присущая членам архитектурного сообщества социальная активность, стремление увидеть город как целостное образование – фундамент, на котором основываются наиболее интересные предложения.

Активную гражданскую позицию участников смотра показали проведенные СА круглые столы «Освещение проблем архитектуры и градостроительства Красноярска в прессе» и «Создание системы паркингов как элемента решения транспортной проблемы города». Транспортная проблема была названа как одна из наиболее острых и насущных для города в высказываниях участников NON STOPa. Архитекторы подчеркивали, что отсутствие системного подхода к проблемам города, внятной градостроительной стратегии, долгосрочной стратегии в строительной отрасли (приводящее к хаотической застройке, особенно на окраинах города) – главные «горячие точки» Красноярска. Б. Шаталов подчеркнул, что проблемы города – не столько градостроительного, сколько гуманитарного характера, поэтому архитектор должен видеть контекст. О необходимости «войти в резонанс с обществом и властями, найти способы для объединения усилий и решения системных проблем» говорил Е. Зыков. Н. Петрова, А. Пилипенко, О. Смирнова, А. Кулаковский призвали «бороться

и не сдаваться», «создавать проводящий интеллектуальный и культурный слой между обществом, профессионалами и властью», «творить», «делать качественную архитектуру». Все участники подчеркивали, что в крае формируется активное, готовое к конструктивному диалогу сообщество профессионалов, «заточенное» на решение конкретных городских проблем.

При подготовке публикации использованы материалы сайтов Красноярского регионального отделения Союза архитекторов России, интернет-портала gazetastroy.ru
Марина Ткачева

Национальное объединение СРО проектировщиков: попытка самоопределения

III Всероссийский съезд Национального объединения СРО проектировщиков прошел в Москве 28–29 января 2009 года под эгидой Общероссийской негосударственной некоммерческой организации «Национальное объединение саморегулируемых организаций, основанных на членстве лиц, осуществляющих подготовку проектной документации» (НОП).

Целью создания НОП, внесенного Минюстом России в единый государственный реестр юридических лиц 21 августа 2009 года, было соблюдение общественных интересов по обеспечению эффективности и безопасности проектов, защита прав и обеспечение взаимодействия саморегулируемых организаций. К моменту открытия съезда в сфере архитектурно-строительного проектирования было зарегистрировано 120 СРО. 96 из них, объединяющих более 10 тысяч институтов, проектирующих жилье, гражданские и промышленные сооружения, объекты атомной энергетики, космической отрасли и специального назначения, прислали своих представителей на съезд. За истекший год число зарегистрированных членов СРО возросло с 11 до 80.

В повестку дня съезда были включены вопросы, связанные с направлениями деятельности аппарата НОП на 2010 год: работой над законодательной базой НОП, техническими регламентами, страхованием и проблемами финансовых рисков, созданием и поддержкой единой информационной платформы, организацией процесса качественного повышения квалификации членов СРО, поддержкой малого и среднего бизнеса.

Были определены приоритеты деятельности НОП: методическая помощь включенным в него организациям по различным аспектам саморегулирования, представление и защита интересов членов сообщества на федеральном уровне. Разработка и внесение в Правительство РФ проекта Регламента взаимодействия государственных органов и НОП, а также обеспечение участия членов Совета НОП и представителей организаций-членов НОП в работе комиссий и рабочих групп, создаваемых высшими исполнительными органами государственной власти для подготовки документов и решений, регулирующих проектную деятельность в строительном комплексе, названы

первоочередными задачами работы НОП на 2010 год.

В повестку дня съезда было включено вручение свидетельств о членстве и удостоверений региональных представителей. Для оптимизации работы комитетов были утверждены также новая редакция Положений НОП о комитетах и региональном представительстве.

Обязательными требованиями законодательства о саморегулировании являются страхование проектной деятельности и минимизация финансовых рисков. Обсуждению этих вопросов была посвящена работа Коллегии директоров СРО, в которой принимали участие делегаты съезда, специалисты аппарата СРО и проектных структур, Всероссийского союза страховщиков.

Президент Национального объединения проектировщиков Алексей Воронцов в своем выступлении выразил особую озабоченность отсутствием четко регламентированных, а самое главное, обязательных к применению норм, обеспечивающих эффективность и безопасность проектов. А успешность работы над документами, регламентирующими деятельность проектировщиков и их саморегулируемых организаций, зависит от тесного и максимально равноправного рабочего диалога властных структур и профессионального сообщества.

Весьма актуальной является также проблема аттестации и повышения квалификации проектировщиков: в российских вузах могут предложить только стандартные учебные планы, способные обеспечить учащихся лишь гарантированным базовым высшим образованием. Уже существуют и требуют усовершенствования другие способы повышения квалификации: по запросам своих членов СРО организационные комиссии могут комплектовать пакеты программ, направленных на удовлетворение конкретных производственных потребностей организаций в удобные для них периоды времени. Миссия НОП – выступать центром аккредитации таких программ, координатором по их обработке и организатором обмена программами между СРО. Учебные центры этого формата уже имеются в четырех региональных СРО.

Для нормальной деятельности работников организаций в 2010 году планируется провести первичную квалификационную аттестацию работни-

ков организаций, входящих в состав НОП. На основании предоставленных ими данных организациям были выданы допуски на осуществление работ; таким образом, была подтверждена квалификация специалистов. Повышение квалификации и аттестация должны производиться в более или менее одинаковых условиях и на любой территории; программы повышения квалификации и аттестации должны быть унифицированными.

Представители СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров» и СРО НП «Байкальское региональное объединение проектировщиков» также приняли участие в работе III Всероссийского съезда Национального объединения СРО проектировщиков. По словам председателя Иркутской региональной организации Союза архитекторов России Игоря Владимировича Козака, главная задача съезда была решена – утвердить основные направления деятельности аппарата НОП на текущий год и его бюджет. Правда, у многих делегатов сложилось не самое благоприятное впечатление от неприкрытого лоббирования высокого уровня зарплат для работников аппарата НОП. Представляется, что гораздо большую пользу могла бы принести проработка методических рекомендаций и направлений деятельности. Вполне обоснованно в резолюцию съезда был внесен пункт о моратории на изменения правил, что является положительным моментом: сфера саморегулирования нуждается в создании и укреплении действенного рабочего механизма, поэтому вмешиваться в этот процесс не следует, по крайней мере, в течение трех лет.

Президент СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров» Владимир Борисович Стегайло отметил, что между намерениями НОПа и решениями Правительства РФ существуют противоречия. Пока провинциалы находятся на своей территории, эти противоречия не слишком ощутимы; на съезде же они стали очевидны.

Раньше проектировщики действовали в рамках государственного управления проектированием. Другой вопрос – хорошее оно было или плохим. Архитекторов и проектировщиков много не устраивало, но существовала единая проектная политика, и правила игры были

для всех одни и те же. Сейчас эта система разрушена. На ее месте создается новая, дееспособность которой еще под большим вопросом. С одной стороны, свобода получена, но с другой – нет главного: единых правил игры. Таким образом, чиновники вновь получили возможность с помощью уже известных им средств осуществлять мероприятия, которые будут всячески сдерживать развитие проектирования. Конечно, если НОП примет на себя функции руководства проектированием, в частности, и строительным направлением в целом, внутри этого объединения профессионалы сумеют договориться. Однако пока эта перспектива неясна, и отдельные кулуарные реплики, которые доводилось слышать, не совсем убеждают, что это получится. Хотя все к этому стремятся.

На второй день работы съезда стало окончательно понятно, что единое мнение еще не выработано, хотя представители комитетов, выступавшие во второй день, пообещали, что в течение полугода они разработают документы, облегчающие работу проектировщиков. Но в ближайшие полгода предстоит действовать «по старинке», опираясь на градостроительный кодекс.

Если сотрудники аппарата НОП обеспечат четкое и понятное для всех функционирование проектировщиков, оградят от государственного беспредела, если поле их деятельности будет освобождено от рутины, вопрос о высокой зарплате этих сотрудников никого не будет тревожить.

Что касается противоречий внутри самого НОП, то можно сказать следующее. Интересное и понятное архитектурно-строительное направление занимает в работе объединения около 40%, остальное принадлежит военному и промышленному проектированию, гигантам с огромным бюджетом, которые спокойно голосовали за высокие зарплаты для сотрудников НОП. Их не волнует судьба микробизнеса, ибо интересы полугосударственных структур и мелкого бизнеса не совсем совпадают. Следует, очевидно, прогнозировать грядущее ущемление архитектурного блока, особенно в регионах. Тенденция такая была всегда. Но, пока проблема не является остро разрушительной, справиться с ней можно именно с помощью объединения.

По мнению В. Б. Стегайло, существует и еще одна, на его взгляд, страшная и опасная тенденция: создание единой организации, которая объединит и проектировщиков, и изыскателей, и строителей. В случае

объединения угроза доминирования строителей над архитекторами и изыскателями станет реальной. Фактически это Госстрой, только финансируется он не государством, а самими участниками процесса. Но власти удобно: государство снимает с себя вопрос финансирования, но оставляет за собой функцию контроля. СРО образуются, оформятся, но их будут постоянно контролировать. Должны функционировать все три объединения, которые уже существуют, параллельно развиваются, структурируются по смежным проблемам, но не объединяются.

В общем, нас ожидает год структурированной работы, когда будут определяться основные позиции деятельности НОП и СРО. Предстоит решить много вопросов.

Генеральный директор СРО НП «Байкальское региональное объединение проектировщиков» Иван Сергеевич Готовский говорил о небрежной и неумелой организации съезда: участники постоянно ощущали непунктуальность организаторов, выступления докладчиков были чрезмерно пространны и никем не регламентировались, процедура голосования была затянута. В зале собрались почти 160 человек, все с большим интересом ждали начала работы, хотели получить информацию о состоянии дел в Москве, о 624-м постановлении, СНиПах, техническом регулировании и регламентах, но вместо этого почти четыре часа утверждали смету расходов аппарата НОП. Этот вопрос можно было решить и в рабочем порядке.

Организаторы съезда предприняли попытку провести довыборы в Совет, коллегиальный орган НОП. Но результат голосования отменили, а сами довыборы перенесли на следующее собрание. Во второй день вручили билеты региональных представителей НОП. Член правления СРО НП «Байкальское региональное объединение проектировщиков» Н. И. Грязнова стала региональным представителем НОП по Бурятии.

На коллегии генеральных директоров НОП должны были обсуждаться практические вопросы страхования. Осталось ощущение, что ни проектировщики, ни страховщики не знают, в чем смысл этого процесса: проектировщики продемонстрировали некомпетентность в вопросах страхования, а страховщики – в проектировании. Представления о продукте страхования гражданской ответственности не сложилось. Это тревожный симптом, так как совершенно очевидно, какой ущерб может нанести экологии и здоровью чело-

века деятельность проектировщиков. Прозвучало на съезде опасение, что НОП будет работать подобно министерству; разубедить собравшихся, что это будет не так, организаторы так и не смогли.

Вице-президент Союза архитекторов России Елена Ивановна Григорьева обратила внимание на протокол совещаний у заместителя председателя правительства Д.Н. Козака от 2–3 декабря 2009 года. В нем предлагается установить новые требования для саморегулируемых организаций, в частности поэтапно увеличить минимальный размер взносов в компенсационный фонд со 150 тысяч рублей до 1,5 миллионов рублей для всех членов СРО, которые претендуют на генеральное проектирование.

По мнению Национального объединения, внесение вышеперечисленных изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации заново меняет созданную систему отношений в строительной отрасли и нарушает весь механизм деятельности и функционирования саморегулируемых организаций в области строительства, проектирования и инженерных изысканий. Национальное объединение проектировщиков посчитало недопустимым внесение вышеуказанных изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации. Увеличение взносов в компенсационный фонд фактически направлено против малого и среднего бизнеса, а также микробизнеса, представленного творческими мастерскими и архитектурными бюро. Многие узкоспециализированные фирмы, которые занимаются охраной окружающей среды или противопожарными мероприятиями, непосредственно архитектурные и конструкторские фирмы, в штате которых числится, максимум, пять человек, вряд ли смогут доплачивать такие деньги в связи с тем, что кто-то захотел внести некоторые изменения в законодательство.

Кворум собрался замечательный, но удивляли явные организационные недоработки, хотя проведение съезда или собрания – дело процедурное, и этим наверняка занимались опытные люди.

Съезд продемонстрировал, что мы прошли важный период – организовали и зарегистрировали саморегулируемые организации, теперь надо научиться успешно работать в рамках закона. И это главный результат III Всероссийского съезда НОП.

Марина Ткачева

Резолюция Национального объединения проектировщиков, принятая на расширенном заседании Совета по проекту федерального закона «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации»

В соответствии с протоколами совещаний у заместителя председателя Правительства Козака Д.Н. от 2–3 декабря 2009 г. № ДК–П9–170пр и от 10 декабря 2009 г. № ДК–П9–174пр Национальному объединению проектировщиков поручено представить предложения в проект федерального закона «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации», предусматривающий:

- предоставление возможности до 1 марта 2010 г. для лиц, получивших свидетельства о допуске к работам, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства с учетом оптимизации (сокращения перечня видов работ), выйти из саморегулируемых организаций (далее – СРО) с возвратом ранее уплаченных взносов в компенсационный фонд СРО;
- исключение возможности снизить минимальный размер компенсационного фонда СРО при установлении требований к страхованию ее членами гражданской ответственности, которая может наступить в случае причинения вреда вследствие недостатков работ, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства, имея в виду сохранение права СРО устанавливать указанное требование в качестве дополнительного инструмента обеспечения ответственности;
- установление требования о приведении размеров компенсационных фондов СРО в соответствии с требованиями об их минимальном размере до 1 июля 2010 г. с учетом указанного выше исключения возможности его снижения;
- введение норм, обеспечивающих сохранность и исключительно целевое расходование средств компенсационных фондов СРО;
- создание единого национального объединения саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства (далее – единое национальное объединение СРО) с одновременной отменой обязательного членства саморегулируемых

организаций в национальных объединениях, установленного статьей 55.20 Градостроительного кодекса Российской Федерации;

- введение обязательного членства всех зарегистрированных в установленном порядке саморегулируемых организаций в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства в едином национальном объединении СРО с обязательной уплатой регулярных членских взносов;

- создание компенсационного фонда единого национального объединения СРО, формируемого за счет средств компенсационных фондов ликвидируемых СРО (сведения о которых исключаются из государственного реестра саморегулируемых организаций), с введением субсидиарной ответственности единого национального объединения СРО по обязательствам членов ликвидированных СРО, возникшим вследствие причинения вреда, в случаях, предусмотренных статьей 60 Градостроительного кодекса Российской Федерации;

- наделение единого национального объединения СРО функциями по разработке нормативных технических документов (переводу зарубежных аналогов) в сфере строительства» а также правом инициировать в установленном порядке регистрацию (признание аутентичности) таких документов;

- установление квот в составе выборных органов единого национального объединения СРО:

- для СРО, основанных на членстве лиц, выполняющих инженерные изыскания – 20%;

- для СРО, основанных на членстве лиц, осуществляющих подготовку проектной документации – 30%;

- для СРО, основанных на членстве лиц, осуществляющих строительство – 50%;

- избрание президента и вице-президента (вице-президентов) единого национального объединения СРО после проведения советом единого национального объединения СРО консультаций с федеральным органом исполнительной власти,

осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере строительства, архитектуры, градостроительства (за исключением государственного технического учета и технической инвентаризации объектов);

- поэтапное (ежегодное) увеличение минимального размера взносов «генерального проектировщика», «генерального подрядчика» и «генерального исполнителя работ в области инженерных изысканий» в компенсационный фонд СРО с доведением этой величины к 2013 году:

- для членов СРО, выполняющих функции генерального подрядчика на выполнение инженерных изысканий – до 1,5 млн рублей;

- для членов СРО, выполняющих функции генерального подрядчика на выполнение архитектурно-строительного проектирования – до 1,5 млн рублей;

- для членов СРО» выполняющих функции генерального подрядчика на выполнение строительно-монтажных работ – до 15 млн рублей.

По мнению Национального объединения, внесение вышеперечисленных изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации заново меняет созданную систему отношений в строительной отрасли и нарушает весь механизм деятельности и функционирования саморегулируемых организаций в области строительства, проектирования и инженерных изысканий.

Национальное объединение проектировщиков считает недопустимым внесение вышеуказанных изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации.

Президент Национального объединения проектировщиков
Воронцов А.Р.

В подготовке публикации использованы материалы журнала «Строим вместе» и интернет-портала «Газетастрой.ru»

В конце января в Российской академии архитектуры и строительных наук прошли традиционные Иконниковские чтения. ПБ приводит текст выступления Александра Раппапорта «Архитектура и общество».

Архитектура и общество

Трехэтажная парадигма
Слово «парадигма», модное в современном околонучном дискурсе, означает образец. Это не истина и не описание объекта. Это схема, позволяющая упорядочить вопросы и идеи, возникающие внутри какой-то сферы знания, и позволяющая на первых шагах придать им хотя бы приблизительный порядок, в котором рассуждения не смешивались бы и не сплетались в узлы.

Парадигма такого рода не может быть обоснована или доказана с надлежащей полнотой и убедительностью. Она проверяется практически постфактум и если оказывается полезной, то живет до тех пор, пока не перестает служить своей цели и не сменится иной, еще более полезной.

Никто не знает, сколько продержится та или иная парадигматическая схема. Но без таковой обойтись практически невозможно, и всякий, кто начинает свое рассуждение, вольно или невольно имеет ее в виду. Вопрос лишь в том, насколько ясно она осознается вне своего предметного наполнения именно как схема. В данном случае я попытался высветить это рефлексивное понимание парадигмы, дабы не смешивать ее с иными вопросами, которые могут обсуждаться и без нее.

Вопросы эти объединены общей формулой – «архитектура и общество». В этих трех словах самое сомнительное – союз «и», потому что обычно с его помощью соединяются вещи достаточно независимые. Но в нашем случае этот союз может ввести в заблуждение, ибо трудно себе представить общество без архитектуры и архитектуру без общества. Эти два предмета, существующие раздельно в виде понятий, в самой реальности неразрывно переплетены и взаимообусловлены. Поэтому смысл этой формулы и темы должен пониматься эпистемологически, то есть как проблема знания. Суть вопроса в том, как наши знания об архитектуре, полученные в профессиональном и художественном опыте, могут быть соотношены со знаниями, полученными в научном или философском исследовании.

Опасность смешения онтологии и эпистемологии не иллюзорна. Насколько я понимаю, именно она была и остается кардинальным препятствием на пути построения социологии города или архитектурной утопии. Эти две исторически независимые ветви размышлений на указанную тему нам и хотелось бы критически соотнести и связать.

Исторически первой из них была утопия. И не только архитектурная, но и философская утопия. Второй формой стала попытка придать связи архитектуры и общества научный характер, попытка не более, но, скорее, даже менее успешная, чем то, чего добились утопия, вопреки распространенному в XX веке убеждению, что наука способна решить те проблемы, о которые споткнулась утопия. На деле же утопическое, архитектурное, социальное и человеческое – линии, так стяннутые одним узлом, что расплести их до сих пор науке не под силу. Да и не нужно их расплетать. Важнее с самого начала видеть их неразрывную связь так, чтобы не лишать ни одну их свободы.

В этой парадигме три «этажа». Строительная метафора «этажа» столь же устойчива, сколь и прочие «фундаментальные» философские категории метафизики. На сей раз их «три»: это уже магия чисел, триада и любимая Богом троица. Видимо, без триад не обойтись и сегодня, через две тысячи лет после Витрувия.

По форме эта парадигма не имеет явно выраженного историзма, но содержание этих этажей уже историческое. Да и сама эта парадигма может измениться в ходе истории, и число три в ней может смениться на другое столь же магическое, и порядок этажей в истории может поменяться местами. Но об этом в конце.

Итак, три этажа. Первый, самый фундаментальный, охватывает все то в жизни общества и в истории архитектуры, что существует вне нашей воли. Чего мы все являемся заложниками. Это технологический процесс (порой – прогресс) и его следствия – в данном случае, для нашего времени, это феномен большого города. Большой город был вызван к жизни индустрией массового промышленного производства. А последнее появилось на свет благодаря изобретению паровой машины. Те, кто изобретал эту машину, не думали менять систему расселения на поверхности земного шара. С изобретением электрических машин большой город мог бы раствориться, но сохранился, так как в нем были обнаружены новые центростремительные силы – деньги, власть, информация, культура. Это характерный синергетический эффект, в котором следствия искусственно воссоздают уже не действующую причину концентрации населения. С появлением компьютерных сетей и Интернета и эти силы ослабели, и, кажется, только власть все еще держит большой город своей магической силой,

хотя одновременно и теряет каждый день. Эта сила анонимна, хотя время от времени и облекается в имена временщиков.

Второй слой или этаж – самый мощный и важный для нашей профессиональной мысли – профессиональная рефлексия. Тут уж безгранично действует история и имена. Это мир идей, идеологий, философий, концепций, схем, парадигм, теорий, проектов и утопий. Их сочиняют, воспроизводят, забывают, возвращают, искажают и стараются употребить в деле люди, группы, общества, профессии, круги, школы, институты, партии и конфессии. Здесь суеверия соседствуют с пророчествами, истины с фантазиями, поверхностное с глубоким.

Эти идеи навязываются силой или овладевают исподволь, пропагандируются и запрещаются, но именно они составляют духовную атмосферу урбанистического общества, которой дышат и профессионалы, и власть, и люди далекие от архитектуры и власти. Здесь борьба идей перерастает в борьбу людей, а борьба людей прикрывается борьбой идей.

Третий этаж, организационно-политический, по сравнению с первыми двумя кажется не столь мощным. Но от него зависит очень многое. Это реализация борьбы в социальных структурах – в нормах права, законах, в том числе строительных, в этике и этикете, в политике и демагогии, запретах и их нарушениях. Это слой организационных способов осуществления и профессии, и власти. Здесь архитекторы становятся игроками в социальных играх – служащими или жрецами, подчиненными или наделенными властью, рекрутированными или самопровозглашенными. Здесь профессиональная жизнь подчиняется политике, творчество – бюрократии, поколения – социальным ценностям и свободам, общественному мнению и его подтасовкам.

Здесь вступают в силу условия социального обмена – деньги, стипендии, оклады, гонорары, капиталы, инвестиции, налоги, штрафы. Здесь царят бумаги, рескрипты, приказы, указы, решения. Здесь выдаются звания и степени, должности и номенклатурные посты, награды и ордена, дипломы и сертификаты. Иными словами все то, что касается всех и каждого.

То, что это делается не только на почве чистого разума, а интуиции и озарений, с помощью культурных экспертов или проходимцев, льстецов или взяточников, угроз или заказных убийств – мы

знаем не по книгам. Но сколько бы мы ни делали вид, что это лишь рябь на воде, не считаясь с этим слоем и его возможностями или опасностями мы не можем.

Здесь архитекторы стараются оградить себя от произвола власти и денег, соединяясь в союзы, здесь же они заискивают перед властью и капиталом, обнаруживая солидарность или практику профессионального предательства.

Таковы эти три этажа или уровня действительности, в которых преломляется тематика социальной обусловленности архитектуры и градостроительства.

Попробуем теперь пройти по этажам этого парадигматического сооружения, дабы внимательнее приглядеться, что же на них делается.

Первый этаж. Система расселения и Большой город

Понятие «большой город», разумеется, исторически меняется. В XIX веке это был город, даже не достигший миллиона жителей, а сегодня город с миллионом уже не кажется таким большим. Но в любом случае, в каждый конкретный момент, это некий гигантский монстр, фактически не имеющий границ, беспрепятственно расползающийся по территории и пожирающий толпы, богатства и таланты.

Он действует как магнит на честолюбивых молодых людей, поглощает обезземелившихся крестьян или мастеровых, потерявших работу в провинции, диктует моду и свой образ жизни, изобретает, производит и блистает мишурным блеском.

Достоинства гигантских городов известны, хотя и сомнительны для беспристрастного анализа, но со времени появления спутникового телевидения и интернета они начали тускнеть на глазах. Практически жители больших городов вопреки своему статусу все в большей мере ведут сельский или даже монастырский образ жизни, не выходя на улицу. Мало кто из горожан видит свой город, так как на работу ездят в метро или в темноте в переполненном вагоне и крайне редко отходят от привычного маятникового маршрута.

Живя по соседству с богатейшими библиотеками, читают книги, скаченные в Интернете, все чаще вместо шопинга заказывают вещи по электронной почте и пр.

Кажется, что главным притягательным мотивом жизни в этих монстрах становится статус – жить в Нью-Йорке – это чего-то стоит, это уже значит быть кем-то. То же самое можно сказать о Москве, Париже, Лондоне, если в ближайшем будущем символика статуса перестанет связываться с названиями мегаполисов и начнет связываться с чем-нибудь другим, мифическая привлекательность больших городов пошатнется. Этот же эффект может усиливаться по мере развития работы на дому через Интернет для множества профессий, не связанных с физическим трудом и заводской техникой.

К тому же жизнь в больших городах становится все дороже и для горожан, и для муниципальных властей, города опасное место для жизни с точки зрения эпидемий, терактов и прочих опасностей – пожаров, наводнений и землетрясений.

Но здесь мы приводим все эти банальные соображения не для того, чтобы еще раз напомнить об очевидном, а для того, чтобы поставить вопрос о возможном изменении глобальных раселенческих и социально-культурных стереотипов, как только магия мегаполисов начнет идти на убыль.

Не надо забывать, что города за последние двести лет родили все, чем гордится современная культура, искусство и политика, чем общество страдает. Города родили массовое производство и потребление, анонимную толпу, пролетариат и выросшие на анализе его судеб марксизм и коммунизм, они же этот пролетариат почти растворили в море служащих, которые еще не обрели своего Маркса и продолжают вести межеумочный с сословной точки зрения образ жизни. Огромные стадионы и толпы футбольных фанатов – такие же порождения большого города, как мелкие служащие, населяющие спальные районы, и их начальники, живущие в пригородах или центральных районах.

Большие города ввели моду на сверхвысокие здания, небоскребы, этажи которых занимают служащие, стекающие с этих высот по далеким предместьям в конце рабочего дня, как талая вода с гор по весне.

И сколько бы мы ни рассуждали о тихих прелестях сельской жизни, архитекторы, получающие за проекты этих гор и стадионных озер немислимые гонорары, едва ли будут прислушиваться к нашим теориям даже в свободное от работы время.

Иное дело, когда начнется новое великое переселение народов, когда жизнь в мегаполисах станет выходить из моды, и архитекторы будут поставлены перед совершенно иными сетевыми инфраструктурами расселения.

Здесь мы поневоле рассматриваем Большой город не как какую-то концепцию, а как факт, определяющий сами концепции, которые могут возникнуть в нем, в том числе и давая ответ на вопрос о его природе и будущем.

Эти концепции, как и частные архитектурные концепции, должны рассматриваться уже в условно сослагательном модусе как возможно истинные или возможно ошибочные, но самый факт жизни большого города не является истиной или ошибкой – он есть факт. Для социологии или урбаносоциологии он может быть фактом или суммой разных фактов, подлежащих объяснению, но для архитектурной проектной практики и для архитектурного воображения он является только фактом, имеющим скорее экзистенциальный, чем научный смысл. Он не подлежит объясне-

нию, а лишь критике или восхищению, он стимулирует мысль либо в направлении борьбы, либо в направлении адаптации.

Необходимо заметить, что все проекты, преодолевающие город, то есть дезурбанистские проекты XX века, оставались утопиями. Причина их утопичности, отчасти, состояла в рациональной реконструкции истории городов. Города рассматривались в детерминистской логике – как порождения производства, торговли, власти и пр. Соответственно, проекты предлагали изменить формы этих сфер социальной жизни с опорой на новые технологии, но оставаясь в рамках детерминистской логики. Суть же дела, как теперь становится все более ясным в свете синергетики, что феномен мегаполиса лежит в области иной модели – модели некаузальных колец стабилизации процессов. Рост больших городов невозможно свести ни к одной, ни к ряду независимых каузальных факторов. Он определяется их особым сцеплением, которое определяет процесс самоорганизации. И в этом отношении мы в случае больших городов должны выйти за рамки и социальной и архитектурно-градостроительной логики, в которой каузальность рассматривается как функциональный детерминизм.

Одновременно на этом примере можно ясно видеть и предметную специфику самоорганизации, в которой невозможно установить однонаправленность предметных зависимостей – ибо большой город есть в равной мере и порождение современного общества и его причина. Суть синергетической логики как раз в том и состоит, что следствие процесса одновременно является его причиной. Но в предметном отношении это отношение делает невозможной применение обычной предметно-детерминирующей логики.

И это отклонение от каузальной детерминации говорит не столько о «нестабильности» системы, сколько о ее новой недетерминистской стабильности, в которой нам остается лишь пассивная позиция созерцателя, ибо войти в этот процесс с целью его изменения может только такое сингулярное событие, на которое наше сознательное действие не способно.

Но такое событие может появиться независимо от наших намерений. И я полагаю, что возникновение глобальных информационных сетей и будет, если уже не стало, таким же сингулярным событием, как некогда паровая машина.

То есть именно эти сети вызовут к жизни новый лавинообразный поток необратимых событий, в результате которых процесс урбанизации, который мы наблюдали последние сто с лишним лет, в корне изменится.

Однако гипотезы такого рода должны рассматриваться уже во втором этаже нашей парадигмы, так как это уже гипотезы, а не факты. Стоит только обратить внимание на то, что синергетические

социальные гипотезы имеют характер фатальных прогнозов, ибо они в принципе не подлежат детерминистской логике.

Последнее, что можно было бы к этому здесь добавить, то, что большие города эквивалентны такому социальному феномену, как массовое общество. Относительно этого феномена XX век выдвигал разные теоретические объяснения – в том числе марксистские – то есть классовые, а также расовые, нацистские, геополитические и религиозные, то есть конфессиональные. Все они, в той или иной мере, отражают какие-то стороны массового общества, но не могут объяснить его природу в целом. В какой-то мере к такому объяснению стремился Ж. Бодрийяр в своей постмарксистской версии молчаливого большинства или массы, которая, по его мнению, вызывает феномен терроризма, так как равнозначна ему в своей свободе и непредсказуемости. Масса есть тоже своего рода естественный феномен самоорганизации. Масса остается малоуправляемой извне, не имеет средств разумного самоуправления и чревата непредсказуемыми взрывами энергии.

История последнего столетия показывает, что рациональные формы демократической организации массы оказываются не многим более эффективными, чем тоталитарные мифологии.

Идеологии, наркотики, реклама и мода приспособляются к непредсказуемой энергетике масс, но до какой поры эта адаптация социального регулирования останется эффективной, мы сказать не можем.

Возможно, что проблема управления массами окажется решенной или отмененной вследствие исчезновения самого феномена социальной массы, в частности в итоге изменения форм планетарного расселения. Не исключено, что в результате такого обратного хода вновь окажутся востребованы рациональные методологии прошлого. Но нельзя не заметить, что, при всей своей неопределенности, массовые настроения проявляют повышенную готовность к суициду и самопожертвованию, во имя целей, которые для этих масс остаются совершенно недостижимыми.

Второй этаж. Рациональная и интуиционистская рефлексия
Здесь мы видим множество точек зрения, любых исторических идей и идейных конфликтов. Очень часто тут люди как бы игнорируют тот фатум ситуации, в которой они действуют, и мыслят и ищут некие вечные онтологические основания архитектуры, не видя того. Что эти вечные основания все равно вызваны к жизни ситуацией. Это было характерно для покойного М.Р. Савченко который размышлял одновременно и над «анатомией ситуации», и над вечной онтологией – никак их не связывая. Нечто

подобное мы видим и в социологии или методологии, вечных законов жизни общества или мышления, не замечая, что в основном их мысли есть реакция на ситуацию тоталитарного общества в его конкретной исторической модификации. В нашем случае образ жизни социального монстра – большого города – вызывал и эти методологические, и эти архитектурно-теоретические дискуссии.

Второй слой предлагаемой парадигмы в отличие от безымянных процессов в реальности состоит из авторских концепций как социального, так и архитектурно-градостроительного типа. В их числе и утопии, и рациональные научные и технические доктрины, и реставрационные модели разного рода возрождений, и футуристические прогнозы, и проекты – от невинных до самых радикальных. Поскольку множество подобного рода концепций и теорий практически необозримо, в рамках данной парадигмы имеет смысл указать только на некоторые принципиальные классы идей, в соответствии с которыми они могут как-то систематически изучаться как в историческом, так и типологическом отношении.

Прежде всего, имеет смысл обратить внимание на то, что некогда теоретические концепции были, в основном, воспроизводящими, то есть в них говорилось о том, как следует воспроизводить традицию. Таковы были и этнографические традиции строительства и самостроительства, и академические школы, и академии архитектуры. Теперь же на первый план вышли продуктивные концепции, в которых предлагаются принципиально или частично новые идеи и подходы. Эта смена векторов, безусловно, связана с тем, что современный город и техническая цивилизация ставят человека перед новыми условиями жизни, и архитектура пытается найти ответ на эти вызовы времени. Среди этих вызовов и потребности массового общества, соответственно, потребность массовых видов жилья и обслуживания, массовой идеологии застройки – от демократической до тоталитарной, и новые формы организации социальных функций в новых формах расселения.

Второй момент, на который стоит обратить внимание, – это то, что вместе с изменением традиционных представлений и форм исчезает и самый дух традиции, на смену которому приходит дух рефлексии.

Здесь я хочу подчеркнуть различия в способе, которым та или иная архитектурная концепция утверждает свой авторитет. Если традиционные концепции базировались на авторитете самой традиции (какими бы они ни были), то в новых условиях авторитет черпается уже не из традиции и ее иррациональных и мифологических корней, а в рациональном обосновании или авторском авторитете интуиции, которая излагается с претен-

зией на пророчество или опирается на иные пророчества и идеологию.

Опыт показывает, что новое утверждение авторитетности концепций страдает парадоксальным несоответствием: чем радикальнее пророчество или идея, тем быстрее она выходит из моды и становится устаревшей.

Дело в том, что, во-первых, сам разрыв с традицией как бы открывает состязание в успехе, и новые концепции пользуются этой свободой для вытеснения не только традиционных, но и новых учений. Во-вторых, принцип прогресса и прогрессивной смены устаревшего новым автоматически ставит каждую следующую по времени идею или концепцию как бы в положение превосходящей прежние. Создается иллюзия автоматического превосходства сегодняшних идей над вчерашними и, соответственно, завтрашних над сегодняшними. Недолговечность радикально новых идей косвенно указывает на их сравнительно малую жизненность, что парадоксально, так как с точки зрения новаторских идей именно старые концепции давно утратили жизненность, омертвели. Как видим, этот парадокс оказывается неразрешим в простом лобовом столкновении старого и нового – критерии жизненности у них совпадают, но способ оценки – различный. Старые концепции живы, поскольку срок их жизни в принципе большой, новые концепции живы, поскольку их жизненность оценивается в малом интервале времени.

Это заметно в архитектуре даже больше, чем в прочих видах искусства. Дело не только в том, что стили быстро надоедают и устаревают, но и в том, что в этой исторической смене стилей испаряется живой дух архитектуры как таковой, и она все явственнее замещается дизайном. В 1964 году Бернард Рудольфски устроил выставку «Архитектура без архитекторов», в которой собрал образцы строительного искусства, созданные без участия профессиональных архитекторов. Выставка и книга, выпущенная по ее материалам, имели большой успех. Сегодня можно было бы устроить нечто прямо противоположное – выставку Архитекторы без архитектуры. Хотя едва ли она будет замечена.

Наконец, стоит обратить внимание на то, что сама популярность радикальных идей свидетельствует о ценности радикализма как такового. Эта тенденция выражается порой в отказе от «техники локальной штопки» или «усовершенствования примуса». Им противопоставляют выдвижение принципиально новых парадигм и концепций, в рамках которых только и могут быть решены как давно известные, так и новые проблемы.

Одним из вариантов такого радикализма была на нашей памяти марксизм и вытекающие из него революционные схемы преобразования жизни, жилищно-строительства и освоения территорий.

Аналогичным радикализмом отличались почти все архитектурные и художественные движения начала XX века – в особенности супрематизм. История показывает, что все эти радикальные концепции обещали много больше того, что реально смогли добавить к традиции. Поэтому отношение к радикализму должно быть осмотрительным: его не следует принимать за чистую монету и от него не следует откровенно отворачиваться как от чумы. Радикальные концепции требуют всестороннего анализа и взвешенной оценки.

В связи с этим важно подчеркнуть, что и самые последние радикальные проектные концепции – деконструкция, постмодернизм, средовой подход, спонтанное проектирование, как и многие другие, должны рассматриваться именно в этом свете и оцениваться в разных масштабных категориях.

Но есть у рефлексии и другое свойство, которое играет особую роль в аспекте жизненности. Это сама рефлексивность как вторичное осознание, как интеллектуальное освоение опыта. Такое освоение порой бывает ярче и глубже самого опыта, но в отношении жизненности оно ему уступает. Несомненно, осознание ближе к самоощущению животных, в нем неустраним эффект присутствия и нет отстранения, которое приходит с рефлексией. Впервые на этот момент обратил внимание еще Кристофер Александер в своей книге «Заметки к синтезу формы», опубликованной в том же 1964 году. Но его попытки восстановить в профессии этот уровень живой действительности с помощью компьютера успеха не имел.

Если традиция анонимна либо мифологична и живет под мифическими именами, то в современных концепциях сильна авторская позиция, частичность которой, по определению, лишает эти концепции общезначимости.

Эта рефлексивность новых теоретических творческих идей теснейшим образом связана с переживанием творческой свободы, поскольку свобода всегда рефлексивно противопоставлена тому, от чего она освобождается.

Почти все изобретенные в XX веке концепции архитектуры пытались следовать науке и технике. Число наук, положенных в основу архитектурных концепций, весьма велико: были тут и техника, и экономика, и социология (как марксистская, так и немарксистская), были тут и все новые науки – лингвистика, семиотика, теория информации, экология, бионика.

В наши дни, разумеется, в основание архитектуры кладутся самые последние идеи науки и философии – синергетика, нелинейные процессы, фрактальная геометрия, структурализм и деконструкция.

Итог всех этих прогрессивных заимствований, на мой взгляд, достаточно печален – почти полное истребление собственной архитектурной предметности,

постепенная смена архитектуры дизайном и техникой. Я не хочу сказать, что всякое изменение в архитектурной предметности само по себе ущербно. Феномен развития в архитектуре столь же ценен, как и в других сферах. Но тут важно различать развитие, сохраняющее исходный комплекс принципов, и развитие, теряющее его.

В числе новейших идей, влиявших на архитектуру, были кубизм, супрематизм и даже сюрреализм в его особой ипостаси – теории спонтанности. Но кроме этих внешних заимствований и влияний в архитектурных концепциях проявляются и некоторые тенденции, прямо с науками, философией и искусством не связанные. Это, прежде всего, исторический перенос внимания от космоса к микрокосму. От локальной ситуации к глобальной и обратно – к локальной, но уже обогащенной знанием глобальных тенденций.

Наконец, последняя тенденция, которая, на мой взгляд, обещает наиболее значительные результаты, – это переход от проектирования на чистом листе к реконструктивным и реставрационным работам, когда проект по необходимости должен инкорпорировать в себя прежние сооружения.

Реконструктивный подход был, как правило, единственным в градостроительной практике, но в условиях быстрой урбанизации и города начали возникать на ровном месте и рождаться воображением на чистом листе бумаги. Заключая обзор этих тенденций, снова вернемся к рефлексии.

Рефлексия есть способность осознавать собственные творческие интенции и мотивы, и принимать решения, исходя из их рефлексивной оценки. При этом творческая концепция оказывается сопряжена не только с объектом или стилем проектирования, но и с отношением самой проектной концепции к иным конкурирующим проектным идеям и концепциям. Поскольку их много и все они связаны с разными пластами культуры – исторически, географически, национальными и конфессиональными традициями, выбор концепции становится задачей со многими и разнородными параметрами, а целью выбора оказывается, прежде всего, успех на рынке архитектурных концепций.

И еще одной проблемы я хотел бы коснуться в заключение прогулки по второму этажу – проблемы времени в архитектуре, или архитектурной темпоральности. В наибольшей степени темпоральность архитектуры изучена в исторических исследованиях. Но этот, идущий от романтиков и Гегеля подход все же весьма односторонний. В нем не учитываются нелинейные формы времени, играющие в архитектуре не меньшую роль, чем линейные. Например, функциональная структура жилого дома есть схема циклических переходов от одной функции (и одного помещения) к другому. Но и это только крохотная часть временности в архитекту-

ре. Восприятие архитектуры неразрывно связано с произвольным движением и с памятью образов. А память в свою очередь погружена в мощнейшую способность – забвения. Диалектика памяти и забвения в истории рассматривается односторонне – как метод восстановления выпавшего из памяти. Это, конечно, очень важный момент, но он, к сожалению, отягощен темпоральной рефлексией. Прошлое вспоминается «как прошлое», то есть вне настоящего. И потому история архитектуры во всех ее разновидностях (даже самых изысканных структуралистских) не отвечает на вопрос, почему же нас архитектура прошлого трогает и задевает за живое.

В наименьшей степени темпоральность в архитектуре до сих пор исследована в таком историческом ракурсе, который связан со сменой поколений. В истории архитектуры смена поколений берется как мена вкусов общекультурного масштаба. Но есть ведь и просто смена поколений – от дедов к отцам и детям, внукам и правнукам. И поколения внуков смотрят на дом, построенный прадедом совершенно иными глазами. Дом, строительство, архитектурный образ которого соответствовал идеалам деда (возможно и не дожившего до его завершения), внуку может казаться совсем не столь идеальным. Но главное даже не это, а то, что детство внука, прошедшее в архитектурной обстановке, устроенной дедом, накладывает на сознание внука свой неизгладимый отпечаток, в котором позитивные и негативные оценки смешаны в труднорасчленимом составе.

Дед в какой-то мере сам оказывается лицом, запрограммировавшим и те и другие реакции, хотя он не мог их себе представить. Этот парадокс архитектурной темпоральности мне кажется чрезвычайно существенным. Ибо он воплощает диалектику восприятия архитектурной среды не только родного дома, но и родного города, родной страны, вообще всего мира. История архитектуры и анализ феноменологии восприятия городской среды или теория архитектурной композиции эти моменты проскакивают, а они, на мой взгляд, – одни из самых существенных для реалистической теории архитектуры. Именно в них поэтика архитектуры синтезирует свой исторический и экзистенциальный смысл.

Насколько эта тенденция содействует и насколько вредит развитию самой архитектуры – проблема современной теории архитектуры, которой мы в данном случае не занимаемся. Но в одном отношении она заставляет нас взглянуть на третий этаж нашей парадигмы – на сам этот рынок концепций и условия работы архитекторов – проектировщиков, историков, теоретиков и критиков – их производственные, экономические и политические связи с социальными процессами настоящего момента, дающего

им работу, обеспечивающего их услугами и жестко контролирующего характер их мыслей и творчества.

Третий этаж. Организационные и политические условия архитектурной деятельности

Организационные и политические условия и обстоятельства архитектурной деятельности обычно остаются на периферии внимания теоретиков архитектуры. Политические требования тех или иных архитекторов, организационные условия ведения проектной работы рассматриваются как внешние и по отношению к основному корпусу профессиональных идей, знаний и ценностей. Только в исторических исследованиях они выступают как важнейшие условия, определяющие проектные инициативы, историю вкуса и пр.

В советской практике здесь ситуация рассматривалась в двух практически несовместимых позициях. Условия работы архитекторов капиталистических стран рассматривались как содержательно выражающие те или иные общественные ценности и позиции, как препятствия для решения общесоциальных задач и как условия, не позволяющие по-настоящему поставить проектно-архитектурную проблематику. Напротив, в своей собственной стране, советские архитекторы видели всю полноту благоприятных условий осуществления ими своей общественной миссии, всенародную поддержку их инициатив и внимательную опеку со стороны власти.

Такой подход считался подлинно марксистским и демократическим, в то же время в течение послевоенной истории архитектуры в странах Запада марксистская архитектурная критика предлагала еще более жесткий анализ архитектурных концепций и архитектурной практики, с которым советские архитекторы были почти не знакомы и который порой рассматривали часто как крайне неприемлемый.

Причина этих парадоксальных несовпадений двух ветвей марксистской архитектурной критики состоит в столкновении двух утопических систем. Советская система, провозглашая себя пролетарской и демократической на словах, на деле она была системой государственного капитализма с доминирующим влиянием нового класса партийной бюрократии, проводившей политику подавления широких масс трудящихся и подчиняющего жизнь основной массы населения схематичным политическим целям партийной элиты. Это обстоятельство, совершенно игнорировавшееся изнутри страны, с жесткой идеологической цензурой и репрессивным аппаратом, было достаточно хорошо видно марксистам и немарксистским теоретикам архитектуры на Западе.

В то время как советская архитектура реализовала некоторые идеи западной

и отечественной архитектурной мысли, решая задачи промышленной перестройки страны и разветвления военно-промышленного комплекса, в идеологии советская архитектура продолжала реализовать демократические социальные идеалы.

Западные архитекторы проводили в это время более глубокий анализ самой символической природы архитектурных стилей и образов, пытались показать, что революционные архитектурные идеологии оказались во власти рекламно-дизайнерского аппарата массовой культуры, ориентированной на иной способ закабаления масс — на сей раз уже не пролетарских, а трудящихся ставших массовой потребителей.

С точки зрения организации проектной деятельности, архитектурной критики и архитектурного образования — пути западной и советской архитектуры во многом разошлись. В Советском Союзе с середины 30-х годов исчезают индивидуальные проектные бюро и независимые информационно-критические профессиональные издания. Вся архитектурная деятельность подчиняется единой системе бюрократического партийного аппарата.

После радикальных изменений в жизни Российской Федерации в 90-х годах ситуация в России начинает меняться. Появляются независимые частные проектные мастерские и некоторые относительно независимые от власти архитектурные и художественные журналы. Существенные изменения в процессы информационного обеспечения начал вносить Интернет, как не подчиненный цензуре свободный источник сообщений и графических материалов. Однако до настоящего времени эти изменения еще не привели, как мне кажется, к существенным изменениям в самой творческой сфере, так как здесь господствуют коммерческие интересы, распространяется западный стиль гламурной архитектуры и дизайна и градостроительные проекты не имеют ни достаточных экономических средств, ни творческой воли для поиска новых путей.

Сегодня архитекторы Российской Федерации имеют не только гораздо большее представление об архитектурных концепциях, появляющихся на Западе, но и сами архитекторы, лидирующие на мировом архитектурном рынке, получают все большую роль в строительстве центральных городов России, как, впрочем, и других стран.

Тем не менее система архитектурного образования и архитектурной науки все еще остается в формах сталинского времени, равно как творческие союзы, вмененные в жизнь в середине 30-х годов на место творческих группировок. В связи с этим можно говорить о том, что индивидуальные стилевые поиски и самостоятельные теоретические концепции в России пока что почти не появляются

или появляются редко и не становятся предметом творческой дискуссии.

С другой стороны, условия деятельности архитектурных мастерских все еще находятся в условиях жесткого государственного и муниципального контроля, ряд проектных и строительных организаций пошел в сферу коммерческой архитектурной практики со всеми ее плюсами и минусами.

Существенным пороком сталинского наследия в советской и российской архитектуре остается разрыв между архитектурным и гуманитарным образованием, недоверие девальвированной сталинским режимом философской мысли и отсутствие всесторонней критики и анализа имеющихся видов и форм архитектурно-строительной деятельности.

В архитектуре, как и в стране в целом, до сих пор крайне преувеличена власть бюрократии разных уровней, и коррумпированность этой бюрократии сказывается и в системе архитектурной печати, и в сфере архитектурной истории, теории, и в сфере архитектурного образования. Классическим примером парадоксальности современной ситуации может служить борьба за сохранение архитектурного наследия в Москве и Санкт-Петербурге.

Но движение за охрану исторических памятников, к сожалению, чуть ли не единственная архитектурная тема, вообще находящая отклик в душах людей и подвигающая их к историко- и теоретикоархитектурным рассуждениям. Но эта тема, при всей своей важности для городов и для архитекторов, все же не единственная и не главная. Архитектура — слишком глубоко связана и с повседневной жизнью людей, и с их историческими и национальными идеалами, чтобы не быть в центре общественного внимания и дискуссий.

Нынешнее противостояние и конфликт архитектуры и дизайна, архитектуры богатей и среднего класса, архитектуры и беднейших слоев населения — тоже тема общественного обсуждения. Но и такие, казалось бы, сугубо философские и профессиональные темы, как соотношения стиля и среды, функционализма и идеализма, плюрализма и стилового единства, — все они нуждаются не только в профессиональном анализе и критической публицистике, но и в общественном обсуждении. Архитектура сегодня в мире и особенно в нашей стране выпала из сферы политического и вкусового дискурса. Любого киноартиста публика знает в тысячу раз лучше, чем известного архитектора. И это есть тоже одно из условий существования архитектуры в обществе, причем условии, далекое от идеального.

В остальном же архитекторы делают судьбы иных слоев технической и творческой интеллигенции и решают

для себя с кем быть – с коммерческими структурами или с собственными творческими интересами.

Заключение

Судьбы мира и архитектуры

Конечно, можно и нужно всеми способами улучшать организационные, правовые, финансовые условия существования архитектуры во всех ее измерениях в общественном сознании. Связи архитектуры и общества не какие-то абстракции, лежащие вне сознания и деятельности, вне политики и экономики, – напротив, они пронизывают эти сферы и предполагают постоянное внимание к своему статусу и роли в общественной жизни.

Но мы прекрасно понимаем, что одним лишь улучшением социальных условий архитектурной деятельности невозможно добиться ее теоретического и творческого расцвета. Связь между всплеском архитектурного творчества и условиями жизни архитекторов есть, но она не прямая. Все, что касается собственно архитектурных идей, изменения направленности творчества, критической переоценки итогов развития архитектуры последних столетий, диктуется своей собственной логикой, и эта логика, испытывая влияние философии, литературы, науки и техники, имеет и свое собственное автономное и суверенное пространство.

Но успех или взрыв энергии в сфере профессиональной деятельности определяется и другими силами, которые уже не подвластны политическим решениям и экономическим льготам. Как показывает вся история архитектуры и последних ее столетий в особенности, архитектура чутко реагирует на мощные повороты в жизни, и изменения, которые она претерпевает, все в большей мере получают глобальный масштаб.

Рост мегаполисов не удалось остановить с появлением электроэнергии. Большой город оказался явлением синергетической природы, и он продолжает и в наши дни развешивать свои глубинные потенции, хотя последние все в большей мере выявляют свои отрицательные свойства и все меньше подтверждают положительные.

Однако появление в конце XX века информационных сетей Интернета, на мой взгляд, способно в ближайшем будущем изменить эти процессы и содействовать решительным сдвигам в формировании глобальных систем расселения. Этот процесс, скорее всего, станет стабильным фактором воздействия на общественные системы XXI века и в конце концов может привести к реформе глобальных систем расселения. Разумеется, эти системы имеют огромный инерционный потенциал, и они никак не смогут измениться в виде какой-то искусственной утопии. Но они смогут воздействовать на общественное сознание так, что, в частности,

усилят осознание роли архитектуры и ее взаимодействия с природой и человеком на земном пространстве.

Как это будет происходить, сегодня можно только гадать. И в этом смысле в развитии архитектуры мы имеем дело с исторической непредсказуемостью ее конкретных поворотов. И никакая парадигма анализа взаимосвязи архитектуры и общества ответа на эти загадки сама по себе не даст. Здесь мы просто окажемся в том втором из обозначенных нами этажей, где противостоят друг другу и развиваются новые и новые рефлексивные формы понимания архитектуры в ее прошлом, настоящем и будущем. В какой мере социология и философия сыграет в этих процессах ведущую роль, или эта роль будет принадлежать биологии, или же самой архитектуре, – сегодня никто не знает. Уже по этому архитекторам нет смысла ждать руководящих указаний из иных сфер культуры и знания, необходимо двигаться в разных направлениях и искать ответы на свои профессиональные вопросы, которые в конечном счете и оказываются общественно насущными проблемами.

И прежде всего вопросам жизни и смерти – то есть перспективам развития земной цивилизации или ее постепенного угасания.

Жизнь и смерть архитектуры и общества

Вопрос о жизни и смерти может показаться нарочито драматичным. Но это не просто расхожая формула, за ней множество вполне реальных смыслов. Вспомним, что знаменитая книга Джейн «The Life and Death of Great American Cities» («Жизнь и смерть больших американских городов»), вышедшая полвека назад и до сих пор не утратившая актуальности, говорила именно о «жизни и смерти». Если с тех пор что-то и изменилось – так это то, что с появлением Интернета вся наша планета стала чем-то вроде единого Большого города и то, что жизнь и смерть теперь уже – проблема, касающаяся не столько урбанистических монстров, сколько всего населения нашей планеты.

Суть дела в том, что то, что мы называем «городским образом жизни», в XX веке сделалось практически повсеместным явлением, победившим все тоталитарные идеологии – и в качестве идеологии до сих пор остающееся не вполне определенным в отношении демократии и тоталитаризма. Опасность, которую видела Джейн Джекобс, – неразрешимость транспортных проблем, городское отчуждение и разрушение традиционных ценностей, наконец экологические угрозы, дополненные новыми – угрозами терактов, распространением наркомании и кризисом духовной культуры массового общества в целом. Критики

всех этих симптомов деградации гомо сапиенс предостаточно. Но пути борьбы с этими явлениями все еще остаются розовыми утопиями. Поэтому сегодня уже мало верится, что локальные улучшения условий проектной деятельности, совершенствование и гуманитаризация систем образования и тому подобные меры могут на самом деле переломить практически фатальный курс человечества к потребительской апатии и угрозу планетарной клаустрофобии как осознание безвыходности перспектив деградации и сомнительности упований на прогресс, то есть того, что в каком-то смысле и было описано Ф. Фукуямой в качестве «конца истории».

Сопоставляя эти алармистские идеи с предложенной выше парадигмой, я бы считал необходимым рассматривать их порознь в соответствии с ее «этажами». Разумеется, прежде всего с тем, в какой мере Интернет и сетевая культура смогут наконец преодолеть безудержное стремление людей в мегаполисы, или же опасности жизни в больших городах смогут изменить эти стремления, во всяком случае для некоторых групп населения. Здесь нет места для рассуждений об изменении этнического состава больших городов в пользу выходцев из афро-азиатских-латиноамериканских регионов или сохранении больших городов в качестве излюбленного места жизни молодежи, хотя не учитывать эти изменения в русле этой проблематики никак нельзя. Мы не можем сегодня предвидеть, какие события технического, политического или психологического характера смогут придать процессу расселения людей на нашей планете иные стратегические ориентиры, но то, что рано или поздно это неминуемо произойдет, не вызывает сомнений. Поэтому в сфере социологии или теории архитектуры мы можем сегодня рассматривать сценарии подобных изменений и необходимые для них интеллектуальные средства обеспечения процесса, так как без подготовки таких средств заранее возможен хаотический коллапс ситуации.

В этом отношении было бы полезно, не откладывая, установить мониторинг процессов расселения и состояния сетей расселения в свете всех релевантных характеристик: стоимости жизни, сроков смертности, процессов демографического роста и спада, преобладающих религиозных конфессий и идеологий, опасности терактов, природных катаклизмов и военных угроз, политической и расовой нестабильности, уровня информационной обеспеченности, наличия рабочих мест, инвестиций в строительство и реконструкцию, обеспеченности транспортными и информационными инфраструктурами, уровнем доходов и профессиональной подготовки населения и многим другим. Возможности для такого сбора данных и

представления их в виде динамических картосхем сегодня могут быть основаны на компьютерной технологии. Но содержательная подготовка типов таких схем и способы их использования в аналитической работе должна начинаться именно в сфере теории. Поэтому на втором этапе нашей парадигмы те направления исследований, которые сопряжены с глобальной динамикой и изменениями в структурах расселения, со всеми сопровождающими их социальными процессами, видимо, должны получить в наши дни и в течение всего XXI века особое стратегическое значение.

Но изменение структур расселения естественно должно повлечь за собой и изменение своего рода экологической и эстетической оптики, вкусов и предпочтений, касающихся физических условий жизни. Мало сказать, что на смену стандартизации и типизации, катастрофически сокращающим смысловые ресурсы планетарной жизни, должна прийти индивидуализация и кастомизация. Необходимо заранее рассмотреть и ее границы, так как в своем предельном выражении она чревата полной атомизацией общества и утратой социальных ориентиров.

В этой связи можно предположить, что взаимодействие различных инициатив в будущем можно будет уподобить процессу интерференции разных излучений и возникающих в местах интерференции сингулярных образований – собственно персональных доктрин. Это предположение заставляет вновь внимательно отнестись к ранее высказывавшимся идеям о возможном уподоблении архитектурной среды корпускулярно-волновой парадигме в физике (А. Арида, 2003. Ayssar Arida, "Quantum City", Architectural Press Oxford, Amsterdam, Boston, London, New York, Paris, San Diego

San Francisco, Singapore, Sydney, Tokio. 2002. 257 p.). Ведь индивидуализация в архитектурном проектировании тесно связана с индивидуализацией и персонализацией образов жизни и, следовательно, с фундаментальными изменениями в структуре самого массового общества.

В свете сказанного выше все эти исследования и проекты, все возможные утопии и прогнозы могут содержать в самих себе две основные жизненно важные опасности – радикализма и рефлексивной отстраненности. Рефлексия делает сами эти процессы чем-то отвлеченным, умозрительным и не затрагивающим нашего живого участия. Радикализм, напротив, имеет тенденцию к перевесу участия исследователя и его интуиций, которые в случае даже ничтожных ошибок и крайностей немедленно приводят эти радикальные концепции к полной безжизненности.

Стало быть, центр методологических интересов дополняется новыми задачами. Речь идет не только о порождении конструктивных и действующих методов исследования и проектирования, но и о критике их возможных последствий и крайностей. В число ведущих категорий такого критического анализа теперь должны входить категории границ и масштабов, так как нарушения каких-то внутренних закономерностей процессов способно свести на нет даже успешно действующие методы проектирования и исследования.

Мне представляется, что именно такой критический угол зрения, развивавшийся в последние годы в американской школе архитектурно-теоретической мысли авторами, группировавшимися вокруг журнала «Октябрь», будет иметь наибольшие перспективы в XXI веке. Речь идет о критическом пересмотре границ и масштабов компьютеризации проектирования, использования новейших физических метафор в архитектуре нелинейных, биоморфных и деконструктивных направлений и пр.

Жизненный статус теории в настоящее время будет, на мой взгляд, определяться не рефлексивной глубиной и не радикализмом, а вниманием к мелким и обычно игнорируемым подробностям, которые в итоге могут разрушить самые радикальные утопии и планы. На смену жестким конструктивным методам в XXI веке должны прийти мягкие, ориентированные на диалектику масштабов и границ их применения. Нарушение этих мелких обстоятельств способно придать конструктивным методам смысл, прямо противоположный их намерениям. На эту тему немаловажные размышления содержатся в книге Дж. Скотта «Благими намерениями государства».

Наконец, то, что в книге Скотта речь идет именно о государстве, заставляет и нас обратиться к третьему этажу нашей парадигмы и подчеркнуть значение взвешенного отношения к роли государства в архитектуре и социальной организации гражданского общества. Здесь нет смысла исповедовать энтузиастический этатизм или противоположный ему анархизм. Видимо, истина лежит где-то посередине. Но инструментов ее опознания в этом интервале у нас практически нет. Речь идет не только о влиянии коррумпированных бюрократических структур, в настоящее время тесно связанных с архитектурой, – и в сфере проектирования, и в сфере образования, и в сфере массовых коммуникаций. Речь идет о развитии и разграничении организационных и политических форм. Было бы большой ошибкой становиться в одностороннем порядке на роли «вертикальных» или «горизонтальных» структур власти и организации. Тем более что сами по

себе эти структуры слишком зависят от характера людей, занимающих места в этих структурах, их этических и интеллектуальных способностей и уровней.

Особенно важной становится именно нравственность. Ведь в архитектуре, в отличие от естественных наук, значительно меньше места объективным доказательствам. Здесь доминирует согласие на уровне убедительности и доброжелательности. Поэтому выходит, что нищенская оплата труда теоретиков и историков архитектуры в известной мере служит гарантией изоляции этих сфер от политических и идеологических проходимцев, которые этические нормы согласий и разногласий немедленно могут свести к травле или сговорам, что неминуемо повлечет за собой разрушение всех смысловых структур. Можно лишь предполагать, что в разных странах уровни этической подготовленности профессионалов разные и что равнение на глобальные процессы может поэтому служить некоторой гарантией против местных эксцессов в сторону групповых захватов власти.

Тем не менее главным средством относительно беспристрастной оценки проектов и идей остается критика и публицистика, разумеется, при условии соответствующей свободы слова. Вот некоторые из вопросов, обсуждение которых теснейшим образом связано и с жизнью и смертью архитектурной профессии, и, соответственно, с жизнью и смертью общества, ею обслуживаемого. Таким образом, сугубо профессиональная проблематика архитектуры и социально-этическая атмосфера теснейшим образом связаны и взаимно обуславливают друг друга, так что синергетика закольцованных а-каузальных систем в профессиональной деятельности сказывается ничуть не меньше, чем в развитии городских агломераций. Первый и третий этажи нашей парадигмы оказываются в чем-то идентичными. Но в истории они могли и меняться местами. Скорее всего, ситуация в древнем мире была прямо противоположной современной, и ведущую роль играли как раз организационно-идеологические обстоятельства, в то время как низкая скорость изменений в сфере технологии была вторичной. Сейчас положение изменилось, но не исключено, что в третьем тысячелетии оно вновь изменится в сторону независимости социальных процессов от технологии (технология и наука выйдут из сферы человеко-размерных процессов, спустившись к нано-масштабам или гипер-масштабам Вселенной), и тогда мы вправе ожидать возвращения к мифологии, и без того никогда не исчезавшей из обихода, но обретающей в перспективе совершенно новые контуры и формы.

Александр Раппапорт

Тезисы выступления директора Института США и Канады Российской академии наук, члена-корреспондента РАН С.М. Рогова

В формирующемся многополярном мире складываются 4 главных центра научного прогресса – США, Европейский Союз, Япония и Китай. К сожалению, Российская Федерация в группу лидеров не входит.

Россия не сможет добиться ведущей роли на международной арене без развития научного потенциала страны. Тот факт, что падение ВВП в России оказалось самым большим среди стран «Большой двадцатки», подтверждает опасную зависимость нашей страны от конъюнктуры мирового рынка. Тем временем мировые лидеры стремятся выйти из кризиса на новой технологической основе.

Сырьевая модель

Как подчеркивает президент Д.А. Медведев, «привычка жить за счёт экспорта по-прежнему тормозит инновационное развитие»¹. Сегодня почти половина ВВП России создается за счет экспорта сырья. У нас практически исчезла конкурентоспособная наукоемкая промышленность. Удельный вес России в глобальном экспорте наукоемкой продукции не превышает 0,3%.

По оценке агентства «Томсон-Ройтерс», «проблема заключается в значительном сокращении финансирования фундаментальных и прикладных исследований в России после развала Советского Союза»². В результате непродуманных реформ в 1990-е годы значительная часть отраслевой науки была приватизирована и бесследно исчезла. Резко сократилось бюджетное финансирование НИОКР. Уменьшилась почти в три раза численность научных исследователей³. Произошла утрата целых научных школ.

Сложившаяся ситуация – это результат применения в России неолиберальных экономических концепций, согласно которым любое государственное вмешательство в экономику ведет к негативным последствиям. Такая вера в «невидимую руку рынка» затронула и государственную политику в научной сфере. Наука вообще не рассматривалась как фактор социально-экономического развития страны. Произошло разгосударствление российской науки. Фактически научной политики в России нет. Это предопределяет деградацию научно-технического потенциала нашей страны, если не удастся переломить сложившуюся тенденцию.

Карфаген должен быть разрушен...

В этих условиях чуть ли ни единственным целевым оплотом науки в нашей стране оказалась Российская академия наук (РАН), главной задачей которой является осуществление фундаментальных исследований. Но и РАН понесла немалые потери. Не секрет, что уже на протяжении многих лет РАН фактически ведет борьбу за выживание. В 2009 году бюджет академии составлял всего 46 млрд рублей или 1,5 млрд долларов. «Бюджеты ведущих российских институтов составляют лишь 3–5% материального обеспечения аналогичных учреждений в США»⁴, – отмечается в докладе агентства «Томсон-Ройтерс».

Обращает на себя внимание развернутая в некоторых СМИ кампания по дискредитации РАН. В этой кампании используются разного рода фальсификации и подтасовки. Конечно, не стоит идеализировать работу РАН, ее недостатки хорошо известны. Но они связаны прежде всего с мизерным финансированием Академии. Ведь для проведения реформ и привлечения молодежи в науку нужны деньги. Тем не менее РАН сохраняет традиции академического самоуправления и сохраняет высокую репутацию в мировом научном сообществе. Академия остается носителем глубокой научной культуры и продолжает вести исследования по достаточно широкому фронту науки.

Опыт лидеров

У ведущих стран Запада расходы на НИОКР составляют 2–3% ВВП. В странах-лидерах мирового научно-технического развития растут частные и государственные расходы на фундаментальную науку. В этих государствах используется широкий набор механизмов государственной поддержки, ориентированных на университеты, исследовательские институты и лаборатории, крупные национальные корпорации, малый и средний бизнес.

Так, в условиях финансово-экономического кризиса администрация Барака Обамы приняла решение о резком увеличении государственных расходов на НИОКР. Выступая в Национальной академии наук 27 апреля 2009 года, Обама объявил о намерении довести расходы на НИОКР до 3% ВВП. 21 сентября 2009 года президент США подписал «Американскую инновационную стратегию», где ставится задача «восстановить лидерство Америки в фундаментальных исследова-

ниях». Стратегия Обамы связана с расчетами на новый научно-технический рывок, который должен обеспечить лидерство США в глобальной экономике XXI века.

Как привлечь бизнес в российскую науку?

В развитых странах, лидерах мировой науки, научная политика имеет две стороны. С одной стороны, государство напрямую финансирует научные исследования, а с другой – с помощью налоговых мер стимулирует расходы на НИОКР частного сектора. В России, по данным ОЭСР, налоговая система не поощряет, а ущемляет расходы на НИОКР⁵. Поэтому в стране отсутствует спрос на инновации. В экономике России отсутствуют стимулы для перетока средств в высокотехнологичные отрасли. К сожалению, велик разрыв между стадией исследовательских работ и их коммерциализацией, их внедрением в прикладную сферу. Инновационная экономика заработает только тогда, когда бизнесу станет выгодно тратить деньги на инновации. Причина низких расходов российского бизнеса на НИОКР связана не только с известными особенностями формирования рыночной экономики в России, но и с отсутствием продуманной государственной политики по поощрению расходов частного сектора на НИОКР косвенными методами – с помощью налоговых стимулов. Давно пора создать в России условия для того, чтобы привлечь частный капитал в высокотехнологичные отрасли национальной экономики. Это необходимо для резкого повышения инновационной активности российского бизнеса, доля которого в расходах на НИОКР должна возрасти хотя бы до 50%. Кроме того, надо существенно расширить спектр государственных механизмов финансовой поддержки инновационного бизнеса.

Разрушение человеческого потенциала

Многолетнее недофинансирование науки имеет далеко идущие негативные последствия, способствуя деградации человеческого капитала в России. Расходы на НИОКР на душу населения в странах ОЭСР составляет около 700 долларов, а в США, Японии, Израиле и Финляндии – примерно 1,1 тыс. долларов⁶. По государственным расходам на НИОКР на душу населения (86 долларов) Россия отстает от лидеров в 4–5 раз, а по частным

На заседании президиума РАН 16 марта с. г.

расходам (40 долларов) – в 15–20 раз. Даже Китай с его огромным населением по уровню подушевых расходов частного сектора на НИОКР уже почти в полтора раза опережает Россию!

Чрезвычайно негативную роль играет такой показатель, как крайне низкий уровень затрат на одного научного исследователя. По этому показателю Россия в три раза отстает от среднего мирового показателя. Мы особенно уступаем развитым странам – в пять раз меньше, чем в США и Германии, в четыре раза – Великобритании, Франции и Японии. Это не позволяет многим талантливым ученым вести научные исследования в России. Что касается зарплаты, то длительное время она отставала от средней заработной платы в стране и по-прежнему многократно уступает уровню доходов ученых в развитых государствах.

Все это привело к «утечке умов». По некоторым оценкам, из страны уехали от 100 до 250 тыс. ученых⁷. Показательно, что в России всего 1% опрошенных с уважением относятся к профессии ученого⁸, а в США – 56%⁹. Надо прежде всего создать нормальные условия на уровне мировых стандартов здесь, в России, для научной молодежи, чтобы остановить отъезд за рубеж и «внутреннюю эмиграцию» молодых ученых в более престижные и высокооплачиваемые сферы нашей экономики. Иначе в стране исчезнет «критическая масса мозгов».

Почему нет денег на науку
Утверждение о том, что у нашего государства нет денег на науку, – это вымысел. В разгар финансового кризиса российские власти израсходовали на регулирование курса рубля свыше 200 млрд долларов. По предварительным оценкам в 2008–2009 годах на антикризисные меры в пожарном порядке было выделено около 3 триллионов рублей или 100 млрд долларов. Глупо возлагать на РАН, главной сферой которой является фундаментальная наука, ответственность за медленное внедрение инноваций в экономику.

Россия – единственная страна в мире, где доля расходов на гражданскую науку (0,4% ВВП) меньше, чем на оборонные НИОКР (0,6% ВВП)¹⁰. Но и это не в состоянии обеспечить поддержание военно-стратегического баланса с США, Европой, Китаем. Дegradация научно-технического комплекса привела к тому, что, несмотря на рост оборонного госзаказа, производство вооружений упало до минимального уровня.

Угроза национальной безопасности
Самая большая проблема – это даже не низкий уровень финансирования, а невостребованность науки.

Разрушение РАН будет способствовать дальнейшей деградации человеческого капитала и социальной инфраструктуры в России. Фундаментальная наука России является конкурентным преимуществом страны, и необходимо развивать это преимущество¹¹. Учитывая важнейшую роль, которую наука и инновации играют в формировании постиндустриальной модели развития («общество знаний») в XXI веке, роль центров силы в глобализующемся мире могут играть только державы, обладающие мощным научно-техническим потенциалом.

Нынешняя ситуация создает угрозу национальной безопасности России. Если не изменить подход к науке, то произойдет консервация примитивной структуры экономики, усиление научно-технологического отставания страны, дальнейшее снижение международной конкурентоспособности отечественной несырьевой продукции и закрепление униженного для России статуса сырьевого придатка мировых лидеров.

К сожалению, оказались невыполненными принятые несколько лет назад известные решения Совета Безопасности РФ, предусматривавшие адекватное развитие российской науки (в частности, финансирование гражданских НИОКР на уровне 4% федерального бюджета).

Практически все ведущие страны имеют продуманную стратегию научно-технического развития, которая реализуется на практике и обеспечивается выделением значительных финансовых средств.

Главный упор в этих программах делается на увеличении государственных инвестиций в НИОКР в приоритетных отраслях, стимулировании внутреннего спроса на высокотехнологичную продукцию, принятии комплексных мер по поощрению инновационной активности частного сектора, особенно малого и среднего бизнеса, а также подготовке квалифицированных научных и инженерно-технических кадров.

Все это позволяет сделать вывод о том, что выход России в число

лидеров глобального научно-технического развития требует ускоренного осуществления государственной стратегии поддержки НИОКР и инноваций.

С учетом мирового опыта и особенностей современного состояния экономики России такая стратегия, как представляется, должна включать два взаимодополняющих компонента.

Во-первых, необходимо увеличение бюджетного финансирования приоритетных направлений фундаментальных исследований, а также (в оборонной сфере) прикладных НИОКР.

Во-вторых, требуется продуманная налоговая политика по стимулированию расходов частного сектора на НИОКР («налоговые расходы»).

Для модернизации российской экономики требуется хорошо продуманная государственная научная политика, а не новые неолиберальные эксперименты.

На первом этапе задача заключается в том, чтобы довести уже в ближайшие годы расходы на НИОКР как минимум до 2% ВВП (1% за счет государственного финансирования и 1% за счет частных расходов). Россия может и должна в 2012 году выйти на показатель 50% от уровня лидеров по расходам на одного исследователя – порядка 50 млрд долларов в год в ценах 2010 года.

На втором этапе (до 2020 года) расходы на НИОКР должны достигнуть 3% ВВП – 75% от уровня лидеров по расходам на одного исследователя, чтобы обеспечить выход на средний уровень в размере 70–80 млрд долларов в год в постоянных ценах.

На третьем этапе (середина XXI века) расходы России на НИОКР необходимо довести до 4–5% ВВП (100–120 млрд долларов в год в постоянных ценах), что позволит войти в группу мировых лидеров по расходам на одного исследователя.

Только в этом случае Россия сможет вернуться в число научных сверхдержав в XXI веке, стать одним из центров силы в многополярном мире.

1. Д.А.Медведев. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 12 ноября 2009 г.
2. The Financial Times, January 26, 2010.
3. Тенденции развития кадрового потенциала российской науки. Институт проблем развития науки РАН. М., 2008. С. 7.
4. The New Geography of Science: Research and Collaboration in Russia. Thomson Reuters. January 2010.
5. OECD Science, Technology and Industry Outlook 2008, p. 83.
6. OECD Main Science and Technology Indicators, April 2009.
7. Независимая газета. 2010. 13 января.
8. Известия. 2010. 26 января.
9. Science and Engineering Indicators 2010, p. 7–36.
10. У ведущих стран расходы на гражданскую науку составляют 2–3% ВВП, а на оборонные НИОКР – менее 0,1% ВВП. Только у США на военные НИОКР расходуется 0,5% ВВП, а у Франции и Великобритании – 0,2–0,3%.
11. Фундаментальная наука России: состояние и перспективы развития. М., 2009. С. 29.

1 ДЕНЬ .из жизни города

графика +

Номинация «Не формат»
1 место. «Красное и жел-
тое». Бамгшева Анастасия

Акция «Один день. Том III» – это ежегодная акция, проводимая уже третий раз. Акция проводится в два дня и включает в себя фото-арт турнир и фото-перформанс – презентацию лучших работ. Участникам

турнира предлагается за пятнадцать часов одного дня отразить средствами фотографии именно тот момент, который показался им волнующим, интересным, которым хочется поделиться с окружающими.

В этот раз при регистрации участникам были предложены такие номинации:

1. Архитектура
2. Я иду по февралю (люди, эмоции и т. п.)

Приз зрительских симпатий
«Маленький взгляд на большое». Маркова Мария, Ковалев Антон

Номинация для школьников «Мой взгляд»
1 место. «Три глаза». Смирнова Оля, Амирова Настя
(Команда «Мырята»)

3. Не формат («Ещё никто не делал этого зимой»)

4. Отдельная номинация для школьников «Творчество школьников»

5. Отдельная номинация от спонсора ОАО «Мегафон» – «Мобильный шпион» (фотографии сделанные на фотокамеру мобильного телефона)

На следующий день состоялся фото-перформанс – презентация лучших работ в Музыкальном театре им. Загурского. Было показано шестьдесят работ, отобранных более чем из пятисот представленных на конкурс.

Во время перформанса шла работа жюри, в состав которого вошли:

Козак Игорь Владимирович (председатель Иркутской региональной общественной организации «Союз архитекторов России, главный архитектор ОАО «Иркутскгражданпроект»)

Григорьева Елена Ивановна (чл.-кор. РААСН, вице-президент Союза архитекторов России, лауреат Государственной премии РФ)

Красная Надежда Натановна (начальник научно-исследовательской проектно-реставрационной мастерской ОАО «Иркутскгражданпроект»)

Шмидт Екатерина Николаевна (начальник отдела общего образования департамента образования комитета по социальной политике и культуре администрации Иркутска)

Домбровская Светлана Ивановна (начальник управления культуры администрации Иркутска)

Козырев Евгений Александрович (фотограф газеты «Коммерсант»)

Константиныди Галина Ивановна (генеральный директор ООО «Графика+», постоянный партнер мероприятия)

Сгребный Алесандр Игоревич (директор Иркутского регионального отделения дальневосточного филиала ОАО «Мегафон»)

Дмитрий Дмитриев (фотокорреспондент газеты «Восточно-Сибирская правда»)

Рютин Николай (фотокорреспондент газеты «Областная»)

В результате работы жюри были определены победители. Ими стали:
НОМИНАЦИЯ «АРХИТЕКТУРА»

1 место – Переправа, Денис Мартынов

2 место – Танец фонарей, Дмитрий Подшивалов

3 место – Сердце, Евгений Гнеушев

НОМИНАЦИЯ «Я ИДУ ПО ФЕВРАЛЮ»

1 место – Я иду по февралю, Анастасия Морозова

2 место – Рыжик и Айболит. Встреча, Оля Куклина

3 место – Пюпитр, Дарья Речкина, Ольга Поречная

Номинация «Я иду по февралю»

2 место. «Рыжик и Айболит. Встреча». Куклина Оля

Номинация «Архитектура»
1 место. «Переправа», Мартынов Денис

Номинация «Capitany.any»
«Цвета». Дрожжина Елена

НОМИНАЦИЯ «НЕ ФОРМАТ»
1 место – Красное и желтое, Анастасия Бамгшева
2 место – Трамплин, Валерий Зонов
3 место – 5 минут славы, Анна Фурман, Марина Фунт

НОМИНАЦИЯ «CAPITANY.ANY»
– Цвета, Елена Дрожжина

НОМИНАЦИЯ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ «МОЙ ВЗГЛЯД»
1 место – Три глаза, Оля Смирнова, Настя Амирова (Команда «Мырята»)
2 место – Папа может, Илья Голков, Галя Касаткина
3 место – Колебание, Эльвира Дульская

НОМИНАЦИЯ «НЕВИДИМЫЙ ШПИОН» – Иркутск – город контрастов, Островерхова М.

ПРИЗ ЗРИТЕЛЬСКИХ СИМПАТИЙ
– Маленький взгляд на большое, Маркова Мария, Ковалев Антон

После награждения победителей состоялся благотворительный аукцион. Вырученные средства были направлены на нужды инфекционно-боксированного отделения Ивано-Матрёнинской детской клинической больницы Иркутска.

3 марта в Городском выставочном центре им. В.С. Роголя прошла выставка «Один день из жизни города». На ней было представлено шестьдесят работ, вышедших в финал.

С каждым годом растёт число участников акции и внимание общественности. Так, в первой акции приняло участие около ста пятидесяти человек,

а в этот раз более четырёхсот пятидесяти, и это несмотря на мороз. Растёт и уровень работ.

Общая тема конкурсных фотографий – один день из жизни города. Принять участие в акции может любой человек, житель или гость нашего города, при этом ему не нужно иметь специального образования и профессиональных навыков, а надо просто взять в руки фотоаппарат и запечатлеть именно ту секунду жизни нашего города, которая показалась ему интересной или необычной. При этом помимо технических требований критерием отбора работ в финал конкурса являются эмоции, впечатления, уникальность времени, места, события. Визуальные эффекты соседства исторических памятников и современных зданий, эклектика архитектурных стилей, фрагменты городской повседневности, портреты жителей – все это темы для конкурсных работ. Это неожиданный Иркутск – динамичное противоречивое пространство жизни молодых людей, не отягощенных художественными штампами и бытовыми стереотипами. Зафиксированные на фотопленку фрагменты одного дня городской повседневности позволяют взглянуть на Иркутск по-новому.

Алексей Ружников (постоянный участник турнира): «Для нас “Один день” – это возможность вырваться из рутины работы и учёбы, бытовых проблем, ежедневных мелких неприятностей. Возможность остановиться и посмотреть на мир вокруг себя, заняться творчеством, не думая о том, как это будет оцениваться профессионалами».

Изначально планируемый как акция для студентов архитектурного факультета ИрГТУ, конкурс принял общегород-

ской масштаб. В нем участвуют люди разных возрастов и профессий – те, кому не безразличен Иркутск.

По итогам четырёх акций планируется издание книги «Один день», в которую войдут не только работы победителей каждого из турниров, но и работы, не прошедшие в финал. Издание книги запланировано на лето 2011 года и будет приурочено к празднованию 350-летия Иркутска.

Какой наш город сейчас?
Каким он может быть?
Как чувствует в нём себя каждый человек?
Любим ли мы свой город?
Хотим ли мы делать его краше?
Хотим ли мы, чтобы выросло новое поколение инициативных людей?
Если вы когда-нибудь задавали себе этот вопрос, вы – наша команда!

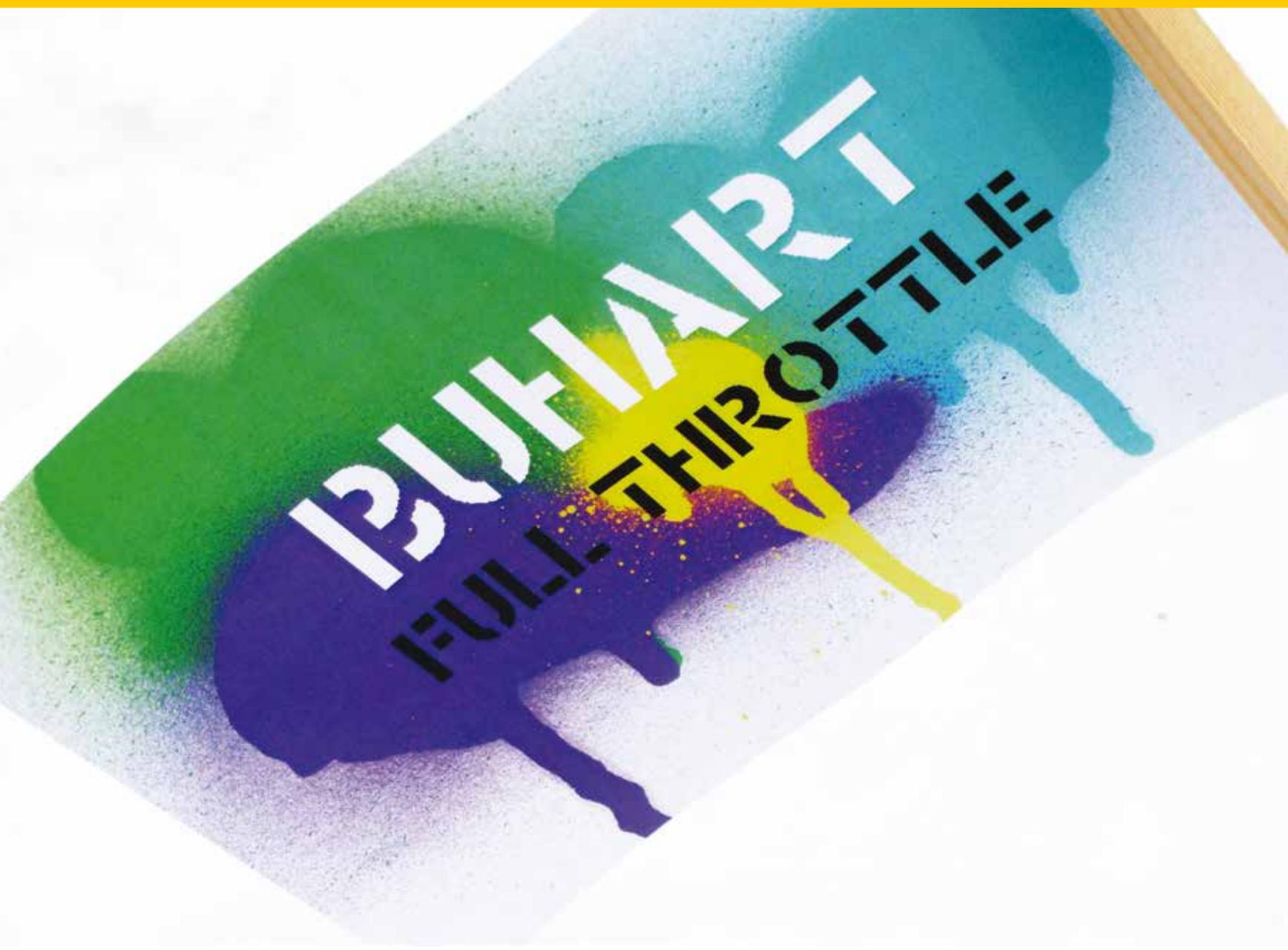
Постоянными партнёрами акции «Один день» являются:
– компания «Графика +»,
– ОАО «Мегафон».

Генеральный информационный партнёр:
– общественно-политическая газета «Областная».

Отдельное спасибо Галине Ивановне Константиновой, Анне Анатольевне Писаревой, Игорю Владимировичу Козаку.

За помощь в организации выражаем благодарность Илье Пономарёву, Владимиру Мозеру, Евгению Гомоновой, Алексею Ружникову, Григорию Малечко, Ивану Волченкову, Владимиру Акулову, Карине Ханутиной, Анастасии Кашцевой.

БухАрт – В ОТРЫВ

По итогам прошлогоднего фестиваля «БухАрт – В ОТРЫВ», креативная группа «Точка G» приняла эстафетную палочку на право организации IV Открытого архитектурного чемпионата по интеграции с природой. Благодаря усилиям команды, в этом году он стал межрегиональным, а тема «BUHART4-FULL THROTTLE» (что в переводе означает «Полным Ходом») ознаменовала его стремительное развитие как успешного фестиваля. Любители видеоигр сразу узнали в этом названии культовый квест 90-х, который радовал интересным сюжетом, уникальным

стилем и юмором. Исходя из этого, участники должны были создать свой уровень игры, основываясь на собственных правилах и сюжете. Главное, чтобы проект жил, мог заинтересовать зрителя и включить в свою игру.

Креативное действие проходило с 5-го по 9-е марта в поселке Утулик. В течение трех дней на берегу реки Утулик шло строительство игровых инсталляций. От творческого процесса участников отвлекали только интересные лекции в области архитектуры, которые проводил специально

приглашенный из Москвы гость и участник одной из команд Евгений Золотухин. Темы были самые что ни на есть актуальные в настоящее время и интересующие не только архитекторов-профессионалов, но и студентов-архитекторов и даже людей, непрichастных к этому роду деятельности. А именно: какие возможности открываются для будущих специалистов в этом профиле; опыт, деятельность и планы КМА (www.kma-club.com); дигитальная (digital) или параметрическая архитектура нового времени; проект 2010 года со взглядом на XX

1 место: «PS1» (Иркутск)

БРАТЯ ПИЛОТЫ
ремонтно-производственная компания

Schwarzkopf

2 место: «АрхСолянка»
(Иркутск, Москва,
Ярославль)

век от СМА (Союза московских архитекторов), МСК (Московский союз кузнецов) и проектной группы А2: «АрхКузница-2010» (www.ak2010.ru).

15 команд разного уровня, с разным восприятием заданной темы, пространства и материалов воплощали свои малые архитектурные замыслы. Многие команды участвовали впервые и превзошли все наши ожидания, показав развернутую концепцию и то, как можно воплотить ее в реальность. Общий генплан инсталляций позволил во время перформанса каждому участнику и гостю фестиваля пройти уровень

за уровнем всю игру, созданную командами при помощи экоматериалов и природного ландшафта. Результат – отличное настроение, творческая атмосфера и новый уровень фестиваля БухАрт.

Места IV Открытого архитектурного чемпионата по интеграции с природой распределились следующим образом:

1 место: «PS1» (Иркутск)

2 место: «АрхСолянка» (Иркутск, Москва, Ярославль)

3 место: «Швейцарский Сварщик» (Новосибирск)

Также креативная группа «Точка G» выделила 5 команд в своих номинациях и вручила персональные призы командам «АрхСолянка», «Бубля», «Пятый Слон», «POP_CORN» и «PS1».

Жюри фестиваля: главный архитектор области Владимир Викторович Распутин, руководитель архитектурной студии Жуковского Николай Леонидович Жуковский, ген. директор Главстройпроекта Алексей Владимирович Говорин, главный архитектор проекта Инна Евгеньевна Дружинина, архитектор и автор ледяного комплекса «Иордань» в Иркутске Вадим Владимирович Семенов,

3 место:
«Швейцарский Сварщик»

главный архитектор проектной мастерской №1 Иркутскгражданпроекта Вячеслав Анатольевич Бызов.

Выражаем свою благодарность спонсорам фестиваля:

– Генеральный спонсор: Главстройпроект

Официальные спонсоры: Иркутский Промстройпроект, компьютерный салон «Матрица»

Генеральный партнер, который работает с нами уже не первый год и производит всю печатную продукцию: «Братья Пилоты»

Официальные партнеры: «Vogue safe», международная междугородняя связь «Единство Телеком», Телеканал «ТНТ – Иркутск», «Schwarzkopf»

Информационные партнеры: телеканал ДТВ (23-й канал), журналы «Особняк в квадрате», «Chif», «Проект Байкал», «Стольник», «В Хорошем Вкусе», «BigCityLive», «Строим Вместе», газеты «Областная», «Пятница»

Организаторами IV Открытого межрегионального архитектурного чемпионата по интеграции с при-

родой «BUNART4-FULL THROTTLE» были Анастасия Кашеева, Григорий Малечко, Ксения Козяева, Евгения Кусовникова, Михаил Шишкин, Сергей Парфенов, Мария Пляскина.

Большую благодарность за поддержку и помощь в подготовке выражаем президенту КМА (Клуба молодых архитекторов) Александре Козак и всем организаторам предыдущих фестивалей.

Команда «Бубля»,
«Ракмен»

19 марта на 72-м году ушел из жизни архитектор Владимир Азариевич Павлов. Павлов был подлинным зодчим. Он делал реальную (не вымышленную) архитектуру. Уроженец Москвы, житель Ленинграда, выпускник Академии архитектуры, живописи и скульптуры им. Репина, профессиональную деятельность он начал в Восточной Сибири. Его стремительный творческий взлет связан с иркутской практикой. Он сделал этот город широко известным в профессиональных кругах страны и не только. Однако властями и официальным архитектурным истеблишментом Владимир Павлов не был обласкан. Не был он отмечен соответствующими масштабу его таланта и заслуг регалиями, хотя мировая профессиональная элита включила его в когорту пятидесяти лучших архитекторов своего времени. В 1988 году Владимир Павлов вернулся в Санкт-Петербург (тогда еще Ленинград), посвятив себя в основном правовым вопросам архитектуры и градостроительства.

Жизнь бренна.

Остается только память...

Суровые будни российского зодчества

Люди ходят по улицам городов и, как правило, не отдают отчета в том, каких трудов стоит придумать и построить окружающие нас здания.

Архитектор создает образ сооружения задолго до того, как в реальности появляются его контуры. Для того чтобы этот образ созрел, кроме таланта, архитектору нужно долго учиться своей профессии, смотреть, что сделано за многие века до нас, изучать, как строить сегодня, и стараться понять, чего от архитектора ждет народ, заказчик и многочисленные организации, обслуживающие архитектурно-строительный процесс. Я имею полувековой опыт участия в этом процессе, и возникает потребность поделиться с читателем своими взглядами на нынешнее состояние нашего зодчества, на его беды и проблемы.

Их много, но одна, на мой взгляд, центральная. Несколько огрубляя, можно сказать: нас не понимают. Уже многие годы и десятилетия нас, архитекторов, не слушают, не умеют и не хотят слушать. Да, не хотят, потому что нам не верят: за редким исключением мы, российские зодчие, творим так, что наш «продукт», как правило, отвергается обществом. Борьба с «излишествами», затеянная Н.С. Хрущёвым, очень больно ударила по престижу архитектурной профессии. Недоверие к архитектору как виновнику всех бед в строительстве, заложенное в 50-60-х годах XX века, остро чувствуется до сих пор, несмотря на коренные социально-экономические сдвиги. Более того, в последнее время процесс отторжения и непонимания обострило появление у архитектора частного заказчика. Наиболее наглядно это демонстрирует безвкусица загородной застройки вокруг наших больших городов, выполняемой «на потребу» богатого заказчика.

Потеря авторитета профессии часто ставит автора проекта в уничижительную позу «чего изволите?». А учитывая то, что вкус чиновников и сегодняшних заказчиков в большинстве своем оставляет желать лучшего, это приводит к печальным последствиям. Более того, теряется стимул к самостоятельному творческому мышлению; становится опасно и страшно делать что-то близкое твоей душе. Уместно привести слова известного башкирского поэта Мустая Карима: «Смутно догадываюсь: не от страха и трусости это, а оттого что, когда складывалась и созревала душа, она попала в тиски времени стандартного мышления и оттуда вырваться до конца никак не может. Будто уже

ничего не боюсь, но отстегнуть все крючки никак не могу» (Литературная газета. 2009. 24 нояб.). Это говорит крупный поэт, облеченный признанием и властью, творчество которого в принципе зависит только от него самого. А каково нашему брату-архитектору, на результаты работы которого влияет уйма факторов, и не в последнюю очередь архитектурная мода, из которой вырваться весьма сложно? Как не вспомнить здесь стихок: «Ты старомоден. Вот расплата / За то, что в моде был когда-то».

Модно быть современным. А быть современным – значит делать как на Западе. Но западные города уже многие годы застраиваются, за редким исключением, уныло и однообразно, по стандартным шаблонам и из стандартных элементов (наподобие крупнопанельного строительства, покрывшего нашу страну во второй половине прошедшего века).

Однако главная беда случилась в менее заметной области – в градостроительстве. Переход на частное землевладение, отказ от заранее разработанных генеральных планов с продуманным развитием территорий, с возможным учетом социальных последствий строительства грозит привести к необратимым последствиям. Сегодня нарушена и организационная структура градостроительного надзора. Принижена роль или вообще ликвидирована служба главных архитекторов городов, с большим трудом созданная в стране во второй половине XX века. Практически ликвидирована общегосударственная система градостроительного контроля. Нет единого органа, отвечающего за разработку норм, стандартов и регламентов в области архитектуры и строительства. Мы много ругали прежний Госстрой за косность и бюрократизм, но не могли себе представить, что его ликвидация приведет к такому разгулу вкусовщины и законодательному нигилизму. Правда, последствия проявляются не сразу, но они накапливаются и становятся видны: чего стоит уже видимый результат градостроительного произвола при запроектированном возведении башни ОХТА-центра и не менее одиозного нового здания Мариинского театра в Санкт-Петербурге.

Сейчас архитектор стал ещё более беззащитен. Отсутствие современных строительных нормативов ставит его в тяжелое положение перед заказчиком и перед проверяющими государственными органами. На мой взгляд, только серьезное градостроитель-

ное мышление, только ансамблевая, комплексная застройка в состоянии преодолеть одновременно унылость и «вседозволенность». Только при формировании единого градостроительного комплекса можно достигнуть соразмерности всех его частей и вкусового единства. Для отдельных зданий, возводимых в границах сложившейся застройки, рецепт довольно прост – смотри на соседей.

К сожалению, тревоги профессии о проблемах градостроительства не заканчиваются.

В последнее время все строительство и, тем самым, архитектурное проектирование стоимостью более 300 тысяч рублей (это цена одного квадратного метра) ведется по так называемым тендерам, когда заказ получает подрядчик, объявивший наименьшую цену, практически не зависимую от его возможностей по качественному возведению объекта. Такая стратегия – источник низкого качества и безвкусицы в архитектуре, она создает прямую опасность и возможность обрушения зданий, является реальной базой для разгула коррупции. Уже давно уважающие себя архитекторы отказываются от участия в подобных «творческих» соревнованиях. А если архитектурные конкурсы и проводятся, то они, как правило, заранее нацелены на определенную иностранную проектно-строительную фирму. Яркий тому пример – печальная история конкурса на строительство нового здания Мариинского театра.

Ко всем нашим бедам прибавляется грядущая реформа архитектурного образования, стремление обрушить отлаженную в целом систему вузовской подготовки, перестроить под «болонский процесс», принципы которого уже подверглись справедливой критике и отвергнуты многими западными школами. Если в основу российского, а затем и советского архитектурного образования была положена художественно-творческая подготовка, то западное образование базируется прежде всего на внедрении в сознание студентов инженерно-технических навыков с компьютерным методом мышления. Для настоящей архитектуры такое образование должно быть только дополнением к художественному. Мы стоим на пороге развала архитектурного образования, расчленения его на отдельные профессии вплоть до отделения от неё профессии дизайнеров, последствия которого могут быть губительными (пример – безграмотное оформление кафе в Перми).

X Международный архитектурный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2010»

Министерство культуры и архивов Иркутской области, Иркутская региональная организация Союза архитекторов России, Восточно-Сибирский научно-творческий центр Российской академии архитектуры и строительных наук проводят фестиваль «Зодчество Восточной-Сибири 2010». Фестиваль проводится с 2 по 6 июня 2010 года в г. Иркутске в порядке подготовки к Международному фестивалю «Зодчество 2010».

Место проведения:

г. Иркутск, Художественный музей (ул. Ленина. 5) и Дом архитектора (переулок Черемховский 1а).

В программе фестиваля:

- смотр конкурс лучших архитектурных произведений 2007-2010 годов (разделы: «Постройки», «Проекты», «Пропаганда архитектуры»);
- смотр-конкурс творчества молодых архитекторов и студентов Восточной Сибири за 2007-2010 годы;
- смотр-конкурс детского архитектурно-художественного творчества;
- дискуссия по материалам смотров-конкурсов и проблемам архитектуры и градостроительства в Восточной Сибири.

К участию в смотрах-конкурсах фестиваля приглашаются архитекторы, проектные организации, архитектурные фирмы, учебные архитектурные заведения, архитектурно-художественные школы Восточной Сибири.

Лауреаты смотров-конкурсов награждаются дипломами и ценными призами.

Количество наград устанавливается жюри в пределах премиального фонда.

Премиальный фонд формируется из взносов учредителей фестиваля и других взносов.

Учредители и спонсоры фестиваля имеют право присуждения собственных наград.

С положениями о смотрах-конкурсах, заявками и другими документами можно ознакомиться на сайте www.iro-sar.ru

По всем вопросам организации и проведения смотров-конкурсов обращаться по адресу:

664025, г. Иркутск
Переулок Черемховский 1а
Тел\факс: (3952)33-28-40
Тел\факс: (3952)33-28-39
E-mail: boai@inbox.ru, irkda@irk.ru

График проведения фестиваля:

Заявки на участие во всех смотрах-конкурсах принимаются до 22 мая. Предоставление работ до 29 мая 2010 года; с 30 по 1 мая 2010 года – монтаж выставки.

Председатель оргкомитета:

Чумаков С.А., тел.: (3952) 33-39-66, chumakov@ipsp.ru.

Степень и качество дизайнерского участия в строительном процессе у нас никак законодательно не обозначено, что приводит многих заказчиков к желанию делать специальные дизайнерские проекты по оформлению интерьеров строящихся зданий без согласования с авторами проекта – профессиональными архитекторами. Зачастую это приводит к конфликтам из-за неподготовленности дизайнеров вести подобные проектные работы. Отдавая должное творческим достижениям художников-дизайнеров, особенно зарубежным, в наших условиях допускать их к оформлению интерьеров можно только под руководством лицензированных архитекторов. Иначе творческих конфликтов и трагедий с человеческими жертвами не избежать.

Завершить эти краткие заметки о некоторых бедах современного российского зодчества я хочу размышлениями вокруг постоянно обсуждаемых, но трудно решаемых проблем освоения в архитектуре национальных традиций.

Мы часто жалуемся, что общество нас не понимает. Но при этом мы, архитекторы, подчас не желаем понимать настроение общества, его вкусы и эстетические потребности, считая их мешанскими, безвкусными. В большинстве случаев это справедливо. Однако иногда за непрофессиональными оценками нашего творчества скрывается нежелание внимательно относиться к национальным особенностям культур, в том числе и к русской культуре.

Русскому зодчеству, опирающемуся на многовековые традиции, свойственна богатая пластика как в общих формах, так и особенно в деталях, истоки которых усматриваются в прикладном народном искусстве. Об этом я писал ещё в 2002 году в своих «Заметках архитектора»: «Русское архитектурное наследие, от псковско-новгородских традиций до поисков русского модерна, позволяет находить аналоги в самом широком диапазоне. Это мощная стена и богато разработанный силуэт, это тщательно выполненное обрамление проемов и богатое внутреннее пространство и пространство между зданиями, это изысканность рисунка всех деталей и тонкость пропорций.

И несмотря на это разнообразие форм, всё пронизано общим угадываемым духом теплоты, мягкости и нерегулярности, равнодушным отношением к строгости и порядку, так свойственным русскому национальному быту во все времена и эпохи» (М., изд. «Жираф», 2002, с. 90).

Я думаю, именно поэтому нашему народу чужды сухие формы западного конструктивизма, чужды легковесность и серость «фанерных» монстров, возникающих в наших крупных городах на потребу нового капитализма. Происходит странная картина: мы все восхищаемся прекрасными памятниками архитектуры, поддерживаем борьбу за сохранение исторического наследия, но никак не переносим это на архитектурную практику сегодняшнего дня: мы как бы не замечаем противоречия. Я не хочу, чтобы эти слова были восприняты как призыв к копированию старины. Такой путь бесперспективен и не интересен. Надо просто хотеть чувствовать национальное дыхание и стремиться его передать доступными нам средствами.

Слабые попытки откликнуться на вызовы современности, конечно, нельзя отнести к явным бедам нашего зодчества, хотя в чисто профессиональном плане может очень сильно дискредитировать современную архитектуру России.

И все же какие бы беды ни испытывала наша прекрасная профессия, что бы ни мешало нам творить, мы, несмотря ни на что, будем работать, и далеко не потому, что иногда нам за это ещё платят.

Только коллективное и всеобщее осознание тревожных будней всем нашим профессиональным цехом способно вывести нас из болота третьеразрядной архитектурной державы.

Дерево-2/wood-2

Деревянное зодчество России на грани исчезновения

текст
Михаил Мильчик

Разрушенная церковь
Трех святителей 1782
г. на реке Ваге (дер.
Смотраковка Шенкурского
района Архангельской
области). Фото 2007 г.

Никольская церковь
1678 г. в на реке Онеге
уже много лет находится
в аварийном состоянии
(с. Бережная Дуброва
Плесецкого района
Архангельской области).
Фото 2008 г.

Еще в XIX веке деревянные постройки определяли облик большинства деревень и городов России, включая губернские. В 1-м томе знаменитой Истории русского искусства (1909 г., под редакцией Игоря Грабаря) читаем: «На русском Севере сохранилось, по счастью, такое множество старинных деревянных церквей, что по ним мы можем воссоздать все приемы, бывшие в ходу в деревянном храмоздательстве в течение целого ряда веков». Однако и тогда ощущалась опасность утраты этого огромного пласта строительной и художественной культуры России: «И видится, недалек уже момент, когда великая сокровищница народного творчества – русский Север – окончательно опустеет. Как боязно и жутко лишиться этой силы!» К сожалению, эти опасения оправдались: теперь уже не существует более 80% храмов, зафиксированных в начале XX века. Только лишь за последние 15 лет в одной Архангельской области погибло более 20 деревянных храмов XVII–XIX веков, стоявших на государственной охране, и огромное число старинных домов. Сходная участь и деревянных усадеб на территории

Ленинградской области (бывшая Санкт-Петербургская губерния). Можно утверждать, что в течение ближайших 10–15 лет в сельской местности памятники деревянной архитектуры исчезнут полностью за исключением тех, что находятся в музеях под открытым небом.

Опыт сохранения деревянных городов в Финляндии (напр., Порвоо, Раума, Наантали), Швеции, Норвегии, а также целых кварталов старых домов в Стокгольме, Хельсинки, Турку, Трондхейме говорит о том, что такое совместимо с условиями функционирования современного города. Более того, деревянная застройка не только свидетельствует о прошлом, сохраняет историческую память, но и придет городу неповторимые черты, а владельцы ими, как правило, состоятельные люди.

Это вполне могло бы относиться и к Иркутску, в котором еще есть такие улицы и целые кварталы. Они, несмотря на неудовлетворительное состояние многих построек, делают город одним из самых интересных в историко-архитектурном отношении из всех больших городов Сибири. Разумеется, владельцы или арендаторы таких строений, как правило, не имеют достаточных средств для реставрации, а подчас и не понимают значения того, что досталось им от предшествующих поколений.

Чтобы сохранить неповторимое лицо города, нужна целая программа, основанная на государственно-частном партнерстве. Недавно прошедший студенческий конкурс в рамках Байкальского зимнего градостроительного университета, посвященный реабилитации деревянной среды, показал, что такое возможно не только за границами России. Надо лишь понять непреходящую ценность наследия, убедиться в возможности и целесообразности его сохранения, в реальности его приспособления к современным условиям жизни (оснащении необходимыми коммуникациями и пр.) и... захотеть решить эту, поистине историческую задачу хотя бы в рамках одного города. Тогда Иркутск мог бы стать примером и для других исторических городов России.

Гибель самой оригинальной части архитектурного наследия России – еще неосознанная обществом катастрофа. Ее основные причины следующие:

- 1) приближение предельного возраста жизнеспособности жилых построек, возведенных более ста лет назад, и культовых, построенных более двухсот лет назад;
- 2) многочисленные пожары и почти полное отсутствие противопожарной защиты;

Усадебный дом писателя Владимира Набокова 1790-х гг. на реке Оредеж (с. Рождественское Гатчинского района Ленинградской области) в процессе восстановления. Фото 2003 г.

Усадебный дом писателя Владимира Набокова 1790-х гг. Фото 1980 г.

Усадебный дом писателя Владимира Набокова 1790-х гг. после пожара 1995 г.

3) целенаправленное разрушение коммунистическим режимом церквей и часовен в 1930–50-х годах;

4) резкое изменение бытового уклада крестьянской жизни после коллективизации;

5) отсутствие действенного законодательства в области охраны памятников;

6) недостаточное финансирование государством ремонтно-консервационных работ;

7) отсутствие службы постоянной поддержки даже выдающихся памятников.

Однако главная причина – всеобщее непонимание или же нежелание понять уникальность гибнущего наследия.

Основным способом сохранения памятников деревянной архитектуры на протяжении последних 50 лет стала их перевозка в музеи под открытым небом, что неизбежно приводило к изъятию памятников из их естественного окружения, из исторически сформировавшейся среды. К тому же при перевозке древесина заменяется новой на 50% и более, декоративные детали в своем большинстве воссоздаются по аналогам, а реставраторы часто стремятся представить памятник в его так называемом первоначальном

виде, в той или иной степени гипотетичном или, в лучшем случае, в «оптимальном облике».

Критерий подлинности за редкими исключениями не был определяющим при принятии реставрационных решений. Необходимо признать устаревшим понятие «оптимального облика» как критерия при выборе реставрационного метода, а также считать, что позднейшие наслоения представляют историческую ценность.

Не получили у нас развития национальные парки – несравненно более совершенная форма сохранения.

Ныне делаются попытки создания этнографических парков, в которых будут представлены копии погибших памятников. Естественно, что макеты в натуральную величину не могут быть альтернативой погибшему наследию.

Для спасения остатков деревянного зодчества в нашей стране необходимо принятие ряда экстраординарных мер и прежде всего принятие международной программы спасения деревянного наследия России под эгидой ЮНЕСКО, которая должна включать:

- 1) проведение фиксации гибнущих памятников;
- 2) разработку программы первоочередных противоава-

Погибший ансамбль Шуйского погоста XVIII – XIX вв. на реке Шуе (Прионежский район республики Карелия). Фото начала XX в.

Погибший ансамбль Верхне-чурьегского погоста XVIII в. на Спасском озере

(с. Агафоново Каргопольского района Архангельской области). Фото 1886 г.

Сгоревшая в 1964 г. Покровская церковь 1708 г. на реке Вытегре (с. Анхимово Вытегорского района Вологодской области). Фото начала XX в.

Воссозданная в этнографическом парке «Богословка» на берегу Невы Покровская церковь Анхимовского погоста (1708 г.). Подлинная церковь стояла на берегу реки Вытегры. Фото 2008 г.

рийных мероприятий с целевым финансированием; 3) создание временного комитета с широкими полномочиями; 4) создание плотницких центров (школ) и бригад для проведения таких работ; 5) признание того факта, что правильно устроенная обшивка увеличивает долговечность сруба, а потому в ряде случаев необходимы ее ремонт и даже восстановление; 6) принятие мер для развития и поддержки системы национальных парков в местах наибольшего сосредоточения памятников; 7) на основе двустороннего сотрудничества со странами Скандинавии, Финляндии и другими создание совместных бригад как для фиксации гнущихся памятников, так и для проведения противоаварийных работ.

Однако надо признать, что неосознанность российским обществом и властью делает принятие таких мер весьма маловероятным делом. В таком случае для сохранения памяти о гнущем зодчестве особое значение приобретает первое предложение – создание банка данных по максимально широкому кругу построек. Бездействие же с неизбежностью приводит к тому, что от русского народного зодчества – яркой страницы мирового архитектурного наследия, с которым может сравниться только норвежская деревянная архитектура, не останется даже достаточно полных сведений. Мы – последнее поколение, которое еще может выполнить эту поистине историческую задачу.

Жуки, ракушки и культурное наследие

Большинство живых существ, населяющих Землю, носят свой скелет снаружи тела. Это и древнейшие обитатели планеты – моллюски, и ракообразные, и самые многочисленные – насекомые. Человек, скелет которого природой помещен внутри тела, перенял у старших товарищей по планете их находку и тоже стал обзаводиться экзоскелетом. Так появились домостроение и архитектура.

Как и многие экзоскелеты в живой природе, архитектурные шедевры вызывают восхищение своей красотой и гармоничностью. Возникает вполне понятное желание сберечь и сохранить такую красоту для будущих поколений.

Сохранением природных экзоскелетов занимаются биологи, коллекционеры и ювелиры. Сохранение зданий – целая область, где причудливо сталкиваются, сотрудничают и конфликтуют интересы архитекторов, бизнесменов, политиков, юристов и ученых. Особая проблема заключается в том, что коллекция «человеческих экзоскелетов» (в отличие от коллекции жуков или раковин) занимает немало места, причем места не всякого, а специально выбранного.

Сибирский дом во многом похож на живое существо. Он дышит, он требует от хозяина заботы и внимания, а взамен дает неповторимое ощущение дружелюбия и здоровья¹. Как и любое живое существо, дом переживает молодость, зрелость и старость. Следуя теории великого врача Ильи Ильича Мечникова, согласно которой нормальная продолжительность человеческой жизни составляет сто двадцать – сто сорок лет, можно сказать, что обычный дом не намного долговечнее своего хозяина. Каждые сто – сто пятьдесят лет сруб следует перекладывать, заменяя подгнившие венцы, – разумеется, если в этом доме живут люди. Впрочем, сруб может жить и дольше, если он правильно поставлен и его правильно используют.

Деревянный дом боится лишней воды: сырость губит его быстро и необратимо. Жители лесистых и болотистых регионов всегда культивировали искусство учитьвать при строительстве расположение и динамику подпочвенных вод. Особенно важным такой учет становится в Сибири, где глубокий подвал защищает дом от промерзания, но делает его уязвимым для затопления грунтовыми водами.

В течение всего XX века каменное здание, крепко стоящее на земле, оставалось предметом гордости горожан и свысока поглядывало на «примитивные» жилища кочевников. Однако к началу нового столетия стало ясно, что бетон и кирпич, асфальт и многоэтажная застройка имеют и свои минусы.

Иркутск стоит на почвах, образованных речными наносами – пропитанных водой рыхлых слоях песка, галечника, глины. Чудовищный вес каменного многоэтажного города выдавливает на поверхность почвенные воды². Плюс огромные объемы воды, которые горожане беззаботно выливают в канализацию. Плюс та вода, которая не доходит до конечного потребителя, а выливается из водопроводов из-за различных неисправностей. Такая расточительность не только «бьет по карману», но и создает множество неприятностей в виде верховодки – проступающих на поверхность почвенных вод.

Столь же расточительное отношение современные горожане демонстрируют по отношению к теплу. Новые СНиПы, правда, требуют увеличивать тепловое сопротивление стен, но основные потоки тепла продолжают покидать дом через окна, двери отапливаемого подъезда, через холодный чердак (или, тем более, через совмещенную кровлю), через промерзающий подвал...

Растущие тарифы на электроэнергию и централизованное тепло делают подобную расточительность все более нетерпимой. Однако альтернативные источники энергии пока не так очевидны, как хотелось бы. Скажем, один из лидеров альтернативной энергетики – Дания – активно использует энергию ветра. Однако для Восточной Сибири такой путь вряд ли возможен: ветровая нагрузка в нашем регионе минимальная.

Более перспективно выглядят солнечные батареи из поликристаллического кремния. Их выпуск обещает наладить компания «Нитол» (г. Усолье-Сибирское)³. Однако вопрос о стоимости таких батарей пока остается открытым.

Примерно такая же ситуация и с другими альтернативными источниками тепла – метатенками, тепловыми насосами и т.д. Как ни странно это звучит, но, вполне возможно, на сегодняшний день самым надежным, экологичным и экономичным источником тепла остаются дрова. Кстати, рубка дров – отличное терапевтическое упражнение для сброса накопившейся агрессии и тревожности.

Впрочем, просторный подвал и другие тепловые буферы (сени, чердак) необходимы сибирскому дому по множеству причин. Теплотехнические их функции сочетаются с функцией хранилища запасов на длинную и жестокую зиму.

Зимний период можно разделить на два, отличающихся друг от друга по характеру трудностей. Первая половина зимы – ноябрь, декабрь – особенно тяжела депрессивными состояниями. Короткий день и длинная ночь, глубокая «смерть» природы давят на психику и уносят энергию, как холодная погода уносит тепло. В традиционном образе жизни сибирский крестьянин в начале зимы много спал и мало двигался, отдыхая от перегрузок осенней страды. Горожанин пытается жить, не снижая интенсивности и темпа. Развиваются неизбежные перегрузки, которые необходимо компенсировать разнообразным питанием. Отсюда – мощная, богатая традиция домашних заготовок. Только индивидуальный подбор продуктов может обеспечить сибиряка полноценным набором витаминов, минералов и питательных веществ. В каждом сибирском доме бытовали свои рецепты квашения капусты, соления огурцов, кабачков и прочих даров огорода. Отдельную и важную часть стола образовывали настойки и домашние водки – настоящие концентраты биологически активных добавок. В творческом формировании семейного стола участвовали все: женщины обычно отвечали за соленья и квашенья, а мужчины «колдовали» с настойками (впрочем, гендерные роли могли меняться местами).

В середине зимы, в самое темное время года сразу после зимнего солнцеворота, в борьбу с депрессией

текст
Константин Лидин

1. Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Избяная литургия. Книга о русской избе. М.: ОПОЛО, 2001, 512 с.
2. Лидин К.Л. От дома-эконома до дома-автомата // Проект Байкал. № 21. 2009. С.150–154.
3. www.nitolsolar.com/

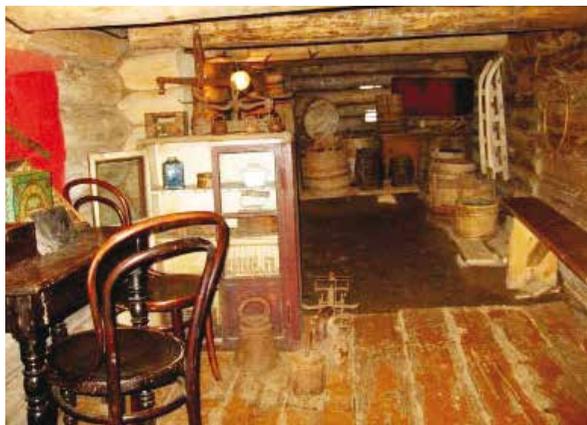

Ювелирное украшение, сделанное из панцирей жуков-бронзовок, жемчуга и золота. Экзоскелеты насекомых и брюхоногих моллюсков часто воспринимаются как сокровища

Один из крупнейших жуков на земле – жук-бык или жук-слон – выглядит вполне архитектурно

Традиционный сибирский дом оснащен подвалом глубиной более двух метров (ниже уровня промерзания почвы). В таком подвале можно не только хранить припасы, но даже устроить рабочий кабинет

Непросьхающие лужи – уже привычная картина для иркутян. Один из престижных районов города (Академгородок) постепенно погружается в жидкую грязь – результат неумеренного водопотребления и нерациональной системы канализации

вступали многочисленные праздники. Сибирское застолье представляет собой подробно разработанный ритуал, включающий сложный ритм поедания и выпивания домашних припасов, чередующийся с хоровым пением и танцами. Застольное пение, надо сказать, это больше не музицирование, а коллективная дыхательная гимнастика. Песня может звучать вовсе не так уж приятно для слуха, но мощный ритм ее, то быстрый, то замедленный, оказывает заметное оздоравливающее действие. Громкое, во весь голос сибирское пение очень успешно помогает бороться и с простудами, и с более глубокими проблемами дыхательной и сердечно-сосудистой систем (а они, как известно, тесно связаны). К сожалению, именно эта традиция особенно трудно совмещается с жизнью в многоквартирных бетонных домах. Попробуйте запеть хором в современном доме – и соседи тут же вызовут милицию.

Февраль и март в Сибири часто бывают очень холодными, промозглыми и вообще утомительными: как говорится, «солнце на лето, зима на мороз». Авитаминоз подстерегает нас, несмотря на достижения фармацевтики, и его первые признаки – хроническая усталость, раздражительность, сонливость, болезненные ощущения в суставах и в деснах – хорошо знакомы сибирякам. Среди традиций сибирского образа жизни есть один, практически забытый, способ борьбы с цингой – ягодная мука. Все лето заготавливались лесные ягоды. После высушивания их мололи, и этот «витаминный порошок» зимой добавляли в подливку к мясу и рыбе, пекли из ягодной муки лепешки и просто ели ее ложками.

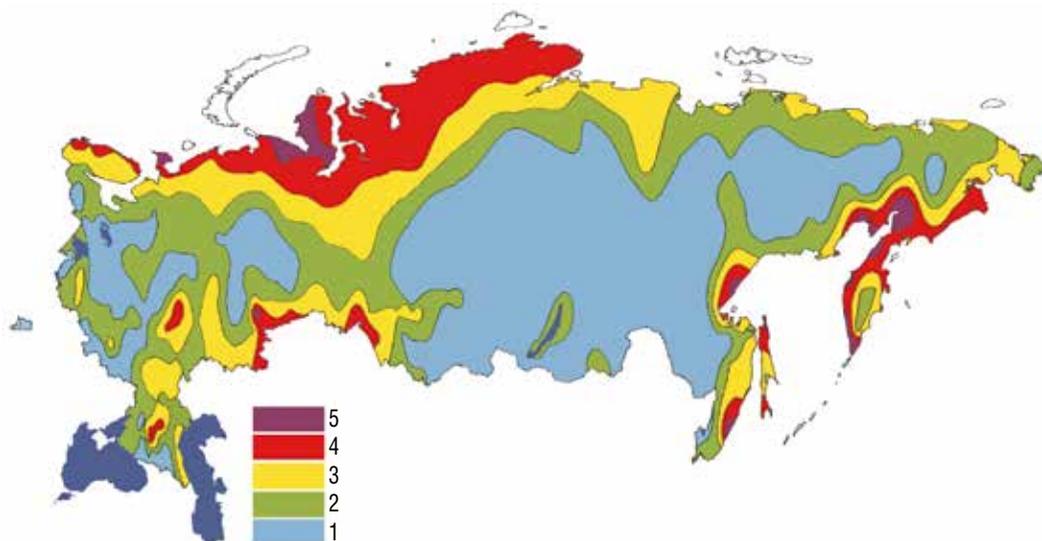
Начиная со второй половины января, день прибывает уже ощутимо. Поворот к весне пробуждает творческое начало, которое, согласно Платону, родственно

эротическому. И традиционному дому тоже доставалось немало креативной энергии.

На украшение своего дома сибиряки никогда не жалели средств. Порой дом украшался настолько пышно, что стоимость декора сравнивалась со стоимостью сруба⁴. Деревянная резьба на фасаде традиционного дома играла роль не только декоративную, но и магическую: геометрический орнамент играл роль графического заклинания, обращенного к природным силам. Переплетение функций украшения и оберега как раз и обуславливает удивительную эклектичность мотивов. В резных карнизах, ставнях, наличниках можно обнаружить элементы византийского и готического стилей, барокко, модерна, геометрические узоры в духе конструктивизма – и все это рядом с древними символами эпохи неолита. В свое время Б.А. Рыбаков проследил на материале домовой резьбы и росписи процессы, сопровождавшие контакты славянской земледельческой культуры кривичей и словенов с финно-угорскими охотничьими народами⁵. В старинных городах Поволжья и сегодня можно увидеть резные заклинания, оберегающие окна от упырей и навий, крышу – от излишней воды и солнца, а ворота – от огня и грома. Так и в декоре сибирского дома продолжают встречаться архетипические символы первичных стихий – Земли, Воды, Огня, Солнца...⁶

Однако есть и еще одна причина, по которой сибирский дом обзаводился пышным декором. Богато украшенное, веселое и жизнерадостное жилище помогает своим жильцам сопротивляться депрессии. С той же целью дом украшали и разноцветной росписью. Краски на подсолнечном или льняном масле нужны для успешной защиты древесины от разрушения, ведь

Ветровые энергоресурсы (на высоте 50 м от уровня почвы) в различных регионах России. Условные баллы от 1 до 5 показывают перспективность использования ветра в качестве экологически чистого источника энергии (1 – минимальная перспективность). Практически вся Сибирь выглядит предельно бедной в отношении ветровой энергии. Это означает, что «датская модель» развития энергетики для Сибири должна строиться на иных, чем в этой приморской стране, источниках возобновляемой энергии. Какими? Это еще предстоит выяснить

Ветровые энергоресурсы (на высоте 50 м от уровня почвы) в различных регионах России. Условные баллы от 1 до 5 показывают перспективность использования ветра в качестве экологически чистого источника энергии (1 – минимальная перспективность). Практически вся Сибирь выглядит предельно бедной в отношении ветровой энергии. Это означает, что «датская модель» развития энергетики для Сибири должна строиться на иных, чем в этой приморской стране, источниках возобновляемой энергии. Какими? Это еще предстоит выяснить

пиленая доска менее устойчива, чем круглое бревно. Минеральные пигменты (в основном теплые, разнообразные оттенки охры) не выгорают под жгучим сибирским солнцем и придают дому ту витальность, которая так нужна в депрессивные периоды года. Жители русского северо-запада, которые живут в приполярных областях, где зимой световой день составляет два-три часа, украшают оптимистичными многоцветными росписями еще и интерьеры⁷. Цветовая среда жилого дома – сильное средство против депрессии, и традиционная сибирская культура это учитывает.

Такие же уважительные и долговременные отношения сибирский дом выстраивает с солнцем. Требования сохранения тепла обуславливают невысокую проемность – окон в традиционном доме мало и они невелики. Необходимый уровень инсоляции обеспечивают точная ориентация по странам света и обилие солнечных дней. Кроме того, сибирский деревянный дом для своей нормальной жизнедеятельности требует хотя бы минимального пространства вокруг – палисадничка, дворика. Если соединить дома в блок, их деревянные стены не будут успевать просохнуть и прогреться за короткое сибирское лето. Дом станет отсыревать и скоро погибнет.

С учетом всех особенностей, консервация и реставрация сибирского дома становится совсем непростой задачей, чем-то похожей на приготовление музейного экспоната из образца прикрепленной морской фауны. Есть морские твари – губки, кораллы и прочие – которые живут, прикрепляясь к подводным камням и скалам. Законсервировать такую тварь можно только вместе с тем камнем, к которому она приросла. Так и сибирский дом нельзя никуда переносить из его природной среды – иначе подвал может затопить водой, стены перестанут просыхать, а в интерьере наступят вечные сумерки.

Поэтому задача консервации, а тем более – ревитализации (оживления) нескольких единичных зданий выглядит более сложной и дорогой, чем сохранение целого района. Структура традиционного сибирского околотка – пористая, пронизанная придомовыми и общественными пространствами – способствует нормальной жизнедеятельности деревянных домов.

Традиционный сибирский дом весьма актуально выглядит в дни мирового экономического кризиса. Его отшлифованная веками экономичность по отношению к воде, теплу, свету – огромная ценность. Именно воплощенный в сибирском доме образ жизни и составляет основное его культурное содержание. Как бы красив и гармоничен ни был внешний облик традиционного дома, но способности его повседневного функционирования еще более драгоценны. Красота раковины или засушенного панциря бронзовки не более ценна, чем колония живых моллюсков или жуков. Исчезновение вида не компенсируется музейными чучелами.

Кстати, международная юридическая мысль движется в сходном направлении. Так, ЮНЕСКО предлагает рассматривать в качестве объекта правовой защиты «нематериальное культурное наследие» – понятие, гораздо более широкое, чем принятые ранее: «Нематериальное культурное наследие» означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека»⁸.

Сохранение (консервация) традиционного образа жизни во всех его аспектах и деталях – дело не только практически нереальное, но и ненужное. Ведь и сам образ жизни непрерывно менялся в течение веков, сохраняя лишь те элементы, которые оставались актуальными и для новых поколений. Лишь некоторые функциональные зоны традиционного сибирского дома могут быть сохранены в современных условиях без изменений. Спальная, гостиная, рабочая (кабинетная) зоны в принципе могут остаться в рамках традиции. Однако зоны, связанные с высокой влажностью – ванная и туалет – в традиционном доме отсутствовали. Вынос ванной и туалета в отдельные здания (баня, надворный туалет) не случаен: высокая влажность плохо влияет на состояние сруба. И традиционная баня, и, тем более, туалет живут гораздо меньший срок, чем основной дом, их надо чаще перекладывать. Соответственно, если «влажные» зоны размещаются все-таки внутри дома, возникает необходимость в специальных мерах по гидро- и пароизоляции, в дополнительном вентилировании этих зон, и здесь вполне оправдано обращение к современным технологиям. Аналогичным образом зона приготовления пищи (кухня) в традиционном доме организуется вокруг русской печи – замечательной конструкции, сочетающей функции нагрева, сохранения тепла и принудительной вентиляции. Полноценная замена русской печи, очевидно, включает несколько современных устройств: плиту, вытяжку и некий термостат.

Некоторые элементы традиционного дома уже воспроизводятся в современных технических решениях. Например, ставни. Окна, «глаза дома», закрываются на ночь, а днем образуют яркое цветное окружение оконных проемов, зрительно увеличивая их и придавая дому общительный, приветливый вид. Ставни обычно расписывались, во-первых, чтобы предохранить доски от непогоды, а во-вторых, ради декоративного эффекта. Надо сказать, что современные пластинчатые ставни-жалюзи дороже, сложнее (а значит, капризнее) и гораздо хуже выглядят.

Разумеется, самоотверженная деятельность людей, спасающих от сноса, реставрирующих и консервирующих архитектурные памятники, достойна всяческого уважения. Однако в сегодняшнем контексте попятного движения к новому кочевничеству этого недостаточно. Необходимо спасать и сохранять не отдельные прекрасные образцы сибирского дома, а весь образ жизни или хотя бы те его элементы, которые совместимы с современными представлениями о комфорте.

В движении, в обновлении, в постоянном воспроизводстве сохраняется генетический код сибирского дома – не лакированного экзоскелета, а живого организма.

Многоэтажный дом в новом районе Софии (район Люлин-7). Жители болгарской столицы не спешат расставаться с дровами в качестве источника тепла. Фото автора

7. Севан О. Г. Росписи жилых домов Русского Севера. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 216 с.
8. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Париж, 17 октября 2003 г., MISC/2003/CLT/CH/14.

Прялка из Архангельской области. Византийское многоцветие – не просто дань страсти к украшению быта. Это еще и средство против мрачной депрессии, которая подстерегает человека во время длительной и темной северной зимы

Дом-треугольник / Triangle House

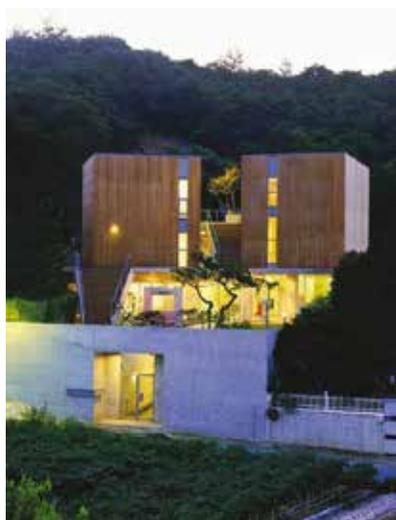

Этот загородный дом в Норвегии имеет в плане форму равностороннего треугольника. Снаружи дом отделан деревянной рейкой в вертикальном и горизонтальном направлении. Внутренняя отделка, включая встроенную мебель, почти полностью выполнена из ориентированно-стружечной плиты ОСП (OSB).

По материалам ресурса 1dom.wordpress.com

Место: Несодден, Норвегия
Архитекторы: JVA Джармунд и Вигснэ Архитектс (Jarmund and Vignsnes Architects)
Общая площадь: 286 м²

Дом у горы в Корее / Hyu Ro Hun House

Этот фантастический дом расположен на «стандартных» 6 сотках, у границы города и горы. Два деревянных «ящика» объединены общей просторной гостиной и столовой, открывающейся на зелёный газон спланированной и защищённой бетонной подпорной стенкой площадки. В них расположены «коробки» поменьше, в одной размещена спальня и кабинет хозяина, в другой – две спальни и кабинеты двух дочерей. Гостиная, благодаря «вложенности» помещений, частично имеет высоту до 9 метров, получая дополнительное динамическое солнечное освещение сверху, через остеклённые участки крыши. В целом дом имеет многочисленные сложные вертикальные и горизонтальные связи, террасы, площадки и дворики в помещениях и на улице, завязывающие пространство в сложный комплекс, объединённый общей идеей. Оригинально оформленный стеклянный вход в дом ведёт через коридор, под мостиком с подъёмом вверх, через центральный внутренний дворик.

По материалам ресурса 1dom.wordpress.com

Место: Ilgok-dong, Вукгу, Кванджу (Gwangju), Jeonnam-do, Южная Корея
Архитекторы: HyoMan Kim – IROJE KHM Architects
Площадь участка: 594 м²
Площадь застройки: 168,63 м²
Общая площадь: 269,07 м²

Иркутск

В прошлом номере ПБ открыл рубрику К ЮБИЛЕЮ ИРКУТСКА презентацией двух проектов – победителей конкурсов на памятники первопроходцем и декабристам. В течение последнего месяца в городской администрации начались странные метания по поводу места расположения памятника, урезанного до фигуры жены декабриста. Редакция надеется, что здравый смысл и мнение жителей, высказанное ими в интерактивном голосовании, победят и скульптура будет установлена, как это первоначально и задумывалось, в комплексе декабристов.

ПБ22 представил также концепцию регенерации квартала № 130, работа над которой началась в конце лета 2009 года и, надеемся, стала поворотным пунктом в отношении к деревянному Иркутску. Ценность кварталов исторического центра, очевидная для специалистов, архитекторов и даже ЮНЕСКО, в течение последних лет с все большей ожесточенностью опровергалась городскими чиновниками и крупными застройщиками. Причина понятна – возрастающая стоимость земли в центре. В условиях, когда точечная застройка практически исчерпала свои возможности, кварталы деревянной исторической застройки представляют в глазах вышеупомянутых участников строительного процесса чрезвычайно привлекательный ресурс территории для новостроек. Правда, требующий предварительной зачистки. В мае 2009 года угрожающее предупреждение «под бульдозер» прозвучало и по поводу квартала № 130.

Неожиданно политическая воля прямо противоположной направленности была явлена новым губернатором Дмитрием Мезенцевым в первые же дни после его назначения на должность. В конце июля поручение губернатора по концептуальной проработке регенерации квартала № 130 было транслировано сообществу иркутских архитекторов главным архитектором области Владимиром Распутиным. Концепция была сформирована архитекторами Иркутскгражданпроекта в содружестве с ВостокСибкадемЦентром РААСН, в августе представлена губернатору Иркутской области Дмитрию Мезенцеву и министру культуры РФ Александру Авдееву и получила одобрение.

Работа над концепцией (она была опубликована в ПБ22) продолжалась, прорабатывались различные варианты функционального наполнения центрального общественного пространства квартала. На заседании правительства Иркутской области 3 ноября 2009 года авторами было представлено уточненное видение территории в границах улиц Седова, Кожова и 3-го Июля, с детализацией мемориального сквера, обоснованием темы воды и двумя вариантами библиотеки, вписанной в складки рельефа в юго-восточной части квартала. Предложение по библиотеке многим понравилось, однако не было одобрено из-за сжатых сроков реконструкции квартала (напомним читателям, что празднование 350-летия Иркутска намечено на сентябрь 2011 года).

В целом же уточненная концепция регенерации 3 ноября 2009 года была принята, и губернатор поручил Иркутскгражданпроекту выполнение проекта планировки в срок до 15 января 2010 года.

Несмотря на трудности в получении исходных данных и отсутствие финансирования, Иркутскгражданпроект выполнил работу в срок и 14 января представил ее губернатору, членам областного правительства и членам нового состава областного градостроительного совета.

В ходе оживленного заинтересованного четырехчасового обсуждения прозвучали предложения по дополнительному функциональному насыщению как исторической части квартала, так и его общественного центра (интерактивный музей истории, дом дружбы и т. д.). Обсуждались вопросы инженерных коммуникаций, в частности подвода канализации для нужд объектов квартала и прилегающих территорий. Особое внимание было уделено главной площади с амфитеатром и вопросам ее эксплуатации в разное время года. Принципиальных возражений проект планировки не вызвал, и разработчикам было дано добро на проектирование следующих стадий, а заказчик начал работу с подрядчиками по выбору первоочередных объектов для реализации.

В течение февраля 2010 года авторы представляли проект планировки на разных уровнях, в том числе депутатам Городской думы, президиуму ВООПик и депутатам Законодательного собрания Иркутской области, многочисленным средствам массовой информации, продолжая напряженно работать над следующей стадией проекта по конкретным объектам. На обсуждениях было отмечено, что коттеджный поселок вместо подлинной исторической застройки никому не интересен; что иркутским проектировщикам удалось найти баланс между историзмом и инвестиционной привлекательностью; что уникальность проекта состоит в многообразии деревянной застройки; что, если многие реконструированные и восстановленные исторические здания в других городах представляют собой музеефицированные объекты, утратившие свою изначальную функцию, то в иркутском проекте здания и сохраняют жилую функцию, и приобретают новую – современную и наполненную жизнью.

В этот же период, в феврале и начале марта 2010, была выполнена геодезическая съемка, и геология, служба заказчика, наконец, получила долгожданную регистрацию, а проектировщики надежду на открытие финансирования и переход на нормальную работу с официальным заданием и утвержденными программами.

В этом номере, продолжая мониторинг, мы представляем читателям ПБ следующую за концепцией стадию: «Регенерация исторического квартала в границах улиц 3-го Июля, Седова, Кожова в Иркутске. Проект планировки»

текст
Елена Григорьева
Марк Меерович
Сергей Муллаяров

проектирование
ОАО «Иркутскгражданпроект»,
АНО «ВостокСибАкадемЦентр
РААСН»

авторы концепции
Елена Григорьева
Андрей Макаров
Марк Меерович

проект планировки
Е.И. Григорьева
А.Ю. Макаров,
С.В. Муллаяров,
А.И. Козак,
Е.В. Чубова,
Л.А. Крылова
Н.Н. Красная

при участии
Н.Г. Торшина
В.О. Таурина

консультанты
А.Н. Прокудин,
Е.Р. Ладейщикова

главный инженер
Л.Б. Ежова

анализ современного
состояния
О.А. Залуцкая
А.Н. Думитрашку

инженерно-технические
мероприятия ГО. комплекс-
ная оценка территории
В.Я. Снежко-Блоцкий

Регенерация исторического квартала в границах улиц 3-го Июля, Седова, Кожова в Иркутске. Проект планировки

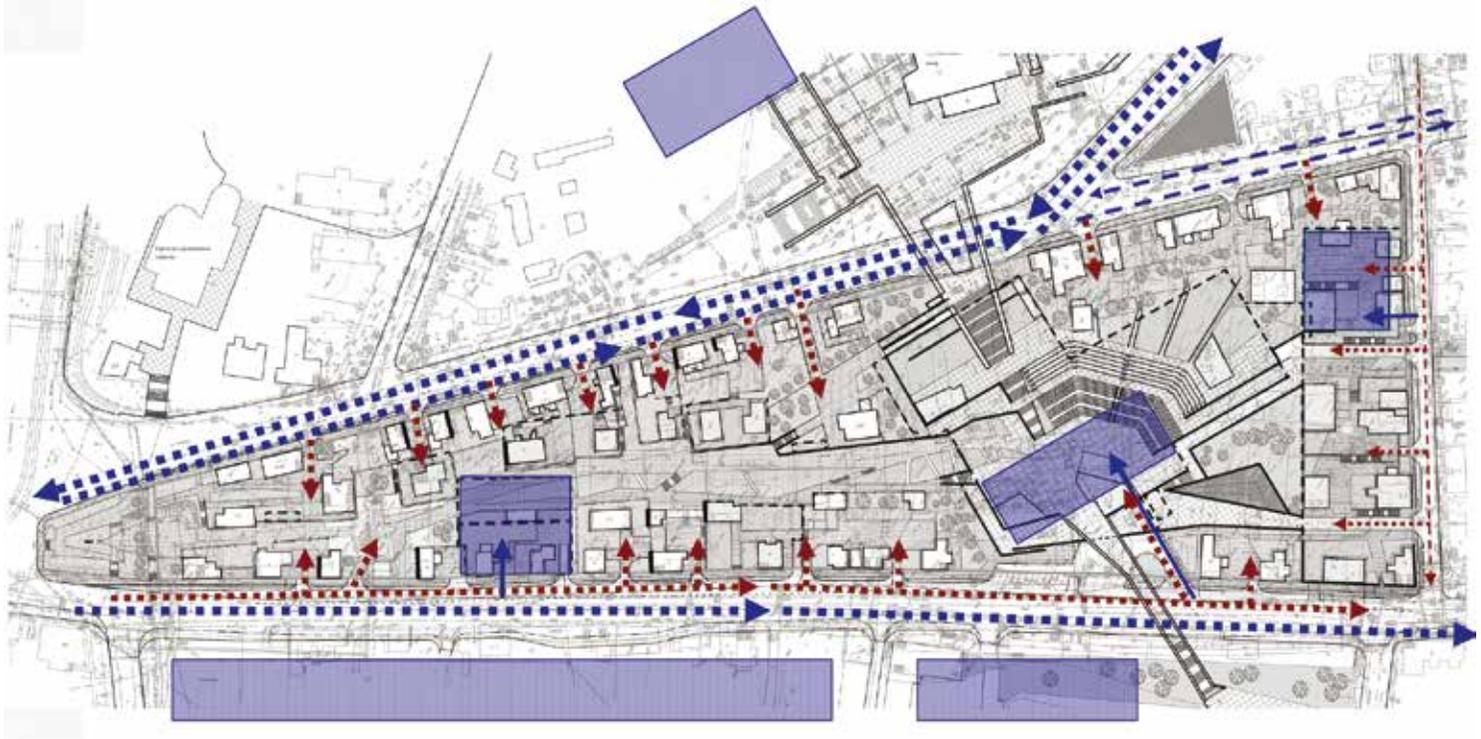
1. Ситуационная схема

Квартал № 130 – важное звено в перспективной системе общественных пространств, соединяющей площадь у Входа-Иерусалимского храма и Иерусалимский мемориальный парк, Театральную площадь с музыкальным театром и будущим концертным залом, набережную и острова реки Ангары.

Основная идея проекта – создание нового общественного пространства на базе архитектурно-исторического наследия, органично дополняющего и развивающего существующий центр города. Квартал должен взять на себя функции культурного центра, а пешеходная улица внутри его и центральная площадь-амфитеатр призваны стать полноправными элементами зеленого пояса

Квартал № 130 в системе общественных пространств: Входа-Иерусалимский храм и Иерусалимский мемориальный парк – Театральная площадь – площадь-амфитеатр – набережные – острова. Квартал и его пешеходная улица – элемент зеленого пояса на склоне горы

Транспортная схема.
Улицы и парковки, заезды
в усадьбы

городских общественных пространств. Создание культурного центра на территории квартала призвано дать толчок к развитию прилегающих культурных объектов – Иркутского музыкального театра, Крестовоздвиженского храма, ЦПКиО, библиотеки. Несомненно, потребуется реконструкция и прилегающей жилой застройки, въездной зоны на новый Ангарский мост и других территорий. Предполагается, что в результате квартал начнет играть роль одного из основных градостроительных узлов центра города, наравне с городской набережной вдоль бульвара Гагарина, площадью Кирова и пешеходной улицей Урицкого.

На градостроительном макете также представлено предложение по застройке прилегающих кварталов.

Силуэт правобережной части города формируется ритмом высотных акцентов на бровке рельефа.

2. Транспортная схема, парковки

Улицы Седова и 3-го Июля, согласно транспортной схеме генерального плана города, обретают статус магистралей городского значения регулируемого движения с односторонним движением в центр и из центра соответственно, улица Кожова является проездом местного значения. Для обслуживания объектов, расположенных по периметру территории квартала предусматриваются заезды внутрь квартала с улиц 3-го Июля, Седова, Кожова на участки с разворотными площадками, а также въезды в полуподземные уровни автостоянок и загрузочные площадки. Пешеходная улица, проходящая по центру квартала, допускает использование ее в качестве противопожарного проезда с въездами с улиц 3-го Июля и Кожова.

Въезды на территорию квартала спроектированы с учетом реализуемого «Проекта реконструкции ул. 3-го

Июля», разработанного ООО «Иркутскгипродорнии». Проект планировки предусматривает создание дублирующего проезда шириной 3,5 метров с улицы 3-го Июля от перекрестка с ул. Красного Восстания до перекрестка с ул. Кожова. Проезд примыкает к левой стороне основной проезжей части, отделяясь от нее бордюром. При этом параметры и трассировка улицы 3-го Июля не изменяются.

Аналогичное решение необходимо будет принять и для улицы Седова при переводе ее в режим одностороннего движения в сторону центра. Сейчас, пока улица работает в двухстороннем режиме, проблем заезда в усадьбы нет.

На территории квартала размещены:

а) открытые парковки и:

- по ул. 3-го Июля на 12 автомобилей и 5 автобусов с въездом с дублирующего проезда;
- на участке гостиничного комплекса на 6 автомобилей с въездом с ул. Кожова.

б) три подземные и полуподземные автостоянки:

- двухуровневая автостоянка на 80 автомобилей с заездом с дублирующего проезда по ул. 3-го Июля;
- двухуровневая автостоянка на 160 автомобилей в составе многоуровневого универсального пространства (поз. «21.1» по генплану) с заездом с дублирующего проезда по ул. 3-го Июля;

- одноуровневая парковка на 40 автомобилей в составе гостиничного комплекса с заездом с ул. Кожова.

Всего парковочных мест в границах красных линий квартала – 303.

Проект планировки предполагает организацию парковочных мест на прилегающих территориях: по улице 3-го Июля на территории, противоположной от

квартала, на территории планируемого концертного комплекса под Театральной площадью севернее музыкального театра.

3. **Общественные пространства и пешеходные пути**
 Общественно-рекреационные пространства и пешеходные пути образованы: а) пешеходной улицей внутри квартала, б) главной площадью с амфитеатром в центральной части квартала, в) пешеходной связью между площадью музыкального театра и г) площадкой вблизи перекрестка улиц 3-го Июля и Кожова на противоположной стороне от квартала.

Пешеходная улица, начинаясь у Мемориального сквера (поз. «Г» по генплану), проходит через круглую в плане площадь (поз. «В» по генплану), через среднюю часть квартала выходит на самое значительное общественно-рекреационное пространство – площадь с амфитеатром (поз. «Б» по генплану) и далее – на ул. Кожова.

Главная площадь связана надземным переходом через улицы Седова с Театральной площадью (поз. «А» по генплану), а также по надземному переходу через ул. 3-го Июля с пешеходным направлением, ведущим по ул. Кожова к набережной р. Ангара.

Таким образом, центральное общественное пространство квартала – площадь-амфитеатр находится на пересечении транзитных пешеходных направлений как внутриквартальных, так и общегородских.

Общественное пространство квартала предназначено для прогулочного транзита в цепочке площадей и предусматривает развертывания локальных массовых действий разного масштаба – по всей территории квартала и на его центральной площади. Квартал пронизан сетью внутренних общественных пространств: 1) линейных (променады), 2) локальных (мемориальный сквер, расширения пешеходной улицы в круглую площадь), 3) центральная площадь, 4) небольшие площадки внутри ремесленных подворий – кузнецов, гончаров и т. д.

Пешеходные пути

Застройка прилегающих кварталов

Генеральный план

4. Схема организации рельефа и сводный план сетей
В составе проекта планировки разработаны схема организации рельефа (перепад в узкой части квартала 3–4 метра, вдоль улицы Кожова 15–17 метров) и схемы расположения сетей: теплоснабжение, водоснабжение, канализация, электрические сети, размещение трансформаторных подстанций, подключение к ливневой канализации по ул. 3-го Июля.

5. Генеральный план сопровождается экспликация зданий и сооружений с указанием адреса, статуса здания, его этажности, площади и объема, а также предполагаемой функции. Функции в проекте планировки назначены предварительно на основе заявочного списка общественных организаций и инвесторов и будут уточняться на дальнейших стадиях проектирования. Таблица «Планировочные показатели»

6. Классификация исторической застройки
Специалистами ИГП совместно с Центром сохранения наследия определен перечень исторических зданий:

а) объекты культурного наследия регионального значения (7 ОКН), а также вновь выявленные объекты культурного наследия, рекомендуемые к постановке под государственную охрану и включению в государственный реестр (8 ОКН), выявленные объекты культурного наследия, отнесенные к ценным историческим постройкам (7 ЦИОП), исторические постройки, являющиеся усадебными элементами (11 ЦИОП);

б) здания-копии, воссоздаваемые по чертежам утраченных объектов (16 ук ОКН);

в) здания, не являющиеся памятниками, переносимые сюда с других мест, а точнее с Большого транспортного кольца, за счет средств этого объекта с упрощенной процедурой постановлением Губернатора (8 ОКН).

Всего 56 объектов, из которых 3 каменных, остальные деревянные.

Часть объектов не нуждается в коренной реконструкции, в отношении их достаточно ремонта и минимальной реконструкции, связанной с приспособлением под новые функции и подведением канализации. Под часть объектов подводится цоколь, иногда развитый.

7. Мемориальный сквер

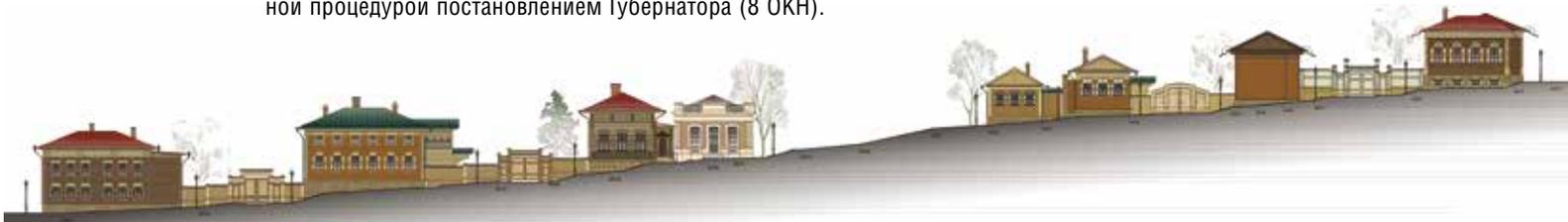
Мемориальный сквер затрагивается в минимальной степени, только в части примыкания к скульптурной композиции на стрелке. Авторы предполагают размещение здесь символической скульптуры, например Бабра (скульптор Даши Намдаков). Возможны и другие варианты.

Удлиненная небольшая площадь, соединяющая сквер с пешеходной улицей как бы успокаивает, террасирует горбатый рельеф сквера. Мощение брусчаткой может быть дополнено, к примеру, изображением розы ветров – символом географического расширения, прирастания России Сибирью, волшебным местом Слободы, где можно загадывать желание.

Визуальная доминанта здесь – Крестовоздвиженская церковь. Площадку обрамляют два существующих дома (ул. Седова, 2 и 2б) и дом-копия утраченного памятника по Карла Либкнехта, 119, воссозданный по имеющимся чертежам.

Круглая площадь

В северо-западной части квартала есть еще одна небольшая площадь, окруженная ресторанчиками и кафе, своеобразный сибирский Монмартр, где летом под тентами можно пообедать или просто посидеть за чашкой кофе на открытом воздухе, здесь звучит живая музыка и художник сделает вам портрет за пять минут, а вечером – танцы при свете фонариков.

Условные обозначения

- объект культурного наследия регионального значения (7)
- объект культурного наследия, рекомендованный к постановке на госохрану (8)
- выявленный опорный ОКН (7)
- историческая опорная постройка (10)
- выявленный ОКН, перемещаемый при строительстве БТК (8)
- копия утраченного ОКН (16)

Проект планировки дает ответ на вопрос, как традиционная застройка реагирует на ее современное использование и использование прилегающей территории. Далеко не все современные технологии торговли, досуга, питания, отдыха способны вместиться в небольшие объемы деревянных исторических зданий. Для них не всегда подходит планировка деревянного дома, обусловленная его конструктивной схемой.

Приспособлению исторической застройки под требуемые функции помогает то, что данный участок отличается сильным перепадом рельефа – от 4-х в узкой части квартала до 15 метров – в широкой. Проект предлагает использовать подземное пространство, террасируя площадку и 22 из 54 деревянных домов ставит на развитый цоколь, что делает эти дома гораздо привлекательнее для инвесторов.

Классификация деревянной застройки

8. Пешеходная улица

Живописная пешеходная улица с зеленой полосой бульвара в центре, соединяет мемориальный сквер с главной площадью, оформляющей перепад рельефа. Ее мощение предполагается выполнить из брусчатки в комбинации с деревянными мостовыми и гладкой дорожкой для велосипедистов и колясок.

На этом участке квартала размещены галереи частных коллекций, антикварный магазин, ремесленные мастерские с галереями.

Кузнечное подворье с мастерскими имеет небольшую площадь, где может быть размещен горн и желающие имеют возможность попробовать себя в кузнечном ремесле. Подворье гончаров тоже с мастерскими, выставочной галереей с удобными подъездами для загрузки необходимых материалов и повседневного обслуживания ремесленнической деятельности, дворами и надворными постройками, необходимыми для хранения сырья.

9. Главная площадь

Главная площадь – не только общественное пространство в традиционном понимании, но и вписанный в естественный рельеф концертный зал на открытом воздухе. Вместимость его по проекту 1 600 зрителей, а при установке дополнительных мест в партере – и более. Сценический комплекс расположен таким образом, что не мешает транзиту в цепочке общественных пространств города.

Работа с рельефом позволила определиться с размещением, так необходимых кварталу парковочных мест и квадратных метров универсального и торгового назначения, резко повышающих рентабельность проекта. Здесь же, под площадью-амфитеатром, предлагается разместить все технические и диспетчерские службы, а также общественные туалеты, рассчитанные не только на посетителей квартала, но и на транзитные потоки людей с Театральной площади.

Объекты нового строительства, выполняемые в современных технологиях, размещены именно в этой части квартала:

Круглая площадь

а) четыре 2–3-этажных объема вокруг площади – это коммуникационные узлы с лестницами и лифтами, связывающие площадь и нижние уровни; дом при сцене (помещения для артистов и оборудования); штаб-квартира фестиваля «Звезды на Байкале» и музыкальный салон Дениса Мацуева; детский центр, где родители могут оставить детей на время концерта или посещения галерей, магазинов, кафе и пр.;

б) многофункциональный центр в двух уровнях верхних террас,

в) автостоянка на 160 мест в двух уровнях нижних террас;

г) надземный переход от Театральной площади через ул. Седова;

д) надземный переход от главной площади квартала через ул. 3-го Июля;

ж) гостиничный комплекс по ул. Кожова (в комбинации с объектами культурного наследия по периметру).

Амфитеатр – место проведения фестивалей, концертов и праздников. В обычные дни он предоставлен молодежи.

Предусмотрено всесезонное использование. Летом в открытом театре проходят гастрольные концерты звезд и спектакли Театра на Площади, имеющего в квартале свое здание. В начале июня на площади собираются на свой слет многочисленные участники и авторы Клуба самодеятельной песни. В конце июня здесь стартует Вечер выпускников иркутских школ, проходит его общегородская торжественная часть. В июле-августе – Международный фестиваль пантомимы «Мимолет», а в сентябре – «Звезды на Байкале».

Для защиты от солнца и дождя применяются трансформируемые тенты и перголы.

Несколько раз в сезоне устраиваются соревнования по экстремальным молодежным видам спорта, паркуру, скейтбордингу и даже скалолазанию. Здесь устраивают слеты байкеры и роллеры.

На ступенях и площадках амфитеатра необыкновенно зрелищно выглядит ежегодная выставка цветов в августе и праздник урожая в начале осени. В летнее

Площадь-амфитеатр

время возможно устройство пикников на открытых площадках и отдых в шезлонгах на больших газонах верхней террасы.

Зимой прогулочные маршруты нижней террасы бульвара могут использоваться для катания на старинных охотничьих лыжах и санях.

Площадь – место размещения главной новогодней горки города. Эффектно выглядят и пользуются популярностью параллельные горки, на которых

можно не только кататься в свое удовольствие, но и соревноваться.

Партер амфитеатра превращается в каток. Из кафе с панорамным окном приятно наблюдать за катающимися мастерами и спотыкающимися новичками. Здесь могут погреться и отдохнуть и сами фигуристы.

2–3 раза в сезоне каток отдается под проведение детского чемпионата по хоккею масштаба региона, Восточной Сибири и Сибирского федерального округа.

Трибуны заполняются и во время гастролей ледовых шоу или праздничных показательных программ иркутских школ фигурного катания.

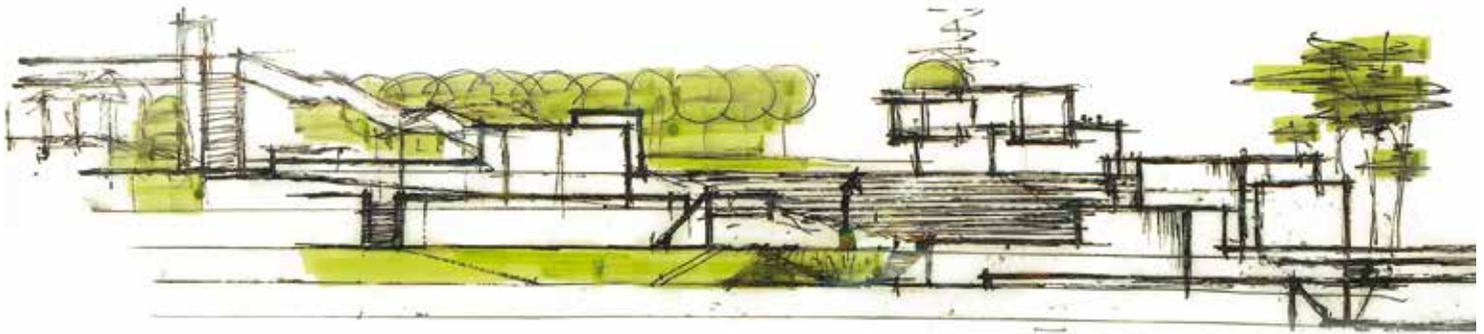
На площади проходит празднование Рождества, Нового года и Масленицы.

В пониженной части площади расположена сцена и дом при сцене – многофункциональный павильон, предназначенный для обслуживания артистов (костюмерные и грим-уборные, хранение декораций и аппаратуры) при проведении концертов и спектаклей. Здесь также располагаются хранилища для тентов и временных конструкций, воздвигаемых в период празднеств.

Под главной площадью располагается подземная автостоянка, выход с которой возможен, в том числе, через два из тех домов, которые обрамляют площадь. Парковка призвана обслуживать посетителей площади всесезонно и круглосуточно, в праздники и в будни.

Проектом планировки предусматривается полный комплекс благоустройства территории. Пешеходная улица, площади, часть площадок внутриквартальных участков имеют мощение из натурального гранита и керамогранита, имитирующего брусчатку. Малые архитектурные формы, скамьи, фонари должны быть разработаны индивидуально в исторической стилистике квартала и конкретных исторических зданий. Частично предусматривается также освещение в «современном» исполнении – светильники, вмонтированные в покрытие пешеходных дорожек и в виде торшеров. В необходимых местах восстанавливаются ограждения:

деревянные заборы, заплоты и штакетник, а также кованые металлические изгороди, аналогичные утраченным. Отделка амфитеатра из натурального гранита.

Предполагается, что на обеих площадях будут использованы световые и звуковые эффекты. В частности, планируется несколько режимов работы световых систем. Зоны выставок и инсталляций под открытым небом, зоны тихого отдыха, медитации и созерцания дополняются звуковым фоном. Возможный прием – «экологическое направление» – проекция звуков природы. Шум Байкала, пение птиц, шелест трав. Летние звуки – зимой, зимние – летом. Повседневно после позывных города идет беседа с горожанами и гостями о новостях и погоде, анонсы событий культурной жизни.

10. Озеленение

Сформулировано отношение к существующей зелени – максимальное сохранение, бережное отношение к каждому дереву. Существующие деревья сохраняются и дополняются в виде изгороди между открытой частью площади и территориями усадеб вдоль ул. Седова. Газоны дополняются подсветкой и декоративным ландшафтным материалом.

На некоторых участках эксплуатируемых кровель планируется газон. Существующие лиственницы все сохраняются и формируют рощу – важный элемент главной площади. Чуть ниже расположен декоративный бассейн – звено в каскаде водоемов от Театральной площади до реки.

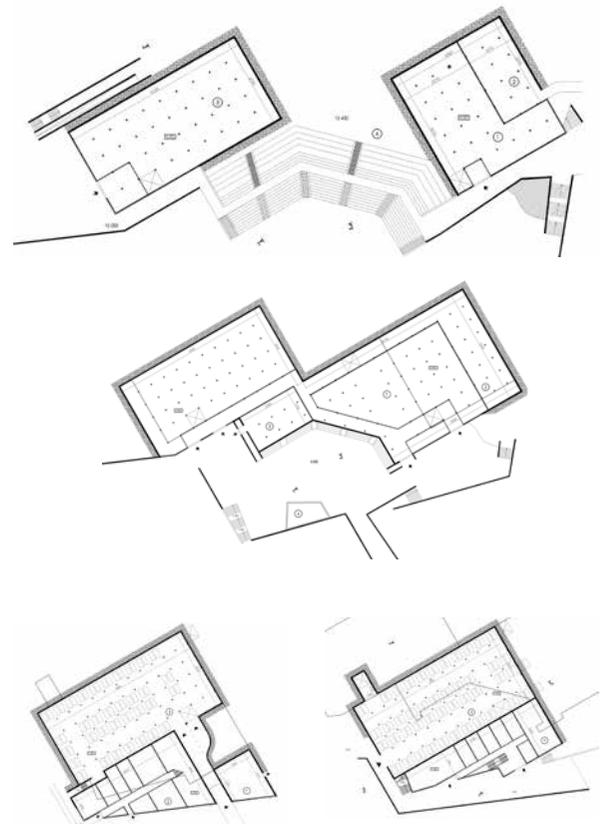
11. Центральная парковка

Парковка на 160 автомобилей занимает две нижние террасы. Поскольку естественный свет для хранения автомобилей – необязательное условие, авторы предложили светлый фронт этих террас под торговые функции.

В подземной части кроме парковки расположены технические и вспомогательные помещения.

12. Многофункциональное пространство

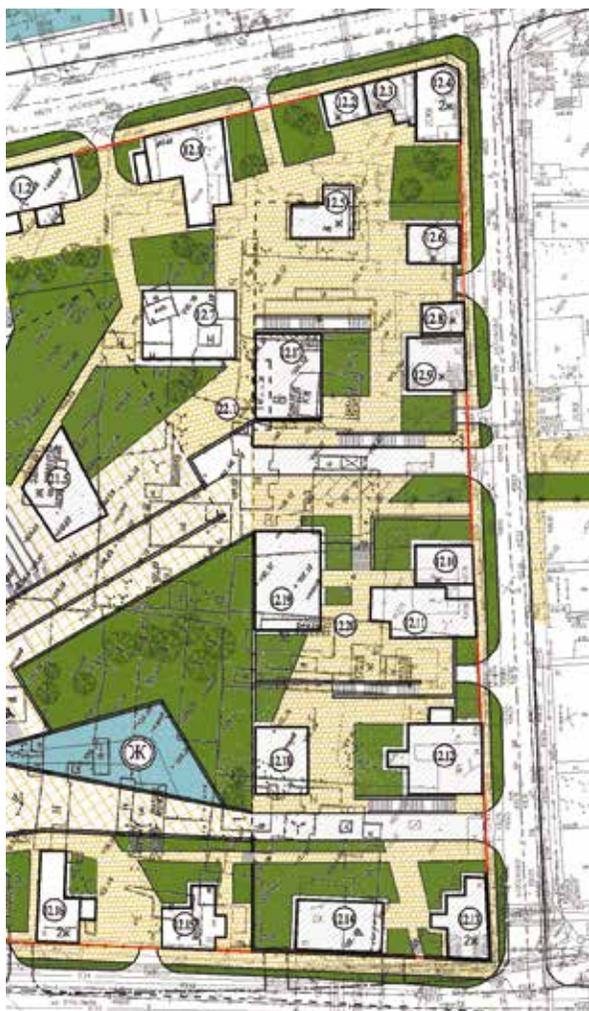
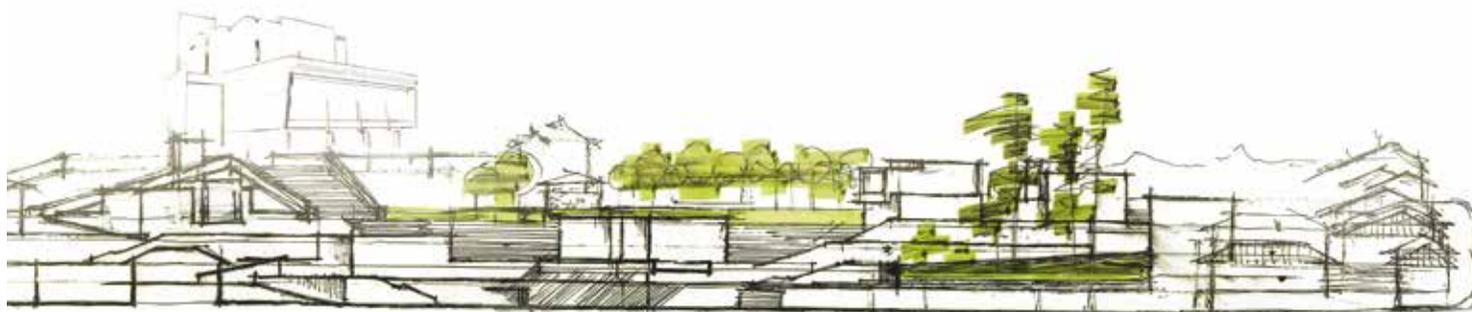
Многофункциональное пространство занимает две верхние террасы. Определены коммуникационные узлы с лифтами и лестницами, связывающие эти уровни с парковкой и с площадью и места загрузки. Входы осуществляются и непосредственно с террас площади.

Верхние террасы

Парковка на 160 автомобилей на двух нижних террасах

13. Площадка вдоль улицы Кожова
Улица Кожова требует целостного двустороннего обрамления исторической застройкой. Она живописна и не насыщена транспортом (согласно перспективной транспортной схеме) и может стать прогулочной, пешеходной. Гостиничный комплекс (поз. «12.1 – 12.20» по генплану) сформирован по террасному принципу на участке квартала, прилегающем к улице Кожова. Номерной фонд расположен в деревянных зданиях по периметру квартала и в четырех новых двухэтажных зданиях внутри участка. Помещения инфраструктуры гостиничного комплекса с автостоянкой на 40 автомобилей размещены в четырех цокольных и подземных террасированных уровнях.

Площадка вдоль улицы Кожова. Гостиничный комплекс

14. Обеспечение условий для маломобильных групп населения

Проектом планировки предусматриваются решения, обеспечивающие условия для маломобильных групп населения (МГН):

- Обеспечен доступ МГН на все наружные площадки, террасы, уровни – уклон проходов, организованных пандусов не превышает 50%. Переход над улицей Седова оборудован подъемником (поз. «Д» по генплану). Переход над улицей 3-го Июля оборудован пандусом.

- Обеспечен беспрепятственный доступ МГН во все внутренние общественные помещения главной площади. В многоуровневом универсальном пространстве (поз. «21.1» по генплану), в гостиничном комплексе (поз. «12.1 – 12.20» по генплану) предусмотрены несколько подъемников для инвалидов, обеспечивающие доступ на все уровни.

- Предусмотрены парковочные места для МГН на открытой парковке (поз. «Е» по генплану) и в подземных автостоянках. В общественных туалетах предусматриваются специальные санузлы, оборудованные для МГН.

130-й квартал: история застройки

текст
Наталья Торшина

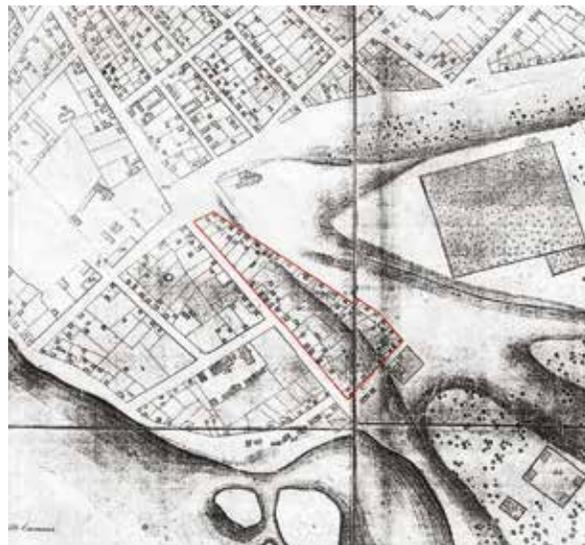
Фрагмент городского
плана 1843 г.,

Современный квартал № 130 города Иркутска ограничен улицами Седова (бывшая Верхне-Байкальская или Летне-Байкальская, затем Верхне-Амурская и Средне-Амурская), Кожова (бывшая Мастерская) и 3-го Июля (бывшая Зимне-Байкальская, Нижне-Байкальская, затем Нижне-Амурская). Самая узкая сторона квартала, которую замыкала усадьба, выходящая на улицу Ленина, относилась к улице Красного Восстания (ранее Казарменная).

Квартал расположен по довольно крутому склону Крестовоздвиженской горы, только часть застройки по улице Зимне-Байкальской была поставлена у его подошвы, на ровном месте. Название горы произошло от огромного креста, установленного в ее начале и знаменующего начало Заморского тракта, затем от имени воздвигнутой на его месте в 1717 году¹ деревянной Крестовоздвиженской церкви. С конца XVIII века за этой местностью укрепляется другое название – Иерусалимская гора, идущее от названия самого большого иркутского Иерусалимского кладбища, ставшего продолжением погоста Крестовоздвиженской церкви.

Название опоясывающих квартал улиц просто и понятно, каждое из них имеет свою историческую подоплеку. Улицы Нижне-Байкальская и Верхне-Байкальская (позднее Средне-Амурская) имеют географическую основу, обозначая восточное транспортное направление из Иркутска в сторону Байкала. Первой возникла Нижне-Байкальская, которая позднее стала использоваться только для зимнего движения, выходя на лед реки Ангары. В конце XVIII века был проложен более короткий летний проезд на Байкал, который начинался от Заморской заставы, шел мимо Крестовоздвиженской церкви и далее уходил по заросшей кустарником и лесом горе в сторону Байкала. Формируемая вдоль этого пути улица получила название Верхне-Байкальская (или Летне-Байкальская).

После заключения в 1858 году генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым с Китаем Айгунского договора, по которому граница между странами прошла по Амуру, он получает графский титул, а также любовь и уважение народа. Ликующие иркутяне в ознаменование такого грандиозного события установили на въезде в город со стороны Байкала Амурские воро-

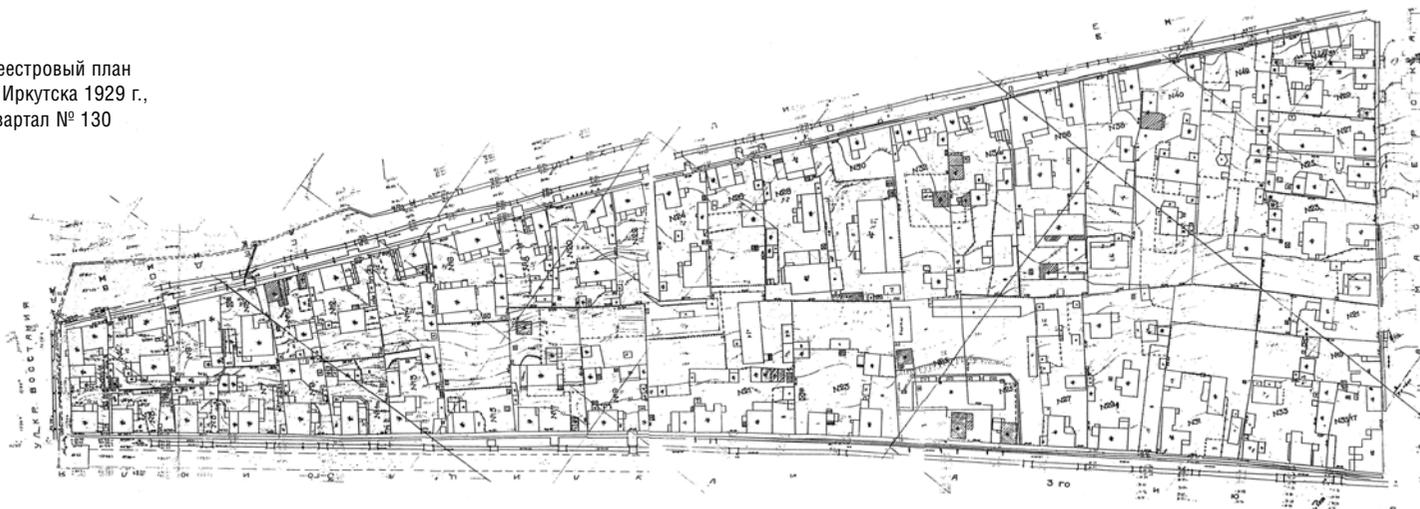
та, через которые должен был проехать Муравьев. Соответственно улица, по которой он должен был въехать в город, получила название Амурской (до этого называлась Заморской), а предшествующие ей улицы до Амурских ворот были переименованы – Нижне-Байкальская на Нижне-Амурскую, Верхне-Байкальская на Верхне-Амурскую. Но названия «Байкальская» и «Амурская» еще долгое время «плавали» и устойчивой привязки не имели. Официальное же название улицы – Средне-Амурская – было установлено в период составления нового проектного плана 1899 года².

Название улицы Мастерской объясняется также просто. Здесь, недалеко от протоки Ангары, издавна (с конца XVIII века) находился целый ряд мастерских военного ведомства, вдоль них и была сформирована новая улица, получившая название в соответствии со своим профессиональным статусом. Позднее военные мастерские были частью заменены гражданскими, и улица, одна из немногих в Иркутске, долго соответствовала своему историческому названию.

Казарменная улица (современная Красного Восстания) обязана своим названием военным казармам, располагавшимся в квартале между Заморской (Амурской, Ленина) и Троицкой (Пятой

1. Летопись г. Иркутска. XVII–XIX вв. Иркутск, 1996. С. 23.
2. ГАИО, ф. 70, оп. 3, д. 18.
3. Романов Н.С. Летопись г. Иркутска 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 423.
4. РГВИА, ф. ВУА, д. 21 981.

Реестровый план
г. Иркутска 1929 г.,
квартал № 130

Армии), которая в этой части не сохранилась – перекрыта стадионом «Труд».

В советское время все эти улицы были переименованы. Первое большое переименование в городе произошло в 1920 году в ознаменование третьей годовщины Октябрьской революции: «Улицы... Амурскую и Средне-Амурскую – Ленина, Верхне-Амурскую – 25 Октября, Нижне-Амурскую – 3 Июля... Казарминскую – Красного Восстания...»³ Позднее, в конце 1930-х, часть улицы Ленина, от Красного Восстания и до конца, получила название Седова, вероятно, в честь героического вояжа ледокола «Г. Седов». В 1970-е улица Мастерская была переименована в честь известного сибирского ученого-байкаловеда М. М. Кожова (никогда здесь не жившего).

Включение территории современного 130-го квартала в границы городской застройки произошло в конце XVIII века. Первой ограничивающей квартал появилась нижняя улица – Зимне-Байкальская. Связано это с ранними страницами истории города – времени сооружения в Иркутске палисада (оборонительного укрепления). Его возникновение относится к посещению в 1726 году восточных окраин России и Китая дипломатической миссией графа Саввы Рагузинского, которому дополнительно было поручено провести ревизию оборонительных сооружений в приграничной полосе и принять меры по их усилению. После неутешительного вывода о том, что «во всей Сибири ни одного крепкого города не обретается...», и найдя Иркутск слабо укрепленным, граф распорядился выстроить вокруг посадской части города укрепления. Застроенную часть Иркутска стали обносить крепкой тыновой стеной (палисадом) высотой до 8 метров, которая прямой линией, протяженностью в 1 277 сажень (2 720 метров), соединила берег Ангары с поймой Ушаковки. В палисаде имелось трое ворот – Заморские, Мельничные и Монастырские. От Заморских ворот в продолжение Заморской улицы шла дорога на Байкал, часть которой стала одной из сторон будущего квартала № 130.

Направление тракта хорошо видно на городском плане 1768 года⁴ (пр. 1). Вдоль него с правой стороны по направлению к Байкалу формируется военный комплекс; с левой стороны появляются первые Солдатские улицы. За Солдатскими улицами на небольшой площади квадратом показано одно из старейших кладбищ города – протестантское, более известное в городе как лютеранское, или немецкое. Здесь в 1767 году был похоронен первый иркутский губернатор Карл Львович Фрауендорф, а затем на протяжении многих лет и многие другие известные деятели города этого вероисповедания.

Напротив кладбища, в кольце ограды видна возводимая с 1757 года каменная Крестовоздвиженская церковь. Между кладбищем и церковью дорога еще не просматривается. Она идет прямо, оставляя слева от себя только еще формирующийся будущий квартал. Он состоит из небольшого фрагмента за кладбищем, разделенный значительным проездом с основным массивом квартала. Обывательская застройка на нем еще единична и приближена к городу, но мы можем констатировать, что первая жилая застройка в этом квартале отмечена с 1760-х рядом с протестантским кладбищем, единичные по Зимне-Байкальской улице.

Оставляя за собой жилую застройку, Заморский тракт выходил на берег Ангары и шел далее до Байкала. Зимой, для сокращения пути, дорога часто выходила на лед – это был зимний путь к озеру,

ИНФОРМ-ТЕХНОЛОГИИ

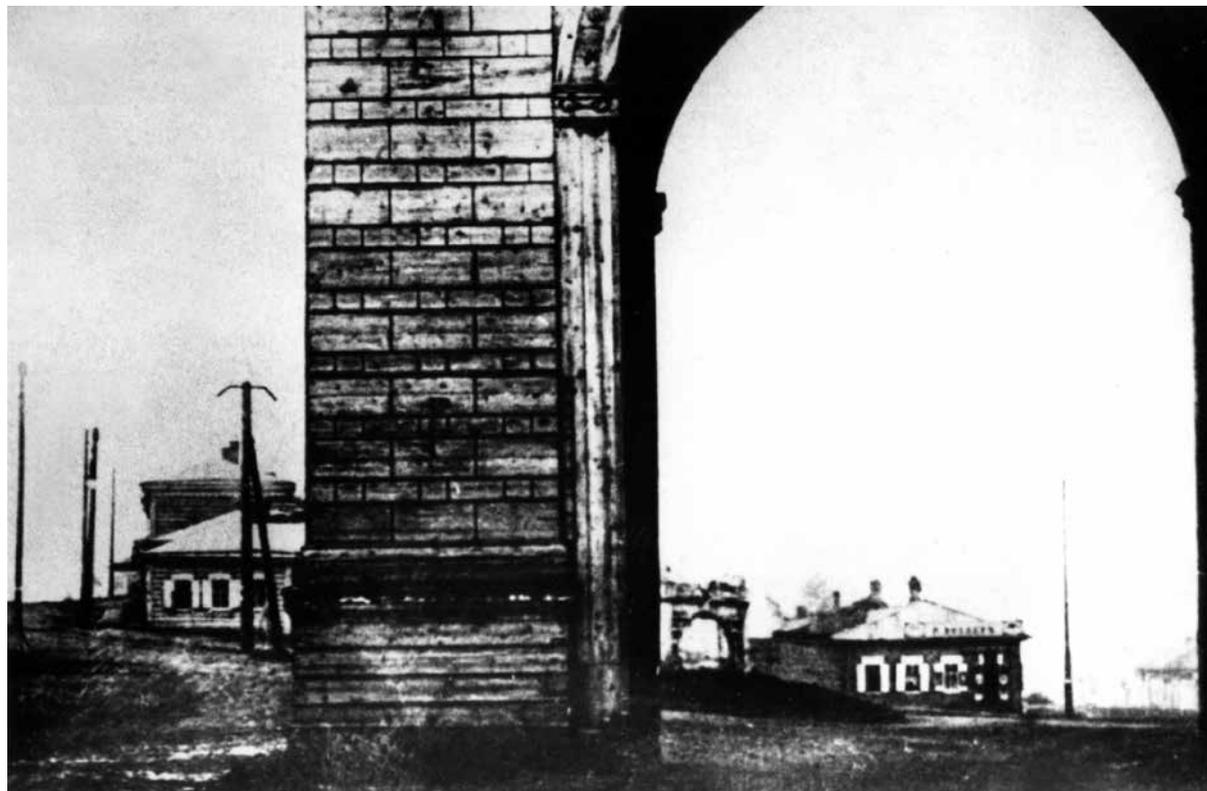
Архитектурно-декоративная подсветка
Рекламные конструкции
Световая реклама
Светодиодные информационные системы
Электромонтажные работы

70-70-79

664040, г. Иркутск,
ул. Розы Люксембург, 166
тел.: 44-27-87, 44-71-69
info@inform-t.com
www.inform-t.com

Квартал 130. Вид на стрелку улиц Средняя и Нижняя Амурские (Седова и 3-го Июля). Фото 1906 г. Фрагмент открытки. Собрание С.И. Медведева

5. Геттинген, б-ка Нижнесаксонского ун-та, № 267.
6. РГИА, ф. 1 399, оп. 1, д. 354.
7. РГАДА, ф. 192, оп. 1, д. 111, ч. 1.

отчего эта последняя иркутская улица, по которой шел тракт, и получила название Зимне-Байкальской.

К 1780-м годам (план 1784⁵) квартал поделен на усадебные участки – сквозные в узкой его части (их 9), тяготеющей к центру города; начиная с расширения квартала, они делятся пополам. Надо сказать, что месторасположение квартала далеко не самое удобное в городе – он размещается на склоне горы, в некоторых местах довольно крутой, ее перепады в некоторых местах достигают более полутора десятков метров. Примерно с середины квартала деление на участки происходит только в низинной, подошвенной его части. Квартал в это время имел в своем составе двадцать участков, наиболее крутая, нагорная часть на участки еще не поделена. Отсюда следует, что в конце 1780-х заселение квартала велось только по Зимне-Байкальской улице. Это объяснялось не только удобством рельефа, но и тем, что верхняя дорога еще не существовала.

В ближайшем окружении квартала находятся два кладбища (протестантское и православное – Иерусалимское), Крестовоздвиженская церковь, ближе к Ангаре – «городовой больничный дом», а за ним до самой улицы Большой увеличившаяся доля обывательской застройки и постройки военного назначения.

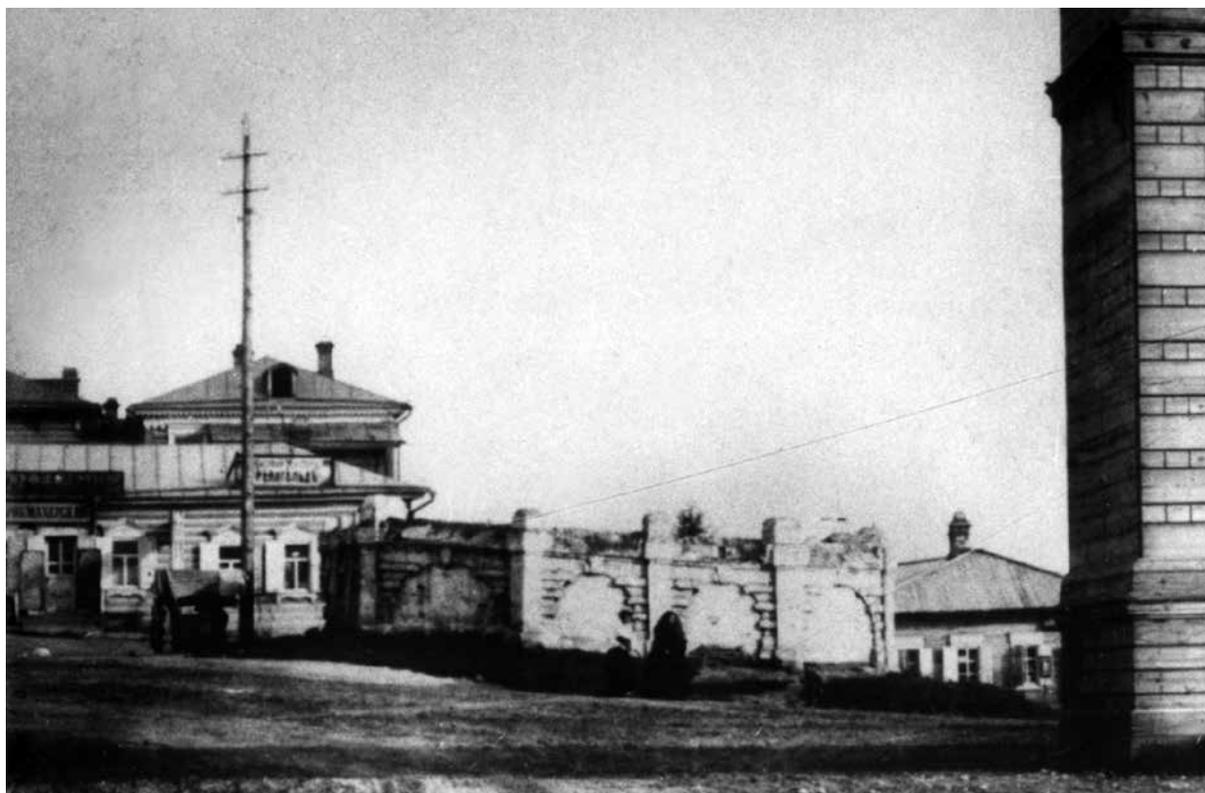
К концу XVIII века заканчиваются работы по составлению первого генерального плана Иркутска. Было проведено регулирование планировочной структуры города, в результате чего очертания кварталов стали приобретать размеры и формы, близкие современным. По Высочайше утвержденному в 1792 году⁶ (пр. 3) генеральному плану города верхняя граница 130-го квартала выходила на гору, и он приобретал очертания треугольника, острый угол которого был чуть срезан находящимся здесь протестантским кладбищем. За небольшой период, с 1784 по 1792 годы, произошла новая нарезка усадебных участков в квартале и, несмотря на увеличение его площади за счет присоединения нагор-

ной части, количество участков становится равным шестнадцати, некоторые из которых значительны по размерам. Первые три участка в узкой части квартала сквозные, все последующие разделены прямой единой межей. Геометрическая прямизна межи говорит о том, что большинство участков, особенно в его широкой части, не заселены. При расселении, особенно в неудобных местах, происходила естественная корректировка границ участков между соседями с учетом перепада рельефа и межевая линия, как правило, сбивалась.

Этим планом показана новая прокладка «дороги к морю Байкалу», вдоль верхней стороны квартала, а не вдоль нижней, как было отмечено планом 1784 года. Причем тракт этот доходил до половины квартала, а затем уходил вверх, примерно на линию современной улицы Советской (бывшей Иерусалимской), идущей вдоль Иерусалимского кладбища.

Территория, выходящая на берег Ангары от исследуемого квартала и до улицы Большой, поделена на пять аккуратных разновеликих кварталов. Часть из них устоит в предложенных планом размерах и предназначениях, в некоторых произойдут изменения. Появляется улица Казарменная, которая замыкает конец 130-го квартала, упираясь в протестантское кладбище. Название этой улицы проявится с начала XIX столетия с появлением на ней военных комплексов – так называемых Белых и Красных казарм с площадью для военных занятий.

В первой четверти XIX века (план 1829 года⁷) (пр. 4) контуры квартала приближаются к современным. Нижняя широкая его часть выходит на многочисленные военные мастерские: кузнечные, слесарные, шорные, красильные и пр. Они идут рядами, поднимаясь вдоль торцевой стороны квартала, образуя своеобразную улицу, которая действительно вскоре здесь образуется и получит запоминающееся и полностью отвечающее своему предназначению название – Мастерская.

Квартал 130. Вид на стрелку улиц Средняя и Нижняя Амурские (Седова и 3-го Июля). Немецкое кладбище. Фото 1909 г. Фрагмент открытки. Собрание С.И. Медведева

В этой пойменной части города мы видим увеличение площади городской Чупаловской больницы; весь квартал от Казарменной улицы и далее к центру города застраивается зданиями военного назначения – военно-сибирским отделением: дом бригадного командира, новыми американскими и офицерскими казармами. По правой стороне Зимне-Байкальской отмечено флажком существование здесь под № VIII питейного дома «Разгуляй». В створе Казарменной улицы обозначено «старое немецкое кладбище». Перед кладбищем по Заморской улице находилась Заморская застава – официальное место въезда и выезда из города.

Направляясь от Заморской заставы мимо Крестовоздвиженской церкви по «дороге чрез Байкал» и проезжая мимо исследуемого квартала, мы минем в конце его жандармский двор (на этом месте позднее образуется небольшой угловой квартал, имеющий современное обозначение 130а). Дальше идет незастроенная территория, покрытая кустарником и редколесьем. Здесь, за городом, размещаются провиантские и соляные магазины, еще дальше от них – пороховой погреб. К 1840-м годам, как писал известный сибирский публицист Всеволод Вагин, «город доходил только до Иерусалимской горы... за церковь, были одни кустарники да кирпичные сараи»⁸.

Около двух столетий ушло на освоение и заселение наиболее удобной равнинной части города. Подойдя вплотную к горе, на которой в 1758 году была построена на возвышении каменная Крестовоздвиженская церковь, город начинает ее обходить с двух сторон – образуется Подгорная улица и продолжает застраиваться Зимне-Байкальский тракт. Позднее, когда равнинного места совсем не остается, начинают постепенно осваиваться и возвышенные территории, таким образом появляется Нагорная часть Иркутска.

Самым информативным и потому наиболее интересным является городской план 1843 года⁹ (пр. 5), впервые наиболее полно отражающий застройку, в

том числе и 130-го квартала. На него нанесена не только парцелляция участков, которые в этот период делятся на чистый двор и огородное место, но и показаны отдельные усадебные строения. Квартал в этот период имеет форму неправильной, сильно вытянутой трапеции. Самая узкая его часть поделена на семь сквозных участков. На Зимне-Байкальскую спускаются огороды с банями, на Верхне-Байкальскую (Средне-Байкальская как таковая еще не существует) выходят чистые дворы, на которых стоят, как правило, по одному дому. Итак, это самая старая часть квартала по времени заселения.

Далее начинается уширение квартала и примерно посередине его идет ломанная межевая линия. Это объясняется, как говорилось выше, крутизной рельефа, подчиняясь которому хозяева усадеб меняли границы своих межевых линий. Застройка нижней части участков выходит фасадами на Зимне-Байкальскую (Нижне-Байкальскую) улицу, верхняя – на новую, еще формирующуюся улицу, по которой проходит «дорога к Байкалу». На верхней улице участков больше, но они меньше по площади, по огородной их части проходит гребень склона, что делает их использование менее удобным. Не на всех участках еще отстроены бани, только на семи стоят дома, выходящие фасадами на улицу. Таким образом, квартал № 130 был полностью застроен к началу 1840-х (к середине XIX столетия).

Как бы в продолжение 130-го квартала, напротив верхней части его широкой торцевой части, появляется небольшой фрагмент, поделенный на два участка с застройкой. Еще одна усадьба показана на углу с Нижне-Байкальской. Далее к Ангаре пунктиром выстраиваются отдельные постройки мастерских и под обозначены солдатские бани. Никаких новых существенных изменений в окружении исследуемого квартала данный план не отмечает.

Вот как пишет «Иркутская летопись» о положении дел в 1857 году: «Иерусалимская гора вся разделена на кварталы и уже составляется план для сдачи этих

8. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990 С. 462.
9. РГИА, ф. 1 293, оп. 166, д. 8.

Вид с Крестовской церкви на стрелку Гл. Иерусалимской (Коммунаров) и С.-Амурской (Седова) улиц. Фото 1905-1911. Архив негативов ЦСН

10. Романов Н.С. Иркутска летопись 1857–1880 г. Иркутск, 1914. С. 14.
 11. РГАДА, ф. 192, оп. 1, д. 112.
 12. ИГОМ, фонды, 2 271.
 13. РГИАМ, ф. 280, оп. 8, д. 55, л. 4.
 14. ГАИО, ф. 70, оп. 3, д. 188.

кварталов под жилые застройки»¹⁰. Это относится в большей степени к верхней части Иерусалимской горы, застройка 130-го квартала уже произошла, уже следует продажа и перепродажа участков, их дробление, изменение владельцев.

К 1870-м (план 1868 года¹¹) квартал устает в своих границах. Застройка уходит дальше по склону и вдоль Иерусалимского кладбища, там формируются новые кварталы. Улица Мастерская к этому времени уже полностью сформировалась. При выходе ее на улицу Летне-Байкальскую, через уличный проезд, на месте бывшего жандармского двора, отмеченного планом 1829 года, показан небольшой квартал неправильной формы, соответствующий своим местоположением современному кварталу 130а. Этим планом отмечена и застройка нового квартала на противоположной стороне Летне-Байкальской. Своим верхним углом он захватывает территорию Иерусалимского кладбища, отчетливо просматриваемого в этом месте. В створе Казарменной улицы и перед началом квартала как «бывшее кладбище» отмечено старое протестантское кладбище. Вдоль Казарменной улицы идут «казармы для воинских команд». Образовавшаяся улица Мастерская вытесняет военные кузницы, они располагаются под самой горой на продолжении Зимне-Байкальской улицы. Таково было окружение 130-го квартала на 1868 год.

Весьма любопытная информация о состоянии усадебных мест в рассматриваемом квартале представляется нам городским планом 1878 г.¹² (пр. 7) На этот год участков в квартале насчитывается 38, т. е. их количество по сравнению с 1843 годом увеличивается почти в два раза (1784 – 20, 1792 – 16, 1843 – 20–22). Это говорит об увеличении спроса на землю в этой местности и соответственно об увеличении ее стоимости.

Центральная (внутриквартальная) межевая линия спрямляется. Существовавшие в 1843 году семь первых сравнительно небольших сквозных участков, увеличиваются до восьми, но из них пять разделены надвое: один ориентирован на Верхне-

Амурскую, нижний соответственно – на Нижне-Амурскую. Вместо 11 участков по Средне-Амурской до Мастерской, не считая углового участка, становится 13. Два-три участка по Мастерской делятся на полноценные пять участков. Семь-восемь участков по Нижне-Амурской с добавлением пяти первых, поделенных надвое, превращаются в 13. Ни один из последующих городских планов не несет более подробной и обширной информации о состоянии застройки квартала.

План 1890 года¹³ (пр. 8) показывает 12 построек по Верхне-Амурской, считая угловые. И если в начале улицы застройка довольно плотная, то последняя треть улицы значительно разрежена, имеет всего три постройки. Аналогичное количество построек отмечено и по линии Нижне-Амурской. Здесь также плотно застроено начало квартала, далее появляются более разреженные места. Все угловые места застроены. По линии Мастерской отмечено две постройки. В итоге на 1890 год в квартале насчитывалось 26 построек по красным линиям, которое не всегда соответствовало такому же количеству усадеб. Их было больше, но не все имели дома по улице, некоторые домовладельцы строились и в глубине усадеб.

В это время идет подготовка нового генерального плана города, который в частности узаконил безымянную до того улицу – Средне-Амурскую. Она отпочковывалась от Верхне-Амурской, пересекала улицу Мастерскую, превращаясь в пешеходный проулок. Одно время эту улицу хотели упразднить, но этим утрачивался бы кратчайший путь к новым проектируемым кварталам на Иерусалимской горе. Поэтому улицу было предложено расширить до 12 саженей и продолжить до черты распространения городских построек.

В 1898–1899 годы на одном из заседаний комиссии по вопросам разработки проектного плана Иркутска предлагалось ликвидировать «косой квартал между Мастерской, Средней и Верхней Амурской, обратив его в сквер»¹⁴ (современный квартал № 130а). Но на практике это сделано не было.

На плане 1899 года¹⁵ (пр. 9) отражено значительное увеличение количества построек в квартале, в сравнении с планом 1890 года, их уже 24 по Средне-Амурской, 19 – по Нижне-Амурской, 5 – по Мастерской. Итого всего 48 строений, то есть за девять лет произошло увеличение застройки без малого в два раза. При визуальном сравнении, плотность застройки исследуемого квартала несколько не уступала центральным кварталам в старой части города (до Большой улицы и даже Преображенской), но в большинстве своем проигрывала в их размерах (дома были значительно меньше).

На начало XX века мы не можем назвать количество построек в квартале, но по справочным изданиям города, которые начали публиковать списки домовладельцев по улицам, можем назвать количество усадеб по каждой улице. В 1906 году по Нижне-Амурской насчитывалось 18 участков, по Средне-Амурской – 21, по Мастерской – 5. Всего в квартале было 44 участка, четыре из которых были двойные, т. е. одному хозяину принадлежало по два соседних участка.

К этому времени границы участков в основном устоялись, стоимость их поднялась, поднялись и цены за наем квартир. Строительством Транссибирской железной дороги, ее эксплуатация, размещение в городе управления Забайкальской железной дороги с большим числом чиновничьего аппарата привлекло в Иркутск значительное количество нового населения, которое остро нуждалось в жилье. Продавать участки стало невыгодно, гораздо прибыльнее было строить дополнительное жилье. Поэтому более состоятельные владельцы предпочитали по возможности прикупать еще и соседние участки. В 1885 году стоимость квадратной сажени земли в этом месте, приравненном к окраинным, колебалась от 40 копеек до полутора рублей. После пересмотра расценок в 1902 году стоимость квадратной сажени по Нижне-Амурской была установлена в три рубля, по Средне-Амурской и Мастерской – 2,50 руб.¹⁶ В последующие дореволюционные годы количество участков в квартале осталось прежним – 44.

Особой спецификой населения и его профессиональной деятельностью на начало XX века исследуемый квартал не обладал. Это относится прежде всего к его верхней, более молодой части – улице Средне-Амурской, которая как бы продолжала Главно-Амурскую улицу, но с понижением социального статуса ее владельцев, арендаторов и квартирантов. Улицы Нижне-Амурская и Мастерская ранее имели свою более четко выраженную специфическую направленность. Первое время Нижне-Байкальская, как предтрактовое продолжение Заморской улицы, функционально была направлена на его обслуживание. Выше уже упоминалось о располагавшемся на этой улице в начале XIX века питейного дома «Разгуляй». Вероятно, с увеличением интенсивности движения по улице в ее застройке таких заведений появилось больше, стали возникать трактирные заведения и всевозможные лавки, развился извозный промысел, и начали строиться постоянные дворы. Отголоски этого находим в архивных материалах начала XX века.

Извозный промысел¹⁷ на 1906 год отмечен только в одной усадьбе – по Нижне-Амурской улице у С.А. Денбинского (сегодня 3-го Июля, 11). К этому времени извоз и постоянные дворы были сконцентрированы в районе городской базарной площади – по Малой Блиновской улице, Кузнецкому переулку и прилегающим к ним улицам. К 1909 году Денбинский меняет

место жительства, и извозный промысел окончательно исчезает из этого района. На противоположной стороне Нижне-Амурской, по Мастерской и Средне-Амурской этот вид промысла также не отмечен.

Из торговых лавок, существовавших в квартале, начнем с самой первой – в усадьбе Шушарихина (Фурман, Синцова, Кулябко), на стрелке Средне-Амурской и Нижне-Амурской улиц. Здесь, на бойком перекрестке, в разные годы были открыты парикмахерская А.Р. Шахнина, бакалейная лавка В.А. Синцова. Далее, по нечетной стороне улицы, можно назвать бакалейную лавку А.А. Королева (3-го Июля, 5). Здесь же предоставляла свои услуги в 1906 году фотография В.О. Загорянского. Наискосок от этой усадьбы, на противоположной стороне улицы, в доме Р.Е. Школь-никовой существовала еще одна бакалейная лавка. Традиционно торговый характер имели все четыре усадьбы на пересечении улиц Нижне-Амурской и Мастерской. Самыми крупными были винно-бакалейные и мясные лавки в усадьбе Небыловского-Воронич по углу (3-го Июля, 35). Содержателями их в разные годы были Е.Я. Самарин, И.С. Воронич, С.В. Реньяжин, И.И. Буйко, А.И. Коровин, Винтовкин. В этой же огромной усадьбе была открыта «прачешная» А.И. Плотниковской.

Существуют сведения, что здесь же одно время функционировала и общественная баня Коровина, но известно точно, что торговая баня А.И. Коровина в 1890-х годах работала на противоположной стороне улицы (3-го Июля, 36) – ее хорошо видно на старой фотографии. Еще одна баня – Половникова – существовала по Мастерской.

Несколько расширяя тему истории 130-го квартала, отметим, что противоположный угол Нижне-Амурской занимала также бакалейная лавка М.Н. Хомюк. По этому же адресу отмечается еще одна «прачешная» – Е.Ф. Лубниной. Угловую четную сторону Нижне-Амурской (3-го Июля, 24/17) фланкировали лавки Н.Д. Демидова, где велась бакалейная торговля и официально существовала казенная винная лавка (№ 11). На противоположной стороне улицы Мастерской в усадьбе (Кожова, 26) бакалейная лавка принадлежала ее домовладелице Е.Т. Колганиковой. В ее же усадьбе работала сапожная мастерская И.П. Федорова. Здесь недалеко функционировала еще одна сапожная мастерская К.М. Костина.

Таким образом, мы видим, что торговля по Нижне-Амурской улице на начало XX века была представлена винно-бакалейными и мясными товарами повседневного спроса. Торговля рыбой, обусловленная близостью реки, была представлена единственным ее торговцем – М.А. Окованцевым.

Отметим, что близость реки, протекающая здесь неширокая протока и большой остров между ними сразу же наложили отпечаток на проживающих здесь жителей. Это место оказалось чрезвычайно удобным для сплава и складирования лесных материалов. Здесь была наибольшая концентрация как собственно проживающих лесопромышленников, так и их складов. Достаточно назвать лесопромышленников Н.Д. Демидова и Т.В. Пономазаева, лесопильный завод Кравца и Курбатова, владельцев лесопилы И.П. и А.М. Второвых.

Новой функциональной направленностью хозяйственной деятельности квартала можно назвать открытие здесь портняжных и сапожных мастерских, обеспечивающих, в первую очередь, потребности окрестных жителей. По Нижне-Амурской (3-го Июля, 9) в усадьбе Я.Л. Чепурных предлагал свои услуги

15. РГИА, ф. 1293, оп. 166, д. 7.

16. Иркутские губернские ведомости. 1902. 25 ноября. С. 2.

17. Извоз – промысел гужевой доставки, перевозки товаров.

18. Кортонный промысел – сдача жилых помещений в аренду.

мужской портной А.Ф. Баранов. Для желающих шить самостоятельно в угловой усадьбе В.Т. Кулябко по той же улице была открыта школа кройки и шитья «Московская» (снесена). В следующей усадьбе по Средне-Амурской размещалась дамская мастерская Е.А. Удаловой.

Средне-Амурскую улицу можно рассматривать как продолжение официозной улицы Амурской, на которой размещалось большое количество казенных учреждений и подведомственных им организаций. Подтверждением того служит усадьба врача Кузнецовской больницы А.С. Ковригиной по Средне-Амурской (Седова, 6), где размещался податный инспектор 2-го участка. Но это было единственное казенное учреждение в квартале.

Далее по этой улице, в усадьбе (Седова, 10) частного поверенного (адвоката) Н.Д. Красильникова располагалась сапожная мастерская Мандрюченко. Через домовладение в усадьбе И.А. Иващенко (Седова, 14) находилась очередная бакалейная лавка. В следующей усадьбе И.Г. Колик (Седова, 14) работала столярная мастерская А.Н. Готлибова (производил мебель и зеркала). Усадьбы под современными номерами 16, 18, 20, 22 и 24 не имели в своем составе ни лавок, ни мастерских, здесь жили сами хозяева и один-два постояльца. В усадьбе П.М. Серкина (Седова, 34), кроме семьи владельца, постоянно проживало два-три квартиранта. В усадьбе с самым большим и единственным в квартале трехэтажным каменным домом (Седова, 36), принадлежавшем Я.Ф. Сусленникову, находилась ювелирная мастерская В.В. Алексеева. Квартирантов в усадьбе насчитывалось не менее 5–7 семей. Угловая с Мастерской усадьба Ермаковых (Седова, 44) традиционно имела торговый характер, здесь вела мелочную торговлю одна из совладельцев усадьбы – Н.Е. Ермакова. Здесь же сдавались помещения в наём и жили квартиранты.

Повернув направо и следуя вниз по улице Мастерской, минуем семь усадеб, имевших раньше доходный характер – жильё в них сдавалось в наём. На противоположной стороне этой улицы в разных ее местах располагались еще слесарная мастерская, две сапожные и одна переплетная мастерские.

Таким образом, улица Мастерская еще и на начало XX века соответствовала своему историческому названию.

Но основным назначением квартала было жильё, как собственно хозяев усадеб, так и сдача его в аренду. Этот источник дохода был основным среди владельцев, можно сказать, что только ленивый не сдавал помещения постояльцам. Справочные издания города не во всех усадьбах показывали наличие квартирантов, но это не означало, что их не было. Там, где в усадьбе дополнительно к основному дому был флигель, а зачастую и не один, безусловно, присутствовала практика кортома.¹⁸

Социальный состав владельцев усадеб был сравнительно невысок: мещане, крестьяне, отставные военные, мелкие чиновники и их вдовы, попадались даже ссыльные. Зажиточных владельцев в квартале можно пересчитать по пальцам. Это, в первую очередь, владельцы известной типографии Сизых по Большой улице – Анна Александровна и Яков Николаевич, живущие в своей усадьбе (3-го Июля, 19). По этой же улице, на противоположной стороне (№18), жил владелец крупного иркутского чайного магазина «Реномэ» А.А. Школьников. Его агентурно-комиссионная контора с 1882 года занималась

поставкой и продажей чая и японских товаров. Имел усадьбу по Нижне-Амурской (Седова, 31) Г.И. Русанов, крупный подрядчик строительных работ, совладелец знаменитой номерной бани Курбатова и Русанова, домовладелец. Самым титулованным в среде домовладельцев квартала был потомственный дворянин В.И. Небыловский, которому принадлежала угловая торговая усадьба на пересечении Нижне-Амурской и Мастерской, он имел еще несколько домов в городе.

Средне-Амурская улица была скромнее, усадьбы были меньше, но все владельцы занимались кортонным промыслом. Здесь в 1901 году отстроилась первая женщина-врач города А.С. Ковригина, работавшая в Кузнецовской больнице и имевшая частную практику. Еще одним представителем интеллигенции этой части квартал был Н.Д. Красильников, частный поверенный (юрист).

Состав снимавших квартиры в квартале был менее пестрый и более однородный – в основном это были мелкие чиновники Управления Забайкальской железной дороги (счетоводы, касиры, контролеры). Особенно хорошо это видно на примере самого большого дома в квартале – дома Сусленникова (Седова, 36). Снимали здесь квартиры работники типографий, военные, служащие магазинов. По Нижне-Амурской больше было служащих Кузнецовской больницы.

У квартала № 130 по большому счету счастливая судьба – он избежал страшного городского пожара 1879 года, когда выгорела практически вся центральная часть Иркутска, грубого вторжения как застройки советского периода, так и возведения здесь современных точечных монстров, что делает его чрезвычайно привлекательным в плане исторической реконструкции. Мемориальный характер кварталу придает непосредственное соседство с бывшим протестантским (немецким) кладбищем, на котором похоронен К.Л. Фраундорф, первый губернатор образованной в 1764 году Иркутский губернии. Историческое значение квартала усиливает нахождение рядом с ним шедевра культового зодчества – Крестовоздвиженской церкви, являющейся исторической градостроительной доминантой.

И наконец, подписание иркутским генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым в 1858 году Айгунского договора с Китаем, по которому граница соседних государств была юридически и окончательно закреплена по реке Амур, отразилась на топонимике этого места, в том числе квартала № 130. Две ограничивающие его улицы были названы в честь этого события – Нижне-Амурская и Верхне-Амурская, а в конце Главно-Амурской (Ленина) улицы, в преддверии квартала, были установлены триумфальные ворота – Амурские – с надписью «Дорога к Великому Океану». Они, как уникальный памятный знак, как элемент истории города, запечатлены на многих дореволюционных фотографиях.

Хотелось бы надеяться, что при реконструкции квартала максимально будут сохранены дома простых иркутских жителей, столь милые и дорогие нашему сердцу; чтобы улицам Мастерской, Нижне-Амурской и Средне-Амурской были возвращены их исторические названия; чтоб вновь появились Амурские ворота в память о блестящей дипломатической миссии, исполненной иркутским генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым; чтоб было сохранено и отмечено памятным знаком столь исторически значимое для Иркутска старое немецкое кладбище...

ТОМСК

За годы массового уничтожения деревянной и каменной исторической застройки, постигшего наши исторические города в последние десятилетия, веры в возможность что-либо исправить сильно поубавилось.

На этом фоне опыт последних лет города Томска в возрождении памятников своего деревянного зодчества блистает недостижимой звездой. Восстановленные из руин, отреставрированные, отремонтированные, благоустроенные деревянные одно- и двухэтажные домостроения продолжают нести свою жилую функцию, привлекая и радуя своим видом не только гостей города, но и самих горожан. Подобное не произошло само собой: губернатор Томской области явил государственную волю, наложив запрет на уничтожение архитектурного наследия, сформировав и запустив реализацию программы сохранения исторического наследия. Редакция ПБ размещает на страницах данного номера материалы, подготовленные членом Томской организации Союза архитекторов России, директором Муниципального учреждения по сохранению исторического наследия г. Томска «Томск исторический» Н.А. Лисовской.

Архитектурные методы моделирования пространственной структуры зон деревянного зодчества Томска

Главная задача при современном градостроительном формировании исторического города – переход от «революционного» к «эволюционному» методу, то есть укрепление и закрепление центров градостроительных структур как интеллектуальных и архитектурно-художественных центров городской культуры.

Проблема современного этапа формирования крупных градсистем должна решаться в ракурсе оздоровления среды обитания, создания максимально благоприятных условий для производственной деятельности населения, быта и отдыха. Значит, необходимо упорядоченное использование городских земель за счёт привлечения современных технологий пространственного формирования городов, восстановления экологического равновесия, применение принципа поясного зонирования (центральная, срединная, периферийная и пригородная концентрические зоны), позволяющего выйти на новый уровень понимания механизма эволюции крупных градостроительных систем – уровень самоорганизующихся систем материального мира.

По Томску предлагается механизм гармонизации исторической среды:

1. Магистральное направление в современном управлении градоформирующими процессами – экономическое, максимально использующее процессы саморегуляции и поиск компромисса между интересами инвестора и всего городского общества. Принцип градостроительной экономики должен фиксировать главенство градостроительного права над земельным и имущественным. Учитывая отрицательный западноевропейский опыт, не вводить частную собственность на землю, а лишь предоставлять право освоения.

2. Второй механизм управления – налоговая политика в использовании земельных ресурсов. Это наиболее эффективный и действенный механизм управления территориально-пространственным развитием, с помощью которого можно регулировать застройку его районов путём повышения или понижения платы для застройщиков (градостроительная рента). За правовым режимом призвана следить строительная полиция.

3. Третий механизм управления – качественное информационное обеспечение, когда стратегическое значение отдаётся выведению на передний план духовного аспекта функционирования исторического наследия, так как культурное наследие – синтез духовного и материального. Оно функционирует как информационная матрица и посредством материаль-

ной структуры передаёт в сознание картины мироустройства конкретной нации.

4. Придание историческому центру Томска рекреационных функций.

В качестве первоочередных мероприятий МУ «Томск исторический», занимающийся сохранением исторического наследия, наметил для себя:

- сбор информации и анализ существующего состояния объектов культурного наследия и пространственного развития города;

- создание картоидов (пространственных теоретических моделей) при генерализированном анализе исторических территорий, отражении масштабных пространственных явлений;

- создание теоретической основы морфологии исторического развития территории Томска, разработка сценария преемственности исторической идентификации места;

- анализ визуальных перспектив Томска и разработка схемы градостроительных доминант и «прозоров» (на исторической основе), паспортизация «визуальных балконов» для рекреационных функций города;

- разработка схемы высотного зонирования на основе линейно-пространственного, композиционного и силуэтного каркасов территории Томска;

- разработка методом «скрепляющих каркасов» схемы узловых территорий и иерархии планировочной структуры Томска;

- разработка фирменного стиля исторических районов, в том числе по МАФам, колористике, рекламе, интерполяция стилового образа на новые микрорайоны;

- разработка моделей реконструкции и регенерации исторических территорий Томска, создания оптимальной транспортной схемы исторического центра;

- разработка типовых проектов по «протезированию» исторических зон Томска;

- разработка разделов «Охрана исторического наследия» на предпроектной стадии;

- выдача Условий освоения территории для застройщиков;

- выдача заключения на НПД в историческом центре Томска.

Научные изыскания по анализу более двух тысяч объектов деревянного зодчества в Томске базируются на целевые принципы, ценностные критерии отдельных

памятников, ансамблей, комплексов, исторической среды города и социально-экономические и правовые критерии.

Применение традиционных архитектурных методов моделирования пространственной структуры исторических зон Томска (группирование объектов деревянного зодчества в исторические ансамбли и достопримечательные места на основе ландшафтного каркаса, историко-градостроительных доминант и исторической функции) оказалось недостаточным, чтобы охватить все 700 ценных объектов (108 памятников оказалось «за бортом»). Кроме того, кое-где границы охранных зон получили расплывчатые очертания из-за того, что современные землеотводы, закреплённые в собственности, нарушили исторические границы доминаний, уплотняющая застройка внесла какофонию в существовавший регламент охранного зонирования. Историческая среда в Томске превратилась в сложную дисперсную структуру, распыляющую памятники по всей исторической территории. Связь между отдельными историческими зонами оказалась разрушенной, визуальное поле засорено.

Все эти проблемы подтолкнули к решению задачи с помощью метода математического моделирования. Тренд-анализ исторической территории Томска позволил сократить неохваченные объекты деревянного зодчества до 50, а главное, выстроить иерархию групповых зон и внутри них. Такая иерархия позволила более точно подобрать охранной регламент – заповедная зона I категории (5 улиц из 116 зданий), заповедная зона II категории (15 улиц из 199 зданий), заповедная зона III категории (27 улиц из 169 зданий), зона охраны исторической среды (167 объектов) и зона регулирования застройки (50 объектов). Таким образом, тренд-анализ помог перейти от познавательной модели к управляющей. Но ещё более интересным оказалось то, что эти исследования привели к другой познавательной модели, но уже в области охраны окружающей среды. Всё это подтолкнуло автора проанализировать ситуацию с градостроительной экологией в Томске, посмотреть взаимосвязь историко-культурной среды с природным ландшафтом. Были выполнены схемы ландшафтно-экологического зонирования:

- тектоническое состояние и морфология грунтов территории,
- гидрогеологический режим территории исторического центра,
- схемы аэрационного режима города.

Исследования в этом направлении привели к открытию: у деревянного зодчества появилось «экологическое алиби». Сохранение объектов деревянного зодчества позволит: в зоне ослабленных грунтов и повышенной гидроактивности избежать барражного эффекта, предотвратить пьезуны, оползни и провалы, из-за малой физической нагрузки на грунты понизить уровень естественного и техногенного подтопления,

улучшить аэрационный режим в городе (летом способствуя продувке скапливающихся примесей в приземном слое, увеличивая динамическое и термическое проветривание, а зимой позволяя ослабить «линзы холода»). То есть культурная и природная среда вместе формируют устойчивую систему урбанизированной территории, способность её к самовосстановлению.

Моделирование целостной композиции разновременной городской среды в данной работе было завершено ранжированием зон по показателям «композиционной значимости» и «внутренней целостности». Итогом работы стала разработка паспортов всех групповых зон деревянного зодчества, где обязательным условием выступило базирование на исторической функции, позволяющее определить инвестиционный коридор саморазвития территории.

Таким образом, исследование от архитектурно-градостроительных методов перешло к экономико-правовым и социально-психологическим. Автор подробнейшим образом рассмотрел задачи ревитализации (социально управляемое проектирование на основе социологических опросов), ременеджеризации (разработана иерархия управления комплексом проектного менеджмента). Нижний уровень – технологический (создаются профессиональные группы социального проектирования), средний уровень – проектно-управленческий (консорциум-проектирование, социально-управляемое проектирование и проект участия пользователей), верхний уровень – идеологический. В работе даны варианты прогнозы модели управления, разработан организационно-правовой механизм охраны культурного наследия, подобраны экономические рычаги по сохранению деревянного зодчества. Анализировалась томская специфика в вопросах реконтракции, особое внимание было уделено возрождению утраченных уникальных строительных технологий и применению современной технологической базы в деле сохранения деревянного зодчества Томска, в том числе вопросы энергосбережения, защиты древесины от огня и биопоражений.

Итог работы по архитектурным методам моделирования пространственной структуры исторических территорий Томска таков.

Томск – 1604 г. р.

Исторический центр города – 1 302,4 га (4,3% от площади города)

В том числе:

Охранные зоны памятников – 231,9 га (0,77% от площади города)

Зоны строгого регулирования – 524,7 га (1,73% от площади города)

Зоны регулирования застройки – 465,7 га (1,54% от площади города)

Зоны охраняемого природного исторического ландшафта – 80,1 га (0,26% от площади города)

	Федеральные памятники	Региональные памятники	Выявленные ценные объекты (на госохране)	Историческая ценная среда	Всего
Каменные	20	115	61	203	399
Деревянные	17	91	73	520	701
Всего объектов	37	206	134	744	1100
МАФы	4	14	-	2	20
Памятники археологии	1	-	-	29	30
Мемориалы	-	7	4	1	12
Памятники природы	-	8	12	-	20
Достопримечательные места	-	-	-	7	7

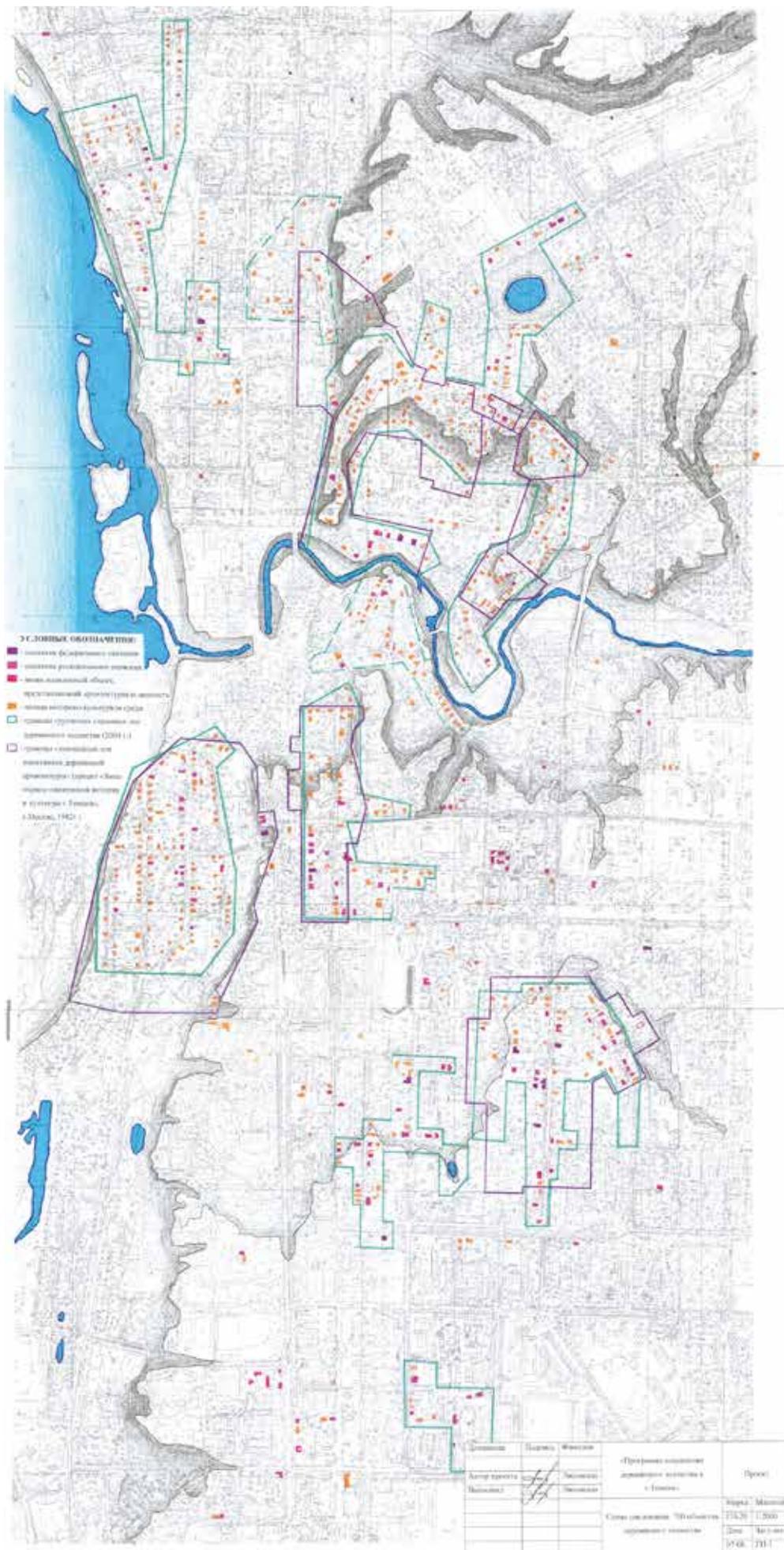
Памятники, стоящие на госохране, и ценная историческая среда

- компоновочная схема (основной томский вариант – расположение главного элемента по линии уличного фронта с придомовой территорией, второй план представлен реже, в основном на рельефе);
- традиционная этажность (в Томске в основном 2-этажные дома);
- процент застроенности участка (не более 30%);
- масштаб (фоновый/доминанта) – (в Томске малый или средний масштаб);
- характер уличного фронта (дискретный с пространственными разрывами);
- характер оформления открытого интервала уличного фронта (ограды, ворота);
- характер силуэта уличного фронта (в Томске деревянная застройка однородная с композиционными акцентами);
- пластические и ритмические характеристики застройки (в Томске в основном высокий уровень пластической проработки фасадов деревянных зданий, их ритмических характеристик);
- тип озеленения и благоустройства двора (озеленение придомовых территорий – типовой томский вариант).

Математическое моделирование тренд-анализ

- среднестатистическая величина концентрации памятников в изолинии тренда оказалась равна 5;
- изменился количественный состав первых 8 зон;
- обозначились дополнительно к существующим 8 зонам деревянного зодчества Томска из 105 объектов;
- изолинии величины отклонения, превышающей 50% тренда, потребовали на этом уровне ввести свою иерархию (ещё одна «матрёшка» в «матрёшке»), что дало три категории зонирования по Томску:
 1. 5 зон, где более 20 памятников деревянного зодчества;
 2. 15 зон, где от 10 до 20 памятников;
 3. 27 зон, где от 5 до 9 памятников деревянного зодчества.

Наталья Лисовская

Классификация методов	Результат архитектурного моделирования пространственной структуры зон деревянного зодчества			Недостатки метода: – 108 объектов вне групповых зон деревянного зодчества; – границы охранных зон нечёткие; – трудно определяемый регламент; – нарушена связь между зонами и отдельными памятниками				
	Порядок иерархии	Название групповой зоны	Количество объектов					
Традиционные архитектурные методы	1	Воскресенская гора – Белоозёрье	188					
	2	Татарская слобода – Заисточье	119					
	3	Заозёрье	72					
	4	Преображенская – Профессорская слобода	71					
	5	Дворянская – Юрточная слобода	70					
	6	Еланская – Верхняя и Подгорная Елани	40					
	7	Комплекс психиатрической лечебницы в пос. Сосновый Бор	21					
	8	Иоанно-Предтеченский женский монастырь	12					
	Итоги	Возможность формирования «живого» музея деревянного зодчества из 593 объектов 8 зон под открытым небом на родном месте и с преобладающей жилой функцией						
Моделирование целостной композиции разновременной городской среды	Порядок иерархии	Название групповой зоны	Кол-во цент-ров	Кол-во подцент-ров	Ценные узлы	Связевые улицы	Кол-во классификаторов	Недостатки метода: – выстроенные первоочередные мероприятия и ступенчатость освоения средств от центров к связевым улицам не позволяют соединить групповые зоны в единую систему; – более сотни объектов деревянного зодчества в «свободном плавании»
	1	Воскресен-ская гора	1ул + 6	3	5	8	23	
	2	Заозёрье	3 центра	3	4	7	17	
	3	Преображен-ская	1ул + 1	4	3	6	15	
	4	Татарская слобода	2 улицы	2	2 ул. + 1	4	11	
	5	Дворянская слобода	1ул + 1	2	3	4	11	
	6	Еланская	1 центр	2	4	4	11	
	7	Психлечебница в Бору	1 ул. + 1	1	2	3	8	
	8	И.-П. монастырь	1 ул. + 1	1	0	2	5	
		Всего по 8 зонам:	7 ул. +14	18	2 ул. +22	38	101	
Итоги	– наличие 12 стилистико-временных «слоёв» объектов деревянного зодчества; – ул.Бакунина зоны «Воскресенская гора» – лидер по показателю «композиционной значимости» и «внутренней целостности»							
Математическое моделирование тренд-анализ	Порядок иерархии	Название групповой зоны	Характеристика групповой зоны				Кол-во объект.	Недостатки метода – 50 объектов вне групповых зон деревянного зодчества, среди которых: – 1 федеральный памятник; – 12 памятников местного (регионального) значения – 12 выявленных объектов, представляющих архитектурную ценность и стоящих на госохране.
	1	Воскресенская гора	Высокие историко-культурные критерии – место рождения города				173	
	2	Татарская слобода	Высокая концентрация объектов деревянного зодчества				123	
	3	Преображенская	Преобладание качественных характеристик – максимум федеральных памятников и образное место «Сибирских Афин»				67	
	4	Дворянская слобода	Уменьшилась на 3 объекта				67	
	5	Заозёрье	Уменьшилась на четверть				54	
	6	Еланская	Уменьшилась на десятую часть				36	
	7	Уржатка	Новая групповая зона				36	
	8	Магистратская	Новая групповая зона				21	
	9	Духовская	Вычленена из зоны «Заозёрье»				16	
	10	Психлечебница в Бору	Уменьшилась в 1,4 раза				15	
	11	И.-П. монастырь	Уменьшилась на 1 объект				11	
	12	Белоозёрская	Вычленена из зоны «Воскресенская гора»				8	
	13	Никитинская	Новая групповая зона				8	
	14	Спасская	Новая групповая зона				6	
	15	Монастырская	Новая групповая зона				5	
	16	Тюремный замок	Новая групповая зона				5	
	Полученные 16 групповых зон имеют изолинии величины отклонения, превышающей 50% тренда, что позволяет ввести новое зонирование					651		

ИЕРАРХИЯ ДИСПЕРСНОЙ СТРУКТУРЫ			
I категория	5 улиц из 116 зданий. Регламент – заповедная зона.	Ул. Горького	29
		Ул. Дзержинского	22
		Ул. Беленца – ул. Источная – ул. Татарская	22
		Ул. Татарская (южная часть)	22
		Ул. Бакунина – ул. Октябрьская (пересечение)	21
II категория	15 улиц из 199 зданий. Регламент – заповедная зона	Ул. Октябрьская (серединная часть)	17
		Ул. Октябрьская – ул. Шишкова	17
		Ул. Войкова	16
		Ул. Белая	15
		Ул. Октябрьская – пер. Песочный	14
		Ул. Красноармейская – пер. Нечевский	14
		Ул. Крылова – ул. Никитина	14
		Пер. Кононова	14
		Ул. Источная	13
		Ул. Шишкова	12
		Пер. Аптекарский – пер. Комсомольский	11
		Пер. Нахановича	11
		Ул. Водяная	11
		Пер. Нагорный	10
Ул. Гагарина	10		
III категория	27 улиц из 169 зданий. Регламент – заповедная зона	Ул. Советская	9
		Пер. Картасный	9
		Ул. Карташова – ул. Кузнецова	8
		Ул. М. Джалиля (южная часть)	8
		Ул. Алтайская	8
		Ул. Красноармейская – ул. Герцена	7
		Ул. Кузнецова	7
		Пер. Плеханова	7
		Ул. Асиновская	7
		Ул. Мельничная	6
		Пер. Ванцетти	6
		Ул. Гоголя	6
		Ул. Загорная	6
		Ул. Бакунина (южная часть)	6
		Ул. Октябрьская – Троицкая ц.	6
		Ул. М. Джалиля (северная часть)	6
		Ул. Советская – пр. Фрунзе	6
		Ул. Красноармейская	6
		Ул. Пушкина	5
		Ул. К. Маркса	5
		Пер. Ванцетти – ул. К. Маркса	5
		Ул. Б. Подгорная	5
Ул. Кривая	5		
Ул. Горького (южная часть)	5		
Ул. Герцена – ул. Белинского	5		
Ул. Белинского – ул. Студгородок	5		
Ул. А. Иванова	5		
IV категория	Регламент – зона охраны исторической среды.	Объекты 16 зон в границах изолиний величины отклонения, не превышающей 50% тренда	167
V категория	Регламент – зона регулирования застройки	Объекты вне границ изолиний величины отклонения тренда, среди которых 25 памятников имеют локальные охранные зоны 1. Памятник федерального значения: ул. Тверская, 66; 2. Памятники регионального значения: ул. Алеутская, 1; пр. Кирова, 33; пер. Красного Пожарника, 12; ул. Кузнечный взвоз, 6; пр. Ленина, 36/1; ул. К. Маркса, 9; ул. Мельничная, 38; ул. Никитина, 45; ул. Савиных, 10; пер. Спортивный, 13; ул. Тверская, 13; ул. Тверская, 20; 3. Выявленные объекты на госохране: ул. Алтайская, 37; ул. Белинского, 20; ул. Венгерская, 2; ул. Дзержинского, 34/2 (бывш. № 42); ул. Кутузова, 2, 4; пер. Мариинский, 28; ул. Никитина, 20; ул. Садовая, 2; пер. Соляной, 18; пр. Фрунзе, 21; ул. Яковлева, 8. 4. Объекты исторической среды без локальных охранных зон – 25 объектов.	50
Итого	484 объекта в заповедной зоне, 167 – в зоне охраны исторической среды, в зоне регулирования застройки 25 памятников с локальными охранными зонами и 25 объектов		

Новые принципы управления в деле сохранения объектов деревянного зодчества Томска

текст
Наталья Лисовская

Ситуация с историко-архитектурным наследием в Томске сегодня крайне остра. Из более двух тысяч объектов деревянного зодчества на территории города ценность представляют порядка 700 зданий, которые включены в целевую программу «Сохранение деревянного зодчества г. Томска». Их физическое состояние оставляет желать лучшего, по 100–150 лет объекты не подвергались капитальному ремонту. Современность подбросила ещё одно испытание для культурного наследия: строительный бизнес «расчищает себе место под солнцем» в центре города, хотя зоны деревянного зодчества занимают площадь всего 218 га, что составляет 0,72% от площади города.

«Очень наглядны данные по утратам объектов деревянного зодчества за последние пять лет в г. Томске:

- расселение и снос объектов, находящихся в удовлетворительном состоянии – 43%;
- поджоги объектов деревянного зодчества – 22%;
- новодел в других материалах или с губительными искажениями первоначального облика – 14%;
- снос аварийных объектов – 14%;
- пожар по техническим причинам из-за ветхости электропроводки или неосторожного обращения с огнём жителей объекта деревянного зодчества – 7%.

Как видим, проблема сохранения объектов деревянного зодчества лежит, в основном (79%), в административно-правовом поле¹.

Актуальность решения проблемы сохранения деревянного зодчества определила направление

настоящих исследований с целью изменения ситуации к лучшему.

В ходе работы стало очевидным, что в изменившейся ситуации социально-экономического положения страны необходимо менять и подходы к сохранению культурного наследия. Административное управление в стране начинает уступать место экономическому регулированию. Отсюда стратегическая цель – поиск новых управленческих механизмов. «Стратегия сохранения деревянного зодчества раскладывается на подцели:

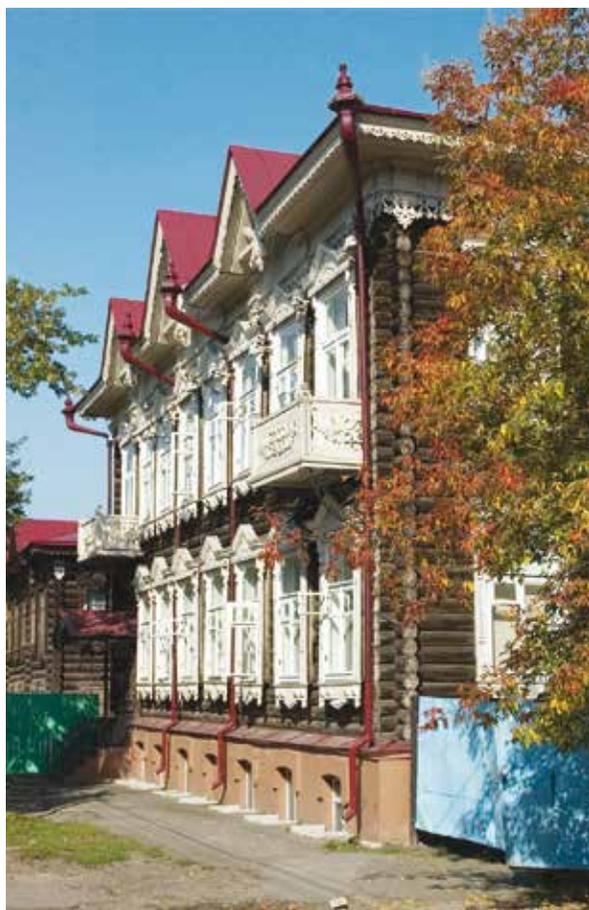
1. Совершенствование архитектурно-градостроительного моделирования.
2. Инновационное инженерно-техническое и технологическое обеспечение.
3. Создание новой модели менеджмента организационно-управленческого уровня.
4. Экономико-правовое регулирование в соответствии с постоянно меняющимися условиями функционирования всего народно-хозяйственного комплекса страны, вариантность развития событий.
5. Информационно-идеологическое сопровождение программы.

6. Воспитательно-образовательный процесс для формирования будущих профессиональных кадров и защитников культурного наследия»².

«В современных условиях сложного переходного периода сформировались новые принципы управления в деле сохранения историко-культурного наследия:

1. Лисовская Н.А. Концепция программы «Сохранение деревянного зодчества г. Томска». Томск, 2004. 250 с.
2. Там же.

– децентрализация (переход государства на управление лишь общими правилами в сфере управления объектами культурного наследия, регулируемые федеральным законом);

– смена моноцентрической системы хозяйствования на полицентрическую (большие полномочия на местах);

– сочетание диспозитивного (рыночного) и императивного (административного) порядка управления (начало формирования основ градостроительной экономики – введение градостроительной ренты, строительной полиции);

– ограничение монополий и развитие конкуренции (например, аукционы по продаже земельных участков под восстановление утраченных объектов деревянного зодчества);

– создание и деятельность российских коммерческих организаций (союзов, ассоциаций) как самостоятельных структур, органично взаимодействующих с обществом на уровне удовлетворения его потребностей и извлечения прибыли (например, по программам: «Жилищно-культурное строительство преимущественно на основе долевого участия в факторах производства – реставрации памятников и приспособлении их под жильё», «Развитие сети культурно-воспитательных центров на базе памятников – центры детского творчества, досуговые центры»);

– формирование и развитие корпоративных структур – основной путь оздоровления российского общества (процессу структурирования противостоит энтропия, разрушающая жизнедеятельность)³. Создание корпораций в деле сохранения культурного наследия является не только объективно-обусловленным процессом структурирования общественно-экономических отношений горожан, но и способствует возрождению в народе корпоративного духа, что соответствует культурно-историческим традициям России.

Здесь уместно более подробно рассмотреть новое методологическое направление – циклику, поставив акцент на современных методах управления градостроительным комплексом.

Циклика – направление в современной науке, изучающее универсальный характер волнового развития всех форм материи. Так как искусственная городская среда создается для того, чтобы защитить человека от отрицательного воздействия природной среды (холод, атмосферные осадки и пр.) и для концентрации сфер приложения труда, социобмена, то управление организацией этого архитектурного пространства относится к управлению социотехническими системами. Структура управленческой системы состоит из взаимодействия прямых и обратных связей, на основе развития противоположностей.

Историко-культурное наследие является неотъемлемой частью градостроительной системы любого исторического города. Сами градостроительные структуры относятся к открытым системам. «В любой системе, рассматриваемой как структурное образование, можно выделить подсистемы и элементы, которые группируются вокруг двух взаимосвязанных и взаимообусловленных тенденций: регулятивной и самоорганизации»⁴. Самой сложной рукотворной средой является город, максимально концентрирующий деятельность человека. Культура же относится к способу социальной самоорганизации. Место и роль культурных традиций в процессах развития человеческих обществ во многом эквивалентны месту и роли генетических видовых программ в процессах эволюции биологических систем. «Поиск оптимального уровня взаимодействия противоположностей аналогичен нахождению золотого сечения в архитектуре, выражающего как оптимальное соотношение управляющих методов, так и уровень процессов самоорганизации градострои-

3. Колпакова М.Р. Стратегия градостроительного развития сибирского города. Новосибирск: НГАХА, 2000. 207 с.

4. Блинков В.П. Очерки по теории управления градостроительным комплексом: учебное пособие. Новосибирск: НГАХА, 2005. 74 с.

5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.

тельной системы»⁵. То есть уничтожить противоположность невозможно и делать этого категорически нельзя, речь может идти лишь о пропорциях ведущих форм управления. Процессы самоорганизации в градостроительстве фиксируются иерархической структурой планировочных элементов, ступенчатой системой культурно-бытового обслуживания, принципом микрорайонирования, ландшафтным зонированием по биотопам и пр. В современном градорегулировании невозможно обойтись без другого нового методологического направления – синергетики.

Синергетика – исследование сложноорганизованных и самоорганизующихся систем в природе и обществе. Рождающиеся новые методы и подходы несут идеологию больших степеней свободы самоорганизации сложных градостроительных систем. Общее у биологических и социокультурных систем то, что они способны приводить себя в соответствие с изменяющимися условиями среды для самосохранения. Культура, будучи по своим свершениям действительно явлением исключительно человеческим, в то же время функционально вполне сопоставима с механизмами, обеспечивающими существование биологических систем. Порядок в живой системе должен преобладать над хаосом и держать баланс в пределах «золотого сечения». Этот механизм называется механизмом саморегуляции. Цель данного механизма состоит в том, чтобы обеспечить в живой системе такое соотношение, когда около 2/3 принадлежит порядку и 1/3 – хаосу. 1/3 хаоса необходима для эволюционного развития через «дозированную» изменчивость, а 2/3 порядка достаточно, чтобы не «загонять» систему в стагнацию. Это правило распространяется на биосферу в целом и на искусственную среду, созданную человеком.

«Максимальный синергизм градостроительной системы – это максимальная самоорганизация функционально-пространственной организации города»⁶.

Поскольку развитие градостроительного комплекса напрямую зависит от экономической конъюнктуры государства, то наиболее целесообразно использовать результаты исследования экономических процессов, показанных в трудах Н.Д. Кондратьева, цивилизационных циклов русской науки и культуры – С.И. Сухоноса, социально-экономических циклов – С.Ю. Маслова, циклов управления пространственным развитием городского хозяйства – В.П. Блинкова. Зависимость развития архитектуры от социально-экономических циклов прослежена в трудах А.В. Долгова, в циклах эволюции градостроительных систем В.П. Блинкова, зависимость стилей архитектуры от господствующего в обществе типа сознания в трудах С.Ю. Маслова. Автором были выстроены 3 графика циклопроцессов. Исследование социально-экономического развития России (график № 1) и зависящее от него развитие архитектуры (график № 2) позволили проанализировать ситуацию с пространственным развитием Томска (график № 3).

«В целом динамические характеристики пространственного развития городов пронизаны циклами различной протяжённости и функциональных характеристик других подсистем: социально-политической, экономической, технологической и др., которые, накладываясь друг на друга, дают значительные деформации и индивидуализируют градостроительный цикл в пространстве и времени»⁷. Циклические процессы характеризуются ритмом, временной периодичностью, прерывностью и непрерывностью всех процессов, протекающих в городском пространстве. Это наглядно представлено на графике № 3 – «Циклы

пространственного развития г. Томска». Здесь чётко фиксируется 25-летний застойный период в пространственном развитии Томска, начавшийся после революции 1917 года и продолжавшийся до окончания Великой Отечественной войны. Так, всего за год (с осени 1918-го по осень 1919 года) благодаря беженцам население Томска увеличилось со 101 тысячи человек до более 200 тысяч. Город переживал жилищный кризис, жилплощадь сократилась на четверть. В 1922–1923 годах в Томске было выстроено всего 10 новых зданий. 30-е годы XX века не изменили ситуацию: новое строительство не превышало одной трети объёма капложений, более 50% домов были ветхими. И это на фоне стремительно развивающихся «молодых соседей» Новосибирска и Кемерово. Ситуация объясняется политическими мотивами советского правительства: Томск, как олицетворение мощи императорской России в Сибири, после революции понёс самые большие людские и материальные потери по сравнению с другими областными центрами Сибири, он даже на 20 лет потерял столичный статус, превратившись в райцентр. В годы войны и в первое послевоенное десятилетие в Томске шло, в основном, новое промышленное строительство (30 тыс. кв. м). И только стихийное интенсивное индивидуальное жилое строительство, начавшееся с 1947 года в районах Каштака, Свечного посёлка, за станцией Томск-1, вблизи железнодорожного моста через Ушайку, на спичфабрике, на Черемошниках, на Опытном поле, на Степановке (1 217 новых домов), дало значительное расползание внешних границ города. Выполненная автором схема по исследованию пространственного развития Томска доказывает, что этот процесс носит циклический характер.

Слишком большая (революционная) амплитуда колебаний в изменении методологии управления градостроительным комплексом должна вызывать тревогу и возможность кардинальной быстрой перестройки системы. Слишком малая (застойная) амплитуда также тревожна, фиксирует омертвление или прекращение развития всей системы. Оптимизация амплитуды колебаний связана с золотым сечением, то есть отклонение приблизительно в 62%, что соответствует максимально возможной гармонии развития и перестройки системы управления. Отсюда наиболее важно при разработке административных программ современного города сохранить векторную направленность естественного эволюционного развития градостроительной системы. Наиболее сложен в этом процессе период бифуркаций – изменение направления. Сейчас маятник качнулся и начал движение в цикле развития процессов самоорганизации системы, введения самоуправления градостроительными системами от «административно-командных» методов к «экономическим».

И здесь повышается роль исторического опыта управления на основе экономических механизмов как отечественных градостроительных систем, так и опыта мирового сообщества. «Говоря о самоорганизующейся системе, мы можем констатировать её вполне успешное функционирование на протяжении нескольких столетий в России. Причём система работала не в условиях демократии, а скорее в условиях абсолютной деспотии. Это достаточно загадочное явление может быть присуще только России с её чрезвычайно быстрой экспансией территорий в XIII–XVII веках»⁸.

Каждый город имеет свой большой «цивилизационный» цикл развития, который определяется его ролью в структуре расселения региона, государства и

8. Исторические города и сёла в процессе урбанизации : по материалам международного совещания ; под ред. О.Г. Севан / Российский институт культурологии. М. : ТОО «Вестник» : ТОО «Микротех», 1994. 192 с.

9. Блинков В.П. Очерки по теории управления градостроительным комплексом: учебное пособие. Новосибирск : НГАХА, 2005. 74 с.
10. Там же.
11. Там же.

мирового сообщества и имеет временную протяжённость от 250 до 1000 лет. А динамично развивающаяся крупная градостроительная система имеет свой, присущий только ей ритм смены циклов пространственного развития, который в среднем вбирает 25–30 лет. В случае гармоничного развития системы и её элементов функционирование всех уровней структуры градостроительства (макроэкономика, мезоуровень – собственно градостроительство, микроциклы – внутри жилого фонда) происходит в русле циклических закономерностей. Город развивается территориально и качественно путём создания и преодоления противоречий, которые возникают циклически в процессе его роста и развития. «Именно пульсирующий характер развития градостроительных систем (чередование центробежного и центростремительного этапов) задаёт структурно-пространственные характеристики жилья... Но существуют и обратные связи, не столь значительные по силе воздействия, но не менее важные для слаженного функционирования всей системы»⁹. Эволюция градостроительных систем как на уровне роста, так и на уровне деградации рассматривается как процесс приростного развития одних подсистем города в борьбе с другими. При этом в цикле качественного развития экономический критерий может иметь второстепенное значение, а главенствующим выступает критерий исторической и художественной ценности. В период решения городом одних, наиболее актуальных, проблем его развития идёт накопление других, которые на данном этапе не решаются из-за отсутствия свободных ресурсов. Практическое применение закономерностей порогового циклического развития может служить достаточно эффективным инструментом прогнозирования и управления процессом формирования градостроительных систем.

Чем сложнее структура города, тем отчётливее проявляются циклические процессы его территориального развития. Развитие жилого фонда и размещение его основных объёмов в структуре города происходят циклически, периодически меняя направление по отношению к центру города – от центробежных к центростремительным процессам, и наоборот. Когда в центре города пик деловой активности центральных функций вступает в противоречие с экономической целесообразностью строительства новых объектов в условиях реконструкции, наступает этап территориальной экспансии центра в серединную зону. Когда и там качественное развитие достигает уровня центральной зоны, наступает цикл центростремительных тенденций. По мере заполнения центральной зоны сооружениями высокой художественной и качественной значимости происходит переход структуры центра в более устойчивое и стабильное состояние, процесс эволюции становится менее заметен, но продолжается в ритме естественной эволюции. Решающим фактором территориального развития города является развитие транспортной инфраструктуры. Когда усложняются транспортные проблемы в связи с быстрым территориальным ростом, критическое состояние поворачивает развитие города в центростремительном направлении, но на новом качественном уровне. Таким образом, «под циклом структурно-планировочного развития жилого фонда понимается относительно устойчивое во времени чередование совокупностей характерных черт структурного элемента, которое соответствует диалектической паре: транспортной инфраструктуре города и экономике освоения городских территорий как саморегулятивных процессов»¹⁰.

Современное состояние почти во всех крупных городах России, а Томск относится именно к таким, завершает короткий центростремительный цикл (20–25 лет). Но центры городов почти везде остаются с пакетом нерешённых проблем нашего времени: не создана пространственная структура на принципах вертикального зонирования как наземной, так и подземной частей, не закончена реконструкция инженерных сетей коллекторного типа, что дало бы большой резерв в пространственном развитии. Уже намечается тенденция центробежных потоков, что вынуждает градостроителей обратиться к проектированию и строительству массового недорогого жилья. Таким образом, в Томске появляется шанс навести порядок в историческом центре города, поднять качество жилого исторического фонда до такого уровня, чтобы в будущем вернувшийся с периферии строительный поток не смыл культурно-историческое наследие.

«Главная задача в методике градостроительно-го формирования – переход от «революционного» к «эволюционному» методу, то есть укрепление и закрепление центров градостроительных структур как интеллектуальных и архитектурно-художественных центров городской культуры»¹¹.

«Совершенно новая тенденция уже с 2000 года фиксируется в городах США, где в последние годы реконструкции экономики породили совершенно новое явление: усилилось перетекание талантов, «мозговиков», наиболее динамичной и этнически разнообразной молодёжи в городские центры из пригородов, причём не только в крупнейшие центры (Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско, Филадельфия...), но и в центры городов второго порядка. Так, даже начался активный переток населения из «безразмерного пригорода» – Силиконовой долины – в центр Сан-Диего. Между всеми этими городами идёт

жесткое состязание за пополнение когорты «мозговиков», и вот выяснилось, что более красивые города выигрывают у городов с лучшим климатом и высоким качеством среды. Выигрывают города с первоклассными университетами и отличной атмосферой в образованном сообществе, города, в которых заметна широкая терпимость и, соответственно, максимальное разнообразие возможностей и впечатлений... Россия не может долго оставаться вне этого процесса, и пример Томска убеждает в том, что у нас есть шанс включиться в мировую сеть новейших университетских центров – если, конечно, это будет осознано как задача и подкреплено реальным, системным действием»¹². «Проблема современного этапа формирования крупных градсистем должна решаться в ракурсе оздоровления среды обитания, создания максимально благоприятных условий для производственной деятельности населения, быта и отдыха»¹³. Значит, необходимо упорядоченное использование городских земель за счёт привлечения современных технологий пространственного формирования городов, восстановления экологического равновесия, применение принципа поясного зонирования (центральная, срединная, периферийная и пригородная концентрические зоны), позволяющего выйти на новый уровень понимания механизма эволюции крупных градостроительных систем – уровень самоорганизующихся систем материального мира.

Механизмы градорегулирования сегодня застряли в проблеме – старая структура управления начинает использовать новые методы управления градостроительными процессами. В соответствии с проведёнными исследованиями по Томску, опираясь на теоретические разработки В.П. Блинкова, автор предлагает механизм выхода из этой ситуации:

1. Магистральное направление в современном управлении градостроительными процессами – экономическое, максимально использующее процессы саморегуляции и поиск компромисса между интересами инвестора и всего городского общества.

2. Второй механизм управления – налоговая политика в использовании земельных ресурсов. Это наиболее эффективный и действенный механизм управления территориально-пространственным развитием, с помощью которого можно регулировать застройку его районов путём повышения или понижения платы для застройщиков.

3. Третий механизм управления – качественное информационное обеспечение. «Создать автоматизированную систему управления градостроительным комплексом без гигантского чиновничьего аппарата, гибкую и прозрачную систему выдачи решений на проектные задания»¹⁴.

В завершение хочется сказать, что архитектурный менеджмент в деле охраны культурного наследия будет иметь успех только в том случае, если обеспечит преемственность в развитии исторических городов. Обновление городской среды происходит непрерывно, но если раньше (до XX в.) это представляло естественный эволюционный процесс, то сейчас этот процесс обрёл характер конфликта. Новая и старая архитектура искусственно поставлены на антагонистические позиции, хотя обе составляющие дополняют друг друга. Это две половины единого целого городского организма. Наследие выступает как многогранное, диалектически противоречивое явление, активно несущее в себе большой объём исторической и культурной информации. И если консервативная сторона классического наследия хранит в себе физическую,

эстетическую, историческую и символическую ценности, то генеративная сторона несёт в себе прогресс творческой интерпретации классического наследия с целью дальнейшего его развития. Это главная проблема преемственного развития. Чтобы осуществлять новое строительство в условиях реконструкции, нужна новая стратегия, опирающаяся не на разрушающий нигилизм абсолютизации преобразовательной деятельности или пассивное приспособленчество в исторической среде, а на гармонизацию действия двух диалектически противоречивых, но составляющих единый процесс развития преобразовательного и приспособительного векторов. «Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену»¹⁵.

Изменившееся социально-экономическое положение в стране даёт возможность применения новых принципов градостроительного и административного управления в деле сохранения культурного наследия, в том числе и деревянного зодчества Томска, используя новые научные направления – синергетику и циклику.

12. Глазычев В.Л. Урбанистика. 2008. М. : Европа, 2007. 218 с.
13. Исторические города и сёла в процессе урбанизации : по материалам международного совещания ; под ред. О.Г. Севан / Российский институт культурологи. М. : ТОО «Вестник» ; ТОО «Микротех», 1994. 192 с.
14. Блинков В.П. Очерки по теории управления градостроительным комплексом : учебное пособие. Новосибирск : НГАХА, 2005. 74 с.
15. Колпакова М.Р. Стратегия градостроительного развития сибирского города. Новосибирск : НГАХА, 2000. 207 с.

Придание историческому центру Томска рекреационных функций

текст
Наталья Лисовская

Рекреация – это не только отдых, перемещённый в удалённое место, но и поиск разнообразия. Рекреация – это не только ориентация на познание чего-то нового, но ещё и реакция на стресс, утомляемость. И здесь главным ресурсом является контраст. Современные районы массовой застройки, обезличенные интернациональной архитектурой, усиливают своей монотонностью стрессовую усталость горожан. Смена ритма жизни необходима для восстановления сил не только раз в году, когда горожанин уезжает в отпуск, но и в суточном, недельном, квартальном режимах. И если суточной формой отдыха является, прежде всего, сон, то недельный ритм напряжения вполне может снимать исторический центр города своей «непохожестью» на спальные районы. Для Томска есть прекрасные условия, базирующиеся на природно-культурном наследии исторического центра и дополненные его имиджевым позиционированием – наличием научно-образовательного комплекса. Самый студенческий город России прекрасно сочетает исторический центр города с вузовским центром. Памятники деревянного и каменного зодчества, сохранившиеся природные ландшафты, связанные градостроительными «реперами» в лице культовых и общественных зданий, идеально дополняются ансамблями томских вузов, где доминирующее положение занимают комплексы первых двух

высших учебных заведений за Уралом – ТГУ и ТПУ, сами отнесённые к историко-культурному наследию и стоящие на госохране. Сильный исторический слой Томска – медицинский комплекс, также породивший многие научные направления в регионе. Я не отвожу туризму главенствующую роль. Наивно рассчитывать на зарубежный приток в Сибирь (если речь не идёт об экстремальном туризме – а это большая редкость). Мы принадлежим к разным социокультурным системам. Активная миграция происходит внутри таких СКС, внешние вылазки носят редкий характер. Объясняется это различным мировоззрением, культурой цивилизаций. Природа «двойных стандартов» тоже родом отсюда. Внутри своего «мира» допустимо то, что не приемлют за его пределами. Между западной и российской СКС существует буферная зона в лице стран Восточной Европы. Их поведение исторически носит маятниковый характер, в зависимости от силы тяготения двух соседствующих СКС. То есть мы можем рассчитывать лишь на внутренний туризм. Но зная оседлость населения в европейской части России, можно допускать только внутрисибирские миграции. То есть туристическая рекреация – это прежде всего для нас самих, для восстановления своих физических и душевных сил.

Предлагаю участие Томска в четырёх уровнях рекреации:

1. Территория города Томска.
2. Томский район, с которым город Томск заключил договор о сотрудничестве.
3. Малое Золотое Кольцо Сибири (Западная Сибирь).
4. Транссибирский Золотой Путь (включая Дальний Восток).

По данным ВТО и МВФ, туризм с 1998 года вышел на 1 место в мировом экспорте товаров и услуг – 7,9% (автомобиль – 7,8%, производство химпродукции – 7,5%, продовольственное питание – 6,6%, компьютеры и офисное оборудование – 5,9%, топливо – 5,1%). Но надо понимать, что прибыльность туристического бизнеса «размазывается» по очень многим сферам предпринимательской деятельности. Изрядную долю пог-

Воссоздан облик усадьбы с приспособлением под ресторан.

Использована традиционная конструктивная система (деревянный бревенчатый сруб в габаритах и пропорциях утраченной жилой усадьбы)

Исторический район «Болото» Панорама. Застройки со стороны р. Ушайки

лощает транспорт (особенно авиаперевозки), туристы немало вкладывают в недвижимость (гостиничный комплекс) и с ещё большим удовольствием отдают торговле. На собственно рекреационные услуги остаётся совсем немного. Но именно рекреация играет всё более важную роль в поддержании уровня освоенности территории. В условиях гигантской Сибири – это принципиальный момент! То есть туризм – это, прежде всего, надёжная возможность занятости части населения и гарантия сохранения системы расселения рекреационных районов.

Для первого уровня рекреации (город Томск) выделяются дестинации (направления):

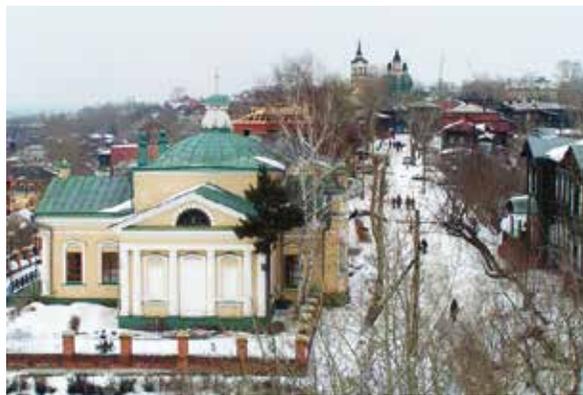
- наукоёмкий, деловой туризм;
- духовно-просветительский туризм;

- историко-культурный туризм;
- социальный туризм (по возрасту, для лиц с ограниченными жизненными возможностями, по профессиональной деятельности, хобби-туризм);
- сезонный туризм (временные этапы в течение года со сценариями традиционных русских праздников).

Исторический Томск представлен архитектурой Сибири – каменной и уникальным деревянным зодчеством. Здесь старейший в Сибири монастырь (1605 г. – Богородице-Алексеевский, старинные храмы, старейшие университеты Сибири. Требуется восстановление Евразийской геодинамической станции – Астрофизического центра Евразии в Ботаническом саду Томского госуниверситета, разработки ряда туристических проектов:

- реконструкция в Томске скифского бронзолитейного центра, открытого в Самуськах (IV тыс. до н.э.);
- открытие при Томском художественном музее отдела петроглифов Сибири (наскальных рисунков IV–I тыс. до н.э.) – копии «Томских писаниц»;
- создание музея «Сибирский тракт» («Чайный путь» Китай – Европа) – длиннейшей сухопутной дороги мира, знаменитого Шёлкового пути;
- завершение восстановления томской крепости на Воскресенской горе и создание зрелищных исторических экспозиций в Музее истории города Томска («Воеводские хоромы», «Стойбище Тояна», «Томские крепости», «Посад XVII века»), в Спасской башне оборудовать высотную смотровую площадку с техническими средствами обзора всего города;
- создание музея «Золото Сибири» с действующей моделью золотого прииска, с восстановлением имения основателей золотой и горнорудной промышленности Сибири и Северного Казахстана Поповых («Отрадный уголок» на Басандайке);
- реализовать инвестиционный проект и воссоздать под высокочеловеческий гостинично-ресторанный комплекс деревянный Дворец-усадьбу золотопромышленника С. Сусалина, построенный по рисункам декабриста Г. Батенькова;
- создание музейного комплекса «Великая русская легенда» (св. Феодор Томский – император Александр I) в «Императорском квартале» и музейно-монастырского подворья на месте летней кельи в п. Хромовка;
- создание туристско-гостиничного центра «Красные казармы» в Северном городке с выходом в Михайловскую рощу; гостинично-музейного комплекса «Старый Томск» на Воскресенской горе;

- возрождение рекреационного национального центра «Татарская слобода», «Северного торгового» в «Заозёрье»;
 - дальнейшее развитие национального парка «Кедр» в междуречье Оби и Томи, по р. Порос восстанавливается система плотин-водохранилищ с подачей воды из р. Оби;
 - создание томского музея «Первое в Сибири» и «Великие томские легенды».
- Функциональная структура городского туризма в Томске должна включать:
- объекты историко-культурного и природного наследия;
 - транспорт (внутригородской и внешний, строительство сети дорог);
 - гостиничный комплекс (современные отели и гостиницы и постоянные дворы на базе объектов культурного наследия – по типу г. Плёса);
 - розничную торговлю (базовую и сувенирную);
 - лечебно-оздоровительную функцию (курортология и современные медицинские центры регионального уровня, например, кардиоцентр, онкоцентр);
 - науку (экология, научно-познавательный туризм, исторический туризм (ретро-туризм), научные конференции);
 - театрально-концертную и фестивальную деятельность, включая спортивную составляющую;
 - местные народные празднества, промыслы и искусство (как имеющий место в Томске «Праздник топора»);
 - подготовку кадров (для туристического и реставрационного бизнеса);
 - стройиндустрию и инженерно-технический комплекс;
 - обслуживающую промышленность (пищевая, лёгкая, сувенирная, стройматериалы);
 - рекламно-информационные системы (это уже современный атрибут).

Для второго уровня рекреации (Томский район), помимо дестинаций, применим кластерный подход, позволяющий создать совокупный инновационный продукт. Это искусственно оформляемая, но исторически сложившаяся система, которая охватывает туристические комплексы, расположенные на относительно компактном географическом пространстве. Кластер не оформляется в качестве единого юридического лица и не является единым хозяйствующим субъектом, как в случае с Томском. Внутри кластера сохраняется конкуренция, но и происходит кооперация усилий. Развитие туристического кластера может стать толчком к улучшению инфраструктуры и рассредоточению экономической деятельности, что будет способствовать формированию Томской агломерации. Здесь возможно появление местных ОЭЗ туристско-рекреационного типа. В качестве аналогов можно взять уже опробованные в России за последние 10–15 лет в новых

экономических условиях комплексные региональные программы сохранения и использования культурного и природного наследия:

- «Калужская область – уникальная территория»;
- «Национальный парк «Водлозёрский» (Архангельская область и Республика Карелия);
- «Уникальная историческая территория «Середниково» (Солнечногорский район Московской области);
- «Центр традиционной русской культуры «Преображенское» (Москва);
- пилотный проект Центра национальной опеки наследия России «Путевой Дворец императрицы Екатерины II и квартал исторических владений в г. Торжке Тверской области».

Среди зарубежного опыта кое-что для нас можно применить из национальных программ:

- «Проект «Деревянные города Северных стран» (Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция);
- «Новые пути ревитализации исторической деревянной застройки г. Экфьё» (Швеция);
- «Раума – живая традиция» (Финляндия);
- «Экопарк в Стокгольме» («Шведская модель» на принципах «безотходного образа жизни»);
- «Природные ресурсы и окружающая среда Западного Берлина» (ФРГ);
- национальные проекты «Нэшнл Траст» (Великобритания);
- «Сохранение исторического наследия и экономика XXI века» (США).

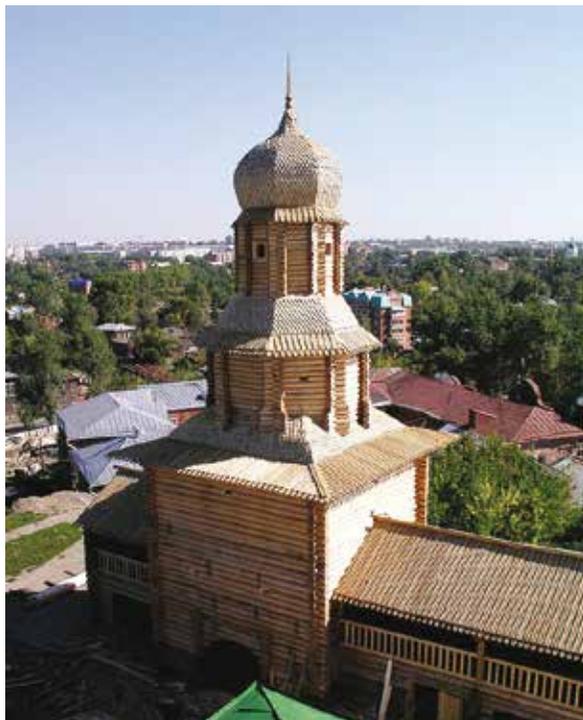
Как первый этап, возможно возрождение «оборонительного щита града Томска» – пяти казачьих острожков-застав, поставленных в 1609 году на главных путях к Томску, что соответствовало засечной черте, создаваемой вокруг крупных городов-крепостей. Каменный (Семилуженский) острожек (уже восстанавливаемый сегодня инвестором) прикрывал Томск от так называемого «киргизского прихода» (с северо-востока), замыкая древний торговый путь, по которому в XII–XVIII веках был проложен участок Великого Сибирского

(Иркутского) тракта – самого длинного в мире. Кочевники стремились вернуть под свой контроль старинный «Калмыцкий торг», располагавшийся на левом берегу Томи, против современного Томска. Торг являлся одним из крупнейших центров торговли и обмена севера и юга Азии. От Томска начинался «меховой путь» к Великому шёлковому пути, по которому сибирские меха растекались от Рима до Пекина. К югу от Томска в том же 1609 году была поставлена казачья застава у Крюкова бора, на месте современного села Казанка. Застава прикрывала Томск от «калмацкого прихода» на древнем Джунгарском тракте в Монголию и Китай. Острожек «Архимандритка» (на месте, где сейчас г. Северск) появляется также в 1609 году. Около 1620 года основывается село Спасское (Коларово), где строится Посольская изба для следовавших в Томск послов из Монголии, Китая и юга Сибири. Томск относительно долго выполняет посольские функции Московской Руси. Все эти исторические вехи томских окрестностей внесли важный вклад в освоение (возвращение?) Сибири. Этнографическая составляющая околотомских поселений должна показать культуру коренных народов Сибири. Основная мысль экспозиции – освоение Сибири русскими – не носила камбродорский характер завоевания европейцами Америки (кстати, Томск – ровесник Нью-Йорку), здесь в основе своей лежал миссионерский характер, когда коренные сибиряки становились в ряды русских первопроходцев и уже вместе, плечом к плечу, выходили на новые восточные просторы к берегам Тихого океана (ведь «томский след» прослеживается в сорока крепостях к востоку до океанского побережья).

Необходимо учитывать во втором уровне рекреации и мировые тенденции. Законодательница моды в туристическом бизнесе – Франция одной из последних новинок выдаёт сельский туризм. Особенностью этого вида туризма является то, что мало кого привлекает имитация старых деревень – туристы едут отдыхать только в реально старые деревни: для отдыха выбирают естественные объекты. Сложно удержаться, чтобы

не отметить высокую степень патриотичности этого направления рекреационной деятельности. В Томском районе туристическими деревянными могут стать старинные сёла – старое татарское село Тахтамышёво (XV в.), Барабинка (1582 г.), Спасское (1620 г.), Вершинино (1630 г.), Ярское (1648 г.), Нагорный Иштан (1653 г.), Лучаново (1693 г.), старше Санкт-Петербурга сёла Петухово, Нелюбино, Рыболово. Кроме сельского туризма для второго уровня рекреации подходят другие виды нетрадиционного туризма – экологический, спортивный (охотничество и рыболовство), экстремальный, приключенческий. На смену массовому, стандартизированному туризму приходит новый вид туризма – сделанный на заказ. Необходимо учитывать, что интересный, привлекательный туристический продукт, разработанный для внутреннего туризма, становится популярным и у иностранных туристов. Экологический же туризм, помимо огромных возможностей для бизнеса, в состоянии внести ощутимый вклад в природоохранную деятельность с вовлечением в неё серьёзных отечественных и иностранных инвестиций. В Томском районе в качестве рекреационных территорий могут быть использованы заказники «Ларинский», «Калтайский», «Томский», «Синий Утёс», Тимирязевский Бор, «Хардикова заимка», родники бассейнов рек Тугояковки, Басандайки, Таловские чаши, Заварзинский источник, озёра Кирек и Песчаное и др.

Третий уровень рекреации – «Малое Золотое Кольцо Сибири» (региональная стратегия развития Западной Сибири). Берёт свое начало от «Сибирских Афин» (Томск) до «Сибирской Швейцарии» (Алтай). К северу от Томска по проектируемой широтной дороге Томск – Ханты-Мансийск путь проходит через музей «Старая Шегарка» (с. Мельниково-Богородское), через историческое поселение Нарым (1596 г.). К юго-западу от Томска «Сибирское Кольцо» связывает п. Уртам (острог 1684 г.) – древняя переправа из Бухары, Самарканда – «Шёлкового пути» на Томский меховой обменный торг, п. Колывань (острог и монастырь, 1714 г.), Новосибирск (п. Гусевка (1893–1895 гг.), п. Новониколаевский (1895–1903 гг.), Новониколаевск (1903–1925 гг.), Новосибирск (с 1925 г.), советская столица Сибири), далее по Алтаю – «Сибирская Швейцария» (курортное строительство, развитие туристско-экскурсионной структуры) – Барнаул (1730 г.), Белокуриха (курорт), Бийск (Бие-Катунский острог 1709 г., через несколько лет в 20 км Бийская крепость, начало Чуйского тракта в Монголию), далее по р. Катунь – с. Сростки (родина В. Шукшина), Горно-Алтайск (д. Улала (нач. XIX – 1932 г.), г. Ойрот-Тура (1932–1948 гг.), Горно-Алтайск (с 1948 г.)), с. Чемал (горно-климатический курорт, монастырь), с. Тюнгур, с. Верхний Уймон (музей Н. Рериха), г. Белуха (высочайший горный массив Алтая – 4506 м), по р. Бия – с. Артыбаш (ТБ «Золотое озеро»), Телецкое озеро (Алтынколь) на выс. 436 м, Алтайский заповедник с центральной усадьбой п. Яйлю, скифские курганы Пазырыка. С Алтая «Сибирское Кольцо» переходит в Горную Шорию (система среднегорных хребтов Кемеровской области). Туристические маршруты начинаются с п. Темиртау (гранитный массив Пустаг с горнолыжными трассами), п. Чугунаш (ПП «Спасские дворцы»), Новокузнецк (Кузнецкая крепость 1618 г. – первая после Томской крепости), грязевый курорт «Прокопьевский», Ленинск-Кузнецкий (монастыри Кольчугино), Кемерово (из с. Щеглово – 1720 г. и Кемерово – 1863 г., г. Щегловск (1918–1932 гг.)), «Томские писанницы» (музей заповедник IV–III тыс. до н.э.), г. Юрга, г. Мариинск и далее дорога в Красноярский край. Кемеровская область – это горнолыжные курорты Междуреченска, «Поднебесные зубья» заповедника «Кузнецкий Алатау», Салаирского края и Шорского национального парка, спортивный туризм (подготовка к проведению зимних олимпиад).

Четвёртый уровень рекреации подключает Западную Сибирь, в том числе и Томск, к общекемперскому проекту – «Движение встреч солнцу», «Великие пути древности», «Декабристские дороги», «По пути столыпинских реформ», «Природные жемчужины Сибири и Дальнего Востока», «Сибирь будущего» и др.

В других городах

О концепции создания этнопарка под Петербургом (территория усадьбы «Богословка», Невский лесопарк)

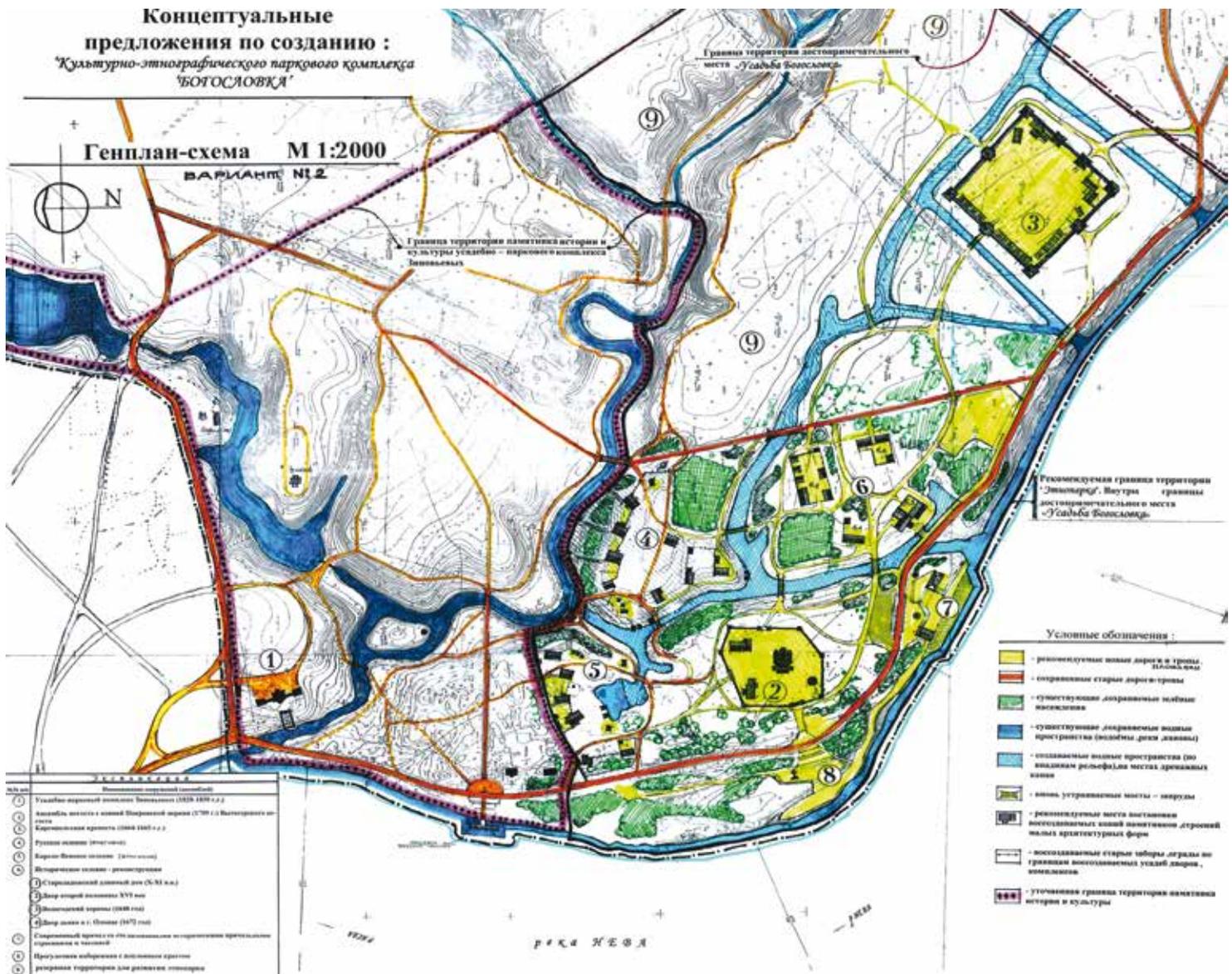
текст
 Михаил Мильчик

В настоящее время, когда народная деревянная архитектура и, в более широком смысле, традиционная культура находится на грани полного исчезновения, возрастает необходимость сохранения памяти о том, что уже исчезло. Не случайно в последние годы, чтобы как-то восполнить этот пробел стали возникать новые образования, к сожалению, весьма далекие от подлинных образцов. Это Верхние Мандрюги на Свири и «Русская деревня» (Шуваловка) около Петродворца. Обе декларируют познавательно-просветительские цели.

Фалстер (Дания). Средневековый центр. Торговая пристань. Типологическая реконструкция. Фото автора 1999 г.

Концепция-предложение по созданию Этнопарка «Богословка» на правом берегу Невы. Авторы М.И. Мильчик, В.С. Рахманов

Шуваловка под Петергофом. «Русская деревня». Дом-кошель – гостиница. Автор. Е.Ф. Шаповалова

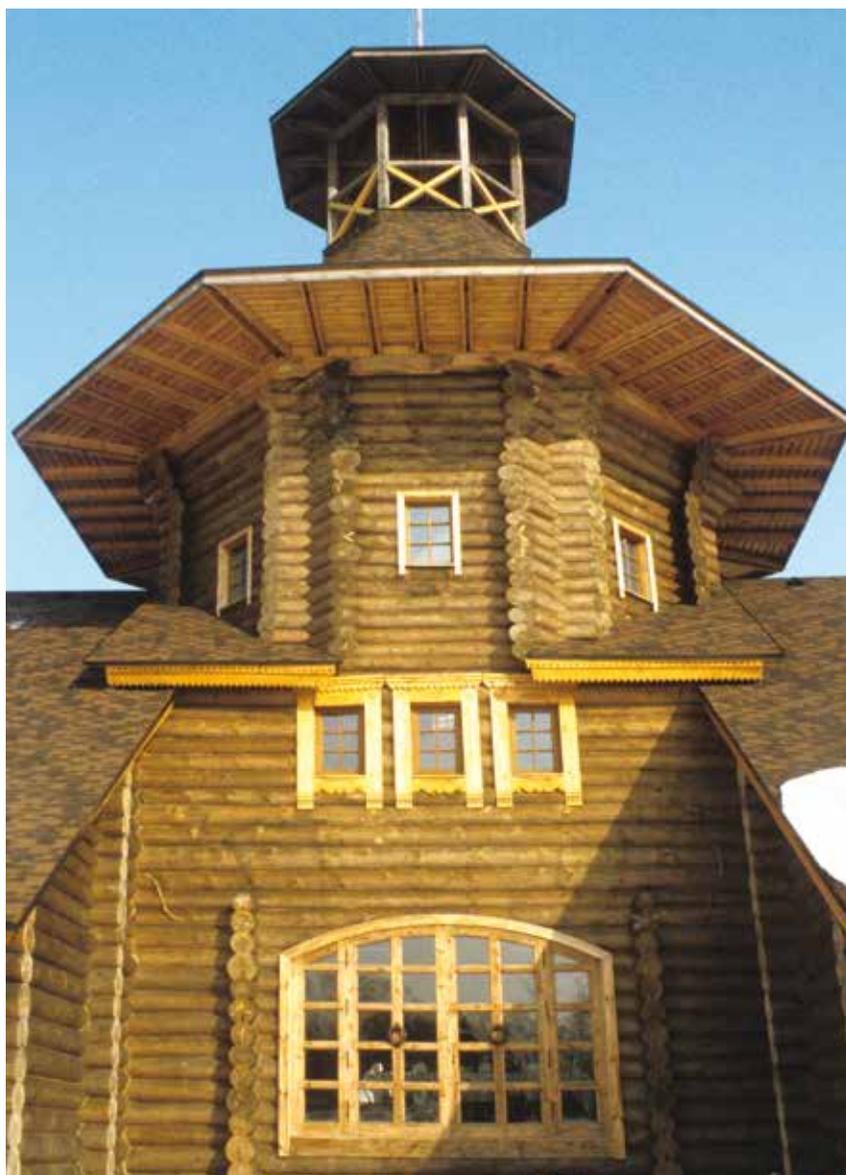
Гол (Норвегия). Копия мачтовой (столбовой) церкви XIII в., оригинал которой перевезен в Народный музей Норвегии. Фото автора. 1996 г.

Треллеборг (Дания). Длинный дом эпохи викингов. Археологическая реконструкция. Фото автора 1999 г.

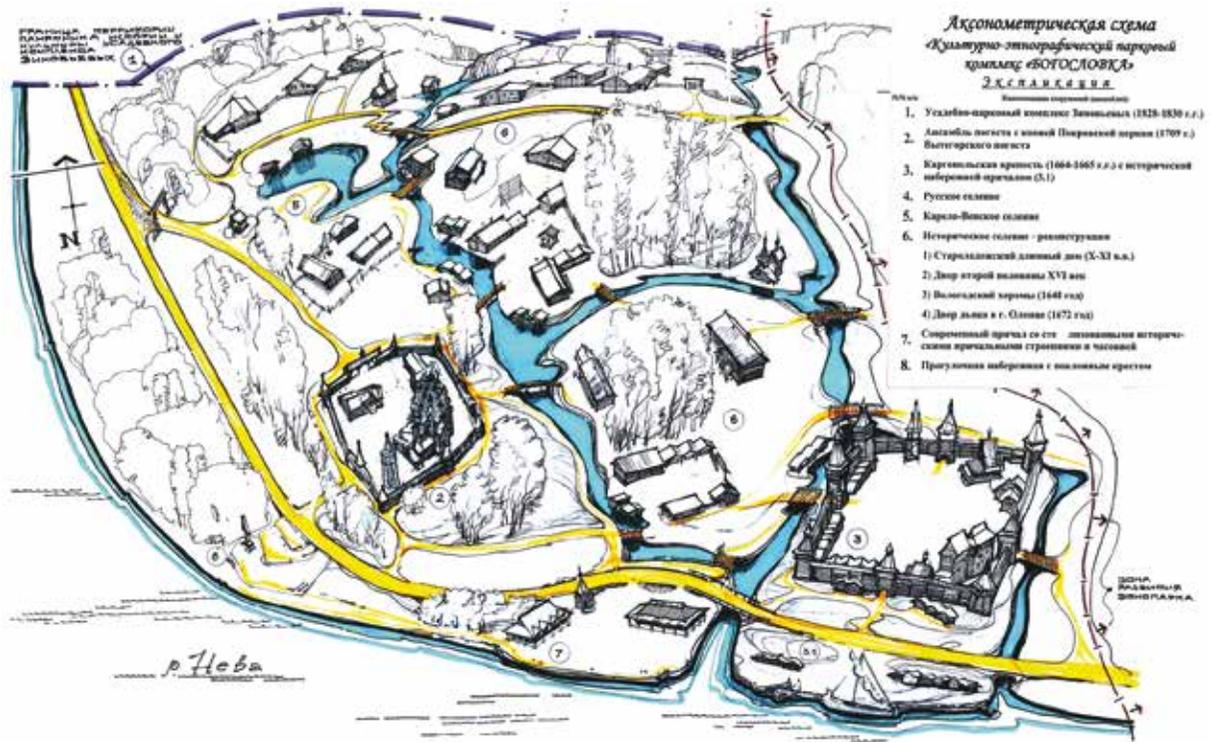

Экетор (остров Эланд, Швеция). Археологическая реконструкция внутрикрепостной застройки и кольцевого вала поселения V в. Фото автора 2003 г.

Шуваловка под Петергофом. «Русская деревня». Крепостная башня – ресторан. Автор. Е.Ф. Шаповалова

Аксонметрическая схема части Этнопарка «Богословка» на правом берегу Невы. Авторы М.И. Мильчик, В.С. Рахманов, К.А. Федоров

Покровская церковь Вытегорского погоста Вид с юга. Фото А.В. Лядова 1925 г. ГНИМА

Покровская церковь Вытегорского погоста. Южный фасад. Проект реставрации А.В. Ополонникова (1959 г.)

Однако это скорее декорации, решенные на основе вольного использования мотивов русского деревянного зодчества и некоторых его конструктивных форм.

Принципиальное отличие этнопарка от названных «деревень» заключается в попытке соединить музейно-познавательные и рекреационные цели, создать благоприятные условия для активного приобщения посетителей к народной культуре. Поставленная задача может быть решена только при условии, что все постройки этнопарка должны быть копиями реально существовавших памятников. Естественно, что сами они памятниками являться не будут, благодаря чему создаются условия для активного вовлечения посетителей в своеобразную игру в прошлое, в которой они будут не только зрителями, но и активными участниками.

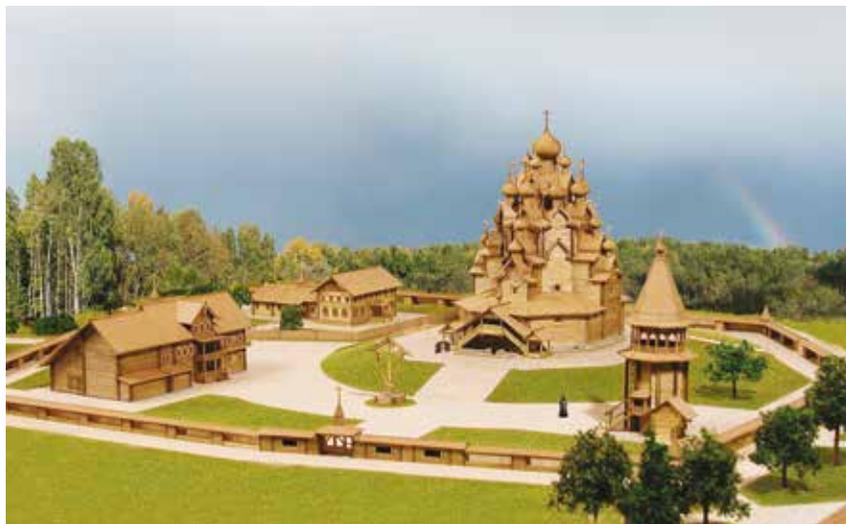

Этнопарк создается в непосредственной близости от Петербурга – на правом берегу Невы, на части территории Невского лесопарка (земельных угодьях бывшей усадьбы «Богословка», являющихся достопримечательным местом). Однако если в музеях под открытым небом лишь немногие экспонаты являются полными копиями несуществующих памятников, то теперь для того, чтобы представить исчезнувшие наследие, предлагается весь парк построить на копиях. Подобный опыт уже имеется в Норвегии и Дании.

В соответствии с изложенными выше задачами и принципами этнопарк будет иметь следующие семь зон:

1. Усадебно-парковый комплекс Зиновьевых в границах памятника федерального значения.

2. Погост – центр всего Этнопарка. Его храм – копия знаменитой 24-главой Покровской церкви (1709) Вытегорского (Анхимовского) погоста, сгоревшей в 1963 году.

Ансамбль северного погоста с копиями Покровской церкви Вытегорского погоста (1708 – 1709 гг.), колокольней Нижнеуфтюжского погоста (XVII в.), оградой Лядинского погоста (XVIII в.), домами Костина из Великой Губы (1871 г.) и Манькина из д.Каскеручей (1889 г.). Типологическая реконструкция с воссозданием погибших памятников. Макет по проекту М.И. Мильчика и А.П. Кима

Заонежье. Великая Губа. Дер. Верховье. Дом Е.А. Костина (1871 г.). Фото К.К. Романова и Ф.М. Морозова. 1926 г. ИИМК

Богословка (Невский лесопарк). Дом Е.А. Костина в составе комплекса северного погоста. Макет по проекту воссоздания М.И. Мильчика и А.П. Кима.

3. Реконструкция Каргопольской крепости (1664–1665).
 4. Русское селение.
 5. Карело-вепсское селение.
 6. Историческое селение, реконструируемое по археологическим и письменным источникам.
 7. Резервная и хозяйственная зоны.
- Строительство этнопарка подразумевает необходимость расчисток, возможность дальнейшего развития

за счет резервных территорий, реставрацию парка Богословки и создание культурного ландшафта, в какой-то мере воспроизводящего ту природную среду и пространство, в которых существовали воссоздаваемые здесь деревянные сооружения прошлого.

Этнопарк – первый в России комплекс подобного рода – призван дать новую жизнь Невскому парку, проектный замысел которого не был полностью осуществлен.

Богословка. Усадебный дом Зиновьевых. Фасад, обращенный в сторону Невы. Проект воссоздания Т.Н. Ознобишиной (Архитектурно-реставрационная мастерская № 9 С.-Петербургского НИИ «Спецпроектреставрации»)

Богословка. Усадебный дом Зиновьевых со стороны Невы. Архитектор В.И. Беретти. 1828 – 1830-е гг. Фото начала XX в. Предоставлено Г.И. Лохановым

Обновление города

Примечательно, что обновление материально-пространственной среды сибирских городов в современный период все больше разворачивается по сценарию, предполагающему крайнюю форму реконструкции – замещение старого новоделом. В Новосибирске уже

в 1960-е годы начинает исчезать характерная для сибирских городов деревянная застройка (вдоль ул. Ленина), участки каменной застройки конца XIX века и т. д. К началу XXI века состояние культурного наследия сибирских городов приблизилось к критической отметке. В одном из самых старых городов – Томске, некогда центре освоения региона, количественный состав деревянных строений стал резко сокращаться.

Процесс «исчезновения» приобрел лавинообразный характер. При этом никакие усилия общественных организаций, местной власти, помощь международных организаций, столичной общественности и даже действующее законодательство не смогли предотвратить наступление разрухи, предотвратить утраты. В этой связи представляется важным объяснить происходящие процессы с точки зрения механизмов преемственности. В качестве рабочей гипотезы выскажем предположение, в соответствии с которым разрыв традиций и несогласованность действий профессионалов, жителей и власти обусловлены деформациями и искажением взаимосвязи старого и нового.

Основная традиция

Причины постепенного вывода культурного наследия из активной жизни старогородских центров на рубеже XXI века кроются в особенностях организации проектного дела, основы которого определяют идеологией индустриального города советского периода. Первоначально, на этапе своего становления, советская система проектного дела отрицала старый город как категорию, имеющую право на

существование. Идеи утопических социалистов, как и утопические проекты Запада, находят преломление в проектах российских архитекторов.

Преимущественная ориентация системы градостроительного проектирования на решение производственных задач по сравнению с задачами обеспечения жизнедеятельности поселения проявлялась в технологии созидания нового как бы с чистого листа¹. Основные усилия были направлены на освоение новых территорий, а не на реконструкцию уже сложившихся. В 1930–90-х годах XX столетия при обосновании варианта развития поселения во главу угла ставилась градообразующая база. При этом особенность объекта проектирования определялась его производственным потенциалом. Специфика же объекта зависела от набора предприятий.

В рамках такой традиции проектирования разработка генеральных планов городов, имеющих в своей структуре районы и части старой застройки, принципиально ничем не отличалась от разработки генеральных планов новых городов. Градообразующая основа объекта проектирования по-прежнему обуславливала подход к организации системы общественного обслуживания, влияла на выбор структуры и расчет основных показателей. Одной из основных составляющих пространственного развития оставалась территориальная экспансия, которая предполагала снос застройки, не удобной с точки зрения использования индустриальных методов строительства.

Так, генеральный план Ачинска, разработанный в 1997 году, не вытекал из логики функционирования города. Несмотря на то что на момент разработки генерального плана страна находилась в экономическом кризисе, предлагаются такие проектные решения, как будто бы Ачинск испытывает невиданный экономический подъем, а промышленные предприятия не прекратили функционирование и продолжают работать. Проект, прошедший согла-

текст
Александр Клевакин

Фрагмент старой среды, утраченной в процессе «обновления» Красного проспекта в Новосибирске

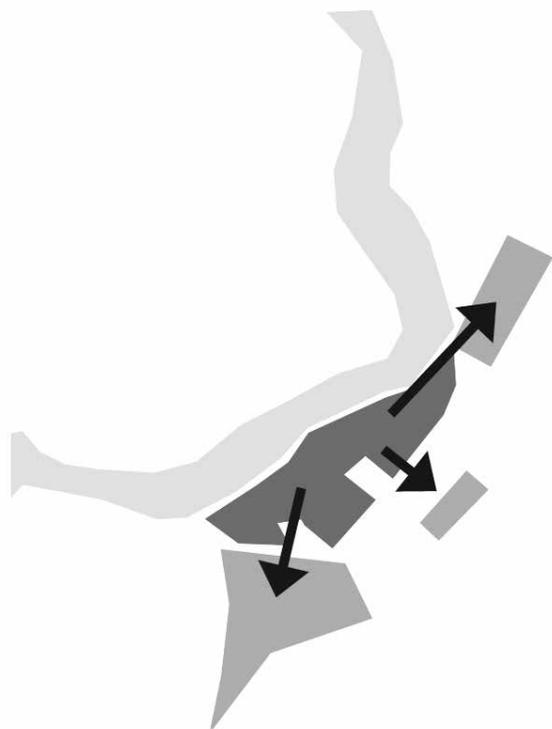
сование во всех инстанциях столичного и местного уровня, указывает на необходимость максимального увеличения территории города и сохранения его прежней специализации².

Данный подход к определению «перспективы» пространственного развития города опирается на такие ценности, как прогресс, развитие технологий, расширение массового производства, покорение природы и территориальную экспансию индустриального города в отношении деревенского окружения. Предполагалось, что в результате этой экспансии осуществится срастание промышленных центров с селами.

Традиция охранительного подхода складывается в недрах министерства культуры. Его внимание сосредотачивается на работе с отдельными объектами, имеющими историческое, культурное значение. Длительная независимость этой второй традиции от сферы градостроительства наложила отпечаток на трактовку ценности прилегающей территории. Основной акцент делался на запретительных мероприятиях.

Проект охранных зон как отражение охранительного проектирования обычно выполнялся независимо от проекта генерального плана, поскольку полностью не вписывался в идеологию социалистического города, проектный подход и индустриальные методы строительства. Охранительство предполагало сохранение и сбережение образцов и элементов, представляющих культуру прошлого. В силу условий, в которых находилась наша страна, сохранение было возможным лишь в пассивной форме – образцы культуры, архитектуры сберегались как экспонаты прошлых эпох, а не как средовые объекты.

Позже охранное дело расширило свое влияние до уровня градостроительного искусства, взяв под контроль целые части городской структуры. В системе централизованного проектного дела было найдено место для института, призванного отвечать за комплексный подход к охранному делу в городах. Сегодня это самостоятельная и самодостаточная область, воспроизводящая нормы работы с историческим наследием как таковым.

«Наложение» проекта зон охраны и генерального плана Ачинска

В соответствии с проектом охранных зон историческая часть города изымалась из повседневной жизнедеятельности и превращалась в музей³. Так, в результате привлечения специалистов, отвечающих за сохранение прошлого, Ачинск из города со старым центром и новыми индустриальными районами на периферии превращается в город с «зоной охраны центрального района» и «зоной будущего центра». Активная жизнь покидает старгородскую часть, но, не найдя готовую для принятия новых общегородских функций пространственную структуру, расплывается по территории микрорайонов.

Ни первая, ни вторая традиция проектного дела не опиралась на практику участия широких слоев населения в процессе обновления городов. За весь период господства централизованной системы управления городами местные сообщества не смогли выработать порядок и правила, в соответствии с которыми было бы возможно самостоятельно делать выбор пути развития пространственной среды.

Присвоение Томску статуса исторического города в 1990 году не только не приостановило, но даже ускорило ту торопливость, с которой уже осуществлялось уничтожение его историко-архитектурного наследия. В период перехода к рыночным реформам процесс уничтожения деревянной архитектуры Томска превзошел все мыслимые масштабы. По статистике специалистов ТГАСУ, к 1984 году в Томске насчитывалось 2 773 деревянных строения, а к сентябрю 2003 года их осталось всего 1 740 единиц. Несмотря на усилия проектировщиков по созданию карт охранных зон исторического центра Томска, а также деятельность общественного совета при областном управлении культуры (в его состав входили краеведы, архитекторы, искусствоведы), деструктивное влияние возобладало.

Разделение проектного дела на две самостоятельные части при доминировании вертикальной оси власти привело к тому, что интересы города, интересы местных сообществ сибирских городов практически не учитывались. Всякий проект предлагал изменения, которые всегда оставались односторонними, поскольку не задействовали потенциал низовой инициативы. Энергия городского творчества не получала реализации по причине противопоставления двух традиций проектного дела друг другу.

Ресурсы и потенциал исторического города с его индустриальной составляющей не получают комплексной оценки. Например, в пояснительной записке к проекту генерального плана Ачинска отсутствует достоверная информация, из которой можно было бы судить об особенностях поселения, определяемых его прошлым. Об историческом центре Ачинска в тексте проекта генерального плана упомянуто между делом, и ни слова не говорится о сложившихся старых кварталах, состоянии природных элементов, входящих в структуру города, характеристике значимых объектов, памятных местах, уникальности среды. Вот почему ни один специалист, ни один руководитель не может воспользоваться проектом генерального плана, поскольку в нем нет главного – знания о задачах, стоящих перед городом и его жителями на момент кризисной ситуации, в которой находится город в настоящий период.

Длительное время государственная машина градостроительного проектирования стремилась монополизировать право определять пути пространственного развития общегородских центров.

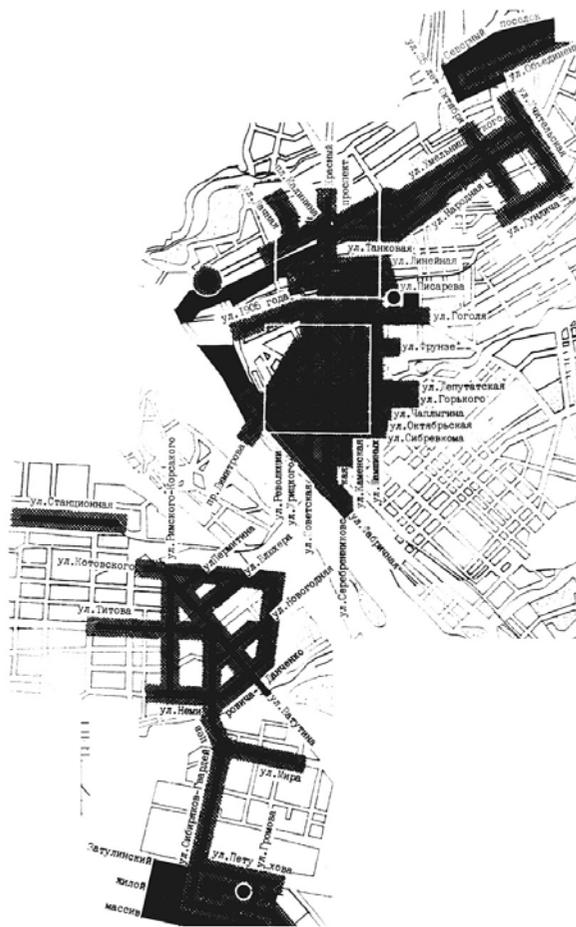
Противостояние внутри архитектурно-градостроительного цеха не позволило придать результатам научных исследований 1970–1980-х годов статус общественно значимых. Взамен отодвинутого на второй план фундаментального знания вот уже 30 лет общество вынуждено было испытывать переход от одной импровизации к другой. Вне поля видимости оказались процессы обновления наиболее значимых частей городов – центральных районов. Упорно игнорируется «прописанность» процессов городской деятельности в реальном пространстве ядер и старгородских районов городов, основное внимание сосредоточивается исключительно на новых территориях. В условиях большого пространства Сибири и расчлененности структуры городов продолжающееся рассредоточение функций не обеспечивает целостности территории.

Механизм пространственного развития общегородского центра, определяющий единство и целостность каркаса города, был описан еще во второй половине 70-х годов XX века. В соответствии с этим механизмом зрелость пространственной среды центра или степень развитости общегородских функций определяется структурными изменениями в городе. Они заключаются в выделении собственно городского ядра, в котором концентрируются центральные (уникальные) функции, и огибающей ядро периферийной зоны, которая становится местом размещения более массовых функций⁴.

Исследование функционально-пространственных свойств среды центра Новосибирска в 1980-е годы позволило зафиксировать, что традиционные представления о строении общегородского центра в городе с расчлененной структурой претерпевают изменения. Реальные процессы средообразования и выделение центральных элементов среды обуславливаются сохранением на протяжении длительного времени автономных городских частей. Индустриальный период истории порождает кристаллизацию старгородских ядер – наряду с центральной частью на удаленной периферии возникают районы, играющие заметную роль в жизнедеятельности города.

По сравнению с другими районами удаленной периферии – участками индивидуальной и микрорайонной застройки – старгородские ядра имеют ряд преимуществ. Последние определяются сложившейся системой обслуживания, мелкоструктурностью пространственного строения и наличием зеленых насаждений. Три выделенных качества приобрели ключевое значение в сибирских городах. Короткая и бурная история не создала иной альтернативы среде районов соцгорода. Отдельные старые районы по своей роли в жизнедеятельности периферии начинают соперничать с ядром центральной части города. Автономное существование отдельных частей периферии и ослабленная роль центральной части вынуждают население обходиться услугами «местного уровня»⁵.

Картина распределения центральных элементов в старгородских частях радикально не изменилась за 18 лет, прошедших между двумя обследованиями, проведенными в Новосибирске (1985 и 2003 годы). Количественные приращения новых функций осуществляются в направлении уплотнения главных единиц пространственного каркаса (ул. Б. Хмельницкого и пл. Станиславского). Заложенная в 1950-е годы квартальная структура испытала замену жилых функций периметра застройки на обслужива-

ющий профиль. Подцентры обслуживания, возникшие в эпоху индустриального развития, не теряют своей значимости в восприятии населения, но и не получают необходимой поддержки для обновления на рубеже веков. Рост удаленной периферии и возрастание внешних нагрузок требуют необходимых целенаправленных реконструктивных мероприятий. Разовые акции, точечное новое строительство, перепрофилирование производственных зон под торгово-коммерческое назначение не могут заменить комплексную реконструкцию жилых кварталов, наметить переход к политике конверсии промышленности города.

Повышение роли центральных пространств в районах массовой застройки 1960–1970-х годов периферийных частей Новосибирска связано с освоением участков незастроенных территорий, повышением роли транспортно-пересадочных узлов в левобережной части города. Процесс концентрации функций в первую очередь происходит вдоль главных улиц, а позже – по периметру микрорайонной застройки (пр. Маркса, ул. Ватутина, ул. Станиславского, ул. Титова). Наблюдается полная замена жилых функций на торговые, обслуживающие, деловые. В уровне первого этажа располагаются магазины, салоны, другие учреждения обслуживания. Подвальные помещения жилой застройки, ранее используемые для хозяйственных нужд населения, постепенно задействуют в коммерческих целях. Позже активизируются малые улицы, примыкающие к главным магистралям района.

Освоение площадок с объектами долговостройки, оставшимися в наследство от советской эпохи (пл. Маркса), носит затяжной характер. Размещение крупных объектов, открытие станции метро и

Представление жителей Новосибирска о негативных элементах среды (материалы обследования, проведенного в 1985 году)

наличие транспортных коммуникаций не являются достаточным условием для запуска процесса интенсивного насыщения среды. Первоначально территория делится на мелкие участки и сдается в аренду частным предпринимателям. Прохождение через микрорыночную кампанию, возведение больших строений в сумме не обеспечиваются качеством архитектуры и не складываются в комплексное решение. Участок не имеет инфраструктуры, связывающей внешние и внутренние потоки. Локальность вводимых в эксплуатацию объектов не соответствует сложности нагрузок, испытываемых с удаленной периферии города.

Большинство районов массовой застройки продолжает получать спонтанно вводимые объекты, в целом не приобретая специализации. Скороспелые решения по присвоению официального названия отдельным участкам много опережают процессы их пространственного формирования и обустройства. Участки получают имена площадей и улиц, не имея застроенного периметра и значимых объектов.

Схема негативных элементов среды части города, складывание которой осуществлялось в индустриальную эпоху, показывает, что со сменой эпох негативные качества среды не исчезают автоматически сами собой, а требуют направленных мероприятий как градостроительного, так и социального характера.

Сохранение неблагоустроенных бараков по ул. Степной, в районе рынка, свидетельствует о нерешенности проблем Ленинского района Новосибирска. Эти участки, а также другие отдельные фрагменты улиц, по мнению жителей, должны быть обустроены в первую очередь. Напоминанием о негативном наследии 1960-х годов остается недостроенная гостиница на пл. Маркса. В течение длительного времени постоянное беспокойство жителей вызывали «подъезды к местам торговли и планировка проезжей части у вещевого рынка».

По сравнению с районами периферийной зоны в центральной части города в качестве центральных выделяется более широкий набор пространственных единиц. Наряду с участками улиц и отдельными местами в ходе второго обследования были выделены театры, парки, «отдельные жилые дома», учебные заведения, «дорогие магазины» и т.д. Кроме того, важное значение имеют и микроэлементы, например сквер и «пятючок». Как и в первом опросе, в настоящий период выяснилось, что для определенной части жителей центральность связывается с «частью города».

Дислокация центральных элементов типа «точка» указывает на то, что сейчас происходит процесс насыщения центра отдельными объектами. Нарращивание функционального и пространственного потенциала осуществляется в форме отдельных точечных преобразований в северном, частично в южном секторах. Западный и северо-западный секторы центра города продолжают оставаться закрытыми для роста. Здесь на момент проведения опроса не производится никаких радикальных вторжений. Восточный сектор центрального ядра города, с точки зрения жителей, по-прежнему не нагружен центральными элементами. В качестве значимых в нем выделено лишь два элемента. Примечательно, что известная кампания переноса общегородского ядра из центральной части в юго-восточном направлении, в Октябрьскую часть города, не находит подкрепления в реальном функционировании и взаимодействии городских процессов.

Как и в периферийных районах индустриального периода, в старом центре Новосибирска вопросы реконструкции продолжают волновать население. Жители указывают на «ветхое состояние жилых дворов и инженерной инфраструктуры», отмечают «определенную неухоженность представительских мест». В общий перечень негативных качеств среды попадают изменения, связанные с новым строительством. Это прежде всего «возникновение элитного жилья и дорогих офисов». Кроме того, негативную оценку получает общий подход к проблеме обновления. При бесконечном ремонте офисных помещений и благоустройстве «мест у входа в здание» основная часть улиц остается в бесхозном состоянии.

Проведенный сопоставительный анализ материалов диагностики среды Новосибирска позволяет констатировать, что процесс обновления пространственной среды старгородских центров Сибири на рубеже XXI в. оказался заторможен. Выработанная в недрах централизованного планирования советского времени система проектирования городов направлялась на освоение новых территорий, позже она дополнилась охранным проектированием, призванным пассивно сберегать образцы материально-пространственной формы как музейные экспонаты прошлых эпох. Обе традиции проектного дела развивались и существовали автономно, не взаимодействуя между собой и не вырабатывая механизмы развития.

Проектные документы совмещали в себе два взаимоисключающих подхода. Это обусловило крайние формы реконструктивных мероприятий, выключение из активной жизнедеятельности и последующую утрату значимых объектов и фрагментов пространственной среды. Без внимания осталась сущностная категория сибирского города – образцы индустриального периода развития городов. Части города и районы застройки 1930–1980-х годов, определившие импульсы становления планировочной структуры прошлого века и обеспечивающие современную жизнь городов, выпали из поля зрения властей, представителей обеих частей проектного цеха.

Целостность включения историко-культурного наследия сибирских городов в процесс урбанизации в XXI веке предполагает выбор нового подхода к проведению реконструктивных мероприятий. Этот подход вытекает из необходимости активного включения старгородских ядер и сложившихся районов в жизнедеятельность городов. Образцы среды прошлой индустриальной эпохи должны получить техническое и инфраструктурное обустройство.

1. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: в 2 т. М. : Прогресс – Традиция, 2001. Т. 1. 656 с.
2. Разработка контактных зон и схема расселения г. Ачинска с целью рационального решения внешней транспортной сети, рекреационных возможностей и размещения переселенцев. Генеральный план г. Ачинска : пояснительная записка. Красноярск : Красноярскгражданпроект, 1995. Т. 2.
3. Ачинск. Проект зон охраны памятников истории и культуры. СПб. : Ленгипрогор, 1995. Т. 3.
4. Шаповская Е.С. Пространственное развитие общегородского центра в структуре крупного города : автореф. дис. ... канд. архит. М., 1977. 17 с.
5. Левченко Е.Л. Особенности функционально-пространственного развития периферийных районов крупнейшего города с расчлененной структурой : автореф. дис. ... канд. архит. М., 1988. 22 с.

«Острова идентичности» в исторической застройке центральной части города Самары

Метод артикуляции сохранившихся фрагментов исторической среды как единой системы туристического маршрута в структуре старого центра Самары

Самара, которая еще десять-пятнадцать лет назад отличалась сохранностью исторического центра, представляющего собой преимущественно деревянную одноэтажную застройку регулярного екатерининского квартала, сегодня являет собой конгломерат разнохарактерной анонимной застройки низкого качества. Мы не можем сегодня сказать, что город представляет собой идентичную целостность. Но ведь именно идентичность среды, её узнаваемость как таковой и узнаваемость её собственных свойств являются главными критериями привлекательности города. Мы, конечно, можем ввести уточнение в том смысле, что в таких мировых центрах туризма, как, например, Флоренция или Амстердам, идентичность строится на базе присутствия безусловных архитектурно-исторических ценностей, подкреплённых величественным культурным прошлым. Но на сегодняшний день, туристы становятся более искушенными, направляясь во все уголки света в поисках не столько общепризнанных шедевров, сколько в надежде обнаружить «нетронутую действительность в её целостном проявлении». К такому роду примеров можно отнести претензии на сохранность Гарлема, несмотря на его некоторую опасность для посещений.

Итак, может ли эта среда быть названной идентичной? В какой степени возможно сохранение оригинальных качеств среды, несмотря на непрекращающийся процесс городского развития?

Понятно, что туристический аспект надстраивается в качестве актуальной части общего сценария, для которого приоритетными являются интересы самих горожан.

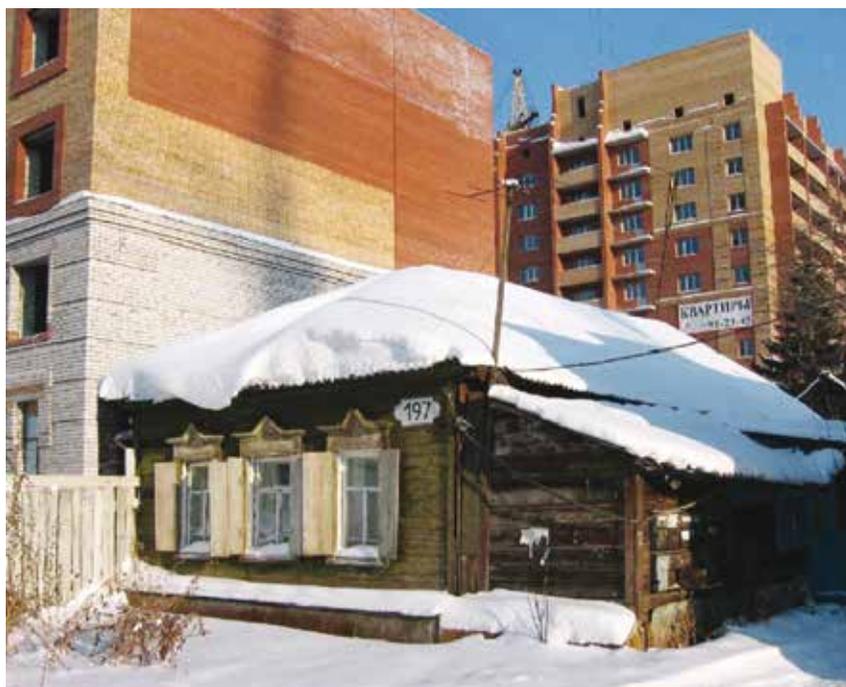
Наперекор практике сохранения отдельных «памятников истории и культуры», лишь усугубляющей существование и восприятие этих памятников, в концепции на первый план выдвигается критерий «целостности видеокadra», а затем уже – богатство содержания («наличие интриги»). Ни для кого уже не секрет, что основным способом контакта с городом и его запоминания в ситуации относительно быстрого перемещения является фотоаппарат, размеры горизонтального кадра в котором, совпадая отчасти с углом обычного зрения, диктуют необходимые размеры объекта.

Объекты традиционной самарской линии застройки, если еще можно употребить такое понятие, способны «заполнить кадр» лишь при возникновении «ряда», включающего, как минимум, три-пять домов. При ширине улицы в старой части города в 25 метров и отсутствии объектов, замыкающих перспективу улиц, посетитель города будет выбирать для съемки пусть чередующиеся, но все же целостные фрагменты с поворотом камеры под углом примерно в 30 градусов архитектуры. Если хорошо подумать, то для сохранения имиджа «деревянной Самары» было бы оптимальным выбрать серию наиболее ценных фрагментов, тщательно обдумать их границы как ареалов и визуально завершённых фрагментов и затем осуществить целенаправленное их финансирование и реставрацию.

Другой особенностью метода реконструкции средовых фрагментов является функциональная реорганизация «островов». Здесь уже делается расчет на более сложный график взаимодействия «посетителя» и «острова». При расширении программы «визита» туристы и горожане контактируют с «островами» как с полноценными объектами, имеющими одновременно статус общественного объекта и феномена среды. Здесь уже дело не в фотоаппарате, а в ощущениях, полученных в процессе проникновения вглубь «острова». Проект формирует шесть составляющих метода реконструкции средового фрагмента: определение границ «острова»; разработку концепции «культурной программы»; функциональную организацию; необходимую перепланировку; оптимизацию конструкций и инженерных систем; реставрацию фасадов и интерьеров, строительство дополнительных объектов и благоустройство. Для выявления «островов» на плане исторической части города совмещается информация об отдельных памятниках с собственными данными об отдельных границах идентичных фрагментов, то есть создается эскиз возможного расположения «островов». Для определения границ выдвигается система критериев, которая позволяет идентифицировать острова не только как типологически или стилистически однородные подсистемы. В соответствии с этим планом даются предложения по нескольким возможным вариантам туристических или прогулочных маршрутов, позволяющих «увидеть» наш город как своеобразную и запоминающуюся среду.

Предлагаемый метод мог бы позволить развивать более продуманную стратегию по спасению последних остатков ценной исторической среды, что, в итоге, сра-

текст
Сергей Малахов
Евгения Репина
Светлана Растебина
Артем Лисицин

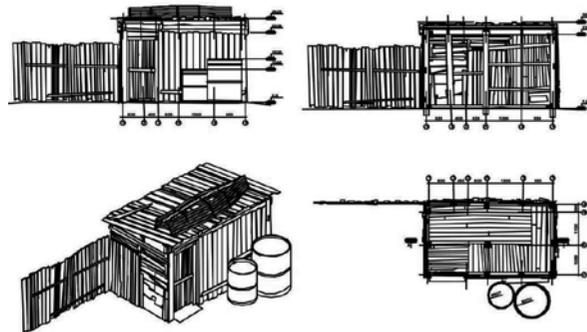
«Гостиница Старовойтовых» и «Дом Рыбака». Сложным моментом в отработке нового метода является формирование внешней границы «встроенного острова», так как застройка квартала сама по себе представляет непрерывную ткань. План каждого из «внутренних островов» формируется вокруг столь замечательного артефакта как «самарский двор». Двор в самарском квартале можно рассматривать как продукт двухсотлетней эволюции подворья, начавшейся с обычной, почти деревенской расстановки домов, флигелей и сараев и завершившейся возникновением ансамбля из спонтанно возникающих добавлений. Разделительная граница между дворами обеспечивается противопожарными стенами с максимальным сохранением сложившейся застройки. Технические средства пожаротушения должны дополнить систему пожарной безопасности «острова», приобретающего после реконструкции статус современного общественного объекта.

ботало бы на общую градостроительную гармонию, но и на такую прагматическую сферу, как туризм.

В рамках этой концепции предлагается рассмотреть возможность реконструкции одного из исторических самарских кварталов, а именно квартала № 13. Квартал № 13 ограничен трех сторон улицами Комсомольской, Чапаевской и Молодогвардейской, а с четвертой – застройкой берегового склона реки Самары. Большая часть застройки представляет собой относительно однородный набор из малоэтажных жилых домов конца XIX – начала XX века с включением небольшого промышленного предприятия, специализировавшегося на переработке речной рыбы и находящегося сейчас в полузаброшенном состоянии. Оригинальной особенностью квартала является переулок под названием Песочный, разделяющий квартал в продольном направлении на две равные части. В переулок выходят фасады нескольких замечательных образцов старой самарской архитектуры. Весь квартал № 13 рассматривается как один «большой остров», относительно целостный фрагмент исторической среды, в отношении которого разрабатывается общее проектное предложение. На следующей стадии внутри квартала выделяются пять «внутренних островов», включая переулок Песочный. Два из этих «островов» включаются в проект в виде пробной разработки. Это объекты под названием

Другим важным аспектом является сохранение оригинальных материалов и фактур, включая спонтанные добавления или конструктивные искажения, придающие застройке особое очарование и приключенческую атмосферу. Предлагается максимально откликнуться на эту проблему и применить скрытую реновацию конструкций и материалов. В отдельных случаях устраивается замена на новые конструкции и материалы. Почти во всех случаях под здания подводятся новые фундаменты.

Культурно-исторический контекст «островов» раскрывается на основе собранных фактов и свидетельств живых очевидцев. На основе этого контекста разрабатывается «культурная программа» – квинтэссенция функционального сценария, многие детали которого приобретают игровой характер.

В других странах

Сохранение и реабилитация исторической городской среды: болгарская практика в развитии деревянной архитектуры

текст
Атанас Ковачев

Болгария – страна, расположенная в юго-восточной Европе на Балканском полуострове. На севере граничит с Румынией, граница проходит по реке Дунай, восточная граница – Черное море, на западе соседствует с Сербией и Македонией. Площадь территории приблизительно 111 тыс. кв. км, население менее 8 миллионов, и его число имеет постоянную тенденцию к уменьшению. Болгария расположена на важном пересечении путей между Европой и Азией. Территория страны была заселена с глубокой древности. Археологические находки, найденные на территории Болгарии, датируются доисторической эпохой – около 1,5 миллионов лет.

Один из самых замечательных периодов развития Болгарского государства, в том числе ее культуры и архитектуры, связан с эпохой Возрождения – концом XVII – XVIII веком, началом и серединой XIX века. Возросшие экономические возможности болгарского народа в это время создают условия развития болгарской архитектуры и прежде всего богатых, хорошо украшенных монастырей, церквей и жилых домов. Наибольшее развитие в эпоху Возрождения получила жилая архитектура.

Деревянный народный жилой дом – это уникальное болгарское явление. Он проходит долгий, сложный путь развития и достигает совершенства функционально-планировочной и объемно-пространственной компози-

ции, занимая исключительное место в истории болгарской архитектуры эпохи Возрождения (Ренессанса).

Деревянная жилищная архитектура формирует три группы: проторенессанс, ранний Ренессанс, зрелый Ренессанс.

Деревянный дом проторенессанса строили в XVI–XVIII веках. Самая важная характеристика – преимущественно одноэтажные постройки.

Жилые деревянные дома раннего Ренессанса строили на протяжении всего XVIII и начала XIX века.

Отличительная черта – два этажа. Объемно-пространственная композиция отличается раскрытием внутреннего во внешнее, помещений во дворик через чердак. Данный стиль встречается в разных районах Болгарии и имеет специфические местные особенности, широкое распространение он получил в различных населенных пунктах – в Жеравне, Трявне, Копривщице.

Деревянный жилой дом эпохи зрелого Ренессанса строили во 2-й и 3-й четверти XIX века. Широкое распространение данный стиль получил в городских центрах – Пловдиве, Карлово, Самокове, Несебре и других. Жилой дом зрелого Ренессанса является одной из вершин в развитии возрождения Болгарии. В этих домах широко используется синтез художественных элементов и архитектуры, например использование резьбы по дереву в оформлении стен и потолков.

Происхождение деревянного народного дома История показывает, что территория Балканского полуострова была еще в глубокие времена покрыта горами. Дерево как основной строительный материал находило широкое применение в строительстве жилых домов благодаря следующим характеристикам:

- хорошие изоляционные качества;
- быстрое и легкое возведение, в том числе и изготовление сложных и интересных деталей;
- простые инструменты обработки;
- надежность конструкций и сейсмостойчивость;
- интересные проектные решения благодаря цвету и фактуре дерева.

Ряд болгарских исследователей принимают определение «народный дом» в связи с массовым распространением в течение длительного исторического периода – проторенессанса и Ренессанса, то есть в XVII–XIX века.

Деревянные жилые дома широко распространены в Болгарии. До наших дней сохранились многочисленные примеры, позволяющие выявить традиции и характеристики болгарского деревянного дома, прежде всего деревянная архитектура встречается в горных районах вдали от крупных городских центров. Гора – источник деревянного материала, и многие примеры, сохранившиеся до сегодняшнего дня, построены на местах добычи дерева.

Конструктивные элементы

Дерево, в отличие от камня, позволяет создать разнообразные планировочные, объемно-пространственные и архитектурно-художественные формы и приемы. Развитие конструктивных систем деревянного народного дома имеет два этапа:

– самый ранний деревянный дом строился из цельных бревен, связанных по углам венца (статическая система);

– особая конструкция (талпенная), дающая возможность достичь разнообразия форм и деталей (динамическая система).

Характерной конструктивной особенностью деревянного народного дома Болгарии является далеко вынесенный свес кровли, который предохраняет жилой дом от воздействия солнца и осадков. В то же время данный элемент имеет эстетическое значение, создавая акцент в архитектурном образе здания. Важное место в структуре дома имеет деревянная колонна. С одной стороны – это несущий элемент, с другой – деталь художественного оформления чердака и интерьера. Знакомые с тектоническими возможностями дерева, народные мастера Болгарии стремились создать жилые дома, отличающиеся прочностью и красотой.

Территориальное распространение

В Болгарии выявлены пять крупных географических районов распространения деревянного дома: Восточная Стара гора, Средняя Стара гора, Средняя гора, Родопы гора, Странжа гора.

По мнению различных исследователей деревянного дома Болгарии (Ангелова Р., 1975; Бербенлиев П., 1978; Вакарелски Х., 1941; Златев Т., 1955; Кожухаров Г., 1957; Мавродинов Н., 1947; Стамов С., 2007, и многих другие), в стране обособлены 10 типологических групп: Жеравненская, Старорешкая, Яблоновская, Тревненско-Еленская, Арбанашкая, Копривщенская, Родопская, Западно-Странджанская, Средне-Странджанская, Восточно-Странджанская.

Эти группы включают более 40 городов и населенных пунктов, в которых сохранились лучшие примеры болгарского народного деревянного дома.

Деревянные народные дома Восточной Старой горы Жеравненская типологическая группа охватывает различные районы и включает 7 населенных пунктов: Жеравна, Катунциште, Котел, Медвен, Градец, Ичера и Тича. На примере этой группы можно проследить полное развитие деревянной архитектуры, начиная с проторенессанса и заканчивая зрелым Ренессансом (XVII–XIX) – от простого до самого сложного планировочного и объемно-пространственного решения.

Старорешкая и Яблоновская типологические группы включают несколько небольших населенных пунктов, где сохранились деревянные жилые дома с характеристиками, близкими к Жеравненской группе.

Заключения и выводы

Анализ планировочного и объемно-пространственного развития болгарского деревянного жилого дома позволяет сделать важный вывод, что наряду с террито-

риальной типологией дом следует общим процессам общественно-экономического развития страны.

В планировочной композиции жилого дома проторенессанса можно выявить три типа:

- однопространственный;
- двупространственный;
- многопространственный.

В зависимости от формы и планировочной схемы развития жилого дома раннего Ренессанса можно выявить три типа:

- рядовая планировочная схема;
- квадратная планировочная схема (открытый чердак, 2–3 помещения);
- прямоугольная планировочная схема (2–3 помещения, общая комната, чердак).

Планировочная схема жилого дома зрелого ренессанса имеет два типа:

- открытые деревянные дома (симметрия/асимметрия);
- закрытые деревянные дома (симметрия/асимметрия).

В планировочной пространственной композиции жилого деревянного дома можно выявить множество общих характеристик:

- большая общая комната;
- чердак;
- впечатляющие интерьеры / экстерьеры с богатой резьбой по дереву.

Многие сохранившиеся образцы болгарского деревянного дома объявлены памятниками культурно-исторического наследия.

Деревянный народный дом – одно из самых ценных достижений болгарской истории, в частности болгарского Ренессанса, – болгарский архитектурный вклад в сокровищницу европейской мировой культуры и архитектуры, апофеоз болгарского строительного гения.

Городское развитие в историческом контексте района Нойштадт в Дрездене

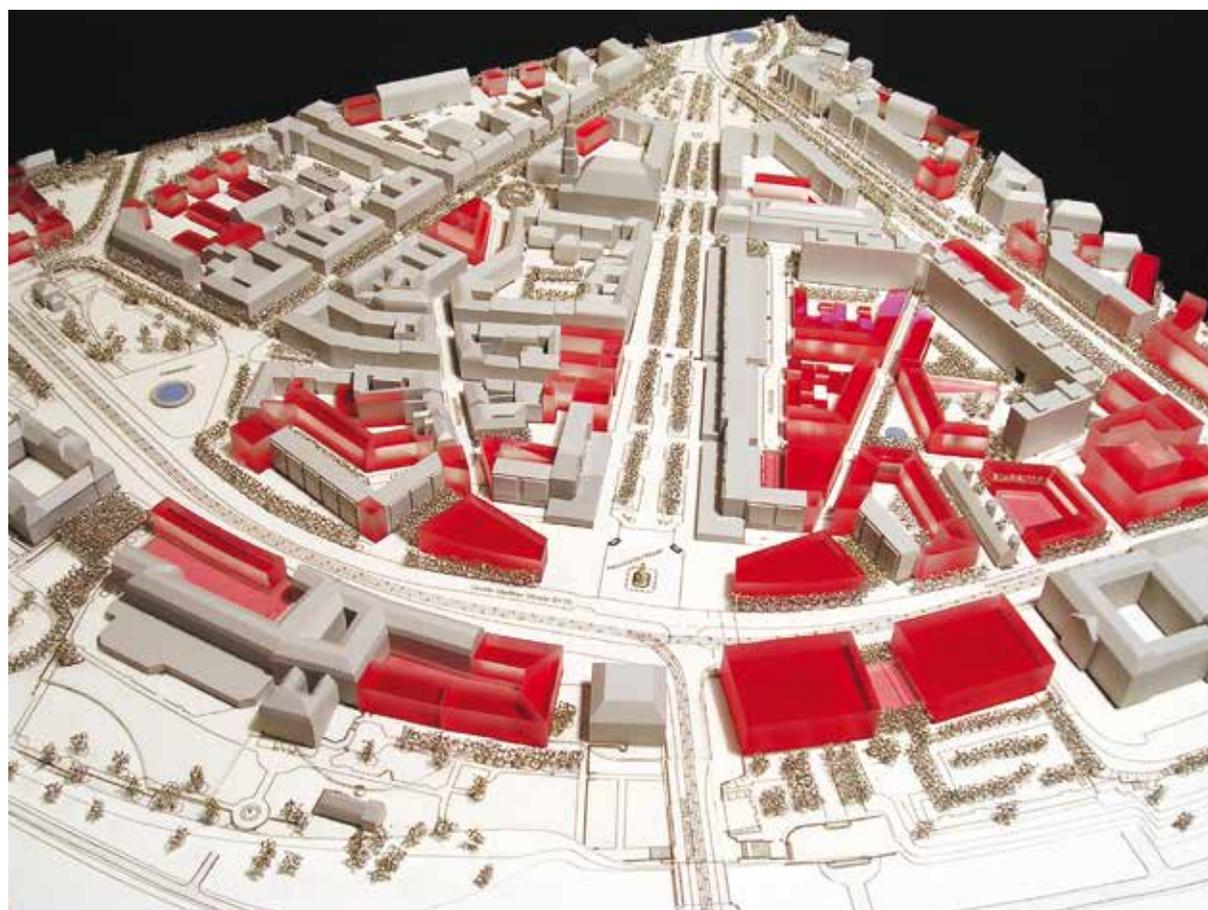
текст
Барбара Энгель

«Квартал Барокко» – Нойштадт – воплощает в себе исторический дух города Дрездена.

Нойштадт (новый город) противоречит своему названию и относится к первоначальной старой части города. Напротив Альтштадта (старого города) представлена правобережная часть Нойштадта с правительственным кварталом и примечательной в градостроительном отношении планировочной структурой в районе Кёнигхуфер,

так называемом старом Дрездене, с единственным сохранным городским барочным ансамблем и окружающей его зеленой зоной Альбертплац, частично включающей озеленение прежней парковой зоны города.

Цель планирования
Для нового градостроительного порядка и дальнейшего развития территории необходимо было противодейс-

твовать продолжающимся разрушениями, поэтому на основе градостроительного конкурса середины 90-х был разработан генеральный план. Цель планирования – последовательное восстановление исторических планов города путем соответствующих своевременных изменений. Дальнейшее развитие поэтому ориентировано на существующий генеральный план, равно как и на бережное восстановление города. Важнейшей задачей является повышение значимости транспортных пространств в системе городских пространств и деликатная реинтеграция транспорта в городское пространство. Наравне с этим необходимо снизить транзитные потоки, обеспечить пешеходный доступ через основные магистрали, так же как и сократить скорость МТ. Данная территория вместе с площадью Ноймаркт в отношении туризма и мелкой торговли составляет привлекательную конкуренцию району Альтштадт.

В качестве второй цели выступает, таким образом, функциональное обогащение и профилирование района Нойштадт, равно как и развитие интенсивной связи с районом Альтштадт. В этом случае организация старых дорожных (транспортных) связей в привязке жилья к Альтштадту обладает наивысшим приоритетом. Строительное объединение жилых участков предоставляет функциональные дополнения с открытым использованием. Важной областью дальнейшего градострои-

тельного развития в сердце города является исцеление градостроительных «ран», образовавшихся не только при разрушениях во время войны, но и в результате прежних планировок.

Цели и задачи городского развития

Для того чтобы усилить структуру района Нойштадт и продолжить основательное дальнейшее развитие, необходимо объяснить многие вопросы:

- Что необходимо предпринять по отношению к неоднородному историко-культурному наследию?
 - Каков результат действия различных строительных структур (и общественных организаций)?
 - Каким образом мы можем вновь выявить потерянные черты?
 - Как мы можем найти новые функциональные требования по интеграции градостроительных структур?
- Какие транспортные, экономические, экологические, социальные, культурные и другие аспекты стоит учитывать при планировании района?

В проекте презентуются и обсуждаются актуальные планировки и проекты, показывающие то, как благодаря бережному обращению с существующими структурами удастся равным образом обнажить, соответственно восстановить исторические «следы» и как при этом возможно учитывать новые требования.

Сохранение или «переориентация» исторического наследия в Париже

текст
Кристоф Бель

Задачей Иркутска является сохранение фрагментов исторической застройки. Основная цель участников сессии не доказать необходимость сохранения деревянных домов, так как это уже было сделано, а предложить идею, которая бы соответствовала в равной мере как желаниям жителей, так и политиков. Пример, который я хотел бы привести взят не из энциклопедий о деревянном зодчестве, а из жизни. Вот как был сохранен склад в Париже, на берегу Сены одним девелопером.

Здание было не деревянное, а бетонное, но, несмотря на это, метод, который был применен там, может быть использован и в Иркутске.

Я хочу рассказать о новом, простом и эффективном методе, предложенном французским архитектором

Бернаром Решаном, он известен своим проектом реставрации Парка Ля Виллетт в Париже, а также многими другими работами.

Это концепция «переориентации». Что значит «переориентация»?

Эта концепция подразумевает, что можно провести параллель между формой (например, формой отдельного деревянного дома) и функцией (программой), которую вы хотите привнести.

В конце концов, нет никакой связи между семейным домом в прошлом и новой функцией, например, гостиницы, коммерческого центра или спа-салона!

Концепция «переориентации» меняет представление о современной архитектуре Луи Салливана, когда

«форма зависит от функции», на новое, согласно которому «функция зависит от формы». Функция должна соответствовать структурному каркасу и сохранять его.

Это дает нам возможность создать новое предназначение деревянным кварталам (№ 131 и № 132) в Иркутске в качестве жилья для студентов или пожилых людей, гостиницы или хостела, ресторана или экомuzeя и т.д. Эта программа в первую очередь должна быть принята муниципалитетом, и только после его решения есть возможность развить этот проект.

Вернемся к примеру склада «Пристань на Сене», который был построен в 1912 году. В то время администрация Парижа организовала конкурс между девелоперами и их архитекторами. Задача состояла в том, чтобы предложить не только архитектурные решения, но и программу и методы по разработке участка после строительства.

Наряду с конкурсом, администрация Парижа выкупила (по договору) здания у владельцев сроком на 60 лет, для того чтобы сдать их в пользование победителю конкурса на этот период. Конкурс имел успех. Он показал методы решения тех, кто хотел разрушить эти здания для строительства сада или оставить этот участок на берегу Сены свободным от построек.

Победителю не обязательно покупать землю, ему нужно только инвестировать средства в реабилитационный проект.

По крайней мере, этот пример показывает, что он может быть использован в любом другом крупном проекте по реабилитации. Удивительное месторасположение зданий дает много идей для новых проектов. Также мы должны взять во внимание формы объектов. В случае, о котором мы с вами говорим, архитекторы Джейкоб и Марк Фарлейн предложили специальное покрытие. Оно сохраняет изначальную структуру бетонных исторических памятников.

Сегодня новая Пристань на Сене это одна из возрожденных особенностей Парижа. Здание более не является складом, оно будет жить в течение 60 лет и функционировать как центр моды и дизайна.

Новые старые города

текст
Патрис де Рендинжер

Соглашусь со словами Ренцо Пьяно, который написал: «Новый город должен быть похож на старый». Все решения для новой жизни исторических центров известны, это уже не является проблемой экспертов или знания, единственная проблема – выбрать верное решение. В качестве примера приведу мой родной город Страсбург, который столкнулся с тремя проблемами.

Новое использование старых городов – это всегда большой вызов для политиков. Правительство избрано с целью быть внимательным к мнению населения.

В начале 70-х XX века мой отец руководил отделом градостроительства в Страсбурге (Франция) как вице-мэр города. После посещения Штутгарта (Германия) и знакомства с активно развивающейся пешеходной структурой города у него возникла идея создания первой пешеходной улицы в Страсбурге – улицы Ру де Дом. Главы торгового союза отказали в реализации данной идеи, опасаясь возможного ущерба для их бизнеса.

Мой отец решил, как это было сделано в Руане, реконструировать улицу Ру де Дом полностью. Работы длились семь месяцев, в течение этого периода ни одна машина не могла въехать на улицу. Все семь месяцев пешеходам приходилось ходить по свободным местам, пересекая канавы. После этого периода город решил открыть улицу для транспорта заново. Но торговцы отказали в этом решении. Количество покупателей, несмотря на неудобный путь к магазинам, возросло. Так родилась первая пешеходная улица. Пятнадцать лет спустя в Страсбурге было уже свыше трех гектаров пешеходного пространства, к настоящему времени цифра приближается к 4-м – это 12 километров пеше-

ходных улиц (4% от всех улиц города). В дневное время (с 10.00 до 20.00) на них нет ни одного частного автомобиля. Большие подземные и надземные автостоянки, где люди оставляют свои автомобили, находятся на границе этой пешеходной зоны. Обслуживающий автотранспорт имеет доступ только с 7 до 9 утра. Только автобусы, трамваи, такси, кареты скорой помощи, пожарные и полицейские машины пересекают эту территорию в часы открытия магазинов.

Аналогичная история с трамваями Страсбурга. Как и большинство французских городов, Страсбург стер со своих улиц последнюю трамвайную линию в начале 60-х. Тем временем Германия и Швейцария сохраняли трамвайные линии, имея значительное преимущество в градостроительном отношении. После победы в выборах мэра в 1989 году Катрин Траутман решила создать две резервные улицы с трамвайными линиями. Это решение разделило надвое зону частного транспорта на главных улицах. Разработки проекта велись в течение двух лет, конкурс шел шесть месяцев, а реализация длилась три года. В течение трех лет большая часть центрального района была закрыта для транспорта. Шел декабрь, выборы были назначены на март. Избиратели уже не отдавали свое предпочтение Катрин Траутман. Трамвайные линии открылись в начале декабря, в рождественский период. Резервные трамвайные линии наглядно продемонстрировали коммерческую привлекательность комфортабельных трамваев, движущихся в разы быстрее автомобилей, что увеличило число посетителей исторического центра в несколько раз. Таким образом, непопулярные

ранее трамваи стали успехом, и Катрин Траутман была триумфально избрана мэром на второй срок. Сейчас в Страсбурге пять трамвайных линий. Трамваи имеют значительный приоритет и являются наиболее быстрым способом проезда по городу. Автомобили не могут пересекать центр города и обязаны объезжать его с севера на юг и с востока на запад. Следующий шаг – это «трамвай-поезд» – связь плотнозаселенных районов в долине на юге с центром с помощью высокоскоростного общественного транспорта. Этот тип общественного транспорта будет иметь скорость и количество остановок, как у поезда, в качестве пути следования будут использоваться трамвайные линии. Новые транспортные проекты значительно снижают циркуляцию частного автомобильного транспорта и, кроме того, городское население. Два основных эффекта – общественное здоровье и чистые фасады зданий – позволяют достичь некоторой экономии.

Я слышал, что некоторые исторически ценные ветхие дома сжигаются с целью отведения площадки под застройку зданиями повышенной этажности. С аналогичной проблемой мы сталкиваемся в Крутенау, районе Страсбурга вблизи исторического центра. Инвесторы выкупили дома и постепенно превратили их в руины с целью замены на новую, более плотную застройку. По закону эти исторические здания в случае крайнего обветшания или обрушения, могли бы быть заменены только копией этих же зданий. Идентичное воссоздание копий стоило бы гораздо дороже, чем хорошая реставрация существующих зданий. В течение короткого периода времени со всех исторически ценных домов были сделаны точные чертежи и фотофиксации независимым бюро. Также, согласно закону о тройном налоге, вышедшему в начале XX века, владельцы домов были обязаны приводить в порядок или реставрировать здания каждые десять лет. Ежегодно комиссия проверяет состояние зданий. Если здание по прошествии десяти или более лет эксплуатации после последней чистки все еще находится в хорошем состоянии, проблем нет. В противном случае администрация выписывает требование владельцу реставрировать, почистить или обновить здание в течение трех лет. В случае отказа местные налоги для владельца участка, на котором находится здание, возрастают в три раза. В настоящее время Крутенау – чистый, привлекательный район с сотнями замечательных примеров местной архитектуры.

Эти три решения позволили Страсбургу стать высококлассным туристическим городом, привлекающим инвестиции со всего мира.

Эти решения поддерживаются серьезной и строгой политикой в отношении нахождения частного транспорта в историческом центре:

– Значительное снижение парковочных мест на улицах: в Страсбурге снижение достигло свыше 50% путем создания подземных и многоуровневых парковок.

– Дорогая и ограниченная по времени парковка на улицах городского центра: в Страсбурге стоимость 1 часа равна €1 и время ограничено двумя часами. Это позволяет избежать стоянки машин рабочих на улицах в течение всего дня. Эти места отводятся для посетителей магазинов. Например, дневной проездной билет на общественном транспорте стоит €2, семейный для трех человек – €3.5.

– Создание больших парковок вне центра вдоль трамвайных линий. В Страсбурге дневная парковка стоимостью €2 обеспечивает доступ каждого пассажира автомобиля в центр. Если в автомобиле четыре человека, стоимость дневной парковки €0,5.

– Создание отдельных велосипедных дорожек: Страсбург обеспечил более 580 километров велосипедных дорожек. Преимущество велосипедистов в том, что они могут въезжать на закрытые для частного транспорта улицы.

– Автоматические шлагбаумы, запрещающие въезд автомобилям. Эти шлагбаумы могут быть подняты местными жителями, имеющими гараж или парковочное место, магнитной картой на конкретные часы и обслуживающие сервисы в любые часы, что очень важно для жителей в пешеходных зонах. В противном случае они становятся пустынными и небезопасными ночью.

Эти решения требуют ясных и четких законов и наказаний нарушителей.

Например, водитель воспринимает резервную автобусную дорогу как закрытую для въезда. Это означает лишение водительских прав на шесть месяцев и штраф в размере €900.

Нелегальное строительство влечет приостановку строительной деятельности и требование суда снести здание и выплатить большой штраф (несколько тысяч евро).

Несколько политиков исполняют этот акт властей. Например, Алэн Жупе (Бордо, отдел Мирового Наследия ЮНЕСКО) или Ролан Рие (Страсбург). Подобная деятельность успешно способствует этим двум туристическим городам в уменьшении ущерба, наносимого кризисом.

Эти решения требуют эффективных связей, убедительного информирования горожан, их активного участия в принятии очередного шага.

Опыт показывает, что неопределенная политика приносит больше неудовлетворения, чем ясная политика. Даже если получается, что в ходе какого-либо решения кто-то остается неудовлетворенным. Хорошее решение, как, например, обоснованный отказ от проектных предписаний, может потерять один голос, но приобрести три на предстоящих выборах.

Перемещение и редизайн деревянных домов как локального ресурса

текст
Риичи Мияке

Япония только стабилизировалась после резких спадов и подъемов экономики в стране. Социальные цели горожан и правительства также претерпели некоторые изменения в пользу самоуправления с небольшим вмешательством государства. Темпы роста сегодня не такие быстрые, как в 1980-х, а это время характеризовалось огромными вложениями в землю и строительство.

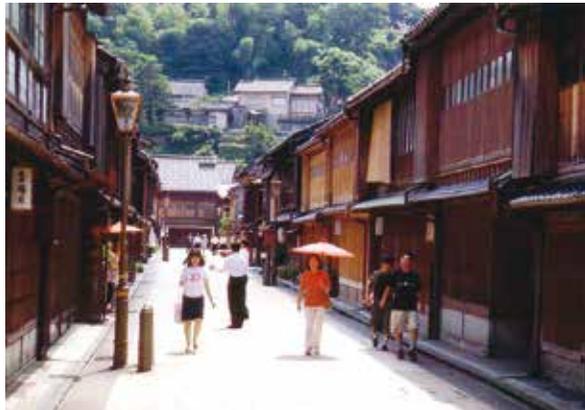
Япония – это страна с развитой жилой средой и инфраструктурой. Промышленность ориентирована скорее на программное обеспечение, нежели на аппаратное. Современный бизнес изменяет образ городов и деревянной застройки в частности. Именно этой проблеме и посвящен доклад.

Локальные ресурсы в Японии

Локальные ресурсы – это ключевой концепт в понимании новой тенденции к развитию местной промышленности. Рассматривая пример исторического города, локальные ресурсы можно найти везде: старые дома, храмы и монастыри, мосты и улицы, сады и деревья и т.д. Также очень интересен тот факт, что люди чаще всего обращают внимание на повседневные объекты, нежели на культурные ценности.

Исторические памятники находятся под жесткой охраной с момента появления этого понятия. Исторически значимые объекты, такие, как храмы и церкви, охраняются на административном уровне.

Конечно, составляющими городов могут быть не только памятники, но также и предметы повседневной жизни.

Полвека назад деревянные дома и кварталы с деревянными домами были вполне типичны и располагались на всей территории Японии, но, начиная с 60-х годов, большинство зданий строились из бетона и стали. Согласно данным, до 1945 года только 0,3% от общего количества зданий были деревянными. Тем не менее деревянная застройка существует и привлекает немало общественного интереса.

Неиспользуемые жилые помещения

В те годы население Японии достигло своего пика. С 2006 года показатели рождаемости понизились на 1,3%.

Проблема уменьшения количества жителей затронула как мегаполисы, так и небольшие города. Согласно исследованиям, проведенным Университетом Кэйо в 2000–2003 годах, количество неиспользуемых домов достигло 12% от общего числа.

В результате уменьшается социальная активность и способность к восстановлению после стихийных бедствий. В случае Токио, внутренняя часть города сформирована в форме буквы С, окруженная исторической зоной. Большая часть этих зданий была построена в начале XX века. Сегодня эти неиспользуемые дома рассматриваются в качестве локальных ресурсов и могут использоваться под ателье и картинные галереи. Но в действительности здания, отжившие свой век, в Японии не особо ценятся.

Старые деревянные дома в сельской местности

В сельской местности также можно наблюдать проблему неиспользуемых домов. Но ситуация здесь несколько сложнее. Расположение вдали от центра города провоцирует уменьшение населения в этой местности, а следовательно, и социальную активность.

В целом деревянная застройка в Японии отличается высоким качеством, благодаря лесным ресурсам страны. Деревообрабатывающая промышленность встречается практически везде. Люди не могут жить без такого материала, как дерево. Но, несмотря на это, в 60-х годах с появлением заводского изготовления, деревянные дома перестали высоко оцениваться.

Общее число деревянных домов (построенных до 1945 года) составляет 1,2 млн из 30 млн всех зданий в Японии. Коминки (традиционные дома) в основном принадлежат зрелым семьям, так как молодое поколение предпочитает жить в городской местности. В таком случае эти дома скорее всего будут разрушены.

Перенос коминков открывает новые возможности для развития бизнеса. В Японии эти традиционные дома переносились на новые места и продавались. Сегодня местными властями разрабатываются проекты по введению политики переноса зданий.

Город Ода

Ода находится в префектуре Шиман и является кандидатом на включение в Список мирового наследия ЮНЕСКО. Этот город также пострадал от проблемы уменьшения численности населения. Из 12 тыс. домов 2 700 – деревянные, 400 из них уже являются неиспользуемыми.

Университет Кэйо предложил ввести программу по переносу зданий в этом городе. Основная цель этой программы – создать «банк» традиционных домов.

Она уже действует на протяжении одного года. В качестве примера мы можем привести основание музея Японии во Франции, куда был перевезен традиционный дом коминка. В течение пяти лет этот метод будет применен к другим регионам и городам.

Перенос зданий – это новый метод разработки локальных ресурсов. Это удобная стратегия по борьбе с проблемой неиспользуемых жилых помещений.

Проект восстановления Бакчона – традиционной корейской деревни

текст
Жаз Ук Шонг

Во второй половине 1999 года совместными усилиями администрации города Сеула и горожанами были предприняты попытки по сохранению и восстановлению Бакчона – традиционной корейской деревни. К Проекту восстановления Бакчона было вновь привлечено внимание по требованию жителей на основании уже имеющего одноименного проекта, а также по учрежденному административному плану Центрального бизнес-округа города Сеула. Данный проект был сформулирован на основе официально утвержденного документа по восстановлению Бакчона, принятого в октябре 2000 года. В итоге на реализацию этого проекта было потрачено 844 миллиарда вон (52 миллиона евро) в период с 2001-го по 2004 год.

Бакчон является старейшим и престижнейшим жилым районом Сеула. Отчасти это обусловлено его геомантическими признаками: район расположен между двух дворцов, которые являются главными достопримечательностями Сеула. Не последнюю роль играют живописный ландшафт и естественное освещение. А за счет географических и геометрических особенностей местности (наклона с севера на юг) Бакчон обладает хорошей дренажной системой. По этой причине большое количество культурных фондов и исторических мест до сих пор расположены в Бакчоне. Это единственная в Сеуле традиционная корейская деревня, которая сохранила более 900 домов в корейском стиле (ханок).

В 1930-х годах число этих традиционных домов в Бакчоне стало резко сокращаться, но в начале 1980-х годов были приняты постановления о сохранении традиционных построек, однако в 1990-х эти постановления были отменены. Старые дома сносили, и на их месте стали строить новые здания со сложной архитектурой, поэтому первоначальный вид Бакчона претерпел сильные изменения. Но тем не менее Бакчон остается знаменитым историческим и культурным местом Сеула, так как в нем собрано множество исторических и культурных памятников, представлено наследие корейской культуры.

В 1980–1990-х годах Бакчон испытал на себе губительное последствие отмены постановлений о сохранении традиционных построек. Поэтому административная команда по планированию Центрального бизнес-округа выбрала новый ориентир работы, направленный на сохранение исторического, культурного центра Сеула, в том числе Бакчона. Это создавалось ради того, чтобы повысить конкурентоспособность и привлекательность ЦБО. Реализация этого проекта стала возможна за счет привлечения частных инвестиций. В то же время целью проекта было восстановить исторический пейзаж и жизненный дух традиционных корейских домов.

Жителям, добровольно проживавшим в традиционных домах, внесенных в официальный реестр, полагалась различная поддержка. Например, частичная компенсация средств, затраченных на ремонт здания, снижение налоговых ставок и другие преимущества. Однако существовали и фиксированные обязанности, такие, как запрет на переезд и строгое соблюдение архитектурного стиля жилища.

При перепланировке традиционного корейского здания в жилое помещение возмещалось 2/3 от суммы, затраченной на внешнюю отделку (максимальная сумма возмещения – 30 миллионов вон (18,500 евро)). При внутренней отделке возмещалась 1/3 от затраченной суммы (максимальная сумма – 20 миллионов вон (12,500 евро)). При реконструкции так называемого «открытого» типа корейских домов, внутрен-

ние и внешние работы оплачивались на 2/3 (максимальная сумма выплат – 30 миллионов вон (18,500 евро)) от затраченной стоимости реконструкции. В случае строительства нового дома, стилизованного под традиционный, покрывалась 1/3 (максимальная сумма – 40–60 миллионов вон (25–37 тыс. евро)) от общей суммы расходов.

Многие жители Бакчона и большинство экспертов считали, что исторический квартал мог бы развиваться в основном только за счет продажи домов в этой районе. Они настаивали на том, чтобы их мнение было принято во внимание администрацией города Сеула как руководство к действию. Однако эта идея имела конституционные ограничения, поэтому в отношении нее не могла быть принята соответствующая политика.

С момента зарождения идеи восстановления Бакчона прошло уже десять лет. За это время было официально зарегистрировано около 400 традиционных корейских домов. Еще более 300 домов СМИ относят к традиционным постройкам, хотя на самом деле это стилизованные под традиционные дома состоятельных граждан, а также «зеленые» дома.

Квартал традиционных корейских домов Бакчон имеет тройную выгоду. Он представляет собой культурную ценность в окружении живописного пейзажа, а также неоспоримые экономические преимущества. Квартал является экономически выгодным из-за возрастающего туристического потока, в который к тому же вовлечены местные жители. Все это в свою очередь развивает региональную экономику.

Между тем существуют и проблемы, требующие безотлагательного решения. Они заключаются в том, что все больше жилых помещений замещаются коммерческими, а экскурсии не вступают в конкуренцию с кафе, ресторанами, барами. Это в свою очередь приводит к росту цен на недвижимость. Местным жителям не так-то просто найти общий язык с вновь прибывшими арендаторами. Они постоянно выражают недовольство появившимися зонам парковки и разрушением естественной окружающей среды, которая нарушается строительством все новых и новых коммерческих центров. В большинстве своем это те люди, которые, как и их предки, просто хотят жить в своем родном городе.

Отрадно то, что Бакчон развивается как за счет привлечения иностранных туристов, так и за счет приезда местных жителей. Тем не менее необходимо принять меры по защите жилого пространства. Ведь нет сомнений в том, что Бакчон – это идеальное место как для прогулок, так и для жилья.

Из-за успеха Проекта восстановления Бакчона мэр Сеула заявил, что в рамках этой программы планируется охватить еще 4 500 домов в последующие 10 лет на период 2009–2018 годы.

Правительство собирается расширить рамки реализации проекта и охватить территории примыкающие к зоне традиционной корейской деревни по примеру Бакчона. Это планируется осуществить не только за счет сохранения традиционных домов, но и путем разработки новых моделей жилья.

Когда этот проект только запускался, многие сомневались в его успешном исходе. Даже архитекторы были настроены скептически, а местные жители и вовсе были против проекта, потому что думали, что это очередное ограничение и посягательство на частную жизнь. Однако за последние 10 лет, с тех пор как проект был запущен, Бакчон достиг неплохих результатов как в плане культуры и окружающей среды, так и в плане экономической целесообразности.

Центральное правительство собирается подготовить подходящие законы для традиционных корейских домов. В градостроительный план города, принятый в июне 2008 года, были включены сохранение и популяризация традиционных корейских жилищ. Другие корейские города пытаются применить у себя опыт Сеула, пытаясь тем самым извлечь экономическую выгоду.

Жилой дом должен способствовать высокому качеству жизни, быть удобным для проживания. Корейские традиционные дома, представ-

ляющие собой старый уклад жизни, являются примером того, как могут культура и современный образ жизни сосуществовать в гармонии друг с другом. Сохранение старых построек должно применяться лишь в случае проведения детальных исследований, основанных на практическом опыте, экономической целесообразности и технических сторонах реконструкции.

Если найти правильный баланс между «старым и новым», он приведет к успешной реконструкции Сеула в будущем.

Интервью с Жаэ Ук Шонгом

После окончания сессии Байкальского Зимнего градостроительного университета корреспондент ПБ Татьяна Чеботарева попросила Жаэ Ук Шонга, члена Комитета профессиональной практики Международного союза архитекторов, профессора кафедры архитектуры колледжа архитектуры при Данкукском университете, высказать свое мнение о нашем городе и его проблемах.

Жаэ Ук Шонг

Глядя на планировочную структуру Иркутска, можно сказать, что она основывается на сельском поселении. И вам удавалось сохранять эту структуру в течение довольно продолжительного времени. Кварталы вашего города очень большие, можно даже сказать, суперкварталы. И это естественно, поскольку типология сельского поселения представляет собой дом с двором. Это не сегодняшние современные городские кварталы с мегаструктурами, а большие по площади кварталы с очень малыми участками застройки, именно поэтому между домами много пространства. И это хорошо. Но современный образ жизни стремительно изменился, а эти дома остались такими, какими они были столетия или десятилетия назад. Они хорошие, интересные, характерные, но они не вписываются в современный стиль жизни в городе, и это серьезный конфликт. В других странах девелоперы занимают пространство между подобными кварталами и, сохраняя планировочную структуру, привлекают коммерческую активность на их улицы. Возможно, девелоперы даже жертвуют некими моментами планировочной структуры в пользу улучшения транспортной и инженерной ситуации.

Но здесь, в Иркутске, ситуация несколько иная из-за особенного географического положения и типологии местности – наличия холмов и обширных пространств, которые довольно неудобны для застройки. Именно благодаря этим условиям ландшафта склоны остались в большинстве своем свободными от застройки.

На прошедшей сессии Байкальского Зимнего градостроительного университета было сказано очень много слов о том, как сильно мы ценим, любим и уважаем свое наследие и должны его беречь, как важно сохранить старинные дома и планировку, но это очевидные вещи для каждой страны. Обсуждение этого не остановит разрушения. Везде восхищаются своим наследием, ценностью которого общепризнанна. И я несколько разочарован тем, как много говорилось о таких очевидных вещах и как мало обсуждался реальный механизм восстановления, улучшения и реконструкции. Что вы конкретно собираетесь делать, чтобы восстановить планировочную структуру и архитектуру так, чтобы она вписалась в новый ритм и образ городской жизни, чтобы привлечь коммерческую активность на улицы деревянных полуразрушенных кварталов? Как сочетать сохранение этих кварталов и жизнь в них в будущем?

Сейчас наша экономика не основывается на сельском хозяйстве, в большей степени она носит индустриальный и информационный характер. Больше транспорта, движения, информации. Вам необходимо новое пространство для новых целей и нужд и новое качество жизни в нем. И нужно торопиться, потому что ваши деревянные дома стремительно разрушаются и находятся сейчас в печальном состоянии. Дерево по своей природе нуждается в очень бережном обращении. Я не знаю, сколько платят за подобный уход за домами люди, которые там живут, или же они обязаны сами заниматься поддержанием своих домов в порядке, но сейчас отчетливо видно, что за домами вообще никто не следит. Очевидно, у вас не прописан четко этот механизм, раз он не работает. Но надо стимулировать людей заботиться о своих домах, способствовать осознанию престижа проживания

в исторической части города в зданиях, насчитывающих в своей истории не один десяток лет. Уровень улиц существенно поднялся, а фундамент ваших деревянных домов оседает с каждым десятилетием, многие дома осели настолько, что их окна наполовину под землей или сравнялись с ней. Значит, одна из самых насущных процедур – это усиление фундамента и поднятие дома до комфортной отметки. У дерева не очень долгая жизнь. В Корее мы сталкиваемся с подобными проблемами и относимся к ним с большой серьезностью. Самым древним деревянным домам в Корее не больше шести столетий, и мы очень трепетно следим за ними.

Городские власти, правительство должны поддерживать и инвестировать определенные средства в историческую среду. Вопросы сохранения и разрушения требуют чрезвычайно взвешенного подхода: что подлежит обязательному сохранению, что можно разрушить, как добавлять новое пространство? Как вводить в историческую структуру новые пространства и функции, какие материалы использовать, чтобы гармонизировать пространство и новую архитектуру с существующей? Должна быть разработана не только стратегия реконструкции, но и конкретная методика ее реализации. Люди будут рады использовать историческую структуру, и автоматически она станет привлекательной для инвесторов. Эти процессы – реконструкция и привлечение девелоперов, инвесторов – должны проходить параллельно. Важно сделать пространство привлекательным не только между историческими кварталами, но и в самих кварталах. Важно решить проблему разграничения личного и общественного пространства, ведь сейчас можно, идя по тротуару, разглядывать спальню или гостиную (что не намного лучше) в квартирах деревянных домов.

Очень сложная ситуация на данный момент, но Иркутск обладает богатой типологией ландшафта: три реки, красивые очертания берегов, холмы, на которых раскинулся город, панорамные виды – это все огромные преимущества, которые необходимо использовать в полной мере. Более того, Иркутск расположен в очень солнечном регионе. У вас даже зимой ясное синее небо. Не так много городов на планете обладают таким географическим потенциалом. И задача планировщиков, архитекторов, дизайнеров, художников – не только оценивать все эти преимущества, но и создавать на их основе видение города, яркий образ, который, на мой взгляд, у вас недостаточно развит, не отражена культурная индивидуальность Иркутска. Если вы не осознаете ценность того, что имеете, вы никогда не будете это использовать. Это новое видение города можно рассматривать как основу для создания нового качества градостроительной структуры, городских пространств, некоего градостроительного прототипа Иркутска. Мне кажется, очень хорошо, когда исторический центр совмещает в себе зону деловой и коммерческой активности с превосходной транспортной доступностью и тихие жилые кварталы и парки, где можно неспешно прогуливаться по тротуарам. Сейчас же вы просто игнорируете преимущества местности и исторические особенности города. Даже беглой экскурсией по городу было достаточно, чтобы убедиться, насколько остро у вас не хватает общественных открытых пространств, объединяющих городские части в единую структуру, пространств, ориентированных на горожанина, пешехода. В результате мы получаем город, которому не хватает жизненной силы, а пространству – человечности и ощущения комфорта. Кварталы № 130 и 131 в этом контексте могут стать примером организации жилых и общественных пространств.

Те результаты, которые мы получили по окончании сессии Зимнего университета, на мой взгляд, решены в очень общем ключе. И если даже рассматривать предложенные концепции, то им не хватает креативности и смелости, не хватает конкретных планировочных решений.

Символ Люцерна – исторический деревянный мост Капельбрюкке, возможно старейший деревянный мост в мире (1333 г.)

Деревянные ландшафты Швейцарии¹

102

текст и фото
Андрей Иванов

1. Впервые опубликовано в журнале «Архитектурный вестник», 2008, № 4. Автор благодарит инженера Якоба Штудхальтера за помощь в ознакомлении с новыми и старыми деревянными зданиями кантонов Люцерн, Цуг и Граубюнден.

Швейцарские пейзажи можно отнести к одним из самых возделанных в Европе. Особенности расселения и национального характера сформировали традицию тщательного поддержания ландшафта во всех его компонентах. Удивляет, однако, не столько это, сколько насыщенность среды деревянной архитектурой, старой и новой.

Швейцарская провинция, в особенности в альпийских предгорьях, поначалу напоминает отечественный музей деревянного зодчества – какие-нибудь Малые Карелы, только в очень хорошем состоянии. А присмотришься – это всё живое, всё используется и вовремя обновляется – от знаменитых мостов Люцерна до деревянного фонтана в попутной горной деревушке, увенчанного деревянной же двухвостой русалкой...

Древесина – один из немногих природных ресурсов, которым в изобилии располагает Швейцария. Но здесь,

в отличие от отечества, традиция массового деревянного строительства никогда не прерывалась.

Многие современные швейцарские архитекторы и инженеры прошли школу плотничества и столярничества. Так, Петер Цумтор – сын краснодеревщика, начавший свою карьеру с собственноручного изготовления мебели.

Дерево используется здесь сегодня достойно и мудро – с уважением к месту и традиции, со вниманием к чувственному восприятию обработанной вручную поверхности и, в то же время, смелыми инновациями.

Новая деревянная архитектура не кажется чем-то исключительным, естественно вписываясь в средовой контекст. Обновленные противопожарные нормы позволяют строить многоэтажные деревянные здания: я видел свежие 5-этажный офис и 6-этажный

Даже хай-тековский музей Пауля Клее Р. Пиано на окраине Берна выглядывает из-за старинного бревенчатого сарая

Курорт «Флимс». Деревянная среда

Курорт «Флимс».
Деревянная среда

Новая деревянная школа и многофункциональный центр в деревне Святой Петр. Архитектор К. Клавуо

Курорт «Флимс». Деревянная среда

Улитка на склоне.
Археологический музей
(укрытие для римских
руин) П. Цумтора в Хуре.
Фрагмент

многоквартирный жилой дом – первый в Швейцарии такой высоты. Жить и работать в деревянном здании здесь престижно и модно.

Ну а в сельском и межселенном ландшафте деревянные постройки просто преобладают. В туристически еще с позапрошлого века деревнях кантона Граубюнден, ныне фешенебельных горных курортах – гаражи, коровники, шале и новые роскошные виллы (вполне традиционного вида) – всё из дерева.

Фермеров называют здесь «садовниками ландшафта». Им трудно конкурировать с большими хозяйствами соседней Германии, поэтому государство поддерживает их необходимыми прямыми дотациями. Так удалось остановить исход людей из горных деревень, происшедший еще пару десятилетий назад. Результаты – не только модные био-продукты, но и усеянные деревянными сарайчиками горные склоны, где пасутся «самые красивые в мире» коровы швицкой породы. Качество этого ландшафта всесторонне: горный ручеек в деревушке с 90 жителями на высоте 1 700 метров закан-

чивается в решетке ливневой канализации – иначе размоет склон. А помогают в этом особые федеральные программы (например, Swiss Landscape Concept, один из принципов которой – экономическая активность, базируется на ландшафте и, следовательно, должна учитывать его ценности²) и специализированные общественные организации, такие, как Швейцарский ландшафтный фонд (FLS)³.

Деревянные здания вырастают здесь из ландшафта, а ландшафт – прорастает ими...

И еще одно наблюдение: человеческий масштаб ландшафта, сформированного во многом небольшими и разными рукодельными деревянными постройками, связан здесь с человеческим масштабом хозяйствования. 98% швейцарских фирм относятся к категории малого и среднего бизнеса, составляющего основу швейцарской экономики. Жить в старом (или новом) деревянном доме и работать на небольшом предприятии, расположенном тоже, все чаще, в деревянном здании, – швейцарская ландшафтоформирующая идиллия?

2. См.: www.landschaftskonzept.ch/e/_start.htm.
3. Фонд оказывает финансовую поддержку местным общинам по сохранению и реконструкции старых дорог и зданий, уходу за террасированными склонами, деревянными заборами и живыми изгородями, защите лугов от залесения и т.д. См.: www.fls-fsp.ch/deutsch.php.

Швейцарский ландшафт состоит из конкретных мест, подстроенных под определенных людей. Деревянный дом в «люцернском стиле» семьи Штудхальтеров, построенный в 1980-х годах на месте принадлежавшей им же мебельной фабрики в г. Хорв. Уже прочитывается будущее этого места – освобождение от реликтовых атрибутов индустриальной эпохи

Жилой многоквартирный дом «Хольцхаузен» в Штайнхузене (кантон Цуг). Архитектор Шайтлин-Сифриг и партнеры

Многофункциональное здание в Бааре (кантон Цуг). Архитектор М. Биглиотти. Арендаторы знают: здание деревянное, и поэтому большинство площадей еще незаконченного объекта уже сдано

Горная деревушка Тенна

Деревянная гостиница на острове Пасхи

текст
Екатерина Антипина

Отель «Explora Rapa Nui» расположен на холме Te Miro Oope, в Юго-Восточной части острова Рапа Нуи (Rapa Nui). Этот кусочек суши, тихоокеанская жемчужина, находится в трёх с половиной тысячах километров от американского континента, занесен в 1995 году ЮНЕСКО в список объектов исторического наследия, и мы его называем остров Пасхи.

Гостиница спроектирована чилийским архитектором Жозе Крузом Овалье (José Cruz Ovalle). В США этот проект получил свидетельство LEED – «Лидерство в энергетическом и экологическом проектировании».

Отель открылся в декабре 2007-го. Площадь застройки составляет 9,6 гектаров земли. До основного населенного центра острова 8 километров. Проект решен таким

образом, чтобы оказать минимальное воздействие на окружающую среду. Место выбрано на неподходящих для сельского хозяйства землях и в зоне, не представляющей археологической ценности. Флора, окружающая здание не повреждена и поддерживается в естественном своём состоянии. Камень для строительства использован местный, дерево же завезено с материка.

Объёмно-пространственное решение подчинено ландшафту Рапа Нуи (Rapa Nui) и видовым перспективам, открывающимся на Тихий океан. Учесть природный контекст позволило применение секционного типа застройки в оболочке криволинейных фасадов. Проект не предусматривает наличие главного входа, парадных или второстепенных сторон здания, он задуман таким

образом, чтобы с любой точки холма открывался вид на однородную пластику деревянных конструкций, объединенных плоской многоуровневой кровлей. Всего в гостинице 30 номеров, каждый из которых имеет удивительный вид на океан.

Автор проекта, известный своими крупными постройками в Латинской Америке, озвучивает схожесть принципов устройства оснований для бетонно-деревянных секций отеля и для каменных идолов Моаи, установленных на своих постаментах в 1200-х годах н.э. и являющихся основным культурно-историческим наследием острова. Принцип этот – в соотношении

«глухих» объемов здания к свободному пространству между его частями.

В интерьерах прослеживаются главные приемы для помещений в духе минимализма и функционализма: необработанный бетон со следами опалубки; протяженные гладкие поверхности; много «сырого» дерева; нарочитые узлы сочленений раскосов с горизонтальными прогонами кровли, которые виртуозно выполнены автором.

В любое время суток это статусное сооружение эффектно и гармонично преподносит себя сдержанным силуэтом и интригующей игрой света и тени, а также компоновкой пространства, в разной степени открытого глазу.

BAIKAL INTERNATIONAL
WINTER UNIVERSITY OF URBAN PLANNING
DESIGN

664074 Irkutsk, Russia | 83 Lermontova St. | ISTU K-124 | Tel./Fax (3952) 405-411 | ibuua@istu.edu | www.winteruni.com

Зимник-ХІ

Зимник-ХI

текст
Анастасия Нестерова

фото
Анастасия Потапова
Григорий Малечко

С 8 февраля в Иркутском государственном техническом университете начала свою работу 11-я сессия Международного Байкальского зимнего градостроительного университета по теме «Сохранение и реабилитация исторической деревянной городской среды». Зимний университет – это ежегодный градостроительный конкурс, участники которого – студенты и молодые специалисты из разных стран мира и городов России – разрабатывают решения актуальных и отнюдь не простых проблем Иркутска.

В этом году для участия в 11-й сессии прибыли градостроители, архитекторы, дизайнеры и экономисты из России, Германии, Франции, Великобритании, Италии, Ливана, Китая, Южной Кореи и Японии. Все участники привезли с собой домашние проекты, где на примерах своих стран они наглядно продемонстрировали разнообразие подходов и методов решения проблемы сохранения исторической среды и важность данной деятельности, поскольку историческая среда – это не только память, но и источник культурного, экономического, туристического и социального развития города. Специфика каждого проекта во многом отражала ментальность его автора. Например, строгое регламентирование процессов реставрации в немецких городах, традиционность работ из Японии и Китая, насыщение исторической части Бейрута

функциями, обеспечивающими активность данной территории 24 часа в сутки, выявление экономических преимуществ исторической среды, характерное для французских проектов. Общим для всех представленных работ являлось доказательство уникальности исторического архитектурного наследия каждой страны и необходимости сохранять и развивать его.

Кроме того, в рамках программы 11-й сессии Зимнего университета были запланированы ознакомительные экскурсии по городу и курс вводных лекций для участников. Профессора ИргТУ и приглашенные специалисты строили свои выступления так, чтобы у ребят сложи-

лось наиболее полное представление об особенностях проектной площадки и города как системы в целом.

Далее участникам предстояло ответственное, ключевое мероприятие – формирование междисциплинарных международных команд, в составе которых на примере 131-го и 133-го кварталов в течение двух с половиной недель они должны разработать оригинальные, современные концепции, включающие градостроительные, архитектурные, культурные, социальные и экономические решения для данных проектных площадок.

Первый результат – пять различных концепций – команды представили уже через два дня после начала работы. Основной идеей для всех предложений было сохранение истории, истоков, памяти, наследия. Представленные проекты вызвали неоднозначную реакцию среди членов жюри, каждая работа была критично оценена. После завершения просмотра презентаций участникам были даны профессиональные рекомендации по дальнейшему развитию концепций, некоторые комментарии жюри ввели молодых специалистов в заблуждение, другие, напротив, прояснили видение экспертами стратегии команд.

Вторая неделя 11-й сессии Зимнего университета стала самой важной и ответственной для участников, поскольку именно в течение этих пяти дней ребятам было необходимо наиболее полно, продуманно и многослойно раскрыть свои идеи. Методов и средств, а также подходов к решению поставленной задачи существует множество, каждый участник привез с собой опыт своей страны, и сложность этой недели заключалась именно в нахождении компромиссного, целостного, мудрого решения для исторических кварталов.

Рабочий процесс не прост – это и споры, и тупики, минуты полного отчаяния, и критика профессионалов, но тем не менее это увлекательнейшее взаимодействие разных культур, мнений, характеров. И от способности понимать друг друга зависела половина успеха команды. Нельзя было терять ни минуты, время летело очень быстро, близилось завершение 11-й сессии, необходимо было сочинить и разработать решение, отличное от остальных, творческое и идеальное с практической и экономической точки зрения.

Итогом 2-й презентации стало изменение масштаба работы, углубление и одновременно расширение аналитической и проектной деятельности, значительное приближение к конечной цели конкурса. Некоторым командам пришлось в корне поменять концепцию, другие же продолжили работу над первыми предложениями. На этот раз у экспертов появилась возможность реально оценить

уровень профессионализма участников, сформировать мнение о командах в целом, сделать предположение о том, кто же станет победителем. Однако в результате второго просмотра стало ясно, что все пять команд не уступают друг другу ни в профессионализме, ни в креативности, что сделало дальнейшую борьбу за первое место не только гораздо сложнее, но и интереснее.

После насыщенных и активных выходных у команд оставалось всего четыре дня на то, чтобы завершить работу над концепциями, найти доказательство уникальности своих предложений.

Финальному просмотру презентаций команд предшествовали напряженные трудовые дни и бессонные ночи. Итак, 26 февраля пять концептуальных проектов были представлены на строгий суд международного жюри, членами которого являются профессора ведущих университетов России, Германии, Франции, Болгарии, Японии и Южной Кореи, крупные специалисты в области архитектуры, градостроительства, дизайна, экономики и представители администрации города Иркутска. Каждой команде был отведен ровно час на презентацию проекта, в течение которого участники должны были убедить членов жюри в том, что их концепция является единственно верной, оригинальной и необходимой для центральных исторических кварталов города. Наибольшую сложность представляла не столько подача материала, сколько его защита и ответы на довольно непростые вопросы профессионалов. Однако и перед членами жюри стояла нелегкая задача – выбрать лучшую из пяти одинаково сильных и достойных команд.

Безусловно, каждый проект имел свои плюсы и минусы, достоинства и недостатки, ведь невозможно учесть все аспекты проблематики 11-й сессии и разработать решение, которое бы удовлетворяло всем требованиям времени и места. Тем не менее все представленные работы являются огромной ценностью для города, поскольку при их создании использован опыт разных стран, найдены компромиссы для жителей и администрации, решен конфликт между историей и современностью.

По итогам конкурса и закрытого голосования международного жюри была выбрана команда-победитель, чей проект дал наиболее полные, прагматичные и одновременно креативные ответы на поставленные вопросы. Трехнедельная работа завершилась награждением команды-победителя, выдачей сертификатов о повышении квалификации всем участникам и торжественной церемонией закрытия 11-й сессии Международного Байкальского зимнего градостроительного университета по теме «Сохранение и реабилитация исторической деревянной городской среды».

О целях и задачах XI сессии

текст
Марк Меерович

Центральная часть Иркутска, как и многих других городов России, застроена дореволюционной деревянной исторической застройкой. Как правило, это ветхое жилье, фактически трущобы. Эта застройка – огромная проблема Иркутска.

В техническом отношении (без воды, канализации, часто с полусгнившими стенами, провалившейся крышей) исторические деревянные дома представляют собой непригодные для жизни домостроения. Но, несмотря на это, в них вынуждены жить люди, которым в условиях дефицита жилья, некуда деваться.

И в то же самое время эти покосившиеся, вросшие в землю дома – самая большая культурная и художественная ценность – редчайшее историческое наследие, хранящее дух места и несущее образы прошлого. В Иркутске сегодня насчитывается около 730 деревянных памятников архитектуры федерального, регионального и местного значения.

Но кроме памятников, до нашего времени сохранился огромный массив деревянной исторической застройки (около 3 тыс. зданий), которая составляет средовой фон, художественное окружение памятников. Они, вместе с озелененными пространствами частных дворики, формируют непрерывную ткань исторической среды деревянного Иркутска. И памятники, и фоновая застройка несут уникальное декоративное убранство. Они материализуют историческую память, являются ресурсом самоидентификации жителей Иркутска и неоценимым потенциалом культурного наследия Сибири.

Конфликт «ценности» и «трущобности» ставит нас перед вопросом: что делать?

Совершенно ясно, что людей из ветхого жилья нужно переселять – современный человек не должен жить в таких условиях. Также вполне очевидно, что дальше эксплуатировать эти домостроения в том виде, в котором они находятся, невозможно.

Что должно появляться на их месте – многоэтажные новостройки из кирпича и бетона, малоэтажная плотная современная застройка из эффективных строительных материалов, коттеджи усадебного типа из клееного бруса и пеноблоков?

Или историческая среда должна быть восстановлена в своем прежнем виде – одно-, двухэтажных деревянных домов, в точности копирующих домостроения, стоящие на этом месте?

Какие решения должны быть приняты, чтобы не дать исчезнуть уникальной деревянной исторической город-

ской среде? Как добиться того, чтобы дорогостоящие работы по реконструкции и реставрации памятников деревянного зодчества стали инвестиционно привлекательными? Каким образом можно регламентировать процессы стихийного приспособления старых домов под современные нужды их владельцев? Как препятствовать искажению художественного облика исторически сложившейся среды? Каким образом можно направить инициативы населения, строительного бизнеса, инвесторов, городских властей на восстановление исторической среды, а не на ее уничтожение?

Какие принципы должны быть положены в основу сохранения и развития всего исторического центра Иркутска?

Проблема заключается в том, что сегодня в России отсутствуют подходы, позволяющие разрешить конфликт между требованиями сохранения крупных целостных фрагментов среды исторической деревянной застройки центров городов и стремлением строительного бизнеса застраивать эти центры новыми современными зданиями, реализующими те современные функции, которые сегодня востребованы. Реставрация и реконструкция памятников культурного наследия, восстановление исторической среды, не привлекают инвесторов, во-первых, высокой стоимостью работ, во-вторых, малой окупаемостью затрат и, в-третьих, несоответствием размеров исторических домостроений тем габаритам помещений, которые необходимы для разворачивания современного прибыльного человекоемкого бизнеса.

Цель сессии состоит в поиске пути создания инвестиционной привлекательности сохранения и развития исторической среды. В поиске подходов, позволяющих использовать богатый зарубежный опыт в очень специфических российских условиях.

Задачи, стоящие перед участниками: на примере Иркутска необходимо представить концепцию и, основанный на ней, комплекс конкретных мер по сохранению крупных целостных фрагментов среды исторической деревянной застройки. Предложить проектные решения, способные сделать эти работы привлекательными для частных инвесторов и местной власти. Выработать подходы, воплощающие передовой европейский опыт, но при этом соответствующие российским условиям и поэтому применимые к работам по восстановлению исторической деревянной застройки центров других российских городов.

Уроки Иркутска

текст
Сергей Сена

В Иркутске в XI раз прошла сессия Международного Байкальского зимнего градостроительного университета (МБЗГУ). Не похожий ни на один другой в России (и не только в ней) центр повышения квалификации «разменял второй десяток»... И самое время понять, «для чего он существует и работает»...

Удивительный состав участников университета в Иркутске уже никого не удивляет. Европа традиционно представлена, помимо хозяев, французами (МБЗГУ использует методику Летних мастерских Европейского университета градостроительства г. Сержи-Понтуаза), немцами и англичанами. Восточное географическое положение Иркутска притягивает соседей из

Монголии, Кореи, Японии и Китая. В разные годы к работе присоединяются студенты и специалисты из Ливана, Канады, Италии...

Участники Университета (а их правильно называть именно так) делятся на студентов (обучающихся) и международных экспертов (они же – члены международного жюри). Некоторые из экспертов читают лекции, иные ведут мастер-классы... Им помогают ассистенты – сами в недавнем прошлом выпускники МБЗГУ. Студенты объединяются в международные многоотраслевые проектные команды, которые в течение трёх недель работают над заданной темой и в конце выдают дипломный проект, весь «сотканный» из нестандартных идей и предложе-

ний, этим и ценный для иркутян: на ключевую проблему сессии смотрят со стороны 30–40 пар глаз...

Однако мы не задались целью описать методику работы МБЗГУ. Об этом уже немало написано весьма авторитетными специалистами. Гораздо важнее найти ответ на вопрос, является ли МБЗГУ просто красивым «междусобойчиком» крупных профессионалов в области градостроительства, передающих свой опыт молодёжи (что само по себе достойное занятие), или его значение выходит далеко за рамки узкопрофессионального круга и, в принципе, способно повлиять на ситуацию в обществе? Что это – учебное заведение или социальный «проект» (вот так, именно «проект», через «Э», чтобы отличать его от «проекта» – набора чертежей)?

Думается, что когда в далёком 1999 году проходила первая сессия МБЗГУ, в создании которого приняли деятельное участие власти Иркутска и Иркутской области, никто всерьёз не думал, что он может иметь именно общественное значение. Участие властей, конечно, придало Университету импульс развития. Присутствие представителей областной и городской власти на мероприятиях МБЗГУ придало последнему «официальности», но не официоза. А вот воспользовалась ли сама власть шансом показаться просвещённой, как этим воспользовалась Екатерина Великая, приглашая выдающихся учёных Европы в Россию? Пока нет.

Россия много лет в безуспешных поисках «национальной идеи» (хотя такая идея – «чтоб гражданам страны жилось хорошо» – лежит на поверхности). Каждый субъект Российской Федерации находится в поисках самоидентификации. Региональные правительства всюду ищут её, используя модное слово «бренд», и постоянно проскакивают мимо, не понимая, что вот он этот «бренд» и есть. Только подними его. В Иркутской области таким «брендом» (среди таких всем известных, как Байкал, омуль, Ангара, декабристы, Вампилов, Валентин Распутин, Кругобайкальская железная дорога, Братская ГЭС...), безусловно, является и МБЗГУ.

Вообще образовательная деятельность и всё, что вокруг неё происходит, может стать мощным фактором регионального развития. Есть удивительный факт. Как известно, наибольшее число нобелевских лауреатов миру дали Соединённые Штаты Америки. А в США наибольшее число нобелевских лауреатов – выходцы из какого университета? Нет, не Стэнфордского, не Беркли и не из Массачусетса... Из Санта-Барбары! А вы, небось, ассоциируете Санта-Барбару только с одноимённым сериалом и его богатенькими героями... Так ведь они потому-то и «богатенькие», что живут в Санта-Барбаре – городе университетской науки!

Многие десятилетия архитекторы-градостроители – как своеобразная «каста» – стояли над обществом, и

даже архитектурно-градостроительные чиновники во властной обойме, как правило, стояли особняком. Ведь можно, не имея специального образования, возглавлять комитеты, департаменты и отделы по жилищно-коммунальному хозяйству, торговле, промышленности, энергетике, социальной защите населения. Можно возглавлять комитеты по образованию, ни одного дня не проведя в школе или вузе. Можно возглавлять комитет по охране культурного наследия с базовой специальностью «врач-рентгенолог»... Но вот быть главным архитектором, отвечающим за градостроительную политику, не имея специального образования и, самое главное, не совершенствуя его – сегодня невозможно: тут же будешь разоблачён профессиональным цехом.

Но градостроительство (урбанистика) – это наука и практическая деятельность, которые почти двадцать лет находились в России в опале (или на обочине – кому как больше нравится). Ещё немного, и мы оказались бы в ситуации, когда некому было бы передавать свои знания и опыт молодым специалистам. При этом случилась ещё одна беда: к власти в регионах пришли политики (хотя, честно говоря, язык их политиками называть не поворачивается), которые ничего вообще не смыслят в градостроительной деятельности, чему немало способствует Градостроительный кодекс, сочинённый, главным образом, юристами, без участия практиковавших градостроителей.

И вот судьба дала Иркутску (а вместе с ним и другим городам, из которых на Международный Байкальский зимний градостроительный университет приезжают участники – студенты и эксперты) шанс первому вернуться к цивилизованной деятельности в сфере градостроительного развития – основе социально-экономического, культурного и экологического благополучия. Для этого нужно не так уж и много: заинтересованное участие первых лиц города и региона (в том числе и в качестве обучаемых), тесное общение в рамках каждого проекта с населением и предпринимателями, широкое освещение в СМИ деятельности МБЗГУ в целом и его отдельных участников в частности.

Международный Байкальский зимний градостроительный университет, помимо своей прямой образовательной функции, как уникальная, достойная для распространения форма общения профессионалов с властью, бизнесом и населением, конечно, мог бы в режиме «пожарной команды» находить подходы к решению региональных задач, формировал бы «банки идей». Эти идеи могли бы брать «на вооружение» представители власти, пытающиеся конкурировать между собой партии... Но главное – не это. Главное, это возможность в учебно-игровой форме сблизить... не позиции. Нет! Языки, на которых и говорят сегодня градостроители, власть, бизнес и население. Говорят... но пока не понимают друг друга.

КОМАНДА С

Победитель Международного Байкальского зимнего градостроительного университета – 2010

1. Анастасия Кашеева – архитектор, ИргТУ, Иркутск, Россия
2. Эндрю Прингл – ландшафтный архитектор, Университет Эдинбурга, Шотландия
3. Михаил Шишкин – архитектор, ИргТУ, Иркутск, Россия
4. Мари-Эли-Абул-Наср – экономист-урбанист, ЭССЕК, Париж, Франция
5. Елена Слободчикова – архитектор, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
6. Самер Эль Хаек – архитектор, Университет Касилика, Ливан

Иркутск – это дерево, которому 350 лет. Это дерево очень старое. Своими могучими корнями оно вросло в сибирскую землю, создав довольно крепкую систему. Эту систему нужно хранить и оберегать. Разрушив одну из ее частей, можно погубить все дерево.

А зачем иркутянам бесплодное дерево?

«Нужно заботиться о корнях дерева, чтобы оно приносило плоды» – наша идея не является новой, но она лежит в основе развития многих великих и процветающих городов во всем мире. Сохраняя уникальные исторические черты, памятники и архитектурную среду Иркутска мы обеспечиваем будущий рост, успех и процветание города.

Законопроект

Законопроект по «зоне охраны сооружений и среды» защищает интересы людей, живущих в районе, и его будущее развитие.

Законопроект будет использоваться Комитетом в регулировании процессов реабилитации, сохранения и развития районов № 131 и 133. Данный документ не является конечным и может быть дополнен и детализирован экспертами. Документ создан для использования на уровне общности. Похожий документ будет создан муниципальными и региональными властями для всей «зоны охраны».

Введение: декларация о правилах

Комитет по восстановлению, сохранению и развитию районов № 131 и 133 объявляет, что следующий документ имеет свой кодекс норм поведения. Все члены Комитета должны подписать этот документ и полностью принять его правила основания. Вся работа и решения должны происходить от инструкций существующего

документа, и этот документ должен быть открытым и доступным для широкой публики.

Ниже даны основные правила, которые сформулировали авторы следующего документа. Они определяют суть Комитета и его долгосрочные цели.

1. Сооружения

1.1. Каждый дом должен обладать надлежащими условиями жизни и доступом к основным услугам, а именно, к воде, канализации и электричеству.

1.2. Строительство новых сооружений должно быть в соответствии с пунктами, определенными в существующем документе (это касается внешнего облика зданий).

2. Окружающая среда

2.1. Район должен быть защищен от несоответствующего и негативного вторжения. Список типов таких вторжений включает в себя: чуждые постройки, нелегальные транспортные маршруты, опасные действия и все другие вторжения, определенные Комитетом.

2.2. Существующий документ также определит соответствующие инструкции для сохранения и обслуживания исторической и традиционной окружающей среды района, такие, как зеленые зоны и общественные места.

3. Средне- и долгосрочные цели:

3.1. Районы будут нести преимущественно жилую функцию. Частные инвесторы могут прийти в район, но все их действия должны быть в соответствии с существующим документом.

3.2. Район может и должен быть многофункциональным. Цель комитета состоит в том, чтобы обеспечить и гарантировать это развитие в гармонии с исторической и традиционной средой района.

3.3. Комитет будет иметь право и обязательство делать крупномасштабные предложения муниципалитету при возникновении конфликтов, которые будут угрожать целостности района.

Регламент (правила)

Следующие правила обращаются к существующим и будущим постройкам в районе. Всякие изменения в существующих сооружениях и планы будущего строительства должны быть одобрены Комитетом. Комитет имеет право запретить реализацию определенных проектов до тех пор, пока не будет получено разрешение вышестоящих органов.

4. Материалы

4.1. Наружный облик настоящих и будущих строений должен быть выполнен из дерева и камня.

4.2. Все здания должны быть защищены от пожаров с помощью брандмауэров.

5. Цветовые решения:

5.1. Разрешенные цветовые решения определены в приложениях. Альтернативные решения по цветовой гамме будут допускаться, но в том случае, если они гармонично вписываются и не портят окружающую среду.

6. Фасады:

6.1. Резьба и декоративные фасады будут сохранены.

6.2. Двери, окна и другие элементы фасада должны быть использованы в соответствии с исторической в соответствии с исторической и традиционной природой района. Фасады не должны быть испорчены прочими материалами, если эти материалы используются негармонично.

7. Изоляция:

7.1. Строения по высоте должны быть не более трех этажей, исключая цокольный этаж, и никогда не превышать высоту церквей в районе.

7.2. Пристройки к существующим строениям и надворные постройки не должны портить главные строения, а также историческую и традиционную среду района.

7.3. Надворные постройки сохраняются при существующем их использовании. Они могут быть убраны, если это в интересах людей.

8. Крыши:

8.1. Углы крыши должны быть между 20–45%.

9. Ограждения и ворота:

9.1. Все ограждения (заборы) должны быть сделаны из дерева и должны соответствовать одобренному цветовому решению. Высота не должна быть выше 1–2 метров.

10. Обслуживание:

10.1. Все жилые сооружения должны иметь внутреннее водоснабжение (горячее и холодное) и связь с городской канализационной системой. Все жилые сооружения должны иметь условия для установки внутренних туалетов и ванных комнат.

10.2. Все жилые здания должны снабжаться электричеством.

10.3. Все коммуникации должны располагаться под землей и проходить под дорогами и общественными территориями. Они будут содержаться муниципалитетом.

11. Отходы:

11.1. Площадь для удаления отходов должна быть в пропорциональном отношении не менее 1:5 от площади всего двора.

11.2. Места для удаления мусора должны быть зафиксированы на определенной территории.

Материал, материал из которого будут сделаны такие блоки – дерево.

11.3. Свалка мусора запрещена и наказывается штрафом

12. Городской пейзаж и зеленые насаждения:

12.1. Главные пешеходные дороги и маршруты должны освещаться.

12.2. Частное освещение должно быть соответствующим.

12.3. Муниципалитет ответственен за содержание зеленых насаждений на общественных территориях.

12.4. Деревья должны быть защищены. Перед удалением или сокращением деревьев нужно представить разрешение от Комитета.

12.5. Любые изменения или дополнения на общественной территории должны следовать правилам по использованию материалов, стилю, масштабу и характеру района и должны быть одобрены Комитетом.

13. Функции:

13.1. Любое изменение жилой функции зданий не должно оказывать влияние на внешний облик, особенно использование рекламы и других обозначений. Все обозначения и реклама должны подчиняться правилам относительно материалов, размера, цвета, освещения и т.д. Несоответствующие функции запрещены: незаконная деятельность, тяжелая промышленность, загрязняющие действия и т. д.

14. Содержание:

14.1. Все постройки должны осматриваться каждые 5 лет экспертами, назначенными и одобренными Комитетом.

14.2. Все соответствующее и одобренное содержание и поддержание выполняется ответственными людьми, именуемыми собственниками. Общественные территории должны поддерживаться муниципалитетом.

14.3. Коллективные собственники также ответственны за свои участки и все постройки, находящиеся на

этих участках. Они также ответственны за содержание земли, ландшафт и ограждения.

14.4. Все сооружения должны подчиняться текущим строительным нормам и правилам

Take Care of the Roots and the Tree Will Bear Fruit

The infographic is titled "Take Care of the Roots and the Tree Will Bear Fruit" and features a central tree illustration. It is divided into several sections:

- Top Left:** A circular diagram titled "HERITAGE AS A LONG TERM INVESTMENT" with four quadrants: "Public investment in urban infrastructure", "Subsidized investment", "Private investment", and "Investment in infrastructure and neighborhood development".
- Top Right:** Text about Irkutsk: "Irkutsk is a 350 year old Siberian tree. Over the years its mighty roots have spread deep into the icy earth and created the complex underground system necessary to its survival. Should a single part of this system be destroyed, the tree's very existence is in peril. And without these roots, there is no way the tree can blossom or bear fruit." Below this is the question: "What would the people of Irkutsk do with a barren tree?"
- Middle Left:** Two maps showing urban layout and infrastructure.
- Middle Right:** A flowchart showing the process from "Public investment" to "Private investment" and "Subsidized investment", leading to "Investment in infrastructure and neighborhood development".
- Bottom Left:** Three architectural plans showing building footprints and street layouts.
- Bottom Center:** A large architectural drawing of a building facade with a red roof and a street view below it.
- Bottom Right:** A diagram titled "Legislation in practice" showing a flow from "Legislation" to "Implementation" and "Monitoring".

КОМАНДА А

второе призовое место в Международном Байкальском зимнем градостроительном университете – 2010

1. Светлана Картопольцева – архитектор, ИрГТУ, Иркутск, Россия
2. Анна Фогель – архитектор, Технический университет Дрездена, Германия
3. Ольга Копытина – архитектор, ВолгГАСУ, Институт архитектуры и строительства, Волгоград, Россия
4. Жулиана Варней – экономист-урбанист, ЭССЕК, Париж, Франция
5. Канг Йонгсу – архитектор, Университет архитектуры и градостроительства, Сеул, Южная Корея
6. Шиничи Озаки – архитектор, Университет Кумамото, Япония

Когда вы не говорите на одном языке, вы трудно понимаете своего собеседника. Вы нуждаетесь в хорошем переводчике, чтобы разделить ваши идеи с другими людьми.

Старые деревянные здания в Иркутске в настоящее время действительно неправильно истолковываются жителями этого города, поскольку их язык стар и таинственен. В настоящее время мы говорим на другом языке, и поэтому наш современный мир не видит и не чувствует красоту этой территории.

Язык изменился во всех областях, которые мы затрагиваем в нашем проекте: окружающая среда, архитектура, экономика и урбанизм. Мы хотим перевести, транслировать старые символы и криптограммы, чтобы сделать жителей и туристов понимающими и затем полностью взглянуть на деревянные здания и воспринять их. Поэтому главные идеи нашей работы:

«Соседская община»

Какую ценность представляет эта территория?

Для того чтобы выявить особый характер нашего проекта, мы выявили особые уникальные черты данной территории, которые делают ее уникальной.

4 главных элемента: зеленые пространства, история, культура и архитектурные объекты.

I. ЛАНДШАФТ

Прежде всего, сохранение уникального ландшафта по направлению к Входу-Иерусалимской церкви и зеленых насаждений вдоль улицы Коммунаров. Разделение пешеходных зон «зелеными стенами».

II. КУЛЬТУРА

Проектная площадка окружена культурными пространствами: Входом-Иерусалимская и Крестовоздвиженская церкви, театр. Создание общественного пространства

в этой зоне направлено на привлечение всех жителей исторического центра, не только жителей данного блока.

ЭЛЕМЕНТЫ БЛАГОУСТРОЙСТВА

Возможно создание «гибкой» мебели, способной изменяться в соответствии с изменением функции пространства, всевозможные скамейки, клумбы и места отдыха.

ОБЩЕСТВО

Как сделать жителей ответственными за общественные пространства? Необходимо не просто создать их, но объединить людей общими интересами, создание детских садов, зон отдыха, игровых площадок для детей в каждом жилом блоке или объединении блоков. Таким образом будет усилена также идентификация жилых ячеек, что усилит связи не только владельцев со своим собственным домом, но в целом изменит взаимодействие всех компонентов жилой ячейки.

III. ИСТОРИЯ

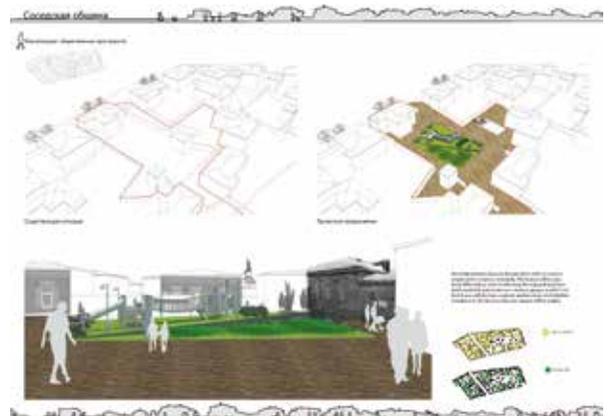
Для того чтобы понять свое настоящее, нужно прежде всего знать свою историю. При уважении к существующей исторической среде мы понимаем, какие изменения допустимы для усовершенствования района и приспособления к новой современной жизни.

ОГРАЖДЕНИЯ

Ограждения не только разделяют жилые блоки на индивидуальные владения, но и образцы искусной ручной работы, хранящие исторический облик и атмосферу всего жилого комплекса. Мы стремимся сохранить эту атмосферу, но допускаем введение новых ограждений из материалов, не противоречащих историческому контексту.

IV. АРХИТЕКТУРА

Ценность зданий в целом подразделяется на несколько уровней, первый и наиболее значимый – это декоративная резьба, придающая неповторимый облик, также практически каждый архитектурный элемент одновременно является элементом ландшафтного комплекса, и наконец, показывает исторический уклад жизни в этом архитектурном комплексе.

View of the pedestrians way to the common space

View of historical houses with extensions

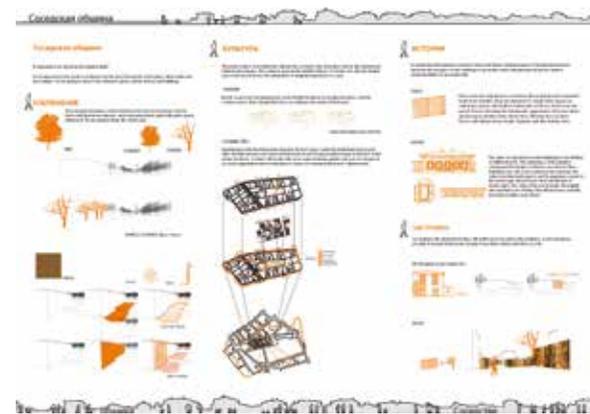
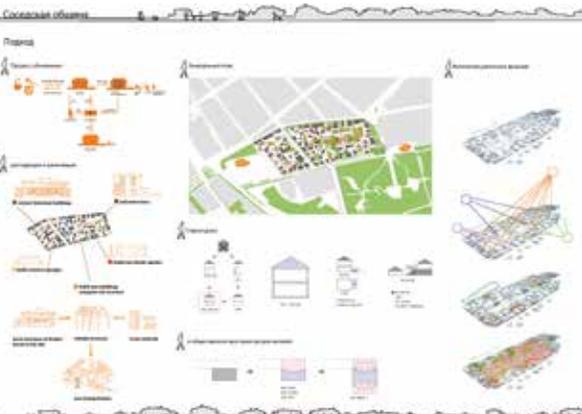
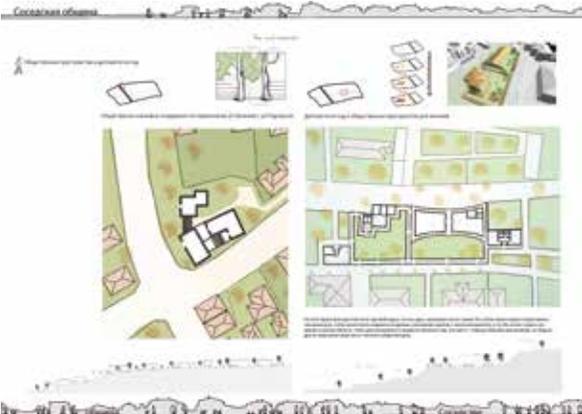

View at the top of the stair case

View in the common space

Это главный элемент обеспечения привлекательности среды жителей в городе. На этом пути необходимо создать коридоры и точки, которые позволят людям взаимодействовать друг с другом и с окружающей средой. Кроме того, в общественных пространствах все эти моменты создают благоприятную историческую атмосферу.

КОМАНДА Д

1. Дарья Кульتيкова – архитектор, ИрГТУ, Иркутск, Россия
2. Елена Маркова – архитектор, УралГАХА, Екатеринбург, Россия
3. Ким Даеван – архитектор, Университет архитектуры и градостроительства, Сеул, Южная Корея
4. Клотильда Дюран – экономист, урбанист, ЭССЕК, Париж, Франция
5. Дарья Миссилина – архитектор, ВолГАСУ, Институт архитектуры и строительства, Волгоград, Россия
6. Мелани Саламех – архитектор, Университет Касилика, Ливан

«Непрерывность, преемственность»

Первый (исторический) вариант деления кварталов № 131 и 133 был вполне четко организован, поэтому участки легко читаются. Однако развитие квартала не контролировалось, и, как результат, в настоящее время участки разделены нерегулярно. Тем не менее большинство из существующих зданий исторические и не изменены с конца XIX века...

Основная задача нашего проекта – сохранить память города и обеспечить его устойчивость: необходимо защищать историческое и культурное наследие кварталов № 131 и 133, а также рассматривать развитие этих кварталов в развитии всего городского центра, открыть квартал для окружающей застройки и приспособить кварталы к современной жизни. Таким образом, имидж (образ) территории может быть усовершенствован. Мы хотим достичь того, чтобы кварталы взаимодействовали с их окружением. Поэтому наша концепция – непрерывность города в этих кварталах, во времени и пространстве.

Социальная непрерывность: подходы к территории и пешеходная доступность внутри.

Наша задача – организовать входы на территорию и пешеходные связи в ее пределах. Поэтому мы предлагаем “traffic calming” (улицу спокойного движения) по Подгорной улице, чтобы дать возможность пешеходам попадать на территорию. Чтобы достичь той же цели, пешеходная зона по улице Грязнова будет расширена, и частные дорожки будут изменены в дорожки общественного движения, которые будут вести к общественным пространствам внутри квартала. Таким образом, социальные связи могут быть построены внутри квартала.

Историческая непрерывность: развитие улицы Грязнова

На первом этапе нашего проекта мы предлагаем непрерывность и развитие исторической оси по

улице Грязнова, которая имеет большую культурную ценность. Чтобы сделать эту улицу комфортной и привлекательной для гостей, мы предлагаем: сделать улицу Грязнова с односторонним движением и расширить пешеходные пути; реставрировать исторические здания, базируясь на строгих регламентах; разместить информационные стенды об истории деревянной архитектуры (данного квартала) вдоль улицы; создать систему общественного сервиса: места для сидения, общественные туалеты, телефоны, Интернет, терминалы и т. д. Таким образом, мы сможем развить систему непрерывности для отдыха в городском центре и улучшить внешний облик района.

Коммерческая непрерывность: магазины по периметру территории

Мы предлагаем создать непрерывность функции коммерческой зоны в окружении: периметр кварталов будет главным образом коммерческим, чтобы оживить квартал, привлекая горожан, которые предпочитают посетить магазин поблизости. Мы предлагаем устроить маленькие магазины (бакалейные лавки, книжные магазины, кафе...), которые можно разместить в деревянных домах. Кроме того, эта коммерческая область может улучшить жилищные условия жителей кварталов, они смогут найти там все, что им будет необходимо в повседневной жизни. Что касается реставрации зданий, находящихся под защитой государства, будут применены регламенты по сохранению формы, стиля и габаритов здания.

Остальная территория будет главным образом состоять из частных жилых домов, чтобы сохранить зону исторической непрерывности. Тем не менее это жилье необходимо адаптировать к современной жизни. Поэтому мы предлагаем сделать пристройки, чтобы каждый дом обеспечить туалетами и снабдить системой водоснабжения.

Чтобы финансировать это нововведение, муниципалитет может использовать часть налогов на прибыль коммерческих организаций для того, чтобы выделить финансовую помощь через процесс обмена: муниципалитет предоставляет жителям финансовую помощь, но взамен использует дорожки на территории частной собственности для общественного использования жителями квартала. Этот беспроигрышный вариант для всех участников процесса модернизирует район и, вследствие этого, улучшит условия проживания жителей и повысит стоимость домов и земельных участков.

Устойчивость

Чтобы сохранить память города в будущем, устойчивость будет основой проекта.

Мы будем использовать натуральные ресурсы (солнце и воду, дождь и снег), чтобы производить энергию для жителей. Например, прежние сооружения туалетов будут сохранены, но будут использоваться для таких целей, как водозаборы или солнечные панели, которые будут соединены с жилыми зданиями. Тем не менее новые здания будут построены по специальным стандартам. Регулирование этих стандартов (альтернативная энергия, специальные материалы...) будут применены для строительства новых зданий.

Первый (исторический) вариант деления кварталов 131 и 133 был вполне четко организован, поэтому участки легко читаются. Однако развитие квартала не контролировалось и, как результат, в настоящее время участки разделены нерегулярно. Тем не менее, большинство из существующих зданий исторические и не изменены с конца 19 века.

HISTORICAL STUDY

TEAM D

CONTINUITY for a MEMORY

Andreas Schmitt · © Christian Reinhard · © Elena Markova · © Darya Moshina · © Dariahina Ewa · © Darya Reibikov

CONCEPT

TEAM D
CONTINUITY for a MEMORY

WALKABILITY

TEAM D
CONTINUITY for a MEMORY

HISTORICAL CONTINUITY

TEAM D
CONTINUITY for a MEMORY

COMMERCIAL CONTINUITY

TEAM D
CONTINUITY for a MEMORY

КОМАНДА Б

1. Андрей Макаров – архитектор, ИргТУ, Иркутск, Россия
2. Екатерина Кротова – архитектор, УралГАХА, Екатеринбург, Россия
3. Линджи Ванг – дизайнер, Университет Метца (Франция), Шанхай, Китай
4. Надеж Адонез – экономист-урбанист, ЭССЕК, Париж, Франция
5. Валерия Мецкер – архитектор, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
6. Чо Йонг Сан – архитектор, Университет архитектуры и градостроительства, Сеул, Южная Корея

«Комбинируй новую жизнь»

Анализ

Рассматриваемые кварталы находятся недалеко от центра города. Они полностью состоят из деревянных домов, имеющих важное историческое значение для города. Кварталы удачно расположены между двумя церквями, городским центром, культурной зоной и парком. Но несмотря на удачное расположение, внутри квартала имеется много проблем.

Ветхие дома и постройки

Существующие здания сейчас в очень плохом состоянии. Им необходима реставрация. Они были построены на непрочном фундаменте, поэтому многие из них постепенно оседают.

Низкий уровень жизни

Сейчас жители квартала вынуждены жить в очень плохих условиях. В домах нет водопровода, туалеты находятся на улице без отопления, водопровода, канализации. Отсутствие стоков также загрязняет воздух, особенно летом. Отсутствие системы ливневой канализации на улицах ведет к появлению большого количества грязи и луж, когда идет дождь и снег.

Неудобная планировка

В квартале много нежилых построек, таких, как склады, сараи или туалеты. Эти постройки портят вид и делают планировку блока очень запутанной. Также были сильно изменены границы участков, жителям приходится делить один участок на несколько семей. Эти общественные пространства используют как сады или проезды к домам, но у них нет ни одного владельца, поэтому они не используются рационально и находятся в очень плохой форме.

Затрудненный доступ к участкам внутри квартала

Из-за нерациональной планировки проезды к домам внутри квартала сейчас очень затруднены. Многие дороги ведут в никуда, невозможен автомобильный проезд к домам, потому как движение по автомобильной улице Грязнова практически невозможно (она слишком узкая и расположена на крутом склоне).

Концепция и новая структура квартала

Реорганизация структуры квартала. Определяя новые границы участков внутри квартала, мы улучшаем доступ к кварталу, создаем индивидуальные проезды к каждому дому, увеличиваем зеленую зону и закладываем основу для проведения всех необходимых коммуникаций.

Мы хотим сохранить историческую структуру каждой ячейки. Традиционная ячейка состояла из дома, сада и забора. Вот почему мы решили немного изменить границы участков в соответствии со схемой планировки начала 20 века.

Так как ко всем домам будут проведены водопровод и канализация, мы решили убрать все ненужные туалеты с улицы. Также больше не нужны постройки для хранения дров, так как в домах будет проведено центральное отопление.

Улучшенный доступ к кварталу

Создание новых дорог. Новая ситуация позволила нам создать новые дороги внутри квартала, которые обеспечивают автомобильный проезд к каждому дому. Движение здесь станет спокойнее, так как этими дорогами будут пользоваться только жители квартала. Таким образом, эти дороги могут быть пешеходными. Здесь люди могут гулять, общаться, это новые общественные пространства.

Изменение существующих дорог. Существующие дороги могут быть улучшены для более удобного передвижения машин и пешеходов.

Улица Грязнова очень узкая и крутая, поэтому ее лучше использовать как пешеходную, проезды останутся только по боковым сторонам.

Улица Коммунаров может быть улучшена для пешеходных путей и преобразована в дорогу с зеленой зоной.

На улице Подгорной пешеходные тротуары будут расширены и защищены от проезжей части зеленой стеной из деревьев и кустарников.

Проведение коммуникаций

Новая организация ячейки. Вместе с подведением необходимых коммуникаций мы предлагаем новую органи-

Комбинируй новую жизнь!

зацию ячейки. Все ячейки, принадлежащие нескольким владельцам, будут поделены со схемой: «Один участок – один владелец». Такое деление предполагает более рациональное использование территории.

Пристройка туалетов. Пространство внутри дома может быть недостаточным для устройства ванной комнаты и туалета. В этом случае мы предлагаем сделать пристройку к дому, которая будет выполнять нужные функции. Эта пристройка не должна выходить на главный фасад и должна соответствовать стилю дома.

Солнечные панели. Жителям будет разрешена установка солнечных батарей на хозяйственную пристройку к дому (например, на ванные комнаты и туалеты), они не будут видны с главного фасада, чтобы не портить вид. Эта система обеспечит в доме резерв горячей воды. Солнечные панели будут устанавливаться на южной стороне крыши.

Экологическая система переработки органических отходов. При создании новой системы доступов в квартал и реставрации домов мы внедряем новую экологическую систему переработки органических отходов, туалеты будут подключены к ней, а некоторые пункты сбора органических отходов будут установлены рядом с точками сбора мусора. Все органические отходы будут храниться под землей, из них будет производиться метан, который потом будет преобразован в электроэнергию для уличного освещения в квартале.

Развитие зеленых зон

В дополнение к системе экологической энергии (переработка органических отходов и солнечные панели), мы хотим, чтобы участок стал буферной зоной между городом и парком. Поэтому мы предлагаем увеличить число общественных и зеленых зон в квартале.

Общественные зеленые зоны. В новой структуре квартала у нас есть свободные пространства. Наш анализ показал, что в Иркутске не хватает зеленых пространств и что наш блок может быть буферной зоной между городом и природой. Вот почему мы решили преобразовать незанятые пространства внутри квартала в общественные зеленые зоны.

Дом, находящийся между двумя публичными зелеными зонами, будет преобразован в школу искусств (для детей и взрослых). Западная часть зеленой зоны будет состоять из детских площадок. Восточная часть будет мультифункциональной. Там можно будет гулять, заниматься спортом или просто сидеть на скамейке.

Частные зеленые зоны. Благодаря реорганизации каждой ячейки и сносу ненужных построек, освободившееся пространство можно использовать под частные сады. Специальными правилами будут регулироваться зеленые насаждения в каждом саду.

Кроме того, людям будет разрешено устанавливать солнечные батареи на дополнительную часть своего дома (новые туалеты и ванные комнаты). Они не будут видны в главном фасаде. Эта система обеспечит дом горячей водой.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ

1. Инфраструктура квартала

Предлагаются следующие методы для оснащения квартала инженерными сетями и удобной коммуникацией: например, город обязуется провести воду и центральное отопление на участок, взамен же часть территории участка передается городу для прокладки дороги и инженерных сетей. Если соглашение не найдено, город выкупает участок, необходимый для прокладки сетей.

2. На ремонт (реставрацию) домов: финансовые льготы и кредиты

3. Экономический интерес для города

На территории квартала есть земли муниципалитета. При улучшении инфраструктуры в квартале цена на землю возрастет, и город сможет продать участки более дорого. Также проектом предусматривается введение новых площадей застройки и новых функций (функциональная схема), что благоприятно для города.

РЕГЛАМЕНТ

1. Собственность

Схема «Один участок – один собственник». Передать все коммунальные (доходные) дома в частное владение. Возможность возрождения хозяином своего бизнеса: мини-лавка в доме, сдача жилья (функциональная схема).

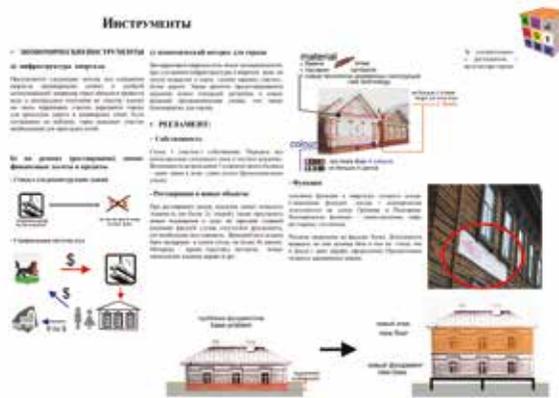
2. Реставрация и новые объекты

При реставрации домов, владелец может повысить этажность (не более двух этажей), также пристроить новые помещения к дому, не нарушая главный (ценный) фасад. В случае отсутствия фундамента, его необходимо восстановить. Внешний вид должен быть выдержан в одном стиле, не более четырех цветов. Материал – дерево (кругляк), песчаник, новые технологии (клееное дерево и др.).

3. Функции

Основная функция в кварталах – жилая. Смешанные функции – жилая и коммерческая – допускаются на улицах Грязнова и Подгорной. Коммерческие функции – мини-магазины, кафе, рестораны, гостиницы.

Реклама запрещена на фасадах блока. Допускаются вывески, но они должны быть в том же стиле, что и фасад (цвет, шрифт, оформление). Предпочтение отдается деревянным знакам.

КОМАНДА Е

1. Мария Белик – архитектор, ИргТУ, Иркутск, Россия
2. Дарья Степанова – архитектор, УралГАХА, Екатеринбург, Россия
3. Джингфан Хао – дизайнер, Университет Метца (Франция), Шанхай, Китай
4. Бенжамин Кукерман – экономист-урбанист, ЭССЕК, Париж, Франция
5. Юлия Васильева – архитектор, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
6. Ейка Шихо – архитектор? Университет Токио, Япония

«Город как живой организм»

Наша концепция заключается в том, чтобы рассмотреть Иркутск как живой организм, в котором районы были бы частями тела. Мы считаем, что необходимо иметь не только здоровые районы, но также и сильное взаимодействие между ними. Концепция «Город как живой организм» дает возможность наладить коммуникации между каждой частью. То же самое происходит в масштабе кварталов № 131 и 133. После анализа этих двух кварталов мы заметили, что, даже если условия жизни неудовлетворительные, кварталы, несмотря на это, обладают большим набором качеств, используя которые, мы, в соответствии с нашей концепцией, сможем улучшить жизнь проживающих здесь людей. Проектируемые кварталы состоят из ячеек, и все мероприятия должны быть направлены не только на качество отдельной ячейки, но и увеличить связи коммуникации между несколькими различными ячейками внутри кварталов и затем между несколькими районами.

Согласно нашему проекту, город должен быть разработан так, чтобы жители могли пользоваться всеми общими услугами и инфраструктурой, что повысит уровень жизни.

Настоящая ситуация такова: условия жизни в кварталах низкие. У семисот жителей нет надлежащего доступа к современным условиям жизни – водоснабжению, центральному отоплению и т. п. Кроме того, традиционное деление на участки изменилось, и они теперь не имеют общей структуры. Участки кажутся полностью отгороженными. Окруженные высокими заборами, которые охраняют собаки, жилые дома изолированы друг от друга. Ячейки не взаимодействуют, и организм болеет.

Правила и процессы: взаимовыгодная программа
Общие территории: территории, которые мы определяем как общие места, которые должны быть

открыты для владельцев участков (не как общественные пространства). Владельцы должны также уменьшить свои заборы и сажать деревья согласно нашему проекту.

Общие территории не являются общественными. Они основаны на принципе кооперативной собственности. Муниципалитет проводит водопровод и канализацию для группы жилых домов. В обмен на это владельцы участков просят поделиться частью своей земли для общего использования, на которой будет располагаться вся необходимая инфраструктура, хозяйственные постройки, гаражи. Здесь будет работать тот же принцип, что и в здании (лестничная клетка, лифт и др.) Таким образом жители объединяются в жилые ячейки.

Пешеходные аллеи: различные пешеходные аллеи, которые пересекут блоки, улучшат взаимодействие внутри кварталов. Городское правительство проведет больше уличного света в этих кварталах. Появление таких аллей также будет препятствовать тому, чтобы инвесторы покупали несколько участков для строительства новых.

В центре 133-го квартала мы предлагаем создать небольшой парк и спортивную площадку для жителей кварталов.

Мы предлагаем программу, по условиям которой, с одной стороны, жители устраивают водные коллекторы для дождевой воды, а с другой – государство подводит канализацию. Жители, таким образом, смогут совместно пользоваться «водными домами». Эти объекты будут состоять из 3–5 помещений, которые будут выполнять функцию туалета, душа, прачечной и прочее. Эта программа будет соответствовать экологическим требованиям.

Экологическая программа. В России существует федеральный фонд, который помогает в финансировании экологических программ. Учитывая то, что в Иркутске 261 солнечный день в году, и ввиду особенностей рельефа (большой уклон холма) мы считаем, что реалистично думать о сборе дождевой воды и использовании солнечной энергии, особенно для таких общественных функций, как «водные дома».

Налог. Если функции будут соответствовать предложенным, то налог на жилье будет уменьшен.

Жилая функция. Наша цель состоит в том, чтобы сохранить эти два района главным образом жилыми и защитить от появления большого количества новых функций. Мы прописываем функции для конкретных участков кварталов, которые необходимы на данном участке и которые запрещены.

Программа реконструкции. По условиям этой программы муниципалитет реставрирует по 3–4 объекта в год. Но жители этих домов должны оказать посильную помощь в реставрации.

После того как дома будут отреставрированы, комиссия по охране памятников будет присматривать за состоянием этих домов один раз в год. Таким образом, жители будут поддерживать хорошее состояние дома. Если состояние дома неудовлетворительное, жители обязаны выплатить штраф и произвести ремонт.

Новые объекты и реконструируемые должны соответствовать традиционным пропорциям, цветовой гамме, материалу строительства.

Если дом «случайно» сгорает или разрушается, то владелец этого дома должен с точностью восстановить его. Если такой возможности нет, то он должен либо отдать его в собственность муниципалитета, либо продать. Но новый владелец будет обязан восстановить его.

Первые шаги и этапы. Наша главная цель состоит в том, чтобы улучшить условия жизни, проводя инфраструктуру в районах. Это – первый шаг. Переулки могут быть организованы за короткий промежуток времени. Однако они должны следовать некоторым правилам для того, чтобы избежать тупиков и слишком узких переулков.

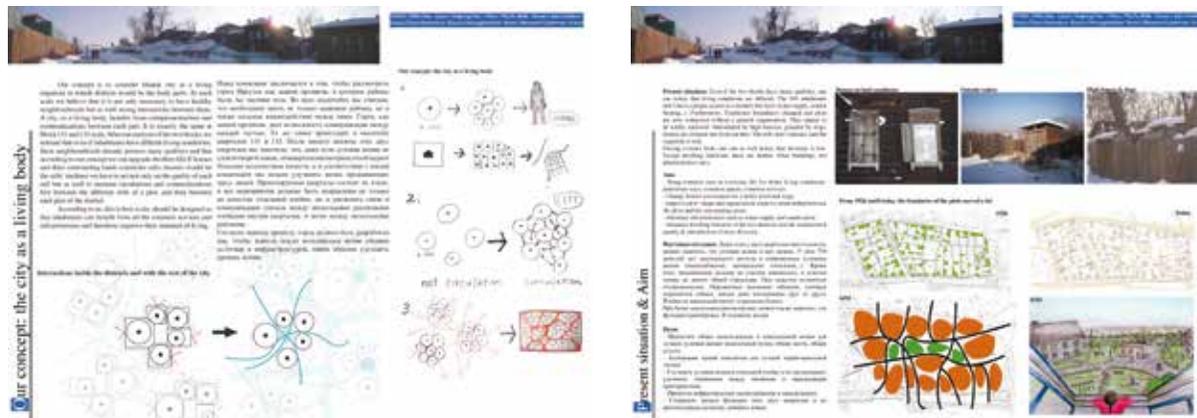
Они также разграничат общие места и учтут видовые точки. В то же самое время должна быть улучшена система уличных фонарей по периметру и внутри кварталов.

«Водные здания» являются следующим шагом. Это – реальный способ обеспечить водой жителей (туалеты, душ) в двух кварталах. Это может быть предпринято через 2–3 года при поддержке города. Мы рассчиты-

ваем, что «водные дома» прослужат 20–30 лет, прежде чем инфраструктура будет подведена ко всем зданиям. Они будут построены из дерева в тех же архитектурных традициях, что и жилые дома.

Если некоторые владельцы откажутся участвовать в этой программе, то не смогут пользоваться ни инфраструктурой, ни возможностью сократить налоги. Им можно будет продать дом новому владельцу, который согласится принять участие в развитии. Кроме того, мы говорим, что каждый участок независим, поэтому жители смогут подключиться к программе в любой момент.

Заключение. В различных масштабах главная наша цель состоит в том, чтобы улучшить коммуникацию между ячейками так, чтобы это принесло пользу всей структуре. Наш реалистичный подход позволяет улучшить основные составляющие образа жизни жителей через взаимовыгодную программу. Муниципалитет и жители будут сотрудничать, чтобы укрепить целый город как живой организм, а также сохранить его ценное наследие.

Итоги XI сессии

текст
Марк Меерович
Анастасия Потапова

Советская власть всегда плохо относилась к исторической деревянной застройке российских городов. Она рассматривала ее лишь как резерв под новое строительство. Но все же и в 1930-е годы, и в послевоенный период, и в 1960–70-е – период массовой панельной застройки – она сосредотачивала свои строительные усилия на поточно-конвейерном возведении новых крупных жилых массивов, как правило, вне деревянных исторических кварталов, за чертой исторического центра.

Постперестроечный период принес явление «точечной застройки», когда строительный бизнес, стремясь к более крупной прибыли и не желая инженерно осваивать новые территории, «вгрызался» в историческую городскую среду, бессистемно вырывая из нее куски под новые отдельные домостроения или группы жилых домов. Это был обоюдный интерес – со стороны крупных строительных компаний и поощрявших их притязания городских администраций, которые, движимые жаждой наживы, отводили любые возможные (и невозможные – сады, скверы, спортивные площадки, места, зарезервированные под детские сады, ценные ландшафты и т.п.) клочки территории городских центров под новую застройку.

Именно местные власти (при лживой идеологической поддержке строительного бизнеса: «иначе, мол, город не может развиваться...») породили установку на то, что исторические памятники должны быть «сняты» со своих мест и перенесены в отдельные резервации под названием «культурно-историческая зона» – там они, собранные заново, отреставрированные и снабженные водой и канализацией, будут продолжать существовать, радуя глаз горожан и привлекая туристов. Такие команды звучали в последние годы и со стороны администрации В. Якубовского, который призывал к созданию шести заповедных зон, куда должны были быть свезены все памятники деревянной архитектуры Иркутска, а территория, освобожденная от бремени наконец-то ликвидированного исторического наследия, застроена современными жилыми комплексами, проекты которых уже разрабатывались.

Все участники Международного научного симпозиума, который проходил в рамках Международного Байкальского зимнего градостроительного университета (МБЗГУ) и конкурсанты одинаково сошлись во мнении, что такой подход абсолютно невозможен. Вся мировая цивилизация давно уже показала, что подобная музеефикация исторической среды ведет лишь к уничтожению исторической идентичности городов, но никак не к возрождению ее культурного потенциала, способному привлекать горожан или туристов. Западная Европа отвергла этот подход уже тридцать лет назад, только мы, россияне, умудряемся с наивной детской радостью открывать для себя решения, которые давно уже отброшены как некачественные.

Только мы стесняемся открыто сказать о том, что причины бедственного состояния среды наших городов заключены в той градостроительной политике, которую ввели и ведут местные власти. Что отчаянное положение исторического деревянного (и не только) жилого фонда вызваны не трусостью исторической застройки, а действиями местной власти, которая служит не населению и его интересам, а бизнесу и его прибыли. Городской администрации, которая отказывается прикладывать усилия к сохранению исторической среды, не желает разрабатывать и воплощать программы сохранения архитектурного генофонда России.

Все участники МБЗГУ были единодушны в том, что для сохранения уникальности Иркутска еще остался шанс.

Несмотря на то что за последние годы катастрофически потерял по сравнению с тем, что было. Но потерял пока еще не безвозвратно.

По мнению иностранных экспертов – специалистов-градостроителей, практикующих архитекторов, ученых Атанаса Ковачева (Болгария), Мияке Риичи (Япония), Кристофа Бея (Франция), Жаэ Ук Шонга (Южная Корея), Патриса де Рендинжера (Франция), Барбары Энгель (Германия) у исторического центра Иркутска до сих пор остается реальный шанс стать объектом всемирного наследия ЮНЕСКО. Это задача не простая, ее реализация возможна только в том случае, если будут объединены усилия горожан, городской и региональной властей. И если местная строительная бизнес-элита и городская администрация приложат усилия к совместной выработке не планов уничтожения исторической деревянной городской среды, а программ ее возрождения.

Следует напомнить, что еще в 1998 году заявка о включении исторического центра города Иркутска в список объектов Мирового наследия была принята ЮНЕСКО, и с этого времени Иркутск находится в предварительном списке. Сегодня необходимо и возможно осуществиться второй шаг, который заключается в том, что муниципалитет должен вновь ходатайствовать об этом, взяв на себя обязательства в отношении к исторической застройке. В свое время мэр В. Якубовский отказался это делать, потому что и он, и его команда прекрасно понимали, что подписавшись под обязательством возрождать историческую среду, они будут лишены возможности осуществлять точечную застройку. Они будут вынуждены работать в особых условиях – отчитываясь за поступающие от ЮНЕСКО деньги; осуществляя комплекс работ, не вписывающийся в привычные навыки; подвергаясь контролю и проверкам со стороны международных экспертов по историческому наследию; разрабатывая проектную документацию, обосновывающую не снос, а сохранение... и т. д. Всего этого они, по понятным причинам, хотели избежать.

Сегодня заявку можно восстановить. Правда, если кардинальным образом изменить мышление городских менеджеров, отказаться от рассмотрения городской территории как особого вида бизнеса по распределению земли и недвижимости, если начать рассматривать исторический город как комфортную для горожан и приезжих среду, ценную в культурном отношении, требующую комплексной реставрации, обновления, возрождения.

Не нужно особых доказательств для того, чтобы признать: нет ничего более комфортного, чем жить в собственном благоустроенном деревянном доме, в собственной усадьбе в центре города. Это самый привлекательный вид жилья. Но это совершенно непривычная стратегия, потому что в сознании современных проектировщиков если и живет образ индивидуального дома, то лишь загородного. А если городского, да еще в центре – то только многоэтажного, из стекла и бетона, где ярко светится реклама, а по широкому улицам мчатся потоки автомобилей. Многоэтажная застройка, что самое важное для заказчика-застройщика, дает тем больше прибыли, чем она выше (все остальное крупному строительному бизнесу не выгодно, ничего иного он строить не хочет).

Исторический Иркутск подобным идеалам и этому стереотипному образу абсолютно не соответствует. Мы можем старательно превращать его в копию всех других городов, но от этого он только потеряет. Н.А. Лисовская, директор муниципального учреждения по сохранению исторического наследия департамента архитектуры и гра-

достроительства г. Томска, присутствовавшая на Зимнем университете, твердила нам: «Вы не понимаете, какой культурно-исторической ценностью деревянной рядовой архитектуры обладает Иркутск. Вы можете превратить Иркутск во всемирную Мекку поклонения сибирской деревянной архитектуре». Она знает, о чем говорит: Томск обладает деревянным наследием не меньшим и не худшим, чем Иркутск, возможно, даже большим и лучшим, потому что уже в течение нескольких лет в Томске реализуется гигантского масштаба программа по сохранению исторического наследия и наши коллеги уже достигли поразительных результатов. Следует заметить, что этот призыв единодушно разделяли все участники: международные эксперты, присутствующие в качестве членов международного жюри МБЗГУ и участников научного симпозиума, российские специалисты в области охраны культурно-исторического наследия, российские и иностранные студенты, магистранты, аспиранты, практикующие архитекторы – участники конкурса.

Подводя итоги работы Зимнего университета, нужно указать на то, что при всех различиях в предложениях команд, при всей оригинальности и своеобразии каждого из предложенных проектов, в ряде выводов и предложений все участники были поразительно единодушны.

Первое. В Иркутске должна сохраняться не только застройка, которая законодательно признана культурно-исторически ценной, то есть памятники различного значения: федерального, регионального, местного. Необходима реализация совершенно иной, нежели прежде, градостроительной политики, в которой ценностью являются не отделенно взятые архитектурные объекты, а среда, в которой эти объекты существуют, которую они формируют и в которой наряду с памятниками архитектуры не меньшим значением обладают рядовые, так называемые «средовые» постройки, обладает территория (ландшафт, конкретные растения), образ жизни, ремесленничество, имеющие свою собственную историю на этой территории запечатленную и т.д.

Необходима новая градостроительная философия, задающая уважительное отношение к историческим центрам российских городов, иной взгляд на перспективы их развития, на предназначение центрального фрагмента городской среды. В свете этой философии историческая застройка перестает быть помехой в развитии города, перестает быть объектом исключительно музеефикации, перестает рассматриваться как малоценная, трактоваться как незначимая, никому не нужная, бросовая.

Нужна новая градостроительная технология, превращающая любые землеотводы, любые планы нового строительства из таинственной неожиданности (далеко не всегда приятной для горожан) в прозрачную процедуру, открытую для каждого, осуществляемую в соответствии с документами территориального планирования, а не вопреки им (с последующей «корректировкой» этих документов, призванной втиснуть неправомерные землеотводы в подправляемое законодательное поле).

Второе. Если раньше градостроительная политика осуществлялась «сверху вниз», то есть исключительно городские власти решали, каким образом следует использовать ту или иную городскую территорию, что на ней нужно строить, то сегодня – в постсоветских политических и новых законодательных условиях, которые задал Градостроительный кодекс, основным субъектом градостроительных инициатив должны выступать местные сообщества, то есть люди, которые живут на конкретной территории, – жители домов, кварталов, районов. Они должны определять, что им нужно, что они хотят, как следует осуществлять фактическое формирование строительных планов и проектных заданий.

Подобная политика осуществляется во всех развитых странах мира. В Западной Европе последним оплотом в реализации государственной градостроительной политики «сверху вниз» была Франция. Но с 1985 года и она перешла на осуществление политики «снизу вверх» – от жильцов к городской исполнительной власти.

Именно сообщество жильцов («комьюнити») определяют в Европе и Америке административное членение территории, которая разбивается не по планировочным единицам, а по наличию местного самоуправления. Например, в Америке административно-территориальной единицей может быть улица или группа домов, объединенных, например, по национальному признаку их обитателей, или по уровню доходов (богатые, бедные), а может быть квартал или целый район. Сами жильцы формулируют свои требования к реализации тех или иных проектов, запросы к строительству тех или иных зданий, к размещению определенных функций. Именно эти запросы потом формируются в виде заданий на проектирование и обобщаются на вышележащем уровне административного управления городом.

Третье. Сегодня в России, практическая реализация переданных местному сообществу (местному самоуправлению) прав и ответственности упирается в безволие и покорность людей, в сохраняющееся в общественном сознании состояние ожидания того, что решение жизненных проблем осуществится свыше. Гражданское общество в России находится в зачаточном состоянии. Увы, следовать запросам гражданского общества в принятии градостроительных решений сложно: оно пока не научилось самоорганизовываться и внятно определять свои цели и оформлять свои предпочтения. Качество демократических институтов настолько не развито, а уровень самоуправления настолько низок, что реально влиять на принятие властных решений, они, к сожалению, не способны.

Главной задачей является инициация формирования местных органов самоуправления. Применительно к задачам возрождения деревянной исторической застройки Иркутска это может быть осуществлено в форме создания «комитета самоуправления историческим кварталом». На первом этапе его функционирования в него на общественных началах могут входить не только жители, но и приглашенные специалисты – ученые (юристы, администраторы, архитекторы, социологи, культурологи, историки, экономисты), общественники, представители местных органов власти и т.п. Предполагается, что и активные жители, и эти волонтеры станут выявлять и выражать мнение местного сообщества.

Четвертое. Ситуация в кварталах № 131 и № 133 кардинально отличается от ситуации квартала № 130 (проект регенерации которого был опубликован в «Проект-Байкал» № 22).

В квартале № 130 основная масса недвижимости и земли (около 80%) находится в муниципальной собственности, что позволяет городской администрации привлекать деньги федерального правительства для расселения людей из ветхого жилья. Имеет возможность затем осуществлять комплексное инженерное оборудование территории и произвести масштабные работы по реставрации и реконструкции, по замене ветхих домов, по восстановлению деревянной среды.

В кварталах № 131 и № 133, наоборот, большая часть недвижимости (около 80%) находится в частной собственности, а это значит, что государство законодательно лишено возможности вкладывать сюда средства для расселения ветхого жилого фонда.

Это различие ставит задачу формирования в рамках муниципальной градостроительной политики двух абсолютно разных подходов. Один – основанный на необходи-

мости формировать инвестиционную привлекательность, позволяющий осуществлять крупномасштабные работы по освоению и использованию подземного пространства, комплексному инженерному оборудованию территории и т.п. Другой – основанный на государственных и муниципальных предпочтениях частным собственникам в восстановлении своего жилища и поддержании его в достойном состоянии, предполагающий обустройство каждого дома локальной системой инженерного оборудования и т.п.

Пятое. Одним из важнейших пунктов новой градостроительной политики в отношении регенерации исторической деревянной застройки, является указание на то, что основным регулирующим инструментом должны являться градостроительные регламенты. Причем регламенты совершенно иного типа, чем те, которыми пользуются сейчас и которые относятся к крупным фрагментам исторической среды. Это должны быть регламенты, разработанные буквально для каждого дома, каждой усадьбы, каждого строения в ней. Только таким образом можно обеспечить сохранение, восстановление исторической среды и, что самое важное, ее последующей эксплуатации.

Это очень интересная, перспективная и правильная постановка вопроса. Потому что сегодня нет прецедентов разработки и принятия подобных регламентов, нет примеров и аналогов того, как можно разрабатывать регламенты на конкретные домостроения; на конкретные усадьбы; на комплексы хозяйственных построек, находящихся в этой усадьбе; на постройки, которые утрачены, но могут быть возведены владельцем на данной территории, потому что не противоречат облику исторической среды. Как обеспечить, чтобы регламенты осуществляли не только запретительную функцию, но и разрешительную, несли ясную и понятную информацию о том, что потенциальный (или актуальный) хозяин имеет право делать со своим домом и на своем участке, расположенными в исторической среде. Например, давать возможность появиться на месте одноэтажного, ветхого, неценного в художественном отношении дома другому – двухэтажному, больших габаритов, внешне и конструктивно идентичного тому, который мог

бы здесь стоять, если у гражданина, обитавшего здесь в XIX веке было бы чуть больше денег. То есть регламентов, которые закладывают не только то, что есть, а то, что может быть, если габариты участка, размер, ориентация позволяют появиться здесь перенесенной или воспроизведенной исторической застройке.

Многие проектные предложения участников Международного Зимнего градостроительного университета по-студенчески наивны. Но главное в их работах – мысль, указание на то направление разработок, которое должны осуществлять здесь, в Иркутске, местные специалисты с учетом понимания особенностей российского законодательства и конкретной исторической среды и возможностей сохранения ее художественного состояния.

Важно указание на то, что восстановление исторической среды не должно превратиться в музеефикацию, не должно утратить жилую функцию. Формирование жилья в исторической среде должно быть основано не только на восстановлении художественной формы, деревянной конструкции здания, декора, но и с учетом того, что здесь будут жить современные люди, которые не будут ходить в лаптях, таскать воду на коромыслах, отапливать дом дровами, готовить в русских печках. Понятно, что здесь будут жить современные люди, пользующиеся стиральными машинами, ваннами, холодильниками, компьютерами, телевизорами, имеющими личный автотранспорт.

Задача профессионалов в том и состоит, чтобы найти компромисс между требованиями исторической формы, исторической оболочки, исторического типа среды с требованиями современного образа жизни – размещением индивидуального автотранспорта, разведением огорода, установкой теплицы. Как предотвратить уничтожение деревьев, даже если они дают тень на то место, где по замыслу хозяйки должна произрастать ранняя морковь и редиска. Как сделать так, чтобы современный человек был счастлив жить в исторической среде, поддерживая и сохраняя ее в неискажаемом состоянии; был рад тому, что он житель этого города, этого квартала, этого дома; горд тем, что он иркутянин.

Впечатления от XI сессии Международного Байкальского зимнего градостроительного университета

текст
Евгения Репина

Россия лежит в руинах. Москва – и все остальные... Советская модель двойных стандартов проявилась и в отношении городов: образ с открытки, изображающий парадные проспекты и победу гуманистического духа, выполнял пропагандистскую миссию, вселяя надежду в обитателей землянок, бараков, трущоб, последней формой которых является микрорайон. Гностики утверждают, что все мы – падшие ангелы, присланные сюда на перевоспитание. Если принять эту модель вселенского ГУЛАГа, то все встает на свои места. Особенно провинившихся ангелов ссылают в Россию. Чем хуже карма – тем дальше на восток или на север. Точно также поступал советский суд. Тюрьма, каторга, изолятор, лагерь, зона – лучшая метафора того, что происходит с провинциальными городами: унылое, дегуманизированное пространство, жилые районы, устроенные для обитания рабочих, обслуживающих близлежащие, чаще всего опасные для жизни производства, власть тюремной элиты, устроенной по силовому

и «семейному» принципу и родившейся в результате неизбежного союза блатной и офицерской верхушки. Основное занятие – распределение пайки. Паролем для входящего является лояльность, понимаемая как способность нарушить любую этическую норму.

Кажется, любая власть в России рефлексивно наследует эту модель: с одной стороны – феодальное отношение каждого ее представителя к тому, чем он «владеет», то есть отношение как к собственному ресурсу, которым нужно успеть воспользоваться. Главное не забывать про «откаты», тогда тебе дадут то, что можно «пилить». А вассалы они и есть вассалы. Не говоря уже про крестьян и прочих. С другой стороны – демонстрация бодрого духа и оптимизма, задора и всяческого там позитива, а также заботы о народе, детях, матерях, крестьянах, подростках, молодежи, инвалидах, ветеранах, пенсионерах, сиротах, бездомных, врачах, учителях, малом бизнесе, ученых, наследии. Роль сказки, религиозного мифа и социальной идеологии испол-

няют теперь городская реклама, увеселительные заведения, непобедимый дух евроремота, а также национальные программы и многочисленные конференции, форумы, саммиты, в результате которых оглашаются благие намерения, оформленные в виде меморандумов и соглашений. Иногда или даже часто приглашаются международные эксперты и участники, которые воспринимают все совершенно серьезно и, воспитанные в трудовой этике протестантизма, всей душой участвуют в процессе. Может быть, они не поняли еще, что планета – это ГУЛАГ? Или это только местная модель? Может быть, Россия так любима Господом, потому что люди здесь не забываются? В русском лице есть какая-то хитринка, иногда взгляд с поволокой, глядящий куда-то поверх, как будто мы почти угадали секрет мироздания. Отсюда же и недоверчивость к попыткам что-нибудь улучшить, как-то приравняв мир здешний к миру иному. Рай может быть только там, где ему быть положено. У каждой модели своя конструкция. Отсюда же и беспробудное национальное пьянство как реакция на хорошо прочувствованное устройство мира, из которого невозможен побег, да он и не требуется.

Западная культура осуществляет боковое бегство – бегство в горизонтальном направлении, в обустройство социальной и городской реальности, а также в одомашнивание демонов, гнездящихся внутри человека. У нас можно бежать или вверх или вниз. Современный православный ренессанс, то есть путь вверх, подтверждает то, что для многих ткань бытия задрожала, и из-под нее выглянули неприятные и пугающие тени, праздник потребления как-то не удержался в наших душах. Путь вниз, демонизация, был описан выше и автоматически осуществляется вступающими в любые сферы, владеющие ресурсами – администрирование, производство, банковское дело. В России как-то резко на черное и белое. Правда, случаются чудеса наподобие томской реставрации, но чудо это тоже местная логика. Хотя, что мы знаем про Томск – был ли это частный подвиг Натальи Лисовской и ее коллег или удобный случай для набирания очков местной властью?

На сувенирном магните в Афинах я прочитала довольно жестокую в своей правде (но именно поэтому же и смешную) аналогию: женщина в 20 лет похожа на Францию – легкая и беззаботная, в 30 – на Индию – теплая и загадочная, в 40 – на Америку – высокотехнологичная, в 50 – на Сибирь – вся в руинах. Удивительно, откуда в Греции про это знают... Думаю, что в руинах лежит не только Сибирь, но и вся Россия. Это смысловые, политические, сельские, городские и человеческие руины. Такие пессимистические ракурсы не очень вяжутся со всеобщим демонстративным позитивом. Но любой мало-мальски грамотный психолог скажет, что, чем сильнее вытесняется тень, тем страшнее последствия ее подпольной работы. Чем больше мы лжем себе о том, что у нас все вроде бы неплохо, тем более трудные обстоятельства достанутся нашим детям. Снова работает целлюлозный комбинат на Байкале, в Бурятии действуют кавказские законы вендетты (так рассказывали люди), в продуктовых магазинах негусто с едой, городская среда безвозвратно уничтожается. На этом фоне кажется чудом то, что в провинциальном вузе поддерживается многолетняя активность, равная по интеллектуальному качеству европейской. Студенты счастливы общением, взаимным обучением, вниманием экспертов. Эксперты счастливы обстоятельством самой активности. Дискуссия на серьезном уровне. Так же серьезно по выходным мужчины играют, скажем, в пейнтбол – адреналин, беготня, стрельба, только пули ненастоящие. Вполне известные французские, немецкие, японские эксперты предлагают реальную помощь в продвижении статуса исследуемого объекта и проектной поддержке, организаторы из кожи вон лезут, чтобы симпозиум (и как со

стороны кажется, работа студентов) работали как машина, студенты со всей страстью решают нерешаемую задачу, только представители власти, кажется, не особо торопятся воспринимать это серьезно.

Россия продолжает лежать в руинах. «Руина» – может быть это еще и хорошая метафора того единственного настроения, психологического состояния, которое уместно в обстоятельствах ссылки. «Руина» – это ностальгия, несбыточность совершенства, неуместность суетливого стяжания и слишком громкого веселья. Это ежесекундная готовность к смерти, смирение перед вращением колеса фортуны и удовлетворенность малым ресурсом. Это психология заключенного, ясно осознающего свое положение. Кажется, однако, что здесь кроется веер возможностей. Правила дзен-эстетики – ваби (простота), саби (печаль) и юген (тайна) – могут безупречно действовать в наших обстоятельствах. Единственное, чего при этом не хватает национальному характеру, – способность рассматривать, артикулировать и защищать малые, может быть даже микроскопические ценности. Что странно, потому что в условиях жесткого дефицита тюремной зоны какой-нибудь чахлый цветок способен составить чье-то счастье.

Россия продолжает лежать в руинах. И это огромный ресурс. Во-первых, руины могут быть прекрасны. Эстетика увядания, столь приятная глазу романтика, декадента или мастера дзен, впервые стала общим правилом для огромной территории. Может быть, хотя бы в этом Москве повезло меньше остальных: лужковское барокко отнимает у города пустоты и руины, которые еще могли бы чем-то стать. Впрочем, такое постперестроечное изобретение, как «точечная застройка», причинила иным городам больше разрушений, чем Отечественная война, тем более что до многих городов, таких, как, например, Самара, немецкая авиация попросту не долетела. Во-вторых, может быть, эта всеобщая руинированность – хороший момент, чтобы выдохнуть, оглянуться, осмыслить то, что у нас есть, и, наконец, прибратся, устроив генеральную уборку и присвоив то, что лежит у нас под ногами. Конечно, для реализации такого подхода для начала надо отказаться от позитива. Сначала нужно все увидеть таким, каково оно есть, то есть безнадежным. Санкционировать национальную печаль. Осознать, что никаких суперресурсов у нас нет (нефть и газ как-то не превращаются в качества городской среды). На Иркутск, как на любой другой город, можно посмотреть довольно сентиментально, и ничего запретного в таком взгляде нет, – напротив, именно такой взгляд, которым мы смотрим на мир в детстве, делает нас людьми; но можно посмотреть на все и с позиции взрослого, то есть того, кто смотрит на мир вполне документально. Тогда замолкает пошлый политический пропагандистский взгляд на город и ложная гордость за «наш Байкал», «наш памятник Пушкину», «наши березки», «наши полезные ископаемые», «наши деревянные кварталы» и т. д. и т. п. И этот взрослый должен сказать: Иркутск в руинах, Самара в руинах, в таких городах жить нельзя. Очень многим людям придется признаться, что свою жизнь они прожили впустую, иным вообще – что они много навредили. И если они действительно взрослые, то есть отвечают за результат, а не намерения, то должны просто начать думать с самого начала и просто принять боль за то, что вот так все вокруг. Юрий Петрович Бочаров стыдится того, что он проектировал Тольятти. Я не считаю Автозаводской район тотальной ошибкой, но слышать признания Юрия Петровича было приятно.

Может быть, надо подобрать каждую веточку, камешек, рассмотреть каждый уже как-то, пусть и коряво, сложившийся фрагмент. И увидеть его ценность. Я даже не говорю об объектах категории «наследие». Хотя как выясняется, нужен целый десант из ЮНЕСКО или публикация на

первой полосе Геральд-трибьюн, чтобы до местной власти, иркутской или какой-нибудь другой, докатило, какой бесценный ресурс они могли бы спасти, став героями многовековой пиар-кампании. Не думаю, однако, что такие темпоральные границы доступны сознанию современного чиновника, он не мыслит категориями вечности, в которой его имя могло бы заблестать золотыми буквами славы. Его время строго ограничено.

Таким образом, я предлагаю пойти от обратного – понять, что строить новое необходимо в каких-то исключительных случаях. Архитектурное и строительное качество новых объектов в России сегодня в большинстве случаев настолько низкое, что на их фоне любая советская руина выглядит образцом профессионализма. Можно подумать о введении моратория на новое строительство, на «современную», особенно если она провинциальная, архитектуру. Амбиции архитекторов по возведению единичных объектов должны стать неуместными. Это уже ничего не решает, кроме, конечно, гонорарного вопроса. Реконструкция, переоборудование, восстановление, смена функции, очистка, доделка, достройка. В мире столько уже создано, произведено и построено, что подобной работы хватит на всех. Температура истории резко остывает, пафос прогресса кажется опасным. Так говорит критик Александр Раппапорт. Так говорят, мне кажется, уже все.

Нужны люди, умеющие разглядеть ценность на любом задворке. Эксперты по выявлению ценностей. Не по поиску, что означало бы путешествие и отбор чего-то особенного на фоне рядового, а обнаружение этого в КАЖДОЙ точке. Это особый способ смотреть на вещи. Особое искусство, особая дисциплина. Будет ли эксперт проектировщиком, уже не важно. Проектировщики могут идти следом и артикулировать с помощью проектных методов то, что выделено и обозначено экспертом. Особая каста среди экспертов те, кто появляется в безнадежных ситуациях, когда ценности просто выявить не удается или случай выглядит небезопасным, тогда и они не выявляют ценности, а изобретают их. Они создают историю (в обоих смыслах). В такой литературоцентричной культуре это могло быть стать очень понятной стратегией. Они готовы работать в самых угрюмых местах, они экспортируют центр мира в любую точку. Они отменяют необходимость всем мчаться в столицу. Не нужно искать их специально – эти люди возникнут из ниоткуда, как только будет озвучена потребность в них. В принципе, представители всех творческих профессий занимаются этой магией, обустривая пространство смыслов в любой точке, в которой оказываются. Надо их просто попросить заняться городами. Другой тип экспертов должен ходить с калькулятором и доказывать бизнесу и власти, насколько такой подход выгоден. Этакий тотальный ПОСТПРОЕКТ.

Понятна гордость горстки московских архитекторов, сформировавших местную элиту. У них нашлись заказчики, способные оплатить несколько высококачественных реализаций. Возможно, они думают, что уже вошли в мировую элиту, вода знакомства с иностранными звездами, посещая биеннале, организовывая фонды и профессиональные конкурсы. Думаю, мировая элита их так не воспринимает. Вся столичная архитектура – калька с европейского стандарта. Нам нечего сказать миру. Не существует современной российской архитектуры. Но с этих объектов уже можно, конечно, печатать новые открытки, пропагандирующие нашу заинтересованность в западной культуре и всяческое благосостояние государства. Это для интеллектуалов. Для тех, кто попроче, особенно для провинциалов – анонимная архитектура торговых моллов, радостная и ужасная, пласт-массовый «барби-рай».

Итак, у нас есть как минимум три исходных момента:

1) власть готова поддержать инициативы и проекты,

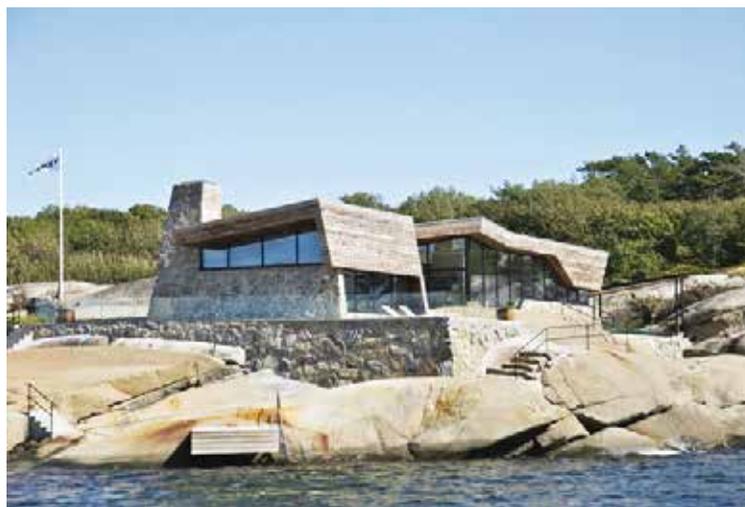
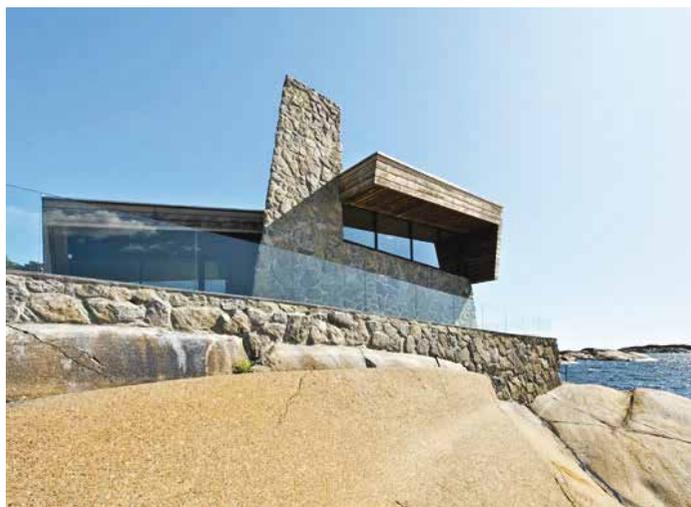
которые вписываются в ее модель двойных стандартов, то есть что-нибудь очень экономичное для обитания людей и при этом что-нибудь очень эффективное для того, чтобы продемонстрировать свои благие намерения; 2) Россия не произвела еще уникальной архитектуры; 3) руины – это огромный эстетический и смысловой ресурс. Конструкция, опирающаяся на три точки, как известно, очень устойчивая.

Но, как довольно быстро выяснилось в дискуссиях, – вся проблема, вынесенная на решение в данной сессии, носит архитектурный характер лишь отчасти. Проблема сохранения наследия – это административная, политическая, менеджерская работа. Возникает ощущение, что много людей работало несколько недель всхолмистую. Но здесь не так жестко – в качестве обучения, тренинга можно решать и нерешаемые задачи, и те, что давно уже решили. Скорее, огорчает другое: проекты студентов были неотличимы друг от друга как копии-миражи Марьи-искусницы, созданные в подводном царстве для испытания главного героя. Вероятно, это обусловлено жесткими рамками, в которые поставили студентов при формулировании задачи. Учитывая абсолютно эфемерный контекст всей задачи (в отличие, увы, от школы в Сержи-Понтуаз, где заказчиком является городская администрация и результаты используются при проектировании города – так, по крайней мере, рассказала мне Барбара Энгель), а также высокий профессиональный уровень студентов разных специальностей, кажется нецелесообразным заставлять их работать над столь узкой темой.

В разговоре с Марком Мееровичем, Сергеем Сеной и Барбарой Энгель 28-го февраля на базе «Байкал» я высказала предположение, что по контрасту темой будущей сессии можно предложить АРХИТЕКТУРНЫЙ прогноз города Иркутска на ближайшие 50 лет, основываясь на форсайтах, которыми занимаются весьма продвинутые институции по всему миру, и сохраняя дух высокой дисциплины ума, который я заметила в этот раз у студентов. На мой вкус, им, однако, не хватило творческого полета и способности к нетривиальным обобщениям, синтетического подхода, что, кстати, лишало их презентации особой зрелищности, которая связана, на мой взгляд, с прорывом в новые территории. Думаю, что это действительно связано с форматом, в который их поместили. Россия очень интересна иностранцам – и как феномен пассионарной энергии, и как источник возможной работы, и как часть BRIC, то есть как источник потенциальной опасности из-за сверхскоростного развития, в котором могла бы быть утрачена местная идентичность и экологический баланс. На мой взгляд, Зимнему университету уверенно можно выходить на «крутой» международный уровень за счет значимости приглашаемых экспертов, а главное – масштаба поставленных задач. Пусть это будут не столько (или не только) архитекторы, но и действительно представители международной форсайт-элиты, представители транспорта, медицины, урбанисты, политики, экологии, культурологи, социологи, психологи (все – мирового уровня!) – то есть все, кто способен высказаться по поводу того, чем может и должен быть город. И в городах ли вообще должны жить люди?

Здесь главное – не уйти в противоположность и не создать атмосферу пошлого футуристического пафоса. Напротив, атмосфера должна быть предельно деловой – так настроен экипаж космического корабля в момент полной остановки двигателей. Судя по всему, студенты на это способны. Им еще, кстати, стыдиться нечего. Но опыт дотошного перечня того, что в России не так, что не работает, мог бы оказаться гениальной прививкой правды от возможного будущего скоропалительного, самоуверенного принятия ими решений.

Дом для летних каникул на побережье Вестфолл, Норвегия

Первое, что приходит в голову, когда смотришь на дом для летних каникул, расположенный на побережье Вестфолл в южной части Норвегии, это понимание того, настолько удачно вписан в ландшафт этот архитектурный комплекс. Здесь природа в буквальном смысле послужила фундаментом, а талантливые проектировщики из Jarmund / Vignæs AS Architects умело воспользовались любезно предоставленной ей возможностью. Как внешний, так и внутренний дизайн, выполненный очень по-северному: много дерева, много камня, много стекла, полностью отвечает окружающей среде. А чего стоит один только бассейн, глядя на который при определенном ракурсе, создается ощущение, что он плавно переходит прямо в море. Это, наверное, и есть профессиональная архитектура – когда искусственное дополняет естественное, а не убивает его.

Место: побережье Вестфолл, Норвегия
Архитекторы: Jarmund / Vignæs AS Architects

По материалам ресурса www.etoday.ru

Красный дом в западном пригороде Осло, Норвегия

Этот современный Красный дом, расположенный в западном пригороде Осло, был также разработан в архитектурном бюро JVA Джармунд и Вигснэ Архитектс (Jarmund and Vignæs Architects). Дом разделен на две области – для родителей и их детей. Верхний этаж с ориентированной на юг террасой предназначен для родителей, а нижний, ориентированный на реку, – для детей. Река течет рядом с домом, который расположен перпендикулярно к потоку. Контраст между домом и ландшафтом как зимой, так и в летнее время, отражает темперамент владельца дома. А множество деревянных элементов, наполняющих сам дом, делают его более уютным и теплым.

Место: Осло, Норвегия
Архитекторы: JVA Джармунд и Вигснэ Архитектс (Jarmund and Vignæs Architects)

По материалам ресурса www.housedesigntrend.com

Статья завершает цикл под общим заголовком «Философия стоицизма в дизайне жилого интерьера». Окончен третий цикл статей тех же авторов по истории, теории и философии интерьера, а первая статья первого цикла вышла в ПБ2, шесть лет назад. Шесть основных функциональных зон жилья – кабинет, гостиная, спальня, туалет, кухня и ванная – рассматривались с позиций трех различных философских систем. Гедонистическая философия, ориентированная на получение удовольствий; аскетическая, ставящая в знаменатель экономию. Третья идеология – стоическая – во главу угла ставит порядок и совесть, закон и справедливость. Понятия не слишком популярные в сегодняшней нашей действительности, но все же важные и нужные. За годы, пока выходили статья за статьей, они многократно перепечатывались другими журналами, а сейчас обсуждается вопрос о превращении всей серии статей в учебник по дизайну жилого интерьера.

Султан и рыцарь в бане

Мавританская ванная императрицы Александры Федоровны. Акварель Э.П. Гау (1870 г.) Автор гимна «Боже, царица храни» А. Ф. Львов в 1834 году был приглашен на вечер к императрице, которая приняла его в своей купальне. Судя по его воспоминаниям, это была изящная комната, «где бьет ключ в большую, необыкновенной красоты раковину и оттуда вода льется уже в белого мрамора ванну». (Из записок Елисаветы Николаовны Львовой // Николай I и его время. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 317.)

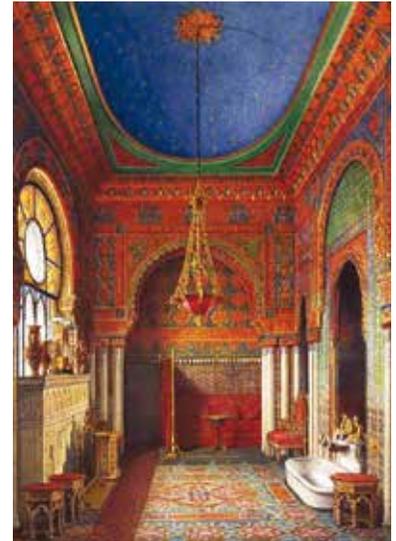
В 1785 году светлейший князь Григорий Потемкин решил построить себе еще один дворец. Для постройки было выбрано место в Баболовском парке Царского села. В главном зале дворца установили большую мраморную ванну для купаний в жаркие дни. Вода в нее самотеком поступала из Таицких ключей, за шестнадцать километров. Первоначальная постройка в псевдоготическом стиле была вовсе не велика и ничем особенным не выделялась. Дворец не пользовался особенной любовью царственных особ и к началу XIX века пришел в запустение.

Возрождение дворца произошло в 1824–1825 годах, когда известный архитектор В.П. Стасов решительно перестроил его, значительно увеличив центральный овальный зал. Для этого дворца была заказана уникальная ванна. Вырезанная из цельного монолита финского красного гранита, ванна полировалась на месте в течение почти десяти лет. Тем временем

вокруг нее был возведен дворец. Автор ванны мастер Самсон Суханов получил шестнадцать тысяч рублей (почти двести тысяч современных долларов) за превращение глыбы камня весом в 160 тонн в санитарно-техническое чудо весом 48 тонн, диаметром более пяти метров (533 см) и высотой почти два метра (192 см).

Кроме фантастических габаритов, «царь-ванна» известна своей романтической историей. В Баболовском дворце император Александр I, победитель Наполеона, встречался с дочерью придворного банкира, баронессой Софьей Иосифовной Вельо, о чем юный лицеист Пушкин написал четверостишие:

Прекрасная! пускай восторгом
насладится
В объятиях твоих российский
полубог.
Что с участью твоей сравнится?
Весь мир у ног его – здесь
у твоих он ног¹.

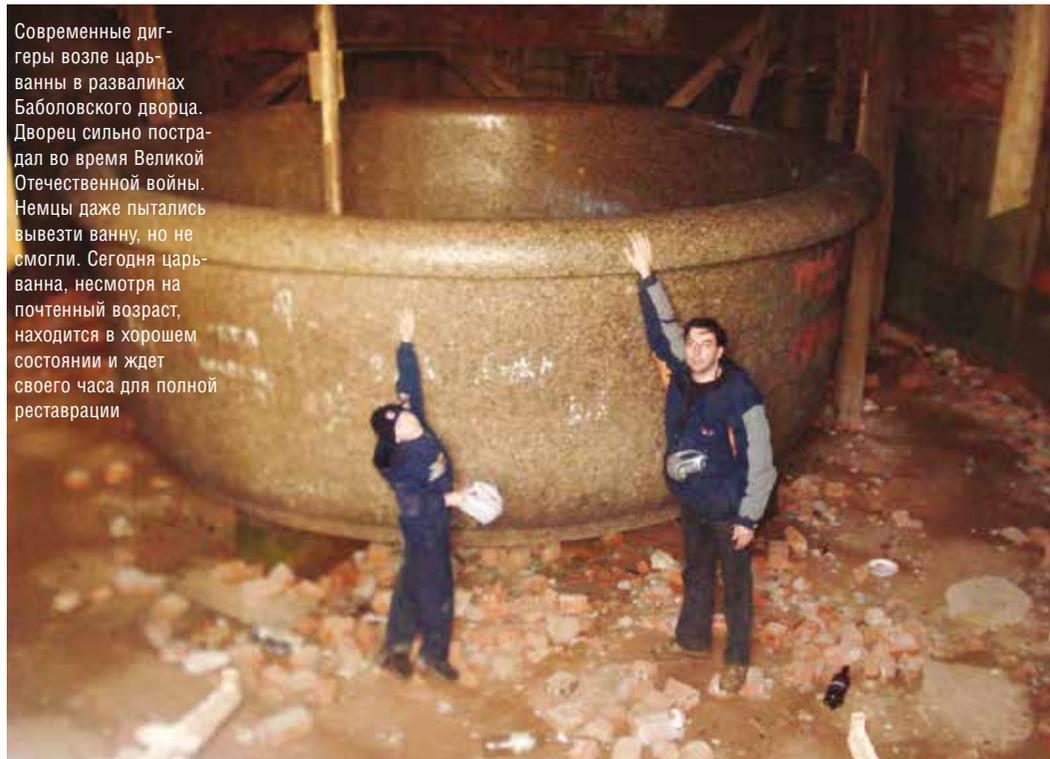

Не всякой ванне повезло войти в списки историко-культурного наследия. Однако именно российская аристократия демонстрирует редкую страсть к роскоши в зоне умывания.

Осенью 1762 года под руководством архитектора Ж.-Б. Вален-Деламотта на антресолях первого этажа Зимнего дворца, возле личных покоев Екатерины II, под церковным аналоем, началось сооружение обширной царской бани, состоящей из трех помещений. В банный комплекс входили: Купальня (сейчас зал № 272); под ризницей Большой церкви находилась Уборная и непосредственно под алтарем – обширная Баня с бассейном. Баня, или мыльня, была обшита «столярством», то есть деревянными панелями от пола до потолка².

После пожара в декабре 1837 года в Зимнем дворце были капитально перестроены и ванны. В частности, на половине жены Николая I, Александры Федоровны, архитектором А.П. Брюловым была сооружена купальня в мавританском стиле, которая обошлась казне в 42 тыс. рублей (около 15 миллионов современных долларов США).

Ванная комната дворца Юсуповых, построенная примерно в те же годы, не уступает в роскоши царскому дворцу. Архитекторы Бернар Симон

Современные диггеры возле царь-ванны в развалинах Баболовского дворца. Дворец сильно пострадал во время Великой Отечественной войны. Немцы даже пытались вывезти ванну, но не смогли. Сегодня царь-ванна, несмотря на почтенный возраст, находится в хорошем состоянии и ждет своего часа для полной реставрации

и Ипполит Монигетти оформили ее в модном стиле историзма – «отражения мечтательного озирания на минувшее прошлое».

Впрочем, традиция роскошных ваннных комнат, предназначенных для публичных омовений, восходит к интерьерам Кносского дворца и еще дальше – к бассейнам городища Мохенджо-Даро и Харалпы, к первым на земле городам. Похоже, что как раз торжественное, массовое умывание имеет наиболее древнюю историю.

Ритуальное омовение особенно легко себе представить в жарком климате. Священная река Ганг принимает в свои очистительные объятия десятки миллионов паломников ежегодно, только в первый день праздника Кумбха-мела на рассвете в воды Ганга погружается около миллиона человек одновременно.

Расцвет великих империй обычно сопровождался возведением роскошных бань и купален – как общественных, так и частных. В Константинополе имелось девять крупных общественных бань, около тысячи мелких и неустановленное количество частных лутрон (купален). В оформлении некоторых роскошь достигала неправдоподобного размаха. Например, в отделке интерьера двух бань в константинопольском Большом дворце использовались листовое золото и драгоценные камни, а некоторые помещения имели витражи, выполнявшие роль потолочных фонарей. Роль бань по достоинству оценил английский исследователь А.М. Пензер: «В этом институте, вошедшем в ежедневный обиход миллионов людей, отражается не только уровень архитектуры и искусства, не только нравы, обычаи, причуды и фантазии простых людей, но и взлет и падение наций, рост и распад империй»³.

Преемники Византийской империи – турки-оттоманы – довели роскошь парадной бани до немыслимых пределов. Описание бани султана оставил Эвлия-эфенди (1623–1640), побывавший в личных покоях Мурада IV в 1635 году: «Однажды вечером, когда я читал Коран, мне посчастливилось увидеть императорскую баню, с которой не сравнится ни одна баня в мире. Места вдоль четырех стен предназначены для пажей, а в центре, отгороженная, находится ванна самого императора. Со всех сторон из фонтанов и бассейнов по золотым и серебряным трубам струится вода, причем бассейны тоже отделаны благородными металлами. В некоторые из них по одной трубе, смешиваясь, поступают одновременно и горячая и холодная вода. Мозаичный пол, выложенный разноцветными камнями, ослепляет блеском и великолепием.

Ванная Юсуповского дворца в Санкт-Петербурге (1840–1860 гг.). Одна из богатейших и родовитейших фамилий России в течение двух столетий формировала этот интерьер – образец русского аристократического стиля

Индийские паломники, медитирующие между ритуальными купаниями. Гокарн, Карнатака

Альма-Тадема, сэр Лоуренс. Бани Каракаллы

1. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937 : в 16 т. М. : Л. : Издат ельство АН СССР, 1937. Т. 1. Лицейские стихотворения. С. 292.
2. Медицина и императорская власть в России. Здоровье императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX – начале XX века / под ред. Г. Г. Онищенко. М. : Медиа-Пресс, 2008. С. 19.

Купальня античной эпохи. Тунис, Сбейтла. Возможно, в таких ваннных мылись финикийцы, пунийцы и карфагеняне в первом тысячелетии до нашей эры

Миниатюра – иллюстрация к средневековому рыцарскому роману (Франция). Подглядывая за купающейся дамой, рыцарь видит чудовище. Подлинные христиане моются редко, наслаждение баней – дело язычников и мусульман

Ренессансный дворец Фонтенбло был перестроен Наполеоном в 1807 году в стиле ампира. Справа (для сравнения) – одна из спален императора. Слева – ванная. Бадья между стульями выполняла функцию ночного горшка.

4. Цит. по: Бани серала // www.lj.rossia.org/users/mysea/133602.html
5. Померанцев И. Разговор о протяженности тела // Арион. 1998. № 1. С. 64.

Стены распространяют аромат роз, мускуса, амбры, в курильницах постоянно горит алоэ. От сияния богато украшенных окон в помещении становится еще светлее. Стены сухие, воздух умеренно горяч, а все ванны сделаны из великолепного белого мрамора. В раздевалках сиденья из золота и серебра. Величественный купол первой раздевалки из яркого мрамора можно сравнить только с куполом в Каире. Эта баня, находясь на возвышении, оставляет ощущение устремленности в небеса. Окна выходят на море, на районы Скутари и Кази-кой. Справа от

двери комнаты отдыха расположена комната для музыкантов, а слева – купол помещения казны»⁴.

Посещение бани или частной купальни было тщательно ритуализовано и иногда содержало в себе довольно экзотичные элементы. «Другой исследователь и путешественник по имени Тавернье, прошедший все круги рая в дворцовой бане в 1666 году, рассказал мне в Стамбуле об одной причуде султана. По его словам, в дворцовой бане было особое помещение, где султан в полном одиночестве брил пах. Я спросил Тавернье, почему султан предпочитал бритву мышьяковой мази, хотя известно, что последняя радикально снимает волосяной покров вплоть до мешочка. Ученый ответил, что султан был настолько отважным человеком, что не боялся бритвы. Мазью же пользовались главным образом женщины. Причем натрали ею даже ушные раковины и полость носа. Любопытно, что у девственниц был в бане особый статус. Им, в отличие от женщин, позволялось обнажаться догола, если не считать покрывом длинные кудри с вплетенными в них лентами и украшениями. Накануне бракосочетания невесты по тради-

ции устраивали в бане девичник и в присутствии подруг впервые в жизни обривали тело»⁵.

Иногда ритуальное купание приобретало весьма поэтический и возвышенный смысл: так, омовение в воде Кастальского родника на горе Парнас около Дельф входило в обряд, который проводила пифия перед прогнанием будущего. Позже, в средние века, Кастальский ключ превратился в метафору божественного вдохновения и служения музам.

И сегодня потребление воды на ванне процедуры сильно различается по климатическим и культурным регионам Земли. Всемирная организация здравоохранения установила норму расхода воды – 450 литров в сутки на душу населения. В Западной Европе, где плата за воду довольно высока, как и социальная ответственность населения, потребление воды гораздо ниже: в Великобритании – 140 литров, в Германии – 130. В США водопотребление немного больше – около 200 литров на человека в день. Рекорд по расходу воды принадлежит Объединенным Арабским Эмиратам – 700 литров в день на душу населения.

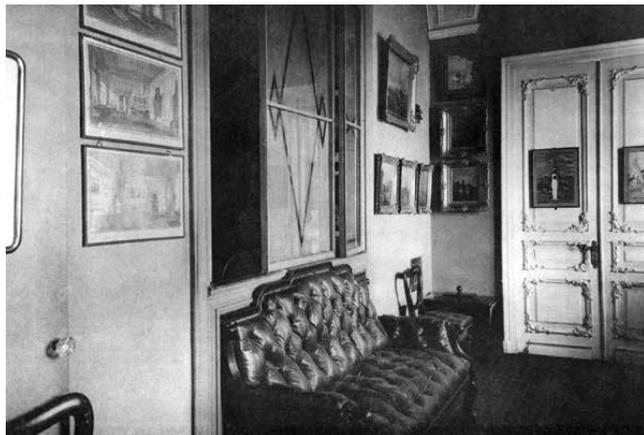
Кстати (вернее сказать, совсем нестати), Россия резко выбивается из общей закономерности «жарче климат – больше водопотребление». Средний россиянин расходует около 400 литров в день, что, скорее всего, объясняется не жарой, а небрежным отношением к этому ценному ресурсу⁶.

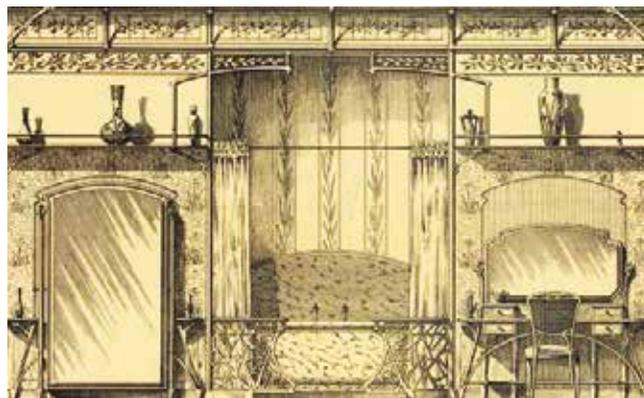
Тем не менее российская традиция устойчиво связывает дизайн дворцовых, роскошных ванн комнат именно со стилистикой стран жарких. В парадном варианте оформления ванной комнаты закономерно преобладают ссылки на мавританскую, турецкую, византийскую стилистику. Некоторые стилистические прототипы использовались уже многократно, например римские бани времен Каракаллы. Некоторые незаслуженно забыты. Триполитания и Карфаген, Китай эпохи Тан и Теночтитлан времен Монтесумы тоже славились величественными интерьерами своих бань. Правда, от них мало что осталось, но ведь и интерьеры римских терм восстановлены в значительной степени воображением художников и дизайнеров нового времени.

Роскошно-ритуальное публичное омовение, очевидно, связано с культом телесной красоты и совершенства. И напротив, враждебное отношение к телу, характерное для суровой культуры средних веков, порождает скромное и стыдливое отношение к интерьеру ванной.

Военная аристократия раннего

Сын сурового Николая I, не менее суровый Александр II не поддерживал роскоши в быту. Ванная императора в Гатчине

средневековья в целом не блистала чистоплотностью. Санитария, водоснабжение и личная гигиена были в замках тесно связаны. Там, где воду приходилось с трудом доставать из колодезев (а колодез в замке мог достигать 80 метров в глубину), брать из цистерн или доставлять за несколько километров, экономное ее расходование было первейшим заветом. Важнее личной гигиены был тогда уход за животными, прежде всего дорогими конями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что горожане и сельские жители морщили носы в присутствии обитателей замков. Еще в XVI веке хроника обосновывала переселение знати из замков аргументом: «Дабы нам было, где мыться»⁷. Неудивительно, что рыцари воспринимали умывание как таинственный процесс, связанный с риском и даже с колдовством.

Строгое и суровое отношение к ванной передавалось в кругу военной аристократии в течение многих веков. Император Наполеон I в зените своей славы велел перестроить дворец Фонтенбло с величественной роскошью стиля, позже получившего название ампир. Лишь одно помещение выдержано в крайне сдержанном ключе – ванная.

Российский император Николай I (жена которого построила мавританскую ванную в Зимнем дворце) в быту отличался поразительной скромностью. Ванна императора – это просто медная сидячая лохань с двумя кранами для горячей и холодной воды. А в любимом дворце Александра II в Гатчине ванная комната вообще больше похожа на кабинет. Сама ванна в ней спрятана и замаскирована под диванчик.

Пуританские нравы английской аристократии тех же времен осуждали телесность до такой степени строго, что даже в знаменитых купальнях города Бас принято было погружаться в воду в довольно громоздком костюме.

Утонченный и богатый в целом, стиль модерн довольно холодно

отнесся к дизайну ванной. В типовых дизайнерских решениях конца XIX – начала XX века купальня выглядит весьма скромно и невыразительно – часто это просто задернутая шторкой ниша, где помещается ванна. Соседние зоны для макияжа и одевания решены с гораздо большей выдумкой и роскошью.

Приступы скромности, впрочем, продолжали вторгаться в купальную тематику и позже. Так, в Соединенных Штатах Америки в 1922 году был принят специальный закон (получивший прозвище «пляжного»), регламентирующий высоту юбки купального костюма над уровнем колена.

Современный дизайнер, проектируя ванную, часто оказывается перед дилеммой – следовать ли традициям имперским, роскошным, или же опереться на не менее почтенные традиции суровой военной аристократии. Или же попытаться совместить эти тенденции, разделив ванную на две микрофункциональные зоны: зону парадного, ритуального омовения (домашнюю баню или сауну) и стро-

го «технологичную» зону (душевую кабинку с минимумом технических сложностей). Опереться ли на богатый опыт украшения ванной цветным камнем, деревом, стеклом, металлами и тканями? Включить ли в интерьер ванной зеркала и живую зелень, ароматизаторы, музыкальную и видеоаппаратуру? Или же искать решение в эстетике минимализма, холодноватого гигиеничного функционализма?

Ответ очевиден: все зависит от того, кем себя хочет чувствовать заказчик, который будет в этой ванной мыться. Хочет ли он быть турецким султаном, византийским императором или римским всадником? Манит ли его обильная роскошь мавританского историзма или экзотика африканских древностей? Или его идеал – император-военачальник, Наполеон или Николай I, английский аристократ викторианской эпохи или американский бизнесмен времен Первой научно-технической революции?

Выбирать – его право.

Константин Лидин

Купание в горячих источниках города Бас. Карикатура Джорджа Крукшенка (1792–1878). Знаменитые купальни построены еще римлянами, но рассчитаны были на совсем иные ритуалы омовения. Оформление ванной в стиле «ар нуво» из французского каталога конца XIX века. Купальная зона стыдливо задернута шторкой и почти никак не украшена

Контроль соблюдения приличий на пляже Потомака (Вашингтон), 1922 год. Полицейский с линейкой проверяет, чтобы расстояние между краем юбки и коленом не превышало положенных шести дюймов

6. Хвостунова О. Водный тренд // Коммерсантъ. Деньги. 2009. № 47 (754), 30.11 – 06.12. С. 32.
7. Schlunk A., Giersch R. Die Ritter: Geschichte - Kultur - Alltagsleben. Stuttgart, 2003.

Иркутск – город многоконфессиональный

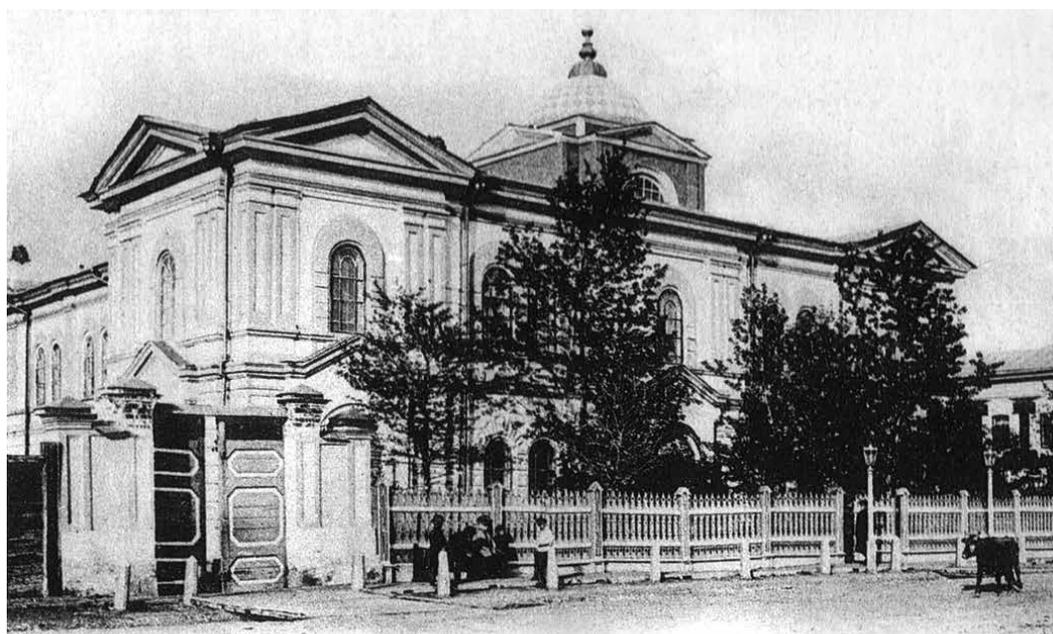
В настоящее время в Иркутской области насчитывается свыше 300 религиозных организаций и групп. Ведущей конфессией, как и в целом по России, является Русская православная церковь (75 % верующего населения, в Иркутске насчитывается 35 православных приходов, в области 198). Таким образом, Иркутск вполне можно назвать многоконфессиональным городом.

Немецкая кирха

Еврейская синагога

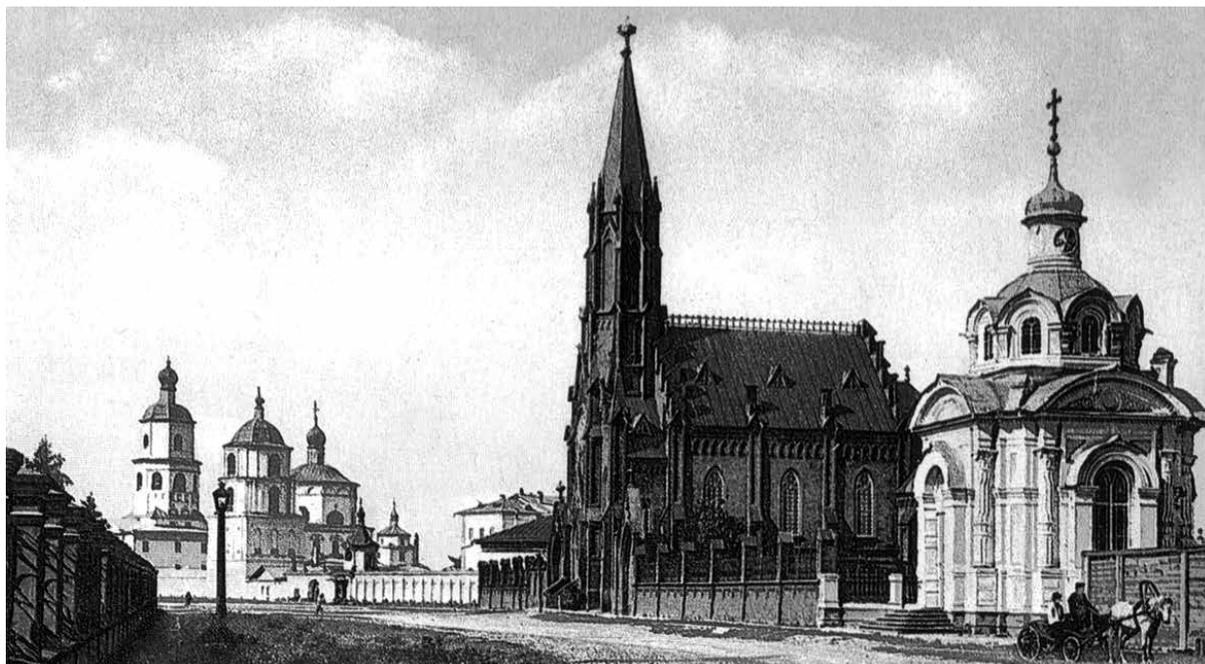

Немецкая кирха

Первая в Иркутске лютеранская церковь была деревянной, ее построили в 1826 году на углу Спасской (ныне Сурикова) и Селивановской улиц. С этого времени Спасскую улицу стали именовать Спасо-Лютеранской. В пожаре 1879 сгорело деревянное здание лютеранской церкви. Каменную во имя Вознесения Господня построили в середине 80-х на новом месте – на перекрестке главных улиц города – Большой (Карла Маркса) и Амурской (Ленина). Работа была закончена в октябре 1885-го, автор проекта архитектор Г.В. Розен. Кирха была закрыта в 1919, позднее занята под общежитие студентов пединститута. Библиотека, находившаяся в двух больших шкафах на хорах, по распоряжению директора института, свезена в утиль... Полностью церковь была разобрана в 1952 году перед открытием памятника Ленину (сентябрь 1952 г.). На открытке справа от церкви деревянный дом, в котором жил пастор лютеранской церкви.

Еврейская синагога

«Зарождение и развитие еврейской общины в Иркутске относится к 60–80-м годам прошлого века. Постепенно возматвавшее количество членов общины требовало необходимости... оформить ее существование. А так как синагога в то время была основной и единственной официально разрешаемой ячейкой общины, то сам собою возник вопрос об «исходатайствовании» разрешения на пристройку молитвенного дома... Ходатайство было уважено Министерством внутренних дел 9 апреля 1878 года». Проект здания молитвенного дома был утвержден 10 мая 1878 года. Строилась синагога на средства членов иркутской еврейской общины. Здание было заложено в 1878-м и к лету 1879 года было почти готово, но случившийся в городе 22 и 24 июня пожар «оставил одни стены от почти законченной постройки...». После пожара здание было вновь отстроено к концу 1879 года. Много сил на воссоздание отдал староста иркутский 1-й гильдии купец Л.О. Лейбович. В середине 1890-х И.Л. Нейман организовал при синагоге библиотеку. 4 мая 1932 года президиум Восточно-Сибирского крайис-

Католический костел

полкома принял решение о ликвидации еврейской синагоги. Вскоре она была закрыта, ее здание заняли государственные учреждения.

Католический костел

Для строительства первого деревянного костела был занят участок земли на Тихвинской (им. Кирова) площади между улицами Семинарской (Польских Повстанцев) и Дворянской (Рабочей). Он состоял из двух частных усадеб, купленных в 1825 году. Построенный в 1826-м деревянный костел простоял до большого иркутского пожара 1879 года, в котором сгорели костел и все его службы. Сбор пожертвований на строительство каменного костела был объявлен в сентябре 1879 года. География пожертвований была весьма обширна – все римско-католические приходы Российской империи, были обращения за финансовой помощью к митрополиту римско-католических церквей России. Все строительство обошлось в 63 163 руб. 16 коп. (на 17 марта 1885 г.), из них 55 958 руб. 84 коп. дали частные лица. Каменное здание было возведено по проекту архитектора И.Ф. (Юзефа) Тамулевича. Работы начались в июне 1881 года, а к декабрю 1884-го строительство в основном было закончено. После освящения, состоявшегося 8 января 1885-го, в нем начались богослужения. Внутренняя отделка костела была исполнена по рисункам и под наблюдением польского ссыльного художника и столяра Войцеца Коперского. Большой алтарь «прекрасной ажур-

ной работы из дерева» установлен в 1888 году, два боковых алтаря в 1892-м. Также из резного дерева был выполнен амвон (кафедра для проповедей), установленный в 1895 году. Выписанная из Варшавы фисгармония доставлена в иркутский костел и установлена в 1896 году. В 1921-м здание костела было национализировано. Попытки закрыть его для проведения богослужений предпринимались несколько раз, однако произошло это в апреле 1938 года. В здании разместилась Восточно-Сибирская студия кинохроники. В 1974–1978 годы проведены реставрационные работы, после чего в помещении костела открыт орган-ный зал Иркутской филармонии (3 ноября 1978 г.).

Справа за оградой часовня Святителя Иннокентия, на дальнем плане старый кафедральный Богоявленский собор.

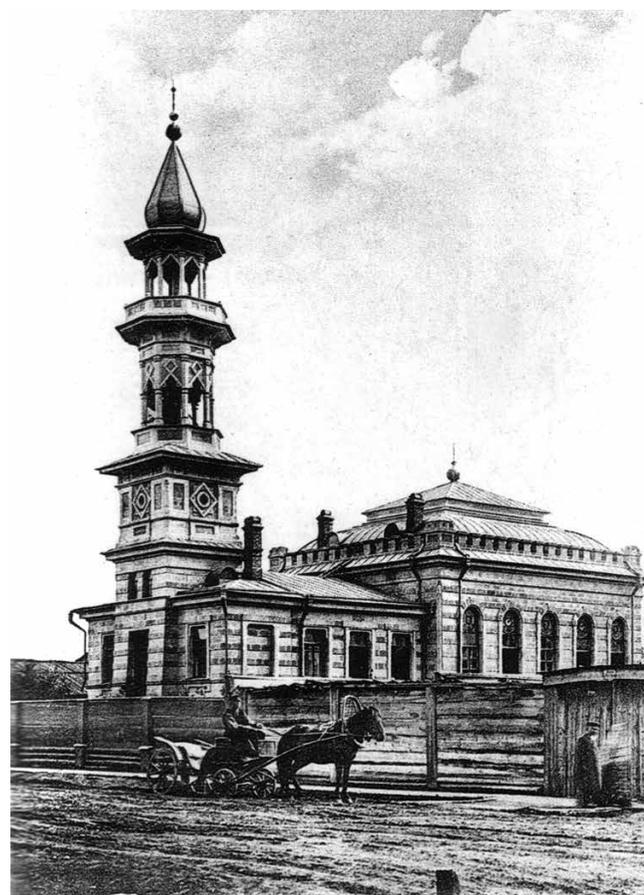
Татарская мечеть

Каменная соборная мечеть на Саломатовской (Карла Либкнехта) улице была построена в 1901–1902 годах на добровольные пожертвования верующих мусульман Иркутска, а также на доходы от усадьбы, подаренной городу братьями З. и Ш. Шафи-гуллиными. Здание выложено из местного серовичного камня на известковом цементе. Верхние ярусы минарета – деревянные. Первая деревянная мечеть была открыта летом 1897 года в перестроенном для этой цели деревянном доме бывшей усадьбы братьев Шафигуллиных. После постройки каменной мечети часть помещений

старого деревянного дома заняло магометанское училище.

По материалам издания
«Медведев С. Иркутск
на почтовых открытках.
1899–1917 :
историко-библиографический
альбом-каталог. М. : Галарт, 1996

Татарская мечеть

Армянская церковь Святого Креста (Иркутск, ул. Байкальская)

авторский коллектив
А.А. Папанян
Р.А. Селиванов

проектирование
1994–2000 гг.

строительство
2004–2008 гг.

Армянское культурное общество образовалось в Иркутске 1988 году благодаря сообществу армян в городе и их инициативе. Сейчас оно ведет активную общественную деятельность – проводит национальные концерты, молодежные секции и игры, сотрудничает со всеми национальными обществами города.

Идея создания культурно-религиозного центра при армянском культурном обществе принадлежит Артему Арамаисовичу Папаняну. По давней национальной традиции на местах строительства храмов устанавливаются хачкары (арм. камень-крест), которые выполняются обычно из базальта, туфа или мрамора. В Иркутске первый такой хачкар был

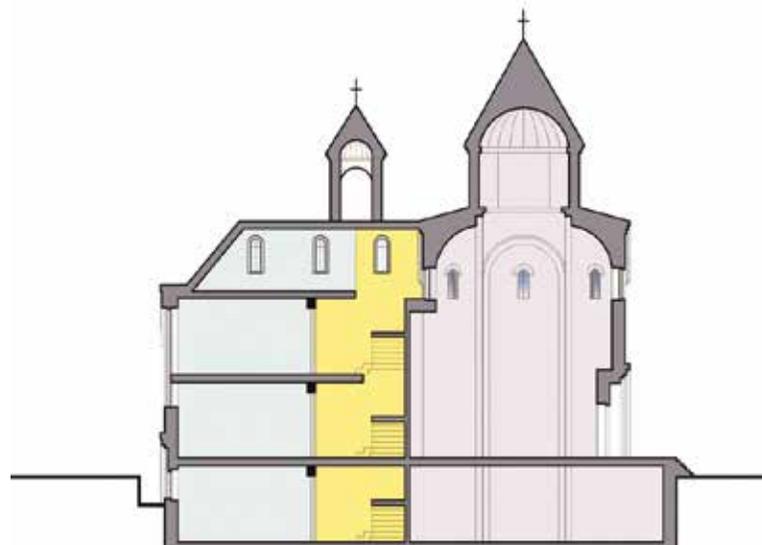
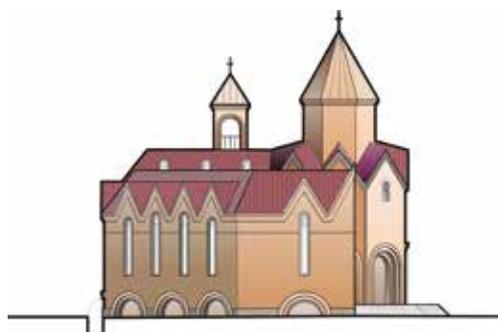
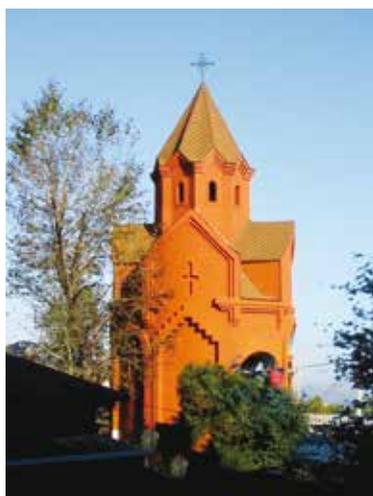
установлен в 2001 году и освящен представителем католикоса отцом Мхетаром, он был выполнен скульптором Сааком Саакяном в Ереване из красного туфа в 1994–1996 годах по эскизам А.А. Папаняна и привезен в Иркутск стараниями предпринимателя С.А. Григоряна.

Армянская церковь – это первая очередь строительства и доминанта всего культурно-религиозного центра. По словам авторов, они стремились создать некий собирательный образ армянского храма, но придать ему и своеобразные черты. С градостроительной точки зрения была попытка вписаться в контекст деликатно, учитывая ценность иркутского масштаба. Силуэт храма просматривается со

многих видовых точек и живописно вписывается в деревянную застройку.

Подобный пример армянского культурно-религиозного центра является пока единственным как в нашей области, так и в мире вообще.

Ирина Гришкевич

Православный храм Святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии (Иркутск, ул. Байкальская)

С чего началась история этого храма? Депутат В.Г. Ильичев на своей предвыборной кампании обещал построить православный храм. Для реализации обещания обратился к архитектору А.Г. Красильникову. Строительством занимался ООО «Востсибстрой». Поучаствовать в долевым строительстве было предложено многим, и многие откликнулись – помогли как финансированием, так и строительными или отделочными материалами. Стройка переросла свои смысловые рамки и превратилась в народное течение: во время возведения храма проводились различные акции, в том числе для молодоженов по закладке «именных кирпичей» в день бракосочетания.

На первом этаже сейчас успешно функционирует воскресная школа, как и было задумано еще на стадии проектирования.

Образ храма получился женский, можно даже сказать «женственный» – план-ротонда, округлая пластика фасадов, подкупольное пространство в форме полусферы. По факту строительства выяснилось, что в храме хорошая акустика, хотя специальных расчетов для этой цели не делалось.

В день святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии 30 сентября 2008 года была отслужена первая в этом храме божественная литургия, после которой была организована торжественная встреча всех, кто участвовал в создании храма.

По словам авторов, выбор места под строительство был обусловлен несколькими факторами, в том числе дипломным проектом 2005 года студентки архитектурного факультета Ирины Тепляковой «Православный храмовый комплекс в Лисихе» (куратор А.Н. Прокудин).

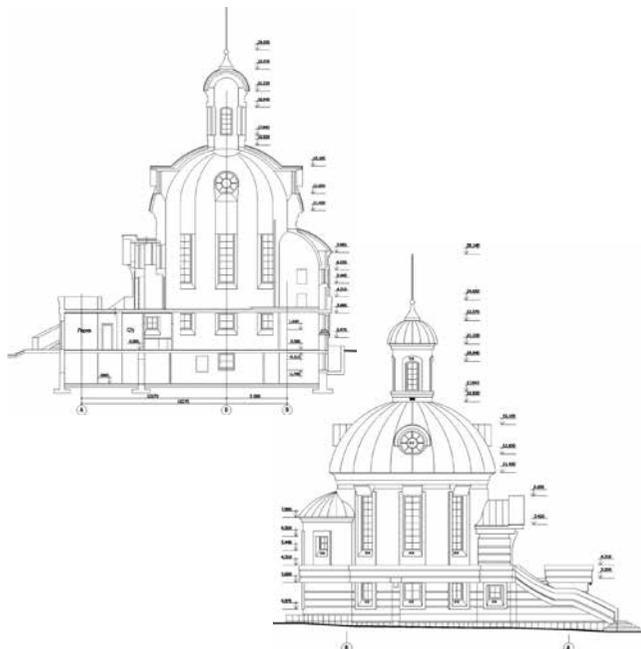
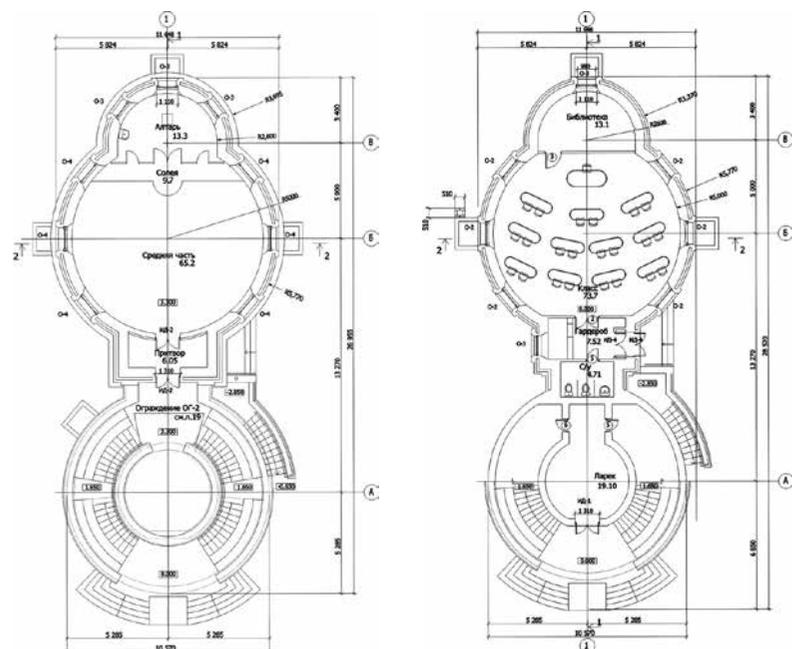
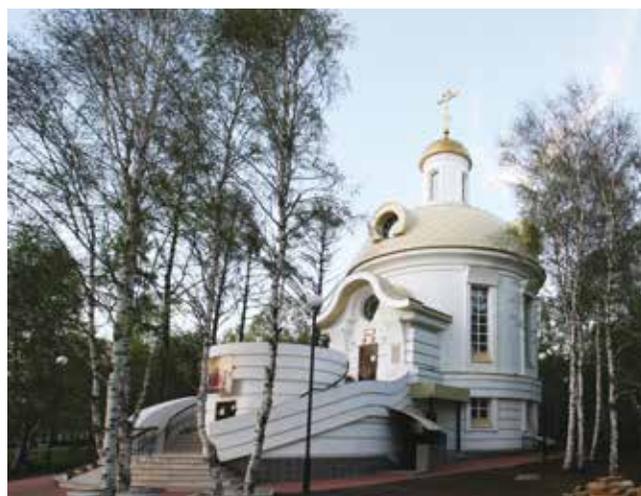
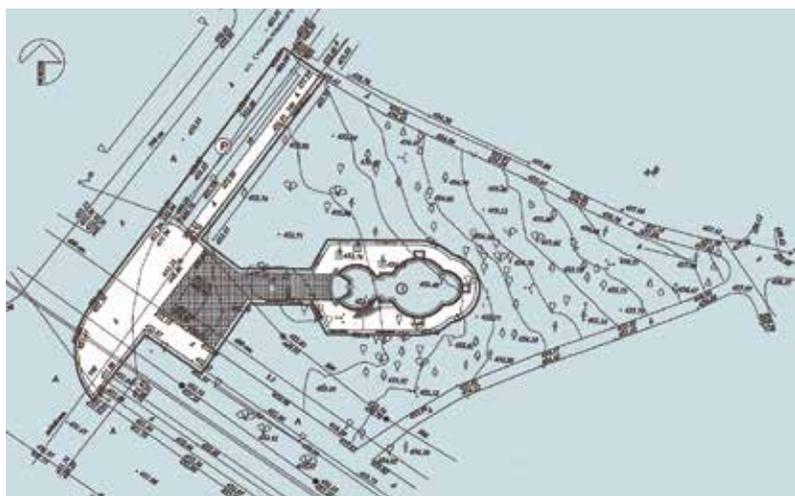
На фестивале «Зодчество Восточной Сибири – 2009» в разделе «Постройки» проект получил Серебряный диплом, на смотре-конкурсе «Градостроительство-2009» – первое место в разделе «Реализованные архитектурные проекты».

авторский коллектив
А.Г. Красильников
В.Ю. Горбенко
Т.Б. Фетисова
Р.Г. Низамова

проектирование
2006 г.

строительство
сентябрь 2008 г.

Ирина Гришкевич

Пространство в диалоге цвета и света: здание библиотеки в Коттбусе

место
Коттбус, Германия

архитекторы
Херцог & де Мерон

проектирование
1998 г.

строительство
2001–2004 гг.

Здание библиотеки построено в 2005 году в германском городе Коттбусе для Бранденбургского технического университета по проекту швейцарского проектного бюро «Херцог & де Мерон». Год спустя библиотека получила премию «Библиотека года –2006». Стремление к современному оригинальному зданию принесло победу швейцарцам в конкурсе 1993 года, хотя в дальнейшем были вынуждены несколько раз переделывать свой проект из-за финансовых претензий.

Своим проектом архитекторы определенно выказывают солидарность с практикой проектирования библиотек последних десятилетий, сменивших роль культурного и научного хранилища на концепцию современных центров культуры в университетах.

Надо напомнить, что библиотека стоит как раз напротив Бранденбургского технического университета, на зеленом лугу. Благодаря близости к столичному региону Германии вуз одновременно является

интересной площадкой внедрения для инновационных ИТ-решений. Новый медиа-, информационный, коммуникационный центр объединил библиотеку, вычислительный центр, в котором обрабатываются административные данные вуза, и был рассчитан на одновременное пребывание 600 человек. Посредством подобных архитектурных проектов ведущие вузы планеты позиционируют себя в современном мире.

Здание библиотеки расположено напротив построенного в 1969 году основного учебного корпуса, который в последние годы радикально модернизируется и внешне, и внутренне. От панельной монотонности учебных зданий не осталось и следа. Фасадные панели корпусов демонтированы и заменены стеклянными стенами. В облике учебных корпусов университета доминирует новейшая идея транспарентности, открытости в окружающее пространство.

В конце концов, чем на самом деле можно «поражать» воображение европейской публики? Некоторые города Европы могут позволить воображению отдохнуть. Разумеется, не в унылой безвкусице, а в чем-то достойном и в то же время скромном. Именно это и показали Герцог и Де Мерон в новой библиотеке-медиацентре.

Парадоксально, что здание библиотеки, призванное пропагандировать самый-самый авангард XXI века, само по себе было выдержано в строгих, сдержанных регистрах фасадов, но в ярком гротеске интерьеров.

Но это был точно рассчитанный прием, и он сработал и вызвал восхищение, никак не связанное с тем, что называется «поражать воображение». Достаточно того, что само здание поражало и поражает своей сдержанностью. Проект библиотеки есть некий стеклянный форпост, то есть многоэтажное многослойное сооружение, полупрозрачное или прозрачное. Залы, лестницы, лифты. Мистерия дизайнерского шоу. Иными словами, от пуританских авторов в интерьере не осталось и следа. И все это скрыто за фасадом из плексигласа, украшенным буквами и символами из различных алфавитов. А цвет букв, изначально белых, меняется в зависимости от угла зрения и погодных условий.

Горожане называют библиотеку «крепостью» и «замком», поскольку выглядит она очень внушительно, да еще и расположена на возвышенности. Впрочем, архитекторы преследовали совсем другую цель, когда создавали проект диковинной

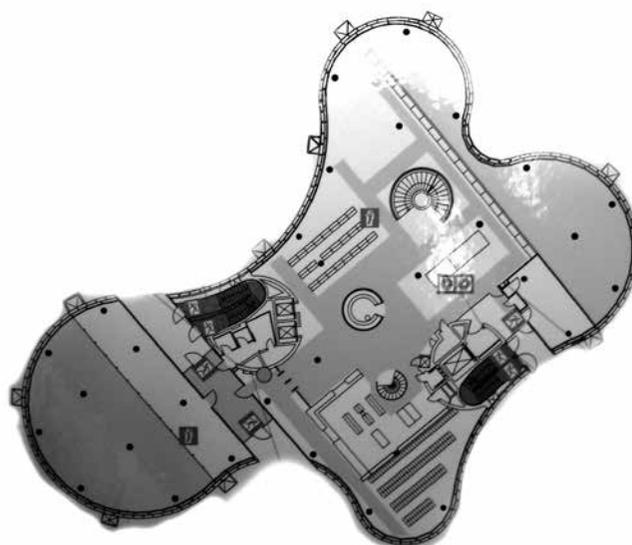
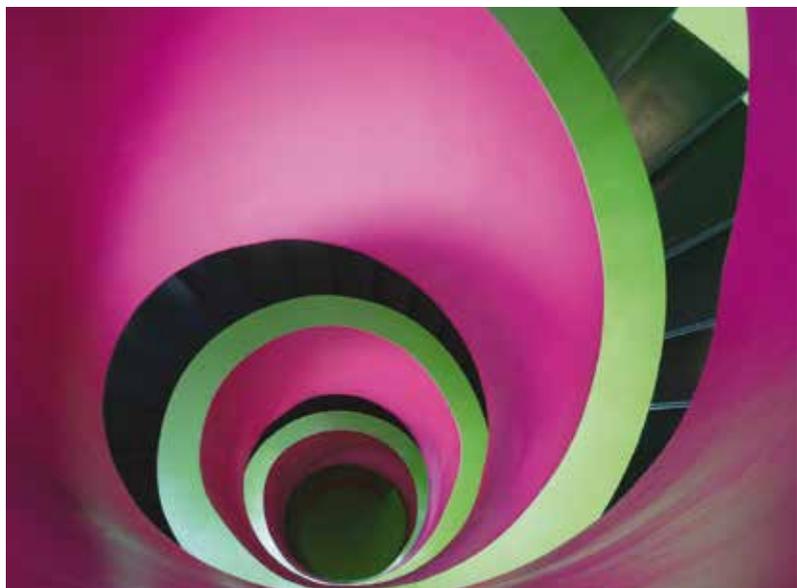

библиотеки-медиацентра: своей формой оно напоминает амебу. Как известно, амеба меняет свою форму, никогда не повторяясь, так и в библиотеке девять этажей, два из которых находятся под землей, несколько не похожи друг на друга.

Есть и логика места. Библиотека на зеленой возвышенности – символ идеальной освещенности для просвещения. Блестящий криволинейный объем 32 метра высотой, оба слоя его стеклянного фасада покрыты декором в виде букв и символами из самых разных алфавитов, выполненных в различных шрифтах изначально белых, меняющихся в зависимости от угла зрения и погодных условий. Пуристическим это здание между тем не назовешь.

Здание скульптурно, трехмерно, изгибы фасадных объемов не сохраняют верность поэтажной структуре. Но все же, по сравнению с окружающими зданиями, это «взрыв», эстетический теракт.

В объектах подобной формы трудно определить, где у здания главный фасад, а где задняя сторона, поскольку библиотека со всех сторон выгля-

дит одинаково. Зато, попадая внутрь, посетители поражаются не только размерами и просторами, но и просматриваемой сквозь этажи разноцветной винтовой лестницей, ведущей вверх, к последнему этажу здания, а также вниз, под землю, к самому нижнему этажу.

Фантастические спирали лестниц, напряженная динамика цветowych линий, идеальные формы дизайна, погруженные в свет крупных интерьерных пространств. Антресольные залы с видом на окружающую здание зеленую террасу как бы группируются вокруг цветowych узлов внутренних коммуникаций.

Дизайн интерьеров ярких, но не распадающихся цветов: опоры и напольное покрытие окрашены в желтый, салатный, пурпурный, ярко-красный и темно-синий. Они контрастируют с металлическим потолком и белым лаком мебели. Окрашенное в пурпур ядро здания и винтовая лестница с массивным парапетом, вертикально пронизывающая постройку, рифмуются с люстрами, также решенными в форме спирали.

Несмотря на то что это полностью застекленное здание и имеет ориентацию также на юг, а запланированные внутри залы и галереи должны иметь, по большей части, стены, проблемы перегрева решены с точки зрения конструкции и современных технологий рационального использования ресурсов. Перегрева не будет, так как использована внешняя изоляция, зимой здание будет обогреваться за счет грунтовых вод и тепла. Лаконичный объем здания с двойной облицовкой: тонкой оболочкой из панелей цветного поликарбоната снаружи и изоляционным слоем внутри, последний впитывает солнечную энергию и препятствует потере тепла. Внутри же конструкция максимально проста: металлический каркас опор и балок поддерживает перекрытия с выступающими или уходящими к центру здания границами этажей. Особенности приборов, установленных в данном здании, и конвекторов в том, что все они выполнены из оцинкованной стали. Привлекает внимание увеличенная ширина кромки рамы, доходящей до окна, все закругления выполняются с помощью вставок, кладущихся на удлиненный торец рамы.

По мнению великого философа XX века Людвиг Витгенштейна, архитектура призвана выражать величие эпохи. Таковым воспринимается здание библиотеки в Коттбусе – продолжение символа величия эпох прошедших и современности.

Людмила Козлова

Многофункциональный торгово-выставочный центр BMW в Мюнхене, Германия / BMW delivery center

Здание находится напротив Мюнхенского олимпийского парка. В соседстве со зданием главного управления BMW, построенным в начале 1970-х, и музеем все здания соединены в единый комплекс мостом, пронизывающим здание выставочного центра.

В конкурсе на проектирование здания принимали участие 27 архитекторов из разных стран. В итоге победили австрийские архитекторы Соор Himmelb(l)au, спроектировавшие здание в стиле деконструктивизма.

«Согласно заявлениям компании BMW, центр представляет собой новое поколение коммуникационных зданий XXI века, и дизайн от Соор Himmelb(l)au соответствует всем экстравагантным ожиданиям клиента. Шестиэтажное здание (с тремя этажами, расположенными под землей и являющимися автомобильной стоянкой) содержит четыре отдельных корпуса, накрытых огромной стальной крышей, которая напоминает вздымающееся облако.

The Double Cone (Двойной Конус) – прекрасное место для выставок и других событий; в Premier находятся VIP-гостиные, администрация, магазины и рестораны; Forum представляет собой что-то вроде театра на 600 мест; а в Hall расположены приемная и торговый центр для посетителей и владельцев автомобилей, которые будут приходить сюда, чтобы забрать новые транспортные средства. Каждый день максимально 250 клиентов будут иметь возмож-

место
Мюнхен, Германия

архитекторы
Coop Himmelb(l)au, Vienna

конструкторы
Bollinger и Grohmann, Schmitt Stumpf
Fruhauf

проектирование 2001 г.

строительство 2003–2007 гг.

площадь участка
25 000 кв. м

общая площадь здания
73 000 кв. м

стоимость строительства
более 100 млн евро

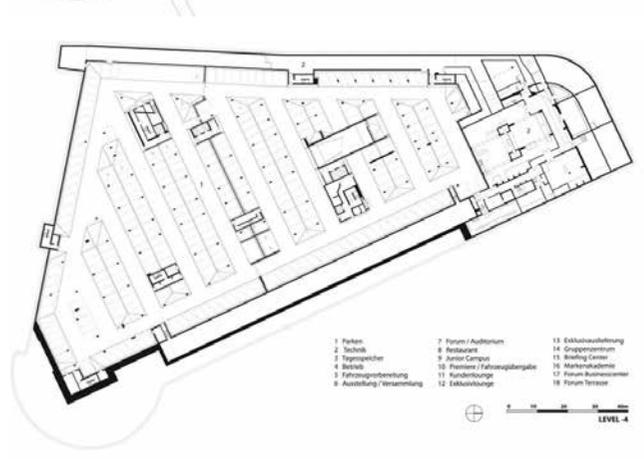
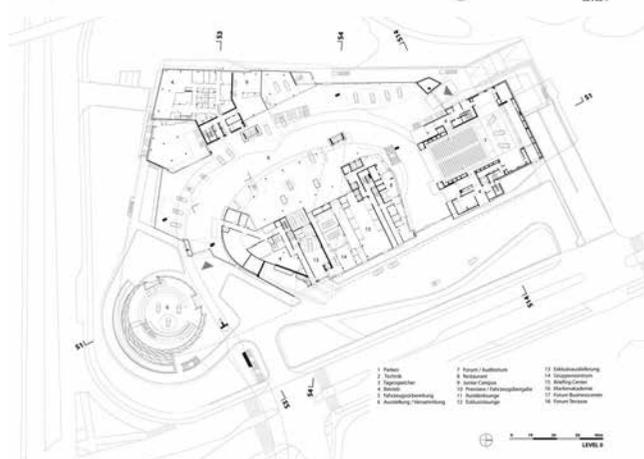
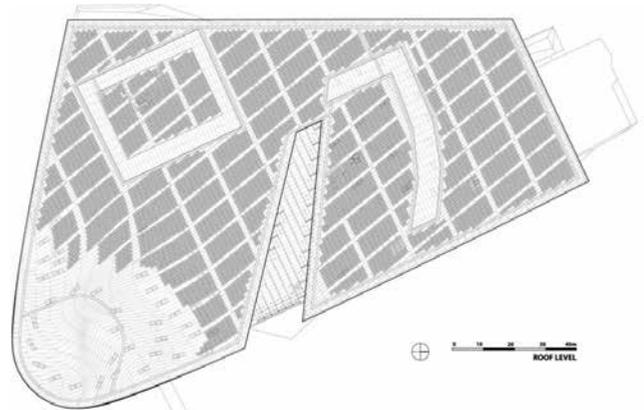
ность приобрести новый автомобиль в BMW WORLD.

Предполагается обслуживать около 850 тысяч посетителей ежегодно. Но обслуживание покупателей – это только полдела. Внизу, в залах трехэтажной подземки, за автомобилями тщательно ухаживают, чтобы показать их в лучшем виде. Стоянка может вмещать до 250 автомобилей. Перед продажей они подвергаются техническим проверкам и затем, вымытые и полностью приведенные в порядок, доставляются наверх к своим владельцам»¹.

Начиная с придуманного американцами Shopping mall, процесс покупки товара превращается в целый праздник. Приобретая товар, покупатели могут выпить кофе, расслабиться в зоне отдыха, посетить кинотеатр и, конечно же, почувствовать эстетическое наслаждение от здания, в которое «упакованы» все эти функции.

Покупка автомобиля – очень ответственный шаг, требующий больших финансовых вложений и серьезности подхода. Это заметно ощущается даже при первом взгляде на здание BMW. Его солидные формы и сложность композиционного решения сразу дают понять, что покупателям будут представлены отнюдь не товары широкого потребления, а дорогостоящие автомобили. И представлены они в блестящей упаковке, ведь так важно соответствующее настроение при выборе той или иной модели и дальнейшей покупке. Все создано таким образом, что вы перестаете чувствовать ход времени, погружаясь в абсолютно иной мир – мир BMW WELT.

Концепция

Реализация технических возможностей здания через создание планировочной модели с пятью тематическими блоками, такими как «Холл», «Зал-премьер», «Форум», «Гастрономия».

Холл

Оптимизация низкотехнологической концепции с помощью высокотехнологических методов.

Техническое решение здесь базируется на предыдущем опыте проектирования крупных залов. Все необходимые характеристики были успешно реализованы согласно низкотехнологической концепции. Взаимосвязь естественного и искусственного освещения с климатом и акустикой, которые влияют на хорошее самочувствие людей находящихся в этом пространстве.

Основной задачей проектирования было сохранение энергии. Огромный холл обогревается с помощью солнечного тепла и естественно вентилируется.

Снабжение свежим воздухом осуществляется с помощью процессов накопления воздушного потока в пространстве фасада и выступающей части крыши. Под давлением и турбу-

лентностью воздух высвобождаются через автоматически открываемое отверстие. Система натуральной аэрации обеспечивает достаточное количество воздуха в холле.

Выставочный зал

Предотвращение распространения выхлопных газов.

Ключевой задачей нового выставочного центра является доставка автомобилей в выставочный зал, вследствие чего выхлопные газы стали серьезной проблемой в проектировании здания.

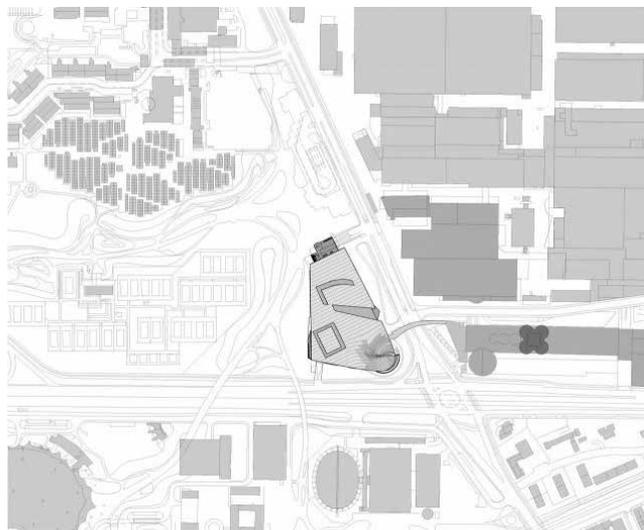
«Форум»

Зал в зале для максимальной гибкости пространства.

«Форум» разделен на пространства для различных событий, рассчитан на 1 200 человек, оснащён всем необходимым оборудованием для показов и конференций.

Артем Ольшевич
Фото Артем Ольшевич,
Анастасия Потапова

Использованы материалы сайтов:
www.coop-himmelblau.at,
www.archdaily.com

0 50 100 150 200
SITE PLAN

Музей Порше в Штутгарте

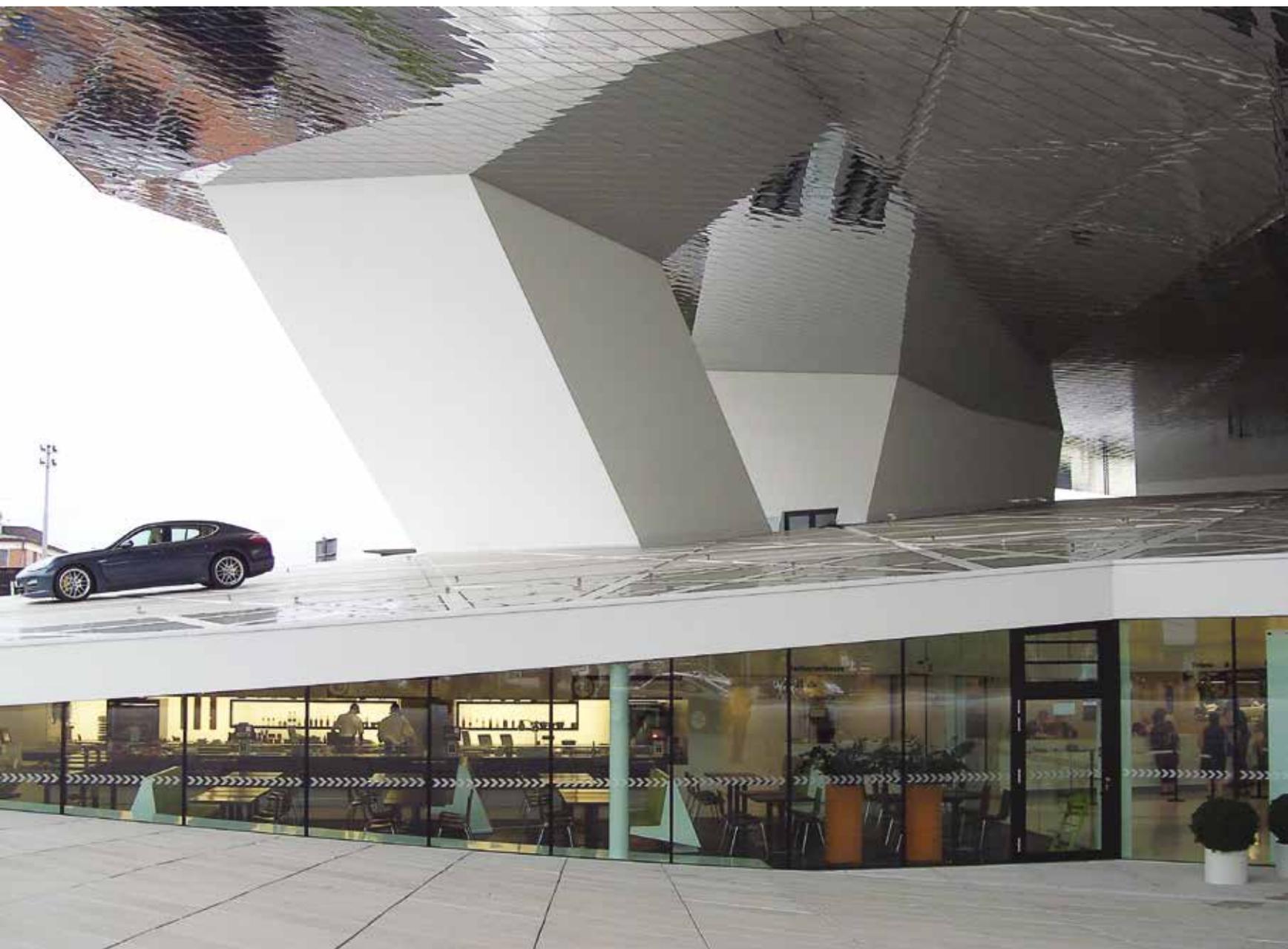
место
Штутгарт, Германия

проектирование
Delugan Meissl Associated
Architects

архитекторы
Delugan Meissl Associated
Architects

проектирование 2005 г.

строительство
2005–2008 гг.

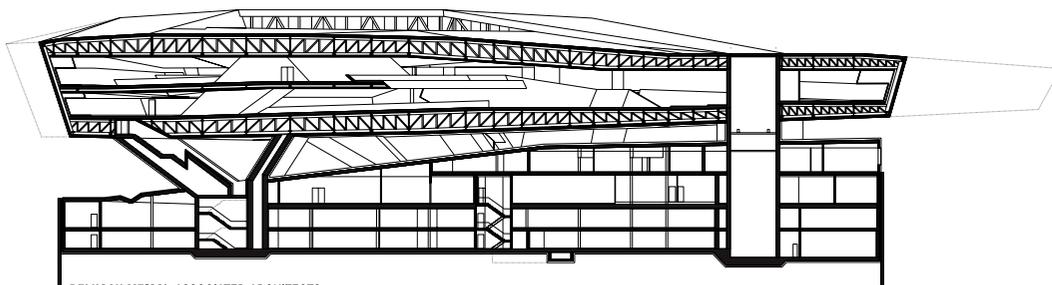
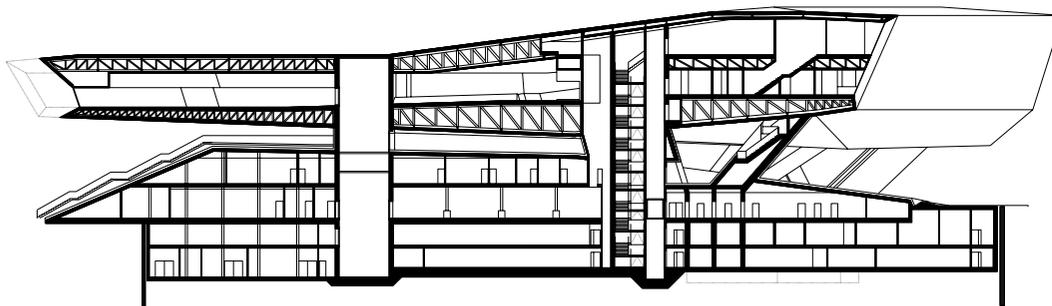
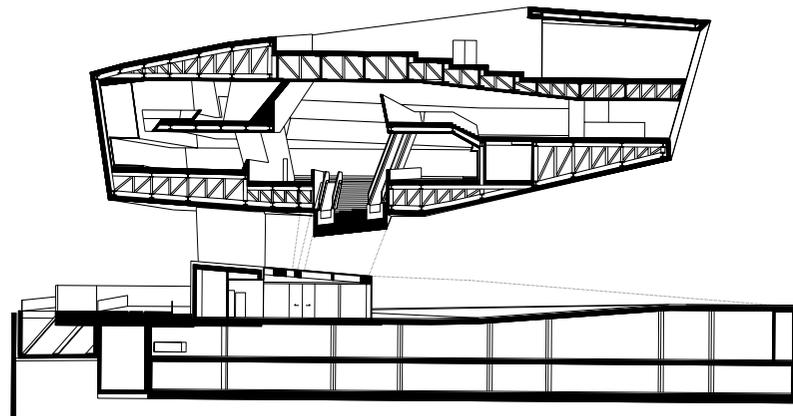

Мастерская основана в 1993 году в Вене архитекторами Романом Делуганом и Эльке Делуган-Майссль. С 2004 года она носит название Delugan Meissl Associated Architects. Роман Делуган родился в итальянском городе Мерано, закончил Академию прикладных искусств в Вене. Эльке Делуган-Майссль родилась в Австрии, в Линце; закончила политехнический институт в Инсбруке. С 2008 года постоянный состав мастерской: Роман Делуган, Кристофер Швайгер, Дитмар Файстель, Эльке Делуган-Майссль, Мартин Йосст.

Об открытии Музея Порше я узнала из своего любимого «AD» и, планируя поездку в Германию, естественным образом, в культурную программу включила посещение и этого объекта. Добраться до музея несложно, он расположен на пересечении всех транспортных магистралей, здесь и железная дорога, причем станция так и называется «Porscheplatz», здесь и автомагистраль. Одно точно: мимо созданного венским бюро Wiener Delugan Meissl Associated Architects здания PorscheMuseum, не замечт-ив его, не проедешь. Завораживающее свечение монолитных, почти парящих форм производит колоссальное впечатление. С этим проектом архитекторы бюро Delugan Meissl попали точно в цель, полностью выполнив требования заказчика – придать месту чувственное переживание, которое подчеркнет аутентичность продукции, спектр достижений и в равной степени отразит характер Порше.

Музей должен был придать площади Порше образ, который ни с чем другим не спутаешь. Здание музея не в последнюю очередь запоминается выдающимся дизайном: динамично оформленное монолитное тело, несомое бетонным ядром, кажется парящим над землей и первым этажом (в воздухе). Этот вид действует на посетителя необычным образом, но презентует себя наиболее привлекательно и переводит динамику Porsche в архитектуру, подчеркивая и делая физически ощутимыми инновации, устойчивость и осознание традиций концерна. Музей должен стать отправной точкой ралли исторических машин, которые ежегодно устраивает Порше.

В июле 2004 года, в ответ на многочисленные пожелания и просьбы клиентов, акционеров и фанатов этих автомобилей о создании адекватного презентационного центра, решение о строительстве музея, наиболее яркого архитектурного объекта в истории корпорации Porsche, созрело окончательно. Почти 170 архитектурных бюро из всех стран Европы стремились заполучить заказ на проектирование и строительство музея. Десять бюро были приглашены к

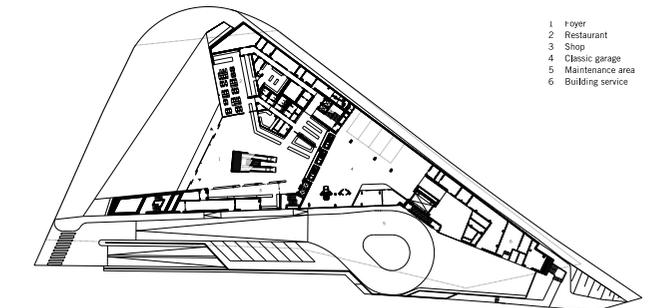
DELUGAN MEISSL ASSOCIATED ARCHITECTS
Porsche Museum Stuttgart, Germany
[Section 3]

0 5 10 20 25

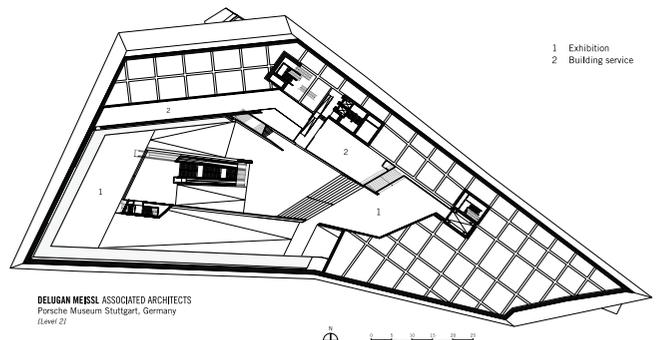
участию в конкурсе. В феврале 2005 года победителем было объявлено венское бюро Wiener Delugan Meissl Associated Architects.

В октябре 2005 года началось строительство уникального объекта. На рубеже 2006–2007 годов были изготовлены так называемый базовый элемент и несущее ядро здания, представляющее собой уникальный с инженерной точки зрения проект. Многогранник выставочного корпуса музея весом 35 тыс. тонн поднят на трех опорах, при его общей длине в 140 метров на основной консольный вынос приходится 40 метров, а длина

пролета достигает 60 метров. Для подземного гаража, первого этажа, первого этажа экспозиции и центральных несущих конструкции были уложены 21 тыс. кубометров бетона. Металлические конструкции, являющиеся основой для выставочного зала площадью 5 600 кв. метров, были полностью закончены осенью 2007 года. Параллельно начались работы по инженерному оборудованию здания и его отделке. Для выполнения этих работ были привлечены 40 фирм и около 250 предпринимателей. И вот, в конце 2008 года, музей распахнул свои двери для посетителей.

- 1 Floor
- 2 Restaurant
- 3 Shop
- 4 Classic garage
- 5 Maintenance area
- 6 Building service

- 1 Exhibition
- 2 Building service

DELUGAN MEISSL ASSOCIATED ARCHITECTS
Porsche Museum Stuttgart, Germany
(Level 2)

Подземная парковка в двух уровнях под зданием музея, где можно увидеть автомобили с номерными знаками членов «Porsche-Club» из всей Европы, лифт, поднимающийся сразу в фойе музея. Билетные кассы, кафе, сувенирный магазин, за стеклом мастерская по ремонту автомобилей, можно наблюдать за работой механиков, – вот собственно и весь первый этаж здания. Из фойе по убегающим высоко вверх эскалаторам посетители попадают в выставочное пространство, позволяющее создать первое впечатление о выдающейся коллекции. Здесь стоит поломать голову: начать ли осмотр экспозиции в хронологическом порядке от момента основания фирмы, либо двигаться прямо к главной части выставки.

Допустимо и то, и другое, так как обе эти части связаны разделом «Идеи Порше». В рамках «идей» показано, что собственно делает продукцию Порше единственной и непов-

торимой. История спортивных автокаров Порше началась в 1948 году с легендарного типа 356 «№1», и все же идейным фундаментом марки явились технические достижения профессора Фердинанда Порше (1874–1951), продолженные его сыном Ферри (1909–1998). Уже с 1931, с основанием собственного конструкторского бюро в Штутгарте, Фердинанд Порше заложил основы сегодняшнего успеха и внес свой значительный вклад в историю автомобилестроения.

В прошедшие шесть десятилетий Порше пережил много взлетов и падений. Но благодаря эффективному методу производства и инновационным моделям, в их числе 356, 911, 914, 924, 944 и 928, а также Boxter и Cayenne, сумел превратиться из мелкого специалиста в области спортивных машин в одного из выдающихся мировых производителей. На верхнем уровне музея выставлены 80 автомобилей, иллюстрирующих историю

завода с момента основания. Рядом со всемирно известными моделями, иконами автостилия, такими, как 356, 550, 911 или 917, выставлены также технические достижения профессора Фердинанда Порше начала XX века. Минималистские бело-черные интерьеры музея наиболее выигрышно подчеркивают красоту экспонатов.

Таким музей увидела я, а, по мнению авторов, «архитектура объекта служит олицетворением скорости, динамики и собранности как основополагающих свойств автомобилей Porsche и находится в живом «симбиозе» с окружающим пространством и постройками».

Светлана Середёнкина.
Фото автора

Редакция журнала выражает признательность авторам проекта за предоставленные для публикации чертежи

Исторические корни современных проблем российского градостроительства¹

Сегодняшняя доктрина использования гигантских территорий северного и приполярного поясов страны для добычи и экспорта природных ресурсов, а также стратегия вторичной индустриализации территорий Сибири и Дальнего Востока принципиально ничего не меняет в базовых составляющих системы расселения России, заложенных еще в начальный период советской индустриализации. Мало изменились и организационно-управленческие механизмы освоения территорий и подходы к поддержанию в нормальном состоянии их инфраструктуры: сегодня, также как в первое десятилетие советской власти, отдельные сферы деятельности и связанные с их реализацией крупные фрагменты территории страны практически целиком переданы во владение государственным хозяйствующим «субъектам». Раньше таковыми были: а) ВСНХ, ведавший всем новым промышленным (прежде всего военным) строительством и связанным с ним гражданским строительством; б) Главное управление коммунального хозяйства НКВД (ГУКХ НКВД), во владение которому были переданы весь жилой фонд и вся коммунальная инфраструктура существовавших городов. А чуть позже к ним присоединился еще один общегосударственный «субъект» – в) Главное управление лагерей (ГУЛАГ), которому были вверены строительство транспортных коммуникаций, ресурсодобыча и первичное инженерное освоение территорий. Именно эти «субъекты», воплощая властные интересы, были основными распорядителями государственных финансов и трудовых ресурсов страны.

Сейчас эту же функцию выполняют их восприимчики: а) отраслевые министерства; б) так называемые вертикально-интегрированные структуры; а также, как и в годы первых пятилеток, в) военная высокотехнологичная индустрия (самолетостроение, судостроение, электроника, космическая техника и т.п.), которая и сегодня рассматривается в качестве маховика развития гражданских отраслей промышленности.

Сегодня в сферу «градостроительного бизнеса» возвращены все уничтоженные в советский период «субъекты» развития территорий и формирования городской среды: частный строительный бизнес, крупный капитал, независимые самоорганизующиеся кооперативные движения. И это резко изменило ситуацию в сравнении с тем периодом, когда государство являлось единственным начальником, финансистом, завхозом (выделяющим материальные ресурсы), прорабом, контролером и т.п. Но и сейчас, несмотря на законодательное появление других субъектов развития территорий, государство по-прежнему остается единственным

способным обеспечивать существование и развитие страны как целого. Никакие частные бизнес-структуры, никакие национальные корпорации, никакие «операторы мировой экономики» не обладают ни идеологией, ни моралью, ни целями, способными воплотить подлинно государственное мышление и подлинно государственный подход в развитии России.

Еще одним законным «субъектом» территориальной деятельности являются сегодня органы местного самоуправления. Но, по большей мере, лишь формально, потому что они, как и в советский период, реальных финансовых средств лишены и вынуждены выработать свои планы по отношению к подвластным территориям в соответствии с интересами «внешних агентов развития» (отраслей и бизнес-структур). Либо, почувствовав вседозволенность, вместо перехода к «общественным» методам управления развитием территорий (т. е. основанным на интересах гражданского общества), продолжают практиковать административные приемы обустройства городской среды, то есть вполне по-советски принуждают проектировщиков обслуживать их интересы, в частности узаконивать в ходе корректировок генпланов те решения, которые местной администрацией были приняты незаконно (в том числе и задним числом), произвольно или даже своекорыстно.

На протяжении последних десятилетий подобная практика приводила не к упорядочиванию сложившихся городских структур, а к усилению стихийности в их трансформации: исторические центры хаотично насыщались крупными объектами торговли и досуга, при этом без решения вопросов комплексного инфраструктурного обеспечения; землеотводы под новое строительство осуществлялись с нарушением красных линий, перекрывая перспективы улучшения дорожной сети; уничтожались и объекты культурно-исторического наследия, и фоновая застройка, рассматривавшаяся властью исключительно как ветхое, обреченное на снос жилище, а не как уникальная среда усадебной мелкокомнатной застройки, наиболее соответствующая предпочтениям российского населения об идеальном образе жизни.

Несмотря на кардинальное изменение идеологии градостроительного управления последнего десятилетия (принятие Градостроительного кодекса и других законов РФ), городская администрация отвергает какие-либо серьезные вмешательства общественности в процессы принятия градостроительных решений. Она саму себя рассматривает как единственный орган, выражающий подлинные чаяния и интересы населения, а депутатский корпус, по привычке советского вре-

мени, стремится использовать исключительно для законодательного одобрения самовольно принимаемых ею решений. Местная администрация не желает воспринимать изменение законодательных и социально-политических основ осуществления градостроительной политики в их глубинных основаниях: она убеждена, что градостроительная практика (да и теория тоже) должна обслуживать исключительно ее интересы. Она не желает оплачивать прикладные исследования, отвергая объективные знания и принимая лишь ту информацию, которая ей выгодна и которая соответствует ее планам. Она профессионально поддерживает идеологию прямого управления территориями и внешнего регулирования процессами «саморазвития». За последнее десятилетие административный аппарат блестяще научился в рамках существующего законодательства избегать предписанного ему учета мнения гражданского общества, научился имитировать участие населения в общественных слушаниях, научился маскировать свои действия, прикрываясь доводами «экономической целесообразности», научился демагогически мимикрировать под демократические лозунги; но не перестал быть закрытым для любых вмешательств местного сообщества, профессиональной общественности, экспертов со стороны фундаментальной и прикладной науки, не перестал осуществлять «жесткий» диктат в отношении проектной документации, не занял позицию служения интересам населения.

Сегодня организационно-управленческие и законодательные усилия государства в отношении среды обитания направлены в обратном направлении, нежели в начале советского периода. Если в послереволюционные годы советская власть стремилась ликвидировать многоукладное городское хозяйство, стянув в свои руки все механизмы оперирования с жилищем, то сейчас, наоборот, старается это хозяйство возродить. Тогда власть боролась с любым проявлением частного владения и распоряжения жилищем и прилегающим участком земли, изымая землю в общегосударственную собственность, а персональное жилье заменяя коммунальным (т. е. тоже общегосударственной формой собственности); сейчас же старается инициировать обратный процесс и передать сферу строительства жилища исключительно частному капиталу, оставив за собой лишь функции распределения земли, кредитов и проч.

Но происходит это на фоне прежней структуры расселения и прежнего подхода к планированию развитием территорий.

Расселенческая политика в период 1929–1932 годов осуществлялась совет-

1. Подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка градостроительных принципов развития функционально-пространственной структуры контактно-расположенных городов: агломерации в системе расселения современной России». № 09-06-13520-офи_ц. 2009–2010.

кой властью в контексте программ индустриализации и коллективизации, что предположало отрыв масс крестьянства от земли и принудительное перемещение их в существующие города, которым присваивалась функция базовых центров освоения: они призваны были принимать значительные массы «раскрестьяненного крестьянства» в качестве трудовых ресурсов, опролетаривать его за счет включения в трудо-бытовые коллективы, а затем организованно направлять трудящихся к местам расположения новых промышленных предприятий, в центры зон индустриального развития – соцгорода. Сейчас, наоборот, программы власти направлены на удержание населения в сельской местности, на привлечение сюда широкого круга специалистов, на возрождение российской деревни, на поддержку малых городов и теряющих свое население мелких «неперспективных» поселений.

Реорганизация и тогда, и теперь проходит в условиях противодействия со стороны старой системы – в 1920-е годы это была дореволюционная система управления городами и сформированное в ее рамках «городское дело», сейчас – остатки «советского» менталитета, на котором до недавнего времени основывалась, а в каких-то аспектах, и сейчас продолжает основываться структура управления «жилищно-коммунальным хозяйством».

Многие социально-культурные и социально-психологические черты ситуаций совпадают: а) люди не несут ответственности за состояние жилища, в котором обитают, не желают вкладывать собственные средства в текущий ремонт и поддержание в исправном состоянии даже приватизированного жилья, потому что зарплата рядовых рабочих и сотрудников учреждений не обеспечивает достойного уровня жизни и наличия средств, которые могут быть добровольно вложены в текущий ремонт, а кроме того, право их собственности на недвижимость эфемерно; б) администрация городов, вынужденная выполнять обязательства по отношению к различным категориям льготников, в условиях продолжающегося острого дефицита жилья, возрождает коммунальное заселение; в) органы жилищно-коммунального хозяйства все больше и больше склоняются к формам жесткого администрирования (штрафы, отключения воды, света, газа и проч., переселения, выселения и т.п.), не приобретая при этом качеств рачительного попечителя о жилище и т.п.

Концепция соцрасселения рассматривала социалистические города как регулятор миграций населения. Если человек хотел обрести жилье, он знал, что следует ехать в строящийся соцгород, где он поступал на работу и

получал от дирекции завода сначала комнату в бараке, затем в общежитии, потом комнату в семейном бараке, потом комнату в коммунальной квартире, а потом имел шанс обрести (при условии, если он будет правильно себя вести и хорошо работать) отдельную квартиру. Тем самым, за счет всеобщего дефицита жилья, соцгород удерживал население от миграции в другие места (даже если условия труда здесь были очень плохие) – у ушедшего с работы человека жилье отнималось, и он терял выслугу лет, повышавшую шансы в получении крыши над головой. Сегодня мало что изменилось: жилище продолжает привлекать людей к тому месту, где они его имеют. Потому что, зачастую, в местах, где уровень жизни значительно выше или диапазон социально-культурных возможностей много шире, точно так же значительно выше и цены на жилье. А там, где цены на жилье ниже, как правило, сужен спектр возможностей выбора мест приложения труда и форм самореализации.

Соцрасселение основывалось на представлении о структуре валового национального продукта, рассматривая размещение промышленности по территории страны как разветвление единого процесса производства и распределения продукции. К этому процессу прикреплялись люди. Это означало, что не должно было существовать никаких городов без наличия в них градообразующего предприятия (промышленного объекта, военно-исследовательского центра, транспортного узла, энергетического комплекса, ресурсодобывающего предприятия и т.п.). Сегодня ситуация изменилась. И поставила неразрешенные пока вопросы: как проектировать, например, туристические города, чтобы деятельность в них не замирала в межсезонье; нужно ли формировать города – религиозные центры – и как это делать; возможны ли в российских условиях развивающиеся и благополучные города-музеи; как сделать инвестиционно привлекательным город – учебный центр?

Какие «непромышленные» импульсы развития сегодняшних городов должны воплощать современные градостроители в своих проектах? Могут ли постиндустриальные феномены выступить реальными факторами проектирования нового типа расселения и формирования инновационных видов городских структур? Возведение каких типов жилья следует инициировать и обеспечивать государственным (или муниципальным – на местном уровне) протекционизмом, для того чтобы реально в максимально короткие сроки обеспечить людей хоть каким-то собственным жильем – малоэтажное индивидуальное высокоплотное или многоэтажное многоквартирное?

Социалистическое расселение основывалось на приоритете «произ-

водства». «Жизнь» рассматривалась как обслуживающая, обеспечивающая – власть допускала только те ее проявления, которые способствовали развитию производства. В истоке идеи размещения жилья вокруг объектов промышленности лежала убежденность в том, что техника есть средство решения всех проблем, в том числе и социальных, и, например, новая современная фабрика или завод должны являться центрами общественной жизни населенного места. В соответствии с ней в СССР каждый отдельный населенный пункт возникал, прежде всего, как строительство производства, а уже во вторую очередь, как размещение «жилища при нем». Это определяло многие процессы функционирования и развития соцгородов – поселений нового типа. Прежде всего, финансовые, организационно-управленческие, социально-демографические и проч. Какие принципиально иные постулаты выдвигает сегодняшняя градостроительная доктрина России? Какие механизмы развития существующих населенных мест способны обеспечить их эффективное существование? Какую концепцию должны воплощать современные проектировщики, чтобы обеспечить устойчивое повышение качества собственно «жизни»?

Соцрасселение основывалось на принципе искусственного развития городов: государство само решало, где строить город, какой величины он должен быть, сколько в нем должно проживать населения, сколько должно быть кинотеатров, столовых, учебных заведений и каких, сколько магазинов и что в них должно продаваться. В результате фактически исключалось саморазвитие городов, основанное на инициативе населения или местной власти, направленное на формирование самобытного, особенного образа жизни, отличающегося от других мест. Сегодня стихийно проявляются факторы, активизирующие развитие населенных пунктов. И местные власти стараются, по возможности, использовать эти факторы, использовать эти факторы и тенденции должны материализовать градостроители, чтобы дать местной власти возможность инициировать возможности постсоветских городов к саморазвитию? А каким обязаны противостоять? Какие тенденции в развитии городов должны сегодня пользоваться государственным протекционизмом для искусственного внедрения новых форм организации деятельности и нового качества жизни? Какие феномены культуры, градостроительного бизнеса, социальной самоорганизации населения следует считать соответствующими генеральной стратегии развития современной России?

Преодолеть себя: проблемы государственной организации градостроительной деятельности на современном этапе развития России¹

Любая профессия, так же как и любая социально-экономическая система, развивается исключительно через внутренние или внешние кризисы. Собственно, их преодоление и есть развитие. Специфика отечественной специальности градостроителя определена тем давлением, которому она подвергалась со стороны государства на всем протяжении существования СССР. Власть так упорно и с такой мощью изламывала архитектурную профессию, принуждая ее быть послушным визуализатором решений, принимаемых в иных инстанциях и из иных соображений – обороноспособности, ресурсодобычи, транспортного строительства, интересов авиационной, атомной и космической промышленности, постулатов экономгеографии, требований заполнения населения пустующих глубинных и пограничных территорий страны и т. п., что теперь отечественному градостроительству никакой финансовый кризис не страшен.

А вот внутренний кризис профессии переживает уже больше десяти лет. И заключается он вовсе не в отсутствии денег, активизирующих деятельность строительного комплекса и не в уменьшении заказов на проектирование. А в том системном переформатировании роли государства в управлении градостроительством, которое фактически уже завершилось, но к которому профессия оказалась не только не готова, но которое она до сих пор даже не осознала.

В советской системе градостроительного проектирования преэминентность проектных решений обеспечивалась за счет организации процесса проектирования «сверху – вниз». Генеральным документом градостроительного планирования и государственного регулирования высшего уровня была Единая система расселения по территории страны. Она формировалась на основе отраслевых планов размещения промышленности, перспектив строительства транспортных коммуникаций, планов формирования энергетических узлов, разработки новых месторождений, возведения поселений, сосредотачивающих трудовые ресурсы и т. п. Исходя из стратегических решений, зафиксированных в схеме расселения, на следующем (нижележащем) уровне проектирования разрабатывались схемы расселения

по территориям союзных и автономных республик, краев и областей. Последующий уровень проектной проработки воплощал фрагмент общего, так называемого «народнохозяйственного плана» в генеральных планах городов и систем населенных мест и т. д.

Движение от «общего к конкретике» гарантировало «передачу» достоверных исходных данных от верхнего уровня (государственных плановых органов) через нижележащие уровни – республиканского и городского планирования и проектирования – к областям, краям и локальным системам населенных мест, и далее – к городам и поселениям, вплоть до самого мелкого масштаба.

В этой последовательности разрабатывалась вся проектная документация в советское время, а также основные проектные концепции начала постсоветского периода. В том числе и последняя – Единая схема расселения на территории России (1994–1997), которая формировалась как централизованно-плановая, не предполагавшая вмешательства каких-либо «естественных» деструктивных тенденций, не предусматривавшая протекания каких-либо иных градостроительных процессов, кроме уже учтенных и предварительно запланированных.

В самом конце 1990-х годов вся процедура формирования градостроительной документации, отработанная десятилетиями проектной и научной деятельности, воплощенная в понятной и очевидной последовательности действий, в одно мгновение перевернулась вверх тормашками – Градостроительный кодекс и корпус смежных с ним законодательных документов, задал совершенно иную последовательность разработки документов территориального планирования. Она, в противоположность «советской» процедуре градостроительного проектирования, описанной выше, осуществляется «снизу – вверх».

Лежащая в основе этого подхода стратегия «местного сообщества» на сегодняшний момент имеет многогранную трактовку: а) «социальную» – решение определяется сообществом граждан, проживающих на территории, совместно с общественными организациями, а также руководством располагающихся здесь же фирм и администрацией муниципальному образованию; б) «планировочную» – инициативы сообщества микрорайонов (community of communities) «проверяются» на соответствие приоритетной цели, например, «обеспечение открытости, доступности и дружелюбия территории»; в) «экологическую» – обеспечение условий равноправного совместного существования на одной территории человека и обитающих здесь же иных биологических видов; г) «профессионально-конкурсную» – конкурентная деятельность проектных организаций, способных предлагать идеи и разрабатывать решения, адекватные пожеланиям и возможностям населения² и т. п.

Но какие бы трактовки стратегия «местного сообщества» не несла, главное в ней то, что основной и фактически единственной движущей силой порождения и воплощения любых градостроительных идей является собственно население. Именно его интересы должны задавать возможности прихода на территорию частных инвесторов. Именно его решения задают перспективы развития территории. Именно его амбиции предопределяют так называемое «неформальное планирование» – начальную стадию проектного процесса, заключающуюся в непосредственном выражении своих «потребностей» на собраниях советов «микрорайонов»³ («нейборхудов», «комьюнити») и общественных дискуссиях. Они проводятся при свободном доступе всех желающих жителей микрорайона. Эта стадия работы завершается формулировкой проектной задачи. Проект, выполненный на основе этих пожеланий является основной и конечной целью разработки документов территориального планирования. На более высоком уровне планирования осуществляется лишь «состыковка» и взаимосогласование этих «низовых» проектов. Региональные или общегосударственные проекты не обладают приоритетами и правами высшей инстанции по отношению к проектам местных сообществ. К проектам местных сообществ они относятся не с позиции главенствования, а как к равноправным суверенным партнерам.

Последовательность «снизу – вверх» определяет не только разработку документов территориального планирования, но также научное и управленческое обеспечение развития поселений.

1. Подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка градостроительных принципов координированного развития функционально-пространственной структуры контактно-расположенных городов: агломерации в системе расселения современной России». № 09-06-13520-офи_ц. 2009–2010.
2. Кукина И.В. Концептуальное осмысление структуры «агломерации» в зарубежных странах. 2009. 7 с., рукопись.
3. Термин «микрорайон» («соседство», «коммуна», «урбо-деревня (urban village)» и т. п.) в данном случае отличается от его отечественной трактовки. «Микрорайоном» может являться любое по численности сообщество жильцов любого локального фрагмента территории. Так, «микрорайоном» может быть улица, заселенная преимущественно представителями одной нации или этнического меньшинства, осознавшими себя единицей самоуправления; квартал или группа кварталов, небольшое жилое образование и т. п.

4. Медведев Д.А.
«Россия – вперед!»:
www.gazeta.ru/
comments/2009/09/10_
a_3258568.shtml

Изменение процедуры градостроительного проектирования кардинальным образом изменило и само содержание проектного продукта, и характер достоверности исходных данных, и роль частных интересов заказчика, и характер прикладных теоретических знаний, и многое-многое другое.

Сегодня в сферу «градостроительного бизнеса» возвращены все уничтоженные в советский период «субъекты» развития территорий и формирования городской среды: частный строительный бизнес, крупный капитал, независимые самоорганизующиеся кооперативные движения. И это резко изменило ситуацию в сравнении с тем периодом, когда государство являлось единственным начальником, финансистом, завхозом (распределяющим материальные ресурсы), прорабом, контролером и т. п. Но и сейчас, несмотря на законодательное появление других субъектов развития территорий, государство по-прежнему остается единственным способным удерживать страну как целое. Никакие частные бизнес-структуры, никакие национальные корпорации, никакие «операторы мировой экономики» не обладают ни идеологией, ни моралью, ни целями, способными воплощать подлинно государственное мышление и подлинно государственный подход в развитии России.

При этом на протяжении всего советского периода градостроительство являлось единственной дисциплиной, способной обеспечить деятельность государственного управления комплексным системным знанием. Потому что только градостроительство умело осуществлять системную оценку разных факторов использования территории и природных ресурсов: взаимосвязанного размещения промышленности и мест добычи, переработки, и транспортировки сырья, формирования инфраструктур и т.п. И что самое главное – только градостроительство умеет делать проекты, которые позволяют за счет непринудительных мер удерживать человека там, где он нужен, – создавая такое качество искусственной среды обитания, которое способно исправлять негативные условия природного и социального окружения.

Градостроительство – и в России, и во всех других странах – это единственная дисциплина, которая способна находить баланс между общественными и частными интересами, отраслевыми устремлениями и потенциалом природного окружения, размерами производства и расстоянием до места работы, типами жилья

и потребностями населения, возможностями транспортной инфраструктуры и стремлением людей к учебе, отдыху, традициям, культуре, историческому окружению, памяти места и т. п. Причем делать это, воплощая государственные интересы.

Далеко не всегда эта способность была востребована в СССР. Не очень, к сожалению, востребована она и сейчас. Но именно на ней и в советский период, и сейчас основывается профессиональное образование; именно она воплощалась в лучших образцах проектной практики, идеологически отстаивалось в высказываниях мастеров градостроительства, понятно и знаниево закреплялась через науку.

Следует констатировать, что сегодня, в отличие от советского периода, государство кардинальным образом изменило свою позицию. И законодательно, и в публично декларируемой попытке руководства страной переломить «...застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство»⁴. Произошел окончательный отказ государства от принятия на себя ответственности за состояние дел на местах, в том числе и за содержание градостроительной документации. Эта ответственность возложена на органы местного самоуправления. А общественный контроль за их деятельностью – на демократические институты и гражданское общество.

Правда, в реальности, передача прав и ответственности местному сообществу (местному самоуправлению) опирается в безволие и покорность людей; в сохраняющееся в общественном сознании состояние ожидания того, что решение жизненных проблем осуществится сверху.

В этой ситуации градостроительное проектирование испытывает непреодолимые сложности, связанные с утратой привычного «заказчика»; с тем, что в соответствии с сегодняшним законодательством, деятельность урбанистов в решении градостроительных проблем должна опираться не на государство, а на местную власть, на демократические институты и на гражданское общество. Проблема, которая острее всего образом стоит сегодня перед профессией, заключается в том, что в сегодняшней России местная власть не способна выступать ответственным заказчиком. Превратившаяся в последнее десятилетие из государственных служащих в девелоперов, она отстаивает прежде всего собственные интересы или интересы коммерческих структур, от которых она зависима. И следовать этим

интересам означает либо лгать себе, либо сознательно изменять профессиональным ценностям. Следовать запросам гражданского общества невозможно: оно не научилось саморганизовываться и внятно оформлять свои цели и предпочтения. Качество демократических институтов настолько не развито, а уровень самоуправления населения настолько низок, что реально влиять на принятие властных решений, они никак не способны.

Но много на ближайшие десятилетия не предусмотрено. И уповать на вмешательство государства в эту ситуацию бесполезно.

Другая проблема, заключается в фактической ликвидации прикладной науки и в изменении господствовавшего в Советском Союзе представления о человеке как материале: управления, политического воздействия, производства, заполнения городов. Население рассматривалось в советской расселенческой доктрине прежде всего как послушная демографическая масса, которую в нужном количестве можно было перемещать в нужные места и которая обладала теми или иными характеристиками: поло-возрастными, образовательными, платежеспособным, квалификационными и т. п., но не волей к самовыражению.

Метод «трудового баланса», с помощью которого определялось потребное количество обитателей селитбы при промышленности, не предусматривал права свободного перемещения по территории страны. Он основывался на закреплении подле градообразующего предприятия ровно такого количества трудовых ресурсов (и такого качества), которое требовалось для бесперебойной работы производства. Дефицитом жилья, пропиской, трудовыми книжками и самой процедурой трудоустройства естественные миграции сводились на нет.

Сегодня население приобрело возможность утекать туда, где ему комфортнее, где легче прокормить себя, где разнообразнее жизнь и шире перспективы устройства собственной судьбы, где богаче возможности для образования, карьеры, удовольствий, сохранения здоровья и т. п. Туда, где есть наиболее комфортная среда для личной жизни и творческой деятельности.

Но у нас, проектировщиков, нет форм контакта с таким потребителем, он никак не представлен в нашем знании. Мы не владем никакой информацией о том, каков этот современный человек (в различных его проявлениях), что ему нужно,

в чем заключается его представление о комфортной среде обитания. Научные исследования подобного рода за последние десятилетия фактически не проводились. У нас нет реальных данных о «потребностях потребителя». Прикладная наука в градостроительстве, увы, исчезла. Фундаментальная наука пока, слава богу, еще как-то существует, так как Академия (РААСН) ежегодно направляет свои и без того скудные средства на ее поддержание. Но сложным образом организованной, развернутой, мощной системы прикладной науки советского времени больше нет. И в итоге мы до сих пор вынуждены использовать и советский «метод трудового баланса», и усредненные, обобщенные, фактически советские показатели «квадратных метров на душу населения» и... Но в современных условиях все это немислимая глупость.

Следующая проблема заключается в том «разрыве» (возрастном, квалификационном и технологическом), который сегодня переживает вся система градостроительного проектирования. Это «разрыв» между «ветеранами-мастерами» и «молодежью». Он состоит в том, что живой опыт проектной деятельности, который несут на себе мастера советской школы, во-первых, не передается молодому поколению (ветераны прекрасно умеют проектировать, но, как правило, не умеют этому учить). Разрыв определен также и тем, что опыт мастеров лишь частично применим в условиях современного законодательства, потому что они идеологически не способны принять отдельных положений и самого духа требований Градостроительного кодекса. А также тем, что мастера советской эпохи совершенно не способны работать в рамках современных форматов изготовления проектной документации в условиях тотальной компьютеризации проектного процесса (на кальке могут, на экране – нет).

В целом, выполнение проектных работ (в том числе таких «инновационных» объектов, как агломерации, особые экономические зоны, уникальные экспозиционные и спортивные комплексы, рекреационные территории и т. п.) по сей день следует традиционной организации проектной практики и схемам принятия проектных решений, характерным для градостроительного проектирования советского периода. В той мере, в какой научные знания и понимание общих закономерностей позволяют ветеранам-мастерам интуитивно обнаруживать верные решения, – они адекватны сегодняшним

задачам; в той степени, в какой они остаются приверженцами исключительно художественно-творческого подхода и не хотят менять свое профессиональное мировоззрение и привычные прототипы проектных решений, – они сдерживают процесс технологического и кадрового развития профессиональной сферы.

При этом молодежь лишена организационных возможностей для самовыражения в проектной практике, в кардинальном обновлении технологии проектирования, в разработке приемов поточного изготовления проектной документации; она выражает недовольство плохой внутренней организацией и нерациональностью осуществления процесса проектирования, непрозрачным распределением денежных средств и величиной заработной платы по конкретным проектам и в целом. Молодежь, в отличие от мастеров, прекрасно понимает, что генеральный план значительно менее значимый документ, нежели, например, такие «бумажки», как правила зонирования и застройки или градостроительные регламенты.

Подобный поколенческий разрыв опасен еще и тем, что неизбежный уход ветеранов-мастеров от активной и непосредственной проектной деятельности приведет к «пустоте» в организационно-управленческих кадрах «второго эшелона». И заполнится он рвачами и проходимцами, а не самоотверженными специалистами, как это в нашей недавней истории уже не раз бывало.

Из сегодняшнего положения вещей нужно сделать однозначный вывод: развитие городов и территорий в России принципиально не вернется к традиционному государственному финансированию, плановому вложению средств, строительству по генеральным планам или в соответствии с государственными стратегиями отраслевого социально-экономического развития.

В России, как и в других странах с многоукладной собственностью и рыночными отношениями, развитие территорий уже основывается и в дальнейшем будет основываться на существовании множества разнотипных и разнохарактерных субъектов «градоустроительных» инициатив: мелкого частного бизнеса, вертикально-интегрированными структурами, кооперативных форм, местных сообществ, городской администрации, руководство крупными административно-территориальными образованиями.

Следует констатировать, что государственное регулирование градостроительной деятельности никаких

иных форм, кроме законодательных, не примет. И в организацию процесса проектирования ничего нового не добавит. Последовательность «снизу – вверх» не будет отменена. Заказчиков никто не станет побуждать оплачивать прикладные градостроительные исследования. Единые для всей страны градостроительные нормативы введены не будут. Государство не станет проверять качество проектной документации и т.п.

Государственная профессия перестала быть нужна государству. И профессия должна найти в себе мужество впустить эту истину в свое коллективное сознание, понять, что она осталась одна, без внимания к своим проблемам, без внешней поддержки и без помощи.

Осознать и выжить, выработав способы и формы поддержания прикладной науки в условиях полного отсутствия финансирования, обеспечив качество градостроительных документов в условиях отсутствия достоверных исходных данных и какого бы то ни было реального стратегического планирования на местном и региональном уровнях. Найти формы исполнения профессиональной ответственности за продукт своего труда в условиях, когда градостроитель перестал быть государственным служащим, когда практика выполнения градостроительной документации под конкретного инвестора превращает архитектора в обслуживающий персонал.

Российская академия архитектуры и строительных наук способна, используя свой научный потенциал, выступить беспристрастным профессиональным экспертом качества проектных градостроительных работ – органом, задающим общественно-профессиональную оценку квалификации проектных фирм. А затем, используя публичные способы трансляции информации, формировать общественное мнение, например размещая в Интернете «черные» и «белые» (оцениваемые по некоторой шкале) списки проектных организаций. РААСН способна добиваться того, чтобы определенные виды проектных работ законодательно были перемещены в разряд НИИОКР, а размещение государственного и муниципального заказов на выполнение градостроительной документации регулировалось бы федеральным законом от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» исключительно через «проведения торгов в форме конкурса». И т. д.

Марк Меерович

Проверка зрения на фоне Байкала

Юрий Аввакумов – архитектор, художник, куратор. Родился в Тирасполе в 1957 году. Живет в Москве с 1968 года. Окончил Московский архитектурный институт в 1981 году. Участвует в архитектурных и художественных выставках с 1982 года. В 1993 году организует фонд «Утопия».

В 1984 году вводит в употребление термин «бумажная архитектура» для обозначения жанра концептуально-го проектирования в СССР в 1980-х годах. Курирует выставки «бумажной архитектуры» в Москве, Любляне, Милане, Франкфурте, Кельне и т. д.

В 1986 году начинает серию «Временные монументы», посвященную конструктивизму 20-х и его героям, демонстрировавшуюся в галерее Линзен, Кельн (1990), Русском музее, Санкт-Петербург и Музее архитектуры в Москве. Произведения из серии «Временные монументы»

в разное время экспонировались на выставках «Архитектура и утопия» (павильон «Арсенал», Париж, 1989); «Археология города будущего» (Музей современного искусства, Токио, 1996); «Искусство полета» (Музей Цеппелин, Фридрихсхафен, 1996) и др.

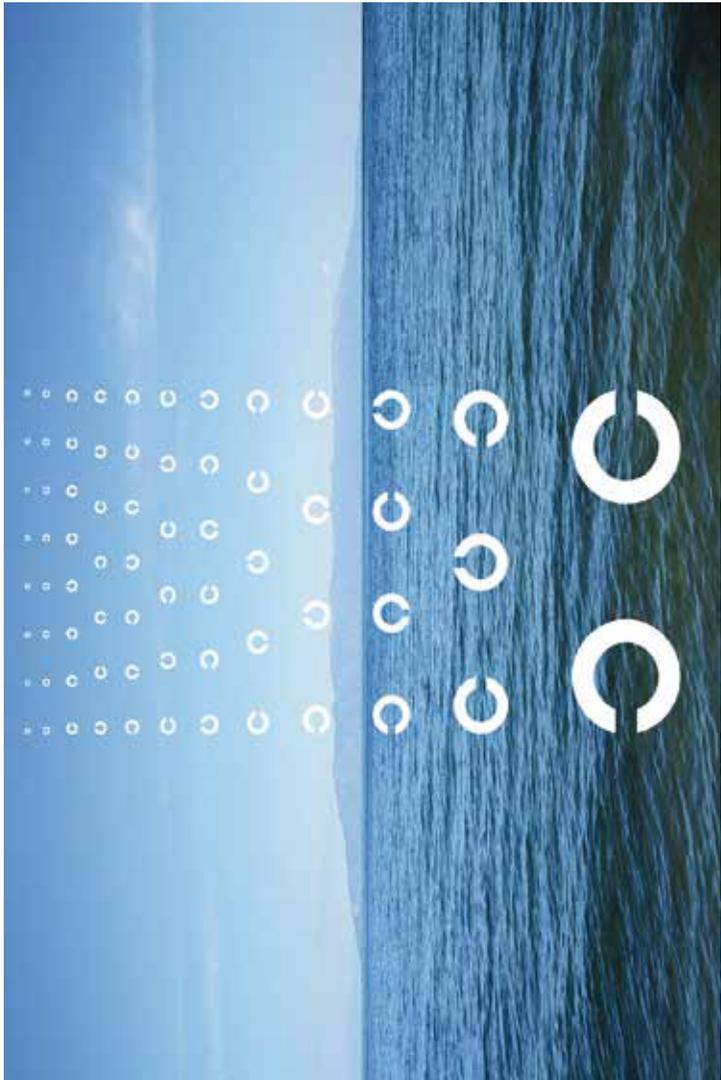
Участвовал в венецианских биеннале 1996 года («Предчувствуя будущее: архитектор как сейсмограф») и 2003 года («Станция Утопия»). Создает интернет-архив «Русская утопия: депозитарий» (www.utopia.ru). В период 1996–2000 годов инсталляция «Русская утопия: депозитарий» демонстрируется в Венеции (Российский павильон), Роттердаме (Нидерландский архитектурный институт); Москве (Государственный музей архитектуры); Волгограде (Музейно-выставочный центр); Санкт-Петербурге (Государственный Русский музей).

С начала 80-х годов работает с наследием русского авангарда, проектирует выставки Поповой, Розановой, Мельникова, Татлина, интернет-сайт Леонидова, в 2002 году реконструирует архитектор Малевича.

В период 2000–2003 годов курировал 36 выставок архитектурной фотографии в «Фотопрограмме 24» (www.24photo.ru) (Государственный музей архитектуры, Московский дом фотографии).

В 2007 году организовал выставку РОДДОМ в галерее ВХУТЕМАС (в программе 2-й Биеннале современного искусства) и музее Петропавловской крепости, в 2008 – в церкви Сан-Стае, Венеция (в программе 11-й Биеннале архитектуры), в 2009 году – в церкви Св. Марии Магдалины в Лилле (в программе фестиваля Европа XXL).

Произведения Юрия Аввакумова хранятся в коллекциях Государст-

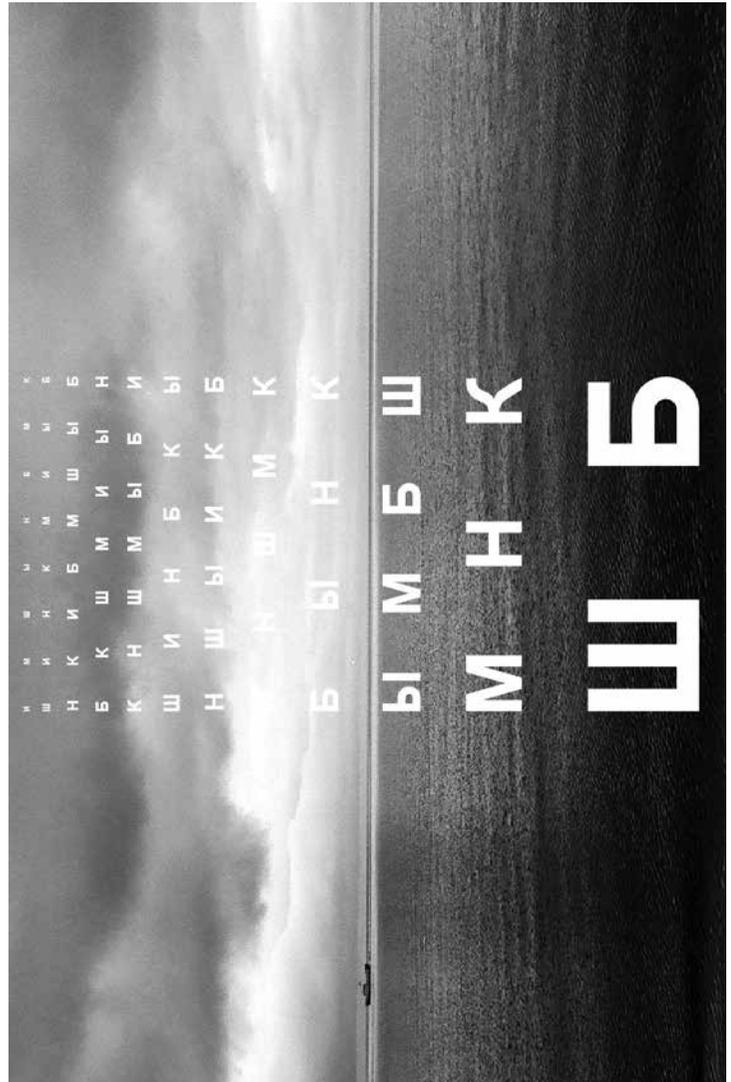

венного Русского музея, Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея архитектуры (Франкфурт), Музея Виктории и Альберт (Лондон), Музея нового искусства (Карлсруэ), Галереи современного искусства (Любляна) и др.

В этом номере ПБ мы публикуем фотографии Юрия Аввакумова, представленные им на VIII Красноярской музейной биеннале (2009), тема которой «Даль». Об этих работах сам автор говорит так: «Я очень много фотографировал на Байкале, причем фотографировал чаще всего одну и ту

же даль, ту, которую увидел сразу по приезду. Фотографии сделаны в разное время суток, так что получились практически виды горы Фудзи, почти насильственно прикрытые таблицами проверки остроты зрения».

Конец БЦБК?¹

1. Окончание. Начало см.: Проект Байкал. 2009. № 22. С.75–77.

Светлое скромное будущее Первым и необходимым условием разворачивания практически всех предлагаемых проектов по развитию Байкальска и прилегающих к нему территорий является безусловное закрытие БЦБК, предприятия, закрытия которого ещё до открытия комбината требовала отечественная и мировая общественность, учёные разных специальностей от младших научных сотрудников до академиков, писатели, представители творческой интеллигенции.

Если признать существование разработанных Минрегионом четырёх стратегических решений относительно малых монопрофильных городов:

- решение вопросов с собственником доминирующего градообразующего предприятия;
- возвращение этого предприятия на рынок по мере выхода из кризиса;
- перепрофилирование предприятия;
- переселение/отселение населения в безнадёжной ситуации, то Байкальск попадает в третью стратегию. Доктриной концепции спасения и развития города следует признать:
- диверсификацию структуры занятости и доходов населения;
- включение самого населения в процессы обновления городской жизни.

Ресурсное обеспечение
Прежде чем предлагать те или иные проектные предложения и идеи, необходимо провести определённую инвентаризацию ресурсов данного места.

Говоря об естественных ресурсах, обычно имеют в виду возобновимые и невозобновимые ресурсы. Основной природный ресурс Байкала, его вода, точнее, не объём, а качество воды – ресурс практически невозобновимый. Урон, нанесённый этому ресурсу деятельностью БЦБК, имеет столь долговременный характер, что восстановление займёт неопределённо долгий период. Байкал необходимо рассматривать в качестве ресурса не для БЦБК, а с точки зрения тех проектных идей и предложений, что рассматриваются ниже.

Другим ресурсом Байкала является его образ, которому также нанесён непоправимый ущерб: из-за деятельности БЦБК Байкал был включён в объекты мирового природного наследия только в

1996 году, при этом в резолюции ЮНЕСКО о Байкале указано, что при включении Байкала в Список всемирного природного наследия руководством России даются специальные рекомендации.

Строго говоря, Байкалу было нанесено три шоковых удара, от которых озеро не оправилось и ещё не скоро оправится:

- строительство Иркутской ГЭС и подъём воды в озере на 1–1,5 метра, что критично понизило температуру на дне шельфа, где откладывает икру голомянка;
- БЦБК;
- отравленные промышленными и иными загрязнениями стоки реки Селенги.

Практика залповых обращений к проблемам озера от случая к случаю и от повода к поводу должна быть замещена постоянной и планомерной работой. Должна быть разработана многолетняя государственная программа, включающая в себя и развитие санаторно-курортного лечения, и активный отдых, и базу подготовки олимпийских резервов, и площадки для научных исследований, и экологического туризма, и многое другое, результатом которой должен стать устойчивый статус чистого ОЗЕРА.

Имеется, по крайней мере, ещё три вида ресурсов, которые должны сыграть решающую роль в решении проблем Байкальска. Речь идёт о ресурсах, обладающих свойством приращения этих ресурсов по мере их использования:

- интеллектуальные (предпринимательские, инициативы населения, фантазии, мыслительные, доверие): чем интенсивней использование интеллектуального потенциала, тем выше сам интеллектуальный потенциал; кроме того, здесь имеют место два весьма важных в данной ситуации эффекта: эффект реципропности (каждый новый проект, бизнес и инициатива даёт толчок для дальнейшего роста и развития предыдущим, а те, в свою очередь, способствуют становлению и развитию нового) и эффект роста доверия по мере развития системы микрокредитования, особенно в сфере малого и семейного бизнеса в условиях низкого уровня доходов населения; концепция микрокредитования была разработана профессором экономики Мухаммедом Юнусом (Индия), за что учёный был удостоен Нобелевской премии;
- рекреационные (оздоровительные, туристские, развлечения-

тельные, познавательные и другие формы рекреации): мировой опыт (Альпы, Монте-Карло, Лас-Вегас, Диснейленд, озеро Гарда в Северной Италии, Крым, Гавайские острова и др.) показывает, что рекреационная индустрия разворачивается не в силу внешних факторов, а сама по себе, неся внутри себя потенциал самых различных и разнообразных ре-миров и ре-деятельностей;

- хозяйственные, не требующие, в отличие от производства, извлечения и мобилизации внешних ресурсов, а также отчуждения результатов и отходов, обладающие свойством просьюминга (production + consuming как единый процесс) («протребления»), по О. Тоффлеру; хозяйство развивается в силу воли и ресурсов хозяйствующего субъекта, воля и ресурсы которого развиваются в силу развития хозяйства.

Сочетание всех трёх ресурсов позволяет говорить о возможности формирования своеобразного кластера в Байкальске и на прилегающих территориях. В основу этого кластера должны быть положены идеи взаимного доверия и взаимной выгоды сотрудничества, природоохранная направленность хозяйственной деятельности, конкурентоспособность по сравнению с другими ареалами Байкальского региона, основанная на уникальном сочетании хозяйственной и рекреационной деятельности.

К чести Байкальска следует сказать, что все три указанных вида ресурсов здесь имеются и, при соблюдении некоторых условий и требований, могут быть рекрутированы в полной мере.

Основные условия и требования

Необходимыми условиями решения проблем являются:

- улучшение инфраструктурного обеспечения и обслуживания, прежде всего, энергетики и транспорта, в том числе и прежде всего федерального уровня (федеральная трасса № 55 «Московский тракт») как за счёт федеральных средств, так и средств областного бюджета, местного крупного бизнеса;
- реальный международный экологический мониторинг и международная помощь в реабилитации Байкала и побережья, в исследованиях, внедрении и проектировании рекультивационных технологий;
- правовое обеспечение возможностей выхода малого бизнеса на придорожную полосу федеральной трассы № 55 (АЗС, станции техобс-

луживания и ремонта автомобилей, кафе, мотели, рестораны, кемпинги, торговая придорожная сеть, парковки, оборудованные места кратковременного отдыха (rest area), видовые площадки и т.п.);

- налоговые льготы и налоговые каникулы для предпринимателей малого бизнеса социального, образовательного, рекреационного и экологического назначения (в США, например, весь малый бизнес освобождается от налогообложения в первые три года существования);

- щадящее (низкопроцентное или беспроцентное) кредитование малого бизнеса указанных направлений, а также жителей (жилищное строительство, ремонт жилья, развитие приусадебного хозяйства, приобретение хозяйственного инвентаря и предметов домашнего обихода).

Важнейшие ограничения проектирования и развития
Наиболее серьёзной проблемой является низкая экологическая культура населения. Развращённые полувековой ложью государства и руководства БЦБК в частности, люди привыкли нарушать все установления и правила. В частности, вдоль всего берега Байкала в пределах города установлены щиты, запрещающие выбрасывать на берег мусор и ставить автотранспорт у уреза воды, но мусор выбрасывается именно на берег, и машины ставятся в запрещённой близости от воды, – и эти открытые нарушения будут продолжаться до тех, пока комбинат будет продолжать нарушать экологические нормы и требования, а он будет продолжать эти нарушения в силу экологического несовершенства используемых здесь технологий.

Основные проектные направления
Прежде всего, необходимо сразу признать, что решение проблемы Байкальска, как и любого малого монопрофильного города, возможно только благодаря:

- диверсификации деятельности, занятости и доходов населения города; ни один проект не должен быть доминирующим или единственным, чтобы не повторять предыдущий печальный опыт;

- инициации самодеятельности и самоорганизации жителей города: основным источником спасения города должен быть он сам, а не внешние силы; патерналистские ожидания – худшее и наиболее опасное наследие существования города как «спального цеха» при крупном предприятии; если уж выходить на федеральную трассу,

то для её благоустройства, а не перекрытия.

Отхожие промыслы
Весьма распространённый во всём мире вид занятости, характерный для мест с комфортными природно-климатическими условиями обитания, к которым, безусловно, относится и Байкальск. Наличие в относительной близости нескольких целлюлозно-бумажных комбинатов и лесопромышленных комплексов (Красноярского, Братского, Лесогорского, Усть-Илимского, Селенгинского и других) позволяет квалифицированным работникам БЦБК, прежде всего варщикам, найти себе применение и работу по специальности, трудиться «вахтовым методом».

Разумеется, вахтовый метод доступен и привлекателен для весьма ограниченного круга жителей города: речь идёт, в долгосрочной перспективе, о 5–10 процентах самодельного населения. Пуск скоростной электрички до Иркутска позволит расширить этот контингент занятых и по числу участвующих в нём, и по разнообразию профессий (пуск скоростного поезда «Ниžний Новгород – Москва» открыл для многих нижегородцев, главным образом офисных работников и работников сферы торговли и сервиса, московский рынок труда, гораздо более мощный и разнообразный, нежели нижегородский; аналогичная ситуация вполне может сложиться и на оси Байкальск – Иркутск).

Клубничный бизнес
Уникальный техноприродный комплекс Байкальска позволил горожанам занять прочные рыночные позиции в выращивании и продаже свежей клубники на плече Красноярск–Чита (более двух тысяч километров). Это очень напоминает ситуацию с Луховицами, основным поставщиком свежих огурцов в Москву и Московскую область.

От одной четверти до одной трети самодельного населения города занято в этом бизнесе, приносящем 50–60 тысяч рублей в год (20–25% «стандартного» семейного бюджета).

Возможности данного бизнеса могут быть существенно расширены за счёт:

- переработки свежей клубники в соки, прохладительные и слабоалкогольные напитки и другую плодоконсервную продукцию;
- внедрения технологий быстрого замораживания клубники для

кулинарных целей (торты, мороженое, муссы, молочно-фруктовые коктейли и т.п.);

- развития тепличного и парникового хозяйства для целей продления урожайного периода;

- введения ремонтантных сортов, что позволит снимать по два урожая в год.

Придорожный бизнес

Пока в этой сфере имеется всего одно кафе «Полина». Необходимо отметить, что весь придорожный бизнес, не только в Байкальске, но и по всей федеральной трассе необычайно разрежен, убог и уступает по своей бойкости и разнообразию даже образцам столетней давности.

Помимо стандартного набора (АЗС, станции техобслуживания и ремонта автомобилей, кафе, мотели, рестораны, кемпинги, торговая придорожная сеть, парковки, оборудованные места кратковременного отдыха, видовые площадки и т.п.), имеется проектное предложение по созданию сервиса для транзитного «дальнобойного» потока легкового и грузового транспорта уникального бизнеса «Один день на Байкале», включающего комплекс специфических услуг: экскурсия по озеру, рыбалка, пешая или лыжная (по сезону) прогулка, баня, эксклюзивное питание и т.п.

Ёмкость данного сегмента бизнеса оценивается в 50–100 человек занятых, что означает обеспечение бюджета 50–100 семей (100–300 жителей города).

Таёжный бизнес

Сбор дикоросов (грибы, ягоды, кедровая шишка, черемша, папоротник-орляк, травы и корни) и охота имеют массовое распространение, но, из-за удалённости от Иркутска и сильной конкуренции со стороны Прибайкалья, Култука, Слюдянки и других мест, почти совершенно нетоварны.

Возможности развития этого промысла до товарных значений связаны с развитием массового туризма и отдыха. А также в случае, если это заинтересует импортеров из Японии, Австралии, Новой Зеландии и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Омулёвый бизнес

Всё то же самое можно сказать и об омулёвом бизнесе, играющем также значительную роль в самодельном занятии населения, за исключением одного: надежд на импорт нет никаких.

Тем не менее таёжный и омулёвый натуральный бизнес – очень существенная статья семейного бюджета горожан, пожалуй, не менее важная, чем огородничество.

Сюда же следует отнести и весьма перспективный бизнес по розливу и бутилированию байкальской воды, спрос на которую может быть распространён практически на всю страну.

Сервисный бизнес

Даже в условиях остановленного уже в течение года БЦБК сервисный бизнес, ориентированный на нужды горожан, вполне успешно развивается. Речь идёт о розничной торговле, общественном питании, хлебопекарне, городском такси и других объектах социокультурной инфраструктуры.

Уже сейчас установлено интенсивное сообщение маршрутными такси между Байкальском и Иркутском: каждые полчаса маршрутки курсируют между Байкальском и Центральным рынком в Иркутске и ещё каждый час между Байкальском и центром Иркутска.

Естественно, что рост доходов населения увеличивает спрос на услуги и служит устойчивым стимулом для развития сервисного бизнеса.

Еще шире перспективные горизонты этого бизнеса возникнут при развитии туризма, рекреации и спорта.

Туристический бизнес

Необходимо выделить несколько направлений туристического бизнеса в Байкальске и его окрестностях:

- ставшие популярными на Байкале кемпинги, туристические коттеджные посёлки и мини-гостиницы со стандартным набором услуг (баня, ресторан или кафе, купания, рыбалка и т.п.);
- включение в круизные маршруты, для чего необходимо строительство мини-порта для приёма яхт, катеров и другого маломерного флота;
- туристическое обслуживание транзитного потока автомобилей;
- туристический сервис выходного дня (для иркутян и жителей других крупных городов Иркутской области и Бурятии);
- экологический, этнографический и другие виды познавательного туризма международного класса;
- горный туризм (трекинги, скалолазание, восхождения).

Разнообразие туристских проектов является гарантом разнообразия занятий для местного населения

(гостиничный бизнес, общественное питание, шерпы и проводники, гиды, гиды-переводчики и т.д.).

Этот, самый распространенный и массовый вид бизнеса требует профессиональной подготовки и переподготовки, а также массового воспитания гостеприимства.

Ёмкость данного бизнеса может измеряться сотнями и даже более тысячи занятых как в собственном бизнесе, так и по найму.

Спортивно-оздоровительный бизнес

Уже имеющаяся горнолыжная база «Гора Соболиная» не только имеет неплохие перспективы развития и роста популярности, но и является позитивным примером и фактором развития спорта и курортного комплекса, аналогичного альпийским спортивным курортам (Картина д'Ампеццо в Италии, Шамони и Гренобль во Франции, Инсбрук в Австрии, Гармиш-Партенкирхен в Германии, Давос и многие другие в Швейцарии), спортивным курортам и комплексам в США и Канаде (озеро Тахо в Калифорнии и Неваде. Мамонтово озеро в Калифорнии, Солт-Лейк-Сити в Юте, Скалистые горы в Колорадо, Калгари в Канаде). Удалённость Байкала не является при этом препятствием и даже может служить дополнительным стимулом привлекательности.

Есть еще один весьма своеобразный мировой аналог-антагонист Байкалу – Мёртвое море в Израиле и Иордании: воды Байкала и Мёртвого моря целебны, но мертвоморская вода смертельно токсична и решительно не является питьевой, в отличие от живительной байкальской. Зона Мёртвого моря из-за расположения на 417 метров ниже уровня Мирового океана является зоной аномально высокого атмосферного давления (800 и более миллиметров ртутного столба), что является уникальным бальнеологическим фактором для ряда заболеваний. Зона Байкальска имеет уникально низкое атмосферное давление (около 700 мм ртутного столба), что весьма полезно при противоположных заболеваниях. Фактически, находясь на отметках 500–700 метров над уровнем моря, Байкальск и его будущие санатории имитируют атмосферу на высотах около 3 000 метров над уровнем моря.

Уже сейчас имеются проектные предложения по созданию в окрестностях Байкальска школы олимпийского резерва по зимним видам спорта, а также строительства санных и новых горнолыжных трасс.

Следует иметь в виду, что горнолыжный сезон длится здесь 25 недель. Уже сейчас имеющиеся мощности позволяют обслуживать 12 тысяч человек одновременно, 300 тысяч человек за сезон (600 тысяч человеко-дней). Проектная мощность осваиваемого потока может быть увеличена в несколько раз, но тут важнее массовости вопрос освоения новых сегментов спроса, международного и элитного.

Оценивая реальные возможности развития спортивно-оздоровительного комплекса, можно с уверенностью говорить о том, он сможет стать уже в ближайшем будущем источником доходов и объектом занятости для 2–3 сотен семей.

Рекреационный бизнес

Развлечения, места активного и пассивного (например, созерцательного) отдыха, гастрономические фестивали и дегустации (клубничные, омулёвые, груздевые и т.п. дни и праздники), многочисленные малые формы рекреации, релаксации, ресторации (освежения) и тому подобное формируются, как правило, стихийно, под напором инициатив снизу, а потому оценить уровень массовости и доходности этой сферы заранее почти невозможно, однако следует отметить, что рекреация – самая «заразительная» сфера занятости и малого бизнеса, включая микробизнес.

Образовательный бизнес

В обиходу образовательных структур, размещение которых привлекательно здесь, помимо спортивной школы олимпийского резерва по зимним видам спорта (на её базе в летнее время, в комплексе с ней или на самостоятельных площадках), могут быть включены:

- летние детские экологические лагеря и школы местного и международного значения;
- художественные студии;
- школа туризма;
- школа горного туризма и альпинизма;
- образовательный блок при международной лаборатории/институте по рекультивации и утилизации.

Образовательный бизнес, может так оказаться, непосредственно не повлияет на занятость и доходы местного населения, однако несомненно существенно поднимет привлекательность здешних мест и, как следствие, приведёт к росту стоимости земли и недвижимости в Байкальске и его окрестностях.

Особое место должны занять структуры профессиональной под-

готовки и переподготовки, ориентированные на местное население: существующая практика полуторгово-двулетней подготовки по востребованным рабочим специальностям (общепит, отельный бизнес, торговля, сервис и т.п.) нереалистична и никого не устраивает.

Рекультивационный и утилизационный бизнес
Вполне возможно, что этот бизнес может оказаться, особенно на первых порах, самым массовым и стабильным. Здесь только необходимо предусмотреть, чтобы в нём участвовало как можно меньше нынешних менеджеров с производственной идеологией, открыто демонстрирующих и готовых к саботажу любых рекультивационных и утилизационных работ, процессов и технологий.

Какое бы место в жизни города данный бизнес ни занимал, у него есть все основания стать определяющим миссию Байкальска.

Этот тезис требует развёрнутых пояснений.

Российское общество в силу особых исторических причин никогда не было буржуазным (т.е. городским) за редкими исключениями (например, петербуржцы): российская ментальность по большей части – крестьянская (долгое время в русском языке сохранялась даже синонимия между «христианином» и «крестьянином»). Точно так же российское общество по большей части, за исключением староверов и протестантских конфессий римско-католической и православной церкви (баптисты, лютеране, молokane и т.п.) не было и индустриальным (*industria* – мирская аскеза трудолюбия, выдвинутая Мартином Лютером как единственный путь спасения), а потому и идеи постиндустриального общества для нас оказались чужды и неприемлемы. Существенно, что значительная часть XX столетия прошла в нашей стране под знамёнами доминанты промышленного производства: малые монопрофильные города – многочисленные, но не единственные жертвы и последствия промышленно-производственной идеологии и практики, почти все экологические, хозяйственные и демографические проблемы в стране также являются следствием промышленно-производственной гегемонии.

Байкальск может оказаться пионером и лидером депроизводственного общества в нашей стране.

В большинстве развитых стран, прежде всего в США, массовый и повсеместный отказ от производ-

ства прошёл в общем-то безболезненно и малозаметно: производства были вытеснены в Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона (страны Юго-Восточной Азии, Южную Корею, на Тайвань), отчасти в Индию и страны Индостанского субматерика. Это вытеснение сопровождалось развитием сервиса и непроизводственной сферы (банкинг и финансы, образование, рекреация и т.п.).

В нашей стране «депроизводственность» как практика и идеология ещё только предстоит, и её внедрение связано будет с ожесточённым сопротивлением со стороны носителей «производственных» ценностей, что, кстати, и было продемонстрировано и продекларировано на семинаре в Байкальске.

Если в Байкальске будут развёрнуты не только работы по рекультивации и утилизации БЦБК, но также проектно-конструкторские и научно-исследовательские работы по созданию разнопрофильных технологий рекультивации и утилизации производств и производственных мощностей, если эти исследования и разработки примут международный характер и получат международный резонанс, то Байкальск со всей определённой может стать национальным и мировым центром и очагом, фокусом развития депроизводства, иными словами, взять на себя миссию депроизводственного общества, формирующегося параллельно постиндустриальному.

Фронт рекультивационных и утилизационных работ в Байкальске имеет комплексный характер: речь идёт о реабилитации почв и грунтов (шламоотстойники и шламохранилища), вод Байкала и грунтовых вод, воздушного бассейна, здоровья людей, а также утилизации оборудования, зданий и сооружений, помещений, жидких и твёрдых отходов, инженерных сетей, коммуникаций и инфраструктуры.

Мировое сообщество, прежде всего научное и инженерно-экологическое, под эгидой ЮНЕСКО или ООН должно взять на себя ответственность за восстановление этой части Байкальского региона, как оно сделало это в недавнем прошлом относительно восстановления Великих озёр в США и Канаде.

Основные акторы проектных идей и предложений
Мировой опыт учит, что на межгосударственном, государственном и, реже, региональном уровне решаются инфраструктурные и магистральные проблемы. Байкальск стоит на трассе, превращение

которой в реальную магистраль на всём её протяжении от Москвы до Владивостока, пожалуй, самая острая транспортная проблема страны. Последняя попытка превращения Московского тракта в автотрассу была предпринята ещё при Сталине (шоссе Москва–Пекин).

В рекультивацию и утилизацию БЦБК, на наш взгляд, должны инвестировать средства:

- государство как виновник и инициатор строительства комбината;
- государство как совладелец БЦБК;
- частный совладелец БЦБК;
- иностранные инвесторы, в том числе крупные экологические фонды и турфирмы, заинтересованные в освоении туристических и рекреационных ресурсов Байкальска и Байкальского региона.

Федеральные инвестиции необходимы и для создания таких объектов, как центр подготовки олимпийского резерва по зимним видам спорта.

Региональный и местный бюджет должны взять на себя инвестирование энергетике и энергосетей, а также компактного порта на Байкале, рекреационно-туристической инфраструктуры по трассе Московского тракта и в прибрежной зоне (парковки, зоны отдыха и т.п.),

РЖД в лице Иркутского отделения Восточно-Сибирской железной дороги должны инвестировать пуск скоростного пригородного поезда-экспресса «Иркутск–Байкальск», реконструкцию перрона и пассажирского вокзального павильона (в настоящее время только один пассажирский поезд дальнего следования имеет короткую остановку в Байкальске, а местный пригородный поезд слишком тихоходен).

Крупные инвесторы проявляют интерес к строительству здесь корпоративных баз отдыха, пансионатов, учебно-развлекательных комплексов.

Представители малого бизнеса из Байкальска, Иркутска, Шелехова и других центров Иркутской области заинтересованы во вложениях в туристический и рекреационный бизнес, а также в сервис и торговлю.

Наконец, население готово участвовать в развитии всех малых и индивидуальных форм занятости – вложениями труда и денежных средств. Представляется также обнадёживающей идея «налогового» самообложения на благоустройство и диверсификацию занятости города: в денежном, натуральном или трудовом выражении.

Распределение участия по акторам проектов
 Данный вопрос требует тщательной сметно-проектной работы и расчётов, что выходит за рамки данной работы. Здесь представлены весьма грубые экспертные оценки:

- федеральные инвестиции – start up проектов 2 млрд руб. + 2 млрд руб. в магистральный транспорт;
- региональные инвестиции
- социальная и инженерная инфраструктура + налоговые льготы/каникулы и бюджетные гарантии по кредитам – по 0,5 млрд руб. в год в течение двух лет;
- местные и муниципальные органы – земледелие + общественные работы (натуральное налоговое самообложение населения) – по 0,2 млрд руб. в год в течение двух лет
- малый и крупный бизнес (коммерческие проекты) – около 4 млрд рублей.

Общий объём инвестиций оценивается местными экспертами в 9,36 млрд рублей. Кроме того, ожидаемые инвестиции в проекты в рамках особой экономической зоны оцениваются в 30 млрд рублей при обеспечении этих инвестиций за счёт государства – на 40% и за счёт частных, включая иностранные и международные инвестиции, – 60%.

Основные противодействия реализации проектных идей и предложений

Сюда следует отнести:

- руководство БЦБК, занимающее активную непримиримую позицию относительно развития всех видов деятельности и самостоятельности населения, предпринимателей малого и большого бизнеса, поскольку эта активность снижает доминирующую роль комбината в городе и делает существование комбината не только необязательным, но даже вредным и опасным; особо надо отметить, что на протяжении всей истории БЦБК, включая и настоящий период, руководство комбината придерживается стратегии дезинформации или сокрытия общественно значимой экологической информации: о загрязнении и их уровне, о залповых аварийных сбросах, о последствиях загрязнения для Байкала, природного комплекса и здоровья людей, о состоянии не утилизируемых отходов и рисках, связанных с их дальнейшим хранением;

– нынешнее руководство города и района, представленное бывшей администрацией БЦБК и находя-

щееся в тесном союзе и идеологическом согласии с теперешним руководством комбината: подобного рода коллизии и союзы – весьма распространенное явление в малых монопрофильных городах, где диктат доминирующего производства становится тотальным, «от идеологии до геологии».

Следует также отметить весьма пассивную позицию областной администрации, выступающих скорее проводниками федеральных решений, нежели субъектами активных самостоятельных действий.

Типичный уникальный случай Самодельность, самоуправление и собственные решения. К сожалению, в нашей стране до сих пор господствует представление о человеке как материале – управления, политического воздействия, производства и заполнения городов: жители города рассматриваются прежде всего как население, демографическая масса, обладающая теми или иными характеристиками: поло-возрастными, образовательными, платежеспособным. В значительной степени это подтверждается реальными фактами: безволием людей, покорностью и ожиданием решения их жизненных проблем сверху.

Это особенно характерно для малых форм расселения, в том числе для малых городов, жители которых испытывают двойной гнёт: властей и командиров производства.

Модельным следует признать решение, позволяющее и подталкивающее их к принятию самим решения о судьбе своего города.

Это решение должно быть обеспечено организационно: созданием и подготовкой команд «социальной службы» по проведению в малых городах семинаров, побуждающих местные инициативы (подобного рода команды реально уже существуют и действуют в стране тридцать лет).

Это также должно быть обеспечено материально – выплатами компенсаций, подъёмных, льготным кредитованием, налоговыми каникулами для местного малого бизнеса, ориентированного на социокультурные нужды местных жителей.

Диверсификация жизнедеятельности и занятости. Надо сразу признать, что разрешение проблемы каждого малого монопрофильного города модельно не может быть осуществлено в рамках одного проекта. Это признание необходи-

мо по двум причинам: проблемы малых моногородов – слишком затяжная социальная болезнь и потому нерешаемы одним действием; реализация только одного проекта неизбежно приведёт к возвращению в монопрофильность. Множество частных решений и проектов призвано обеспечить разнообразие потенциальных перспектив развития города.

Экономико-географическое положение и ситуация города. Важнейшей характеристикой любого города принято считать его экономико-географическое положение (ЭГП): относительно источников сырья и энергии, транспортных магистралей и крупных узлов либо центров. Важно подчеркнуть относительность ЭГП (относительно его ближнего и дальнего окружения).

Малые города потому и малые, что имеют, как правило, невыгодное ЭГП и проигрывают конкурентную борьбу городам с более удачным ЭГП.

Преодолеть объективно складывающееся ЭГП и его невыгоды невозможно, но можно противопоставить ему искусственно создаваемую ситуацию, ставящую город в заметную и привлекательную позицию. В этом случае город использует не ресурс близости и доступности дорог и центров вокруг себя, а сам выступает с той или иной привлекательной идеей и затеей: Дивеево оказывается не вблизи Арзамаса, а центром духовности, связанным с Серафимом Саровским, Мышкин оказывается не в тени Углича, а в центре необычных музеев, маленький скромный Лас-Вегас перестает быть игорным притоном Лас-Вегаса и превращается в мировую столицу азарта, ничем не примечательный и небогатый недрами Ханты-Мансийск превращается во всемирный центр зимнего спорта и региональный центр культуры и образования.

Модельным становится решение самими городами создания ситуации и занятия в этой ситуации центрального места, позиции фокуса ситуации.

Формирование ситуации тесно и генетически связано с выходом жителей города на самодельность, самоуправление и собственные решения, а также на диверсификацию жизнедеятельности и занятости и потому может рассматриваться в совокупности с ними как сценарно единый комплекс мероприятий.

Александр Левинтов

Литература

1. Вариант решения проблем Байкальского целлюлозно-бумажного комбината и города Байкальска. Байкальск, 2009.
2. Стратегия социально-экономического развития города Байкальска до 2010 года. Байкальск, 2001.
3. Стратегия социально-экономического развития города Байкальска. Байкальск, 2006.

Интернет-ресурсы

1. Правительство Иркутской области озабочено ситуацией вокруг Байкальского ЦБК. Сибирский проект. 27.04.2009. www.siberianclub.ru/News/article/3078
2. ЭГП и ситуация. 2007, сентябрь. www.redshift.com/~alevintov.

Summary

Page 35

Beetles, Shells and Cultural Heritage

A Siberian house looks much like a living creature. It breathes, it demands attention and care from its owner. In return it gives an exceptional feeling of friendliness and health. Like any living creature, the house experiences young, mature and old ages.

A Siberian house cannot be separated from its natural environment – otherwise the basement would be filled with water, the walls would never get dry, and the interior would sink into eternal darkness.

Therefore, conservation, and especially revitalization of several separate houses seems more complicated and expensive than preservation of the whole area. The structure of a traditional Siberian block is porous and penetrated with public spaces and spaces near houses; it supports wooden houses in normal living.

Under the conditions of the world economic crisis a traditional Siberian house looks very timely. Its economical use of water, heat and light developed over centuries is a great value. It is the way of life embodied in the Siberian house that makes its cultural essence. However beautiful and harmonious the traditional house exterior may be, its everyday functions are much more valuable.

No doubt, a self-sacrificing activity of the people, who save architectural monuments from demolishing, restore and conserve them, is worthy of respect. However, it is not enough in today's context of backward movement to a new nomadism. It is necessary to save and preserve not only separate examples of Siberian houses, but the whole way of life or at least its elements compatible with present-day ideas of comfort.

Movement, renovation and constant reproduction are the necessary conditions for keeping the genetic code of the Siberian house as a living creature but not as a varnished exoskeleton.

Konstantin Lidin

Page 41

Regeneration of the Historic Block within the 3rd of July St., Sedova St., Kozhova St. in Irkutsk. Development Plan

The block 130 is an important link in the future system of public spaces connecting the square near the Church

of the Entry into Jerusalem and the Jerusalem Memorial Park, Theatre Square with the Musical Theatre and the future concert hall, the embankment and the islands of the Angara River.

The main idea of the project is to create a new public space based on architectural and historical heritage, which makes a natural contribution to the existing downtown and its development. The block should function as a cultural center. The inner pedestrian street and the central amphitheatre square are to become important elements of the greenbelt of the city public spaces. The cultural center on the territory of the block must give an impulse to development of neighboring cultural objects: the Irkutsk Musical Theatre, the Holy Cross Temple, the Central Amusement Park and the library. Certainly, it is necessary to restore the neighboring residential area, access to the new Angara bridge and other territories. As a result, the block is supposed to act as one of the principal urban development clusters of the downtown, together with the embankment along Gagarin Boulevard, Kirov Square and Uritsky pedestrian street.

Elena Grigoryeva,
Mark Meerovich,
Sergey Mullayarov

Page 60

Architectural Methods for Modeling the Spatial Structure of Wooden Architecture Zones in Tomsk

In view of the present-day urban formation of the historical city the main goal is to turn from "revolutionary" to "evolutionary" method, that is to strengthen and to fix centers of town planning structures as intellectual and architectural centers of city culture.

In the given work at the end of modeling of the integral arrangement of the city ambience heterogeneous in time the zones were ranked according to their features of "compositional significance" and "inner integrity". As a result the description was made for all the group zones of wooden architecture. It was mandatory to base on the historical function, which allowed to define the investment corridor of the territory self-development.

Thus, the research turned from architectural and town-planning methods to economic and legal, as well as social and psychological. The author has thoroughly considered

the tasks of revitalization (socially controlled planning based on opinion polls), remanagerisation (hierarchy of control over the project management complex). The lower level is technological (establishing professional groups of social project planning), the middle level is planning and administrative (consortium planning, socially controlled planning and the project of user participation), the upper level is ideological. The work presents variant predictions of the control model, organizational and legal device of cultural heritage protection, as well as economic instruments of wooden architecture preservation. Tomsk peculiarities on recontractation matters were analyzed, with special attention paid to revival of lost unique building technologies and use of modern technological base in preservation of Tomsk wooden architecture, including the issues of energy saving, protection of wood against fire and biological damage.

Natalia Lisovskaya

Page 83

Town Renovation

The given comparative analysis of the diagnostics data of Novosibirsk environment allows to state that at the turn of the XXIst century the renovation process of spatial environment of old-city centers in Siberia proved retarded. The town-planning system worked out by the Soviet central planning institutions was aimed at developing new territories. Later it was supplemented with protective planning, which was to passively preserve examples of material and space form as museum exhibits of a past age. Both planning traditions existed and developed independently, neither interacting, nor working out development mechanisms.

Project documents contained two mutually exclusive approaches. It caused extreme reconstructive measures, so that significant objects and fragments of spatial environment were excluded from active life and then finally lost. Such an essential category of a Siberian city as the examples of the industrial period of urban development was neglected. Parts of the city and development areas of 1930-

1980s, that gave an impulse to establishment of the plan structure of the last century and ensured a modern city life, dropped out of sight of the authorities, the representatives of the both parts of the planning unit.

The integrity of involvement of the historical and cultural heritage of Siberian cities in the process of urbanization in the XXIst century presupposes a new approach to reconstructive measures. This approach results from the necessity to involve old-city cores and existing areas in the urban activity. Environmental examples of the past industrial era should be provided with technical and infrastructural facilities.

Alexander Klevakin

Page 102

Wooden Landscapes in Switzerland

Swiss landscapes may be placed among the most cultivated landscapes in Europe. The national character and settlement features have formed a tradition to carefully support the landscape in all its components. However, what is more surprising is the density of wooden architecture, old and new, in the environment.

Swiss provinces, especially at the foot of the Alps, at first sight look like a Russian museum of wooden architecture – some Malye Karely, but in a very good state. Taking a closer look one can see that everything is alive here, everything is used and duly renovated – from the famous bridges of Luzern to a wooden fountain with a wooden fishtail mermaid in an incidental small mountain village...

Wood is one of few natural resources which are abundant in Switzerland. But here, in contrast to Russia, the tradition to build wooden houses on a large scale has never been ceased.

Many contemporary Swiss architects and engineers have got carpenter skills. For example, Peter Zumthor, a son of a cabinetmaker, began his career as a furniture maker.

Today wood is used here with dignity and wisdom, with respect to the place and traditions, with consideration for sense perception of the handworked surface, and at the same time with courageous innovations.

A new wooden architecture does not seem extraordinary; it naturally blends with the environmental context. The updated fire regulations allow construction of many-storied wooden buildings: I saw a new 5-storied office building and a 6-storied multifamily residential building – the first one of such height in Switzerland. To live and to work in a wooden building is prestigious and trendy.

In a rural and interrural landscape wooden constructions are just prevailing. In the villages of the canton of Graubünden, which have been touristic since the XIXth century and today are known as fashionable mountain resorts, everything is made of wood: garages, cow-sheds, chalets and new luxurious villas (which look quite traditional).

Local farmers are called “gardeners of landscape”. They can hardly compete with big farms of neighboring Germany, so the government supports them with direct grants. This stopped migration of people from mountain villages twenty years ago. As a result you can see not only fashionable bioproducts, but also mountainsides studded with small wooden sheds and Swiss cows, which are “the most beautiful in the world”. The quality of this landscape is overall: in a village of 90 people at the height of 1700 meters a mountain brook ends in a storm collector in order to prevent slope wash. Special federal programs (for example, Swiss Landscape Concept based on the principle of economical activity deals with the landscape and therefore should consider its values) and specialized public organizations (for example, Fonds Landschaft Schweiz) are of much help.

Wooden houses grow out of landscape, and the landscape is penetrated with them...

And one more observation: a humane scale of the landscape mostly formed by small and handmade wooden constructions is connected with a human scale of economy. 98% of Swiss firms belong to small and medium business, the basis of Swiss economy. To live in an old (or a new) wooden house and to work at a small enterprise often located in a wooden building as well – isn't it a Swiss landscape-forming idyll?

Andrei Ivanov

Page 112
ZIMNIK-XI

On February 8, 2010 the XIth session of International Baikal Winter University of Urban Planning Design was opened in Irkutsk State University. The topic of the session was “Preservation and Rehabilitation of the Historic Wooden City Ambience”. The Winter University is an annual urban-planning competition with participation of students and young specialists from different countries all over the world as well as from Russian cities, who come to work out solutions for urgent and uneasy problems of Irkutsk.

This year city planners, architects, designers and economists from Russia, Germany, France, Great Britain, Italy, Lebanon, China, South Korea and Japan brought home projects with the examples of their own countries to demonstrate the diversity of approaches and methods for solving the problem of preservation of historic environment and to prove the importance of such activity, since the historic ambience is not only memory, but also a source of cultural, economical, touristic and social development of the city.

The participants were involved in building international interdisciplinary teams to elaborate original up-to-date conceptions considering the examples of the blocks 131 and 133, including town-planning, architectural, cultural, social and economic decisions for the given project sites.

On February 26 five conceptual projects were presented to the international jury. Each team had one hour to convince the jury that their conception was the most correct, original and necessary for the central historic blocks of Irkutsk. The jury had to choose the best among the five equally smart and deserving teams.

The three-week work terminated with awarding the winner, giving advanced training certificates to all the participants and the closing ceremony of the XIth session of International Baikal Winter University of Urban Planning Design.

Anastasia Nesterova

authors

Yuri Avvakumov – architect, artist, curator (Moscow)

Ekaterina Antipina – architect, designer (Moscow)

Kristof Bell – vice-president of summer workshops of European University of Planning and Urban Design (Cergy-Pontoise)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), vice-president of the Union of Architects of Russia, director of the RAACS East-Siberian Academcenter, laureate of the Russian Federation State Prize

Irina Grishkevich – architect (Irkutsk)

Artem Ermakov – Ph.D. in History, Ass. Professor of Irkutsk State Technical University

Jae Uk Chong – Master of Architecture (Harvard), Bachelor of Architecture at College of Environmental Design of the University of California (Berkeley), Professor of the Department of Architecture at the College of Architecture of Dankook University (Seoul)

Andrei Ivanov – city planner, Master of City Management and Development (Erasmus University, Rotterdam, the Netherlands)

Alexander Klevakin – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of Novosibirsk State Academy of Architecture and Fine Arts

Atanas Kovachev – Doctor of Architecture, Professor, corresponding member of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia)

Alexandra Kozak – architect, member of the Club of Young Architects at the Irkutsk regional organization “Union of Architects of Russia”

Lyudmila Kozlova – post-graduate student of the Architectural Faculty of Irkutsk State Technical University

Vladilen Krasilnikov – full member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, full member of the Russian Academy of Fine Arts, honoured arts worker, people’s architect of the RF, Professor, academician of the International Academy of Architecture

Alexander Levintov – Ph.D. in Geography, expert of the Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Natalia Lisovskaya – chief architect of the Municipal Historical Heritage Preservation Institution (Tomsk)

Sergey Malakhov – Ph.D. in Architecture, Professor of Samara State University of Architecture and Construction

Mark Meerovich – Ph.D. in Architecture, Doctor of Historical Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Professor of the Department of Architectural Engineering at Irkutsk State Technical University

Mikhail Milchik – Ph.D. in Art History, member of the Federal Council of Cultural Heritage Preservation under Rosokhrankultura and the Government of Saint Petersburg, deputy director of the Research Institute “Spetsprojectrestavratsiya”, laureate of the D.S. Likhachev Prize (Saint Petersburg)

Riichi Miyake – Professor of Tokyo University

Sergey Mullayarov – architect, laureate of the Russian Federation State Prize (Irkutsk)

Anastasia Nesterova – sixth-year student of the Architectural Faculty of Irkutsk State Technical University

Artem Olshevich – student of the Architectural Faculty of Irkutsk State Technical University, member of the Club of Young Architects at the Irkutsk regional organization “Union of Architects of Russia”

Anastasia Potapova – candidate for a master’s degree of the Faculty of Architecture and Design of Irkutsk State Technical University, member of International Baikal Winter University of Urban Planning Design

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Moscow Union of Architects, member of the Union of Designers, observer of the internet magazine “Architector” of the MUA website, member of the International Association of Architectural Critics

Patrice de Rendinger – deputy director of Bordeaux High School of Architecture and Landscape (France)

Eugenia Repina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor of Samara State University of Architecture and Construction

Sergey Sena – Ass. Professor of the Department of Urban Planning at Volgograd State University of Architecture and Construction, head of the department of the Russian Association of Restorers in the Southern Federal District, expert of International Baikal Winter University of Urban Planning Design

Svetlana Seredenkina – architect as project manager of OOO “Perspektiva+”, Ass. Professor of the Department of Architecture and Urban Planning at Irkutsk State Technical University

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at Baikal State University of Economics and Law, member of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Natalia Torshina – historian (Irkutsk)

Tatyana Chebotareva – architect (Irkutsk)

Barbara Engel – Professor of Dresden Technical University